

Анастасия Сергеевна Румянцева

Секреты Лилии

Леди любят со вкусом, а страдают изысканно...

© Румянцева А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Утонувшая в кровавом бархате

Русамия. Велидар. 1951 год

Лилия прижималась к стене кирпичного дома и жмурилась, будто темнота – единственное спасение от страха. Мысленно считала до трех. И каждый раз обещала, что откроет глаза.

Ветер швырнул в лицо облако пыли, и она порывисто отвернулась. Из ослабевших пальцев вырвался скомканный лист бумаги, на котором изломанными буквами был выведен адрес. Глаза распахнулись.

– Нет!

Лили побежала за ним, не разбирая дороги, не замечая луж. Рваные тени падали под ноги, улицы путались, сужались, расширялись, кружили вокруг нее, как коршуны. А ветер отказывался возвращать заветный листок. Вскоре он превратился в едва различимую точку.

Она всхлипнула. Утерла кулаком глаза, плотнее запахнула плащ, однако стылый холод успел просочиться сквозь кожу. Лили сложила руки домиком и подышала на ладони. Дыхание обжигало, но не грело. Невозможно согреться, если тебя колотит от ужаса.

Темный, неприглядный двор, в котором Лилия оказалась, спрятался между старыми многоэтажными домами. Они зияли черными дырами вместо окон, их двери обреченно болтались на петлях. Здесь царила атмосфера смерти и безысходности. Среди лысых деревьев, шатающихся от ветра, разнеслось дребезжащее карканье. Вороны угольного цвета смотрели на Лили мертвыми глазами.

Она забыла, куда шла, пока не заметила покосившуюся табличку с названием улицы. Попыталась прочитать вслух, чтобы поверить – это не сон, но язык еле ворочался. Лили посмотрела на номер дома. Нервный вздох смешался с воздухом.

Сомнений не осталось. Это *то* место. *То* здание.

Она безвольно передвигала ноги. Ближе и ближе к двери. И лишь мучительная сила воли заставляла ее идти. Вперед. Внутрь серой темноты.

Лилия вошла в развороченный подъезд и увязла в смраде. Нашупала ступеньки, но ноги подкашивались. Пальцами коснулась стен, которые крошились от старости. Несмотря на известковую пыль, Лили прижималась к ним, стараясь держаться подальше от острых металлических прутьев, торчавших вместо перил.

Каждый шаг отражался в животе резкой болью. Чудом она поднялась на первый этаж и замерла перед исцарапанной дверью. В ушах зазвенел голос пожилой незнакомки, которая дала ей адрес.

Первая дверь. Ты узнаешь ее по отметинам, словно от когтей дикого зверя.

Голова кружилась от потока мыслей. Ноги и руки заледенели от страха.

Тусклый голос толкнул дверь изнутри, и она со стоном отворилась:

– Входи, девочка.

Лилия попятилась. Грудная клетка сжалась, чуть не раздавив сердце.

Еще не поздно. Можно уйти...

Но образ исхудавшей матери горел в глазах Лили.

Впереди протянулся длинный коридор. Порванные обои клоками свисали вниз, а в дальней комнате горел ядовитый свет.

– Смелее, маленькая Лилия. Неразумно отступать в самом конце.

Голос извивался вокруг нее ужом.

Она шагнула вперед, понимая, что тело ее не слушается. За спиной гроыхнула дверь. Лили

вздрагнула. Подтянула к шее плечи, стараясь уменьшиться. Почти месяц она собиралась с духом, чтобы прийти сюда. А теперь каждый скупой шаг выкашивал остатки мужества.

– Крошечный, трусливый зверек. Боишься, но идешь.

Смех напоминал карканье мертвых воронов. Таким же дребезжанием отзывался в груди.

Коридор оборвался, и Лили очутилась в комнате, которая утопала в кровавом бархате. Бархатные подушки на диване, бархатные шторы на заколоченном окне. На стенах висели картины – на них увядали бархатные розы. Везде бархат, темный, как кровь.

За круглым столом, накрытым шелковой тканью алого цвета, сидела женщина и тасовала карты Таро. Ее кошачьи глаза мутного зеленого цвета прожигали Лили насквозь. Седые виски стрелами прорезали черные волосы, забранные в конский хвост. На бледных руках черными буграми выступали вены, а изношенное платье открывало острые ключицы.

В хрустальной люстре под потолком дрожали восковые свечи. При появлении Лили они вспыхнули и окрасились в обжигающий синий цвет. Тягучая, пьяная мелодия на граммофоне прерывалась треском пластинки. Лили затопило густым запахом металла. Дыханием крови...

Ведьма взмахнула рукой, и на столе возникла белая свеча, напоминающая змею. Лили отскочила и стукнулась затылком о дверь.

Когда? Когда ее закрыли?!

Все чувства, которые она до сих пор сдерживала, хлынули потоком, и она начала дергать ручку двери, но та лишь натужно скрипела и не поддавалась. В отчаянии Лили хлопнула ладонью по стене и замерла. Боясь повернуться.

Лучше закрыть глаза и не видеть. И мама снова будет здорова, и Лилии не придется идти на окраину города в поисках... чуда.

– Садись, цветок. Ты ведь не думаешь уйти?

Лили всхлипнула. Голос ведьмы до боли напоминал мамин. Нежный, спокойный, родной. Как хотелось поверить в лживую сказку.

Она повернулась, и прозрачный взгляд женщины на мгновение лишил ее воли. Лилия не заметила, как уже сидела перед ней и комкала юбку дрожащими пальцами.

– Твоя мать смертельно больна. И ты хочешь спасти ее. Как благородно!

Лилия молчала. В горле пересохло, слезы щипали веки.

– Сколько тебе лет? – Женщина оперлась на столик, свеча пошатнулась.

– Четырнадцать.

Губы ведьмы сначала дрогнули в улыбке, но тут же скривились, и она зашипела:

– Ты считаешь, мне нужны деньги?!

Лили вжалась в спинку кресла. Она ничего не говорила. Лишь подумала. Пальцы вцепились в край стола.

– Нет... я... – Она забыла, что хотела сказать. Уставилась на рассыпавшиеся по столу карты. Пиковые дамы.

Ведьма заметила взгляд Лили и обнажила острые зубы в усмешке:

– Дар – тяжелая ноша, моя дорогая, не так ли?

– О чем вы?

– О твоём даре. О юный цветок, ты не знала... – Женщина захохотала.

Граммофон затрещал и остановился. Вязкая тишина опустилась на Лили.

– У тебя удивительная сила. Способность замечать невидимое. Знаки. Приметы. Умершие души. Сердца людей, – пояснила ведьма. – Природа говорит с тобой, но нужно открыть глаза,

чтобы увидеть.

От этих слов в ушах разросся звон. Какой дар, какая природа?! Лицо горело, запах трав усилился, и спазм скрутил пустой желудок. Лилия согнулась. Умоляюще посмотрела на ведьму, по лицу хлынули слезы.

– Прошу вас, пожалуйста. Мама умирает, врачи опустили руки. Папа никого не подпускает к ней. Мне больше не к кому пойти!

Ведьма смотрела на Лили, словно разглядывала ее сердце, изучала. Взвешивала «за» и «против».

– Ты хочешь обмануть смерть, – наконец ответила женщина. – Но плата за ложь слишком высока. Готова ли ты заплатить ее в обмен на жизнь матери?

– Да! Что угодно, только скажите!

– Ты будешь проклята, цветок, – ведьма растянула тонкие губы в противной улыбке, – и это проклятье можно снять, лишь вернув украденную жизнь. Смерть не терпит обмана. Она жестоко мстит.

Холод пробрал Лили. Шею сковало от страха, язык не слушался. Она с трудом кивнула.

Ведьма вскочила, опрокинув стул. Взметнула рукой, и свеча загорелась диким пламенем.

– Тогда слушай, дитя...

Когда Лили выбежала из страшного дома, на улице снова лил дождь. Он сбил ее с ног, и она рухнула на землю. Очередной спазм вывернул ее наизнанку. Дрожь, холод, вода... Она потерялась в мире, который вдруг изменился. Стал чужим. Но главное, что билось в висках пойманной мыслью, это изменилась Лили. И уже никогда ей не стать прежней.

Глава 1

Роковое завещание

Россия. Москва. 2016 год

Кристина Валерьевна вошла в темный зал, наполненный душным воздухом. Каждый шаг сопровождался мерным стуком черной лакированной трости. В окно барабанил ливень, словно пел панихиду, и крупными слезами бежал по стеклу. Хотелось распахнуть форточку. Впустить запах озона и монотонное жужжание города. Но в углу комнаты под шерстяной шалью прятался человек. И этот человек больше всего на свете боялся дождя.

– Руслана?

Комок шерсти зашевелился, и Кристина Валерьевна увидела знакомые глаза, нечесанные волосы.

– Я включу свет, – предупредила она внучку и щелкнула выключателем.

Та поморщилась и уткнулась лицом в колени.

– Мне было хорошо в темноте, – раздалось бормотание.

– А мне было хорошо, когда здесь была гостиная, а не свинарник, – хмыкнула Кристина Валерьевна и провела ладонью по салатовым обоям. Боялась, что они липкие от грязи, как и кофейный столик, заваленный пустыми контейнерами из-под китайской лапши.

Она зашторила зеленые занавески и включила телевизор в углу комнаты. На весь экран загорелись кадры из фильма «Дневник Бриджит Джонс». Звуки перебили шум дождя, и Руслана оживилась.

– Бриджит Джонс – как вовремя. По крайней мере, не слышно дождя. – Девушка перебралась на диван и подобрала под себя ноги. Голос звучал наигранно весело, но голубые глаза переливались страдающим блеском, который вызывают только слезы. Когда уже нет сил плакать, но они все равно щиплют веки.

Кристина Валерьевна села рядом с внучкой, и некоторое время они молча смотрели телевизор.

– Две недели – не слишком ли долго для депрессии? – Она сложила руки на набалдашнике трости. – Надо было водить тебя в детстве на собачьи бои. Закалять характер!

– Горбатого могила исправит, – процитировала Руслана.

Кристина Валерьевна подцепила пальцами пшеничный локон девушки и потянула вниз:

– Когда ты появилась перед моей дверью с маленьким чемоданом, я даже не подозревала, что ты учудишь подобное. Ты же моя внучка, черт возьми! Хватит быть тряпкой. На мужчинах не сошелся клином белый свет!

– Нет, – Руслана поучительно подняла указательный палец вверх, – не сошелся. Мужики на фиг никому не нужны. Пора менять ориентацию...

– Лана, – Кристина Валерьевна смягчила тон, – тебе даже тридцати нет.

– О, это дело поправимое. Осталось чуть меньше года, и стукнет круглая дата. – Руслана покопалась в пустых контейнерах и разочарованно хмыкнула, когда ничего не нашла. В животе заурчало. – А я до сих пор одна, потому что мои отношения – сплошная неудача, – устало добавила она.

– Только в сказках любовь приносит счастье и беззаботность. В жизни все сложнее. Вместе с радостью она дарит боль, и наоборот, – Кристина Валерьевна погладила девушку по спине и уставилась на руку, – да ты покрыта грязью.

Руслана хмыкнула и нарочито прижалась к ней:

– Ба, мне не везет всю жизнь.

– Возможно, у Бога на тебя особенные планы, – философски ответила Кристина Валерьевна.

– О да. Пропустить через меня неудачников и психопатов.

Они ненадолго замолчали.

– И все же тебе не стоит убиваться из-за женатика, – произнесла Кристина Валерьевна. – Что бы сказали твои родители, узнай, что их дочь спряталась от всего мира под пледом.

– Успокойся, они не узнают. Они – в Америке. Жарят индейцев. – Лана нахмурилась. – Кажется, в последний раз я их видела в феврале, на день рождения. И то по компьютеру.

– Ты злая девочка. Они же любят тебя.

– Мне и так плохо! – застонала Руслана. – Не приплетай сюда еще и родителей.

– Плохо – детям голодным, а ты ерундой страдаешь. Радовалась бы, что не забеременела от этого мерзавца, – резонно заметила Кристина Валерьевна.

Пальцы смяли синюю юбку.

– Я думала, что он тот самый.

– Ну, такие мысли бывают в жизни каждой женщины. – Она шлепнула внучку по коленке и встала. – А теперь живо в душ. Ты воняешь, как настоящий скунс. Еще удивляешься, почему не можешь найти нормального мужика.

– Бабушка, – Руслана устало улыбнулась, – я тебя люблю.

– И не подхалимничай, – проворчала Кристина Валерьевна. – Отмоешься, поешь и приберешь этот бардак. Превратила мою любимую комнату в лежбище бомжа. Дедушка в могиле раз десять перевернулся.

Опираясь на трость, она ушла на кухню. Схватила миску и с наслаждением разбила в нее яйца, вымещая на них обиду за внучку.

Почему Руслане не везет в любви? Двадцать девять лет – и уже столько неудачных отношений. Неужели она расплачивается за ее грехи? Кристина Валерьевна прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Господи, столько лет прошло, а она до сих пор помнит...

Руслана поморщилась. Мысли о еде вызвали тошноту, хотя живот предательски урчал. Ноги едва держали. Возникло чувство, что она передвигается на спичках и они вот-вот сломаются. Депрессия высосала все соки, и когда Лана добрела до ванной комнаты, то еле закрыла дверь. В зеркале увидела выпирающие ребра, впавший живот, бедра вообще растворились. Она задумчиво повернулась и уставилась на свою заднюю точку. Черт, кажется, она должна была аппетитно торчать.

Руслана скривилась и забралась в ванную. Опустилась на корточки, сжалась в маленький комоч омерзения и боли. Холодный душ ударил по спине, но постепенно потеплел. Он смывал напряжение и приносил облегчение. Руслана с наслаждением подставила под воду лицо. Приоткрыла пересохшие губы. Как жаль, что так же легко нельзя вытеснить из памяти прошлое.

Каждую минуту, секунду, миллисекунду она вспоминала о том, что Эдуард женат. И полгода счастливых отношений – миф, сказка для наивных дурачков. А Индия... десять дней солнца и моря. Эдуард в буквальном смысле носил ее на руках, чтобы потом бросить на землю. И разбить сердце. Видимо, права была цыганка.

Руслана вздрогнула от яркого воспоминания. Стоило задержаться в Индии дольше. Отыскать нищую цыганку и заставить объяснить странные слова, которые та произнесла на ломаном английском:

«Девушка с половиной души. И пока будет так, ты будешь несчастна».

Эта фраза глубоко запала в сердце Ланы. Тщетные попытки забыть случайную встречу каждый раз проваливались, и ощущения, цвета, запахи расцветали, словно всегда были с ней. Грязные шершавые руки, звенящие браслеты на запястьях, широкая затасканная юбка и темный пронзительный взгляд.

Лана встряхнула головой и выбралась из ванны. Протерла запотевшее зеркало. С мокрых волос вода капала на худые плечи. Щеки покраснелись, тело пахло чистотой. Головная боль отступила, словно и не было депрессии. Все-таки душ – лучше всех лекарств.

По пути на кухню она взяла мобильный из гостиной и присоединилась к бабушке. Аромат оладий разбудил аппетит, и Лана подумала, что даже съест парочку. К тому же дождь закончился, и настроение медленно возвращалось.

Кристина Валерьевна порхала по кухне, одинокая трость стояла в углу. Женщина ловко переворачивала блинчики, не забывая жестикулировать вилкой в такт музыке.

Руслана улыбнулась. Бабушка сочетала в себе несочетаемое. Тонкие черты лица, прямой взгляд. И ехидный нрав. Длинные седые волосы забраны в строгий пучок, голубые глаза даже в старости горели огнем. Черная лакированная трость – неизменный аксессуар.

Как-то бабушка заметила, что Руслана очень напоминает ее в молодости. Ерунда. Кроме золотистых волос и цвета глаз Лану ничто не роднило с юной Кристиной Валерьевной. Хотя, возможно, еще характер.

– Есть пропущенные?

Руслана включила телефон, который был отправлен в ссылку. На удивление, звонков оказалось не так уж и много. Один – от родителей, пара от подруг и...

– Эдуард звонил пять раз и даже эсэмэску написал. – Лана села за стол и кинула в рот кусочек олады.

Мобильный запиликал, пришло еще несколько сообщений.

Бабушка отвлеклась и посмотрела на Руслану:

– И что наш неудавшийся романтик пишет?

Скрепя сердце Руслана прочитала эсэмэску.

– Скучает, любит, жить без меня не может, – подвела она итог.

Кристина Валерьевна цокнула языком и поспешила перевернуть подгоревший дрожжевой блинчик.

– И ни слова о том, что уйдет от жены.

– Мне это не нужно! – воскликнула Руслана и сердито утопила оладью в сгущенке. – Мне от него больше ничего не нужно. Я только хочу избавиться от тоски и снова почувствовать себя полноценным человеком.

«Но можно ли это сделать с половиной души?» – закралась в голову злая мысль, которую Лана быстро затоптала.

– Тогда устройся на нормальную работу. Будешь крутиться среди людей, быстро вытащишь занозу из задницы. Конечно, писать биографии – довольно занятно, но ковыряние в чужих судьбах – благодарное дело. Тебе свою жизнь строить надо.

– Свою строить тяжелее, чем писать о чужой, – посетовала Руслана. – В книгах можно сделать так, чтобы не было больно. Щелкнул пальцами, и сердце вновь свободно.

– Неужели? Тогда почему в твоих книгах герои мучаются, пока не умрут? – съязвила Кристина Валерьевна. – Ладно, лучше позвони родителям, они, наверное, переживают, что ты была недоступна.

– Пфф, когда это они переживали о чем-то, кроме своих поездок?

Руслана хмыкнула и набрала родителей в скайпе. В целом они действительно счастливая пара. Только никудышные родители.

Произошло соединение связи, и вскоре Лана увидела загорелое лицо отца.

– Привет, дочка, как дела?

На заднем фоне возникла рыжая шевелюра матери.

– Дорогая, чмоки-чмоки, мы соскучились. – Она замахала рукой, и Руслана натянула на лицо улыбку.

– У меня... – начала она, но отец перебил ее:

– Мы с твоей мамой занялись дайвингом и теперь бороздим моря в поисках сокровищ.

Возле плиты раздался кашель бабушки. Она с трудом скрывала смех.

– Пока что ничего не нашли. – Мама разочарованно нахмурилась, но тут же засветилась, как лампочка. – Милая, а ты получила открытку? Мы послали тебе эксклюзивную с нашей фотографией. До тебя было не дозвониться, поэтому я сказала бабушке.

Кристина Валерьевна хлопнула себя по лбу и убежала с кухни. Трость так и осталась в углу.

– Нет, мам, я еще не получила. – Руслана устало подперла подбородок рукой.

– Почта ужасно работает! – воскликнула женщина и отошла в сторону. Слышалось ее недовольное бормотание.

– Ланочка, мы побежали. Скоро очередное погружение, надо подготовиться. Мы любим тебя.

– А я вас, – ответила Руслана, и скайп вырубился.

– Я забыла. – Бабушка вернулась и положила на стол открытку вместе с запечатанным конвертом. – Ходила сегодня в твою квартиру и проверила ящик. Так что почта не виновата.

Руслана с любопытством рассмотрела открытку. На ней были изображены родители в костюмах для дайвинга. У мамы рыжая челка торчала над маской, а отец победоносно держал в руках старинную шпагу. Наверное, специально взял для фотосессии.

– Они – чудные, – нежно произнесла Лана и провела пальцами по картинке.

«Но, к сожалению, их ничего не волнует, кроме своей жизни». Она решительно отложила открытку в сторону.

Лана перевела взгляд на письмо и нахмурилась. Получатель: «Жигарева Руслана Олеговна». Но отправитель незнаком. Почему во времена мобильных телефонов кто-то еще пишет письма?

Она отодвинула тарелку с недоеденными оладьями и распечатала конверт. Шелестящие листы приятно легли в руки.

«Руслана Олеговна, с прискорбием сообщаю, что ваш двоюродный дед Волков Натан Валерьевич скончался на прошлой неделе, третьего июня. Он оставил завещание, по которому его коттедж, расположенный по адресу: Русамия, Велидар, улица Дикие Вишни, дом 5а, переходит в вашу собственность. Просьба связаться со мной, чтобы уладить детали вступления в наследство.

Нотариус: Гаврилов Сергей Петрович. 6 июня 2016 года».

– Волков Натан Валерьевич, – удивленно произнесла она.

Возле раковины загрохотала посуда, и Лана вскинула голову. Бабушка застыла, как каменное изваяние. Лицо посерело, и ее восемьдесят три года внезапно превратились в девяносто три.

– Прочитай еще раз. Вслух, – прошептала Кристина Валерьевна, вцепившись в столешницу.

– Ба, что с тобой? – испугалась Руслана.

– Читай!

Лана поспешно выполнила просьбу. Повисла тяжелая тишина. Руслана нутром ощутила, как воздух сгустился и осел на плечи, словно коршун.

– Ты ведь родом из Русамии и твоя девичья фамилия – Волкова?

Бабушка вздрогнула и с ненавистью взглянула на письмо. Лицо исказилось, морщины стали глубже, уродуя женщину.

– Советую выбросить его в мусорное ведро и забыть об этом, – сухо произнесла она и подхватила трость.

– Почему? – Руслана никогда не видела бабушку в такой ярости. В каждом движении старухи сквозил гнев. – Натан Волков – твой брат, верно? Ты ведь сказала, что он умер давным-давно и поэтому ты переехала в Россию!

Вопросы посыпались, как подарочные конфетти.

– У меня нет брата, – процедила Кристина Валерьевна и вышла из кухни.

Руслана в шоке уставилась на свежееиспеченные оладьи, а затем вылетела вслед за бабушкой:

– Я ничего не понимаю. Ты не знала, что он жив? Бабушка, что происходит?

Кристина Валерьевна стиснула ручку двери, ведущей в спальню. Дрожь сотрясала плечи. Сколько же сил ей требовалось, чтобы держать себя в руках.

– Я похоронила брата шестьдесят лет назад. И человек из письма – не он. – Она судорожно вздохнула. – Я не могу приказывать тебе, но советую не связываться с наследством. Кроме горя, оно ничего не принесет. А теперь оставь меня. Я хочу побыть одна.

Дверь за ней захлопнулась, и через минуту Руслана слышала сдавленные рыдания. Она никогда не видела, чтобы бабушка плакала. Даже на похоронах дедушки она не проронила ни слезинки. Только скорбь в глазах выдавала настоящие чувства. Но сейчас... Руслана ошеломленно выдохнула и вернулась на кухню.

Она осторожно взяла письмо и разгладила его. Перечитала. Затем еще раз. Но никак не могла поверить, что у бабушки был брат. Брат, который умер, воскрес и снова умер.

Хотя отношения с родителями у Русланы оставляли желать лучшего, она все равно не представляла, как можно стереть из памяти родного человека.

Лана обернулась в сторону спальни. Старческий плач прекратился – видимо, бабушка взяла себя в руки. Но это ничего не меняло. Что заставило ее сбежать из родного дома и считать Натана мертвым?

В душе завертелся маленький червячок любопытства. Из-за него Руслана иногда сходила с ума, если перед ней появлялся вопрос без ответа. Благодаря ему она писала биографии людей, чья жизнь состояла из тайн. Княгиня Погожева, отравившая родного сына. Граф Уваров, который боялся собственной тени.

Руслана залезла в интернет через мобильный и вбила в поиск: «Русамия». Она много слышала о небольшом острове в Черном море между Болгарией и Крымским полуостровом, но так и не удосужилась съездить туда.

Помнила, что в школе на уроке истории учителя рассказывали, как после свержения татаро-монгольского ига Русамия отделилась от Руси и отвоевала независимость. Это все, что сохранилось в памяти Ланы.

«Гугл» быстро выдал ссылку на «Википедию».

Русамия. Унитарное государство, парламентская монархия. Столица Велидар. Население города около 500 000. Остальная часть острова делится на три провинции, занятые в сельском хозяйстве: Майская, Великая и Петровская. Всего на острове проживает почти 1 200 000 человек. Развит туризм, особенно в Велидаре, который располагается вдоль восточного побережья.

Зима – мягкая, лето – жаркое и продолжительное. Язык – русский. В настоящее время монарх Русамии – король Адриан IV.

Далее следовало множество фотографий пляжа, моря, отелей, королевских особняков. Настоящий курорт.

Она зашла в виртуальные карты и нашла улицу Дикие Вишни. Небольшие старинные коттеджи сменяли друг друга, но именно дом 5а не отобразился.

Лана разочарованно фыркнула и вернулась к фотографиям.

К концу просмотра она твердо убедилась, что обязана поехать в Русамию. Перемена места ей необходима, а это прекрасная возможность посмотреть новую страну и узнать больше о молодости бабушки. В конце концов, Руслана – биограф. А если что-то не заладится, всегда можно продать дом. Деньги лишними не бывают. К тому же у Ланы скопилось уже множество вопросов. Почему именно она унаследовала дом Натана Волкова? Откуда он знал про нее, если не общался с бабушкой столько лет? И неужели у него не было собственных детей?

Руслана посмотрела в окно. Серая, промозглая Москва.

А может, это шанс начать новую жизнь вдали от Эдуарда и разбитого сердца? Взглянула на часы. Золотая цепочка блестела на запястье. Стрелки указывали на маленькие бриллианты. Дорогой подарок, с которым она не смогла расстаться. Но когда-нибудь обязательно выбросит его вместе с воспоминаниями.

Никаких мужчин, никакой любви и боли. Только она и старый дом, скрывающий семейные тайны. По спине пробежали мурашки. Руслана обожала это чувство. Чувство неизведанного.

Решено, она поступит так, как поступила бабушка шестьдесят лет назад. Сбежит в другую страну.

Лана перевернула письмо и увидела телефон нотариуса. Она еще не успела добраться до конца строки, а пальцы уже набирали заветные цифры.

Глава 2

Первая леди

Русамия. Велидар. 1956 год

Лилия до сих пор не понимала, какими силами убедила отца не присылать за ней водителя. Вот она выходит из вечерней школы танцев мадам Ровийяр в компании одноклассниц. И не видит на парковке знакомый автомобиль «Шевроле Бель Эйр» темно-бордового цвета, натертый до такого блеска, что способен заменить зеркало.

Сердце радостно замерло в груди. Это чудо! Настоящее чудо.

– Ли, ты сегодня с нами?

Высокая и статная блондинка, Анжелика Озерина, удивленно оглянулась на Лили. Вместе с ней повернулись еще две девушки. Столь же ухоженные, лощенные и знающие себе цену. Когда-то их было десять. Но мадам Ровийяр не терпела слабых. И к концу обучения учениц осталось четыре.

Четырнадцать лет знакомства никак не изменили их отношений. Они так и не стали подругами. Невидимая стена в лице родителей никого не подпускала к Лили. И мать неустанно напоминала ей, что она должна быть элегантной даже в своем одиночестве.

– Да, – робкая улыбка тронула губы.

– А как же твой папочка? Разве он разрешил тебе пойти в клуб? – Ядовитая усмешка обезобразила тонкое лицо Вероники Савельевой.

Ветер разметал русые локоны девушки, а голубые глаза горели нескрываемым презрением.

– Сегодня же выпускной вечер. Он сделал исключение. – Лили спустилась со ступенек, прижимая к себе небольшой белый клатч.

Она безумно хотела пойти. И отец уступил. После короткого «да» Лили упорхнула в спальню, где почти час перебирала наряды, прежде чем остановилась на голубом атласном платье-колокольчике от Диор в стиле «Нью-Лук». Плюс белые перчатки и туфли на невысоком каблучке – все это Лили любовно сложила в сумку, чтобы на следующий день с трепетом надеть.

– Очень интересно... – Вероника приготовилась сказать очередную пошлость, но Анжелика спасла ситуацию:

– Ника, успокойся. Мы с пяти лет знаем друг друга. Пора бы зарыть топор войны.

Та хмыкнула и отвернулась.

Топор войны. Лили хотела зарыть его, но не могла. Потому что тогда пришлось бы стать нищей уродиной. Только в этом случае сердце Вероники успокоится.

Лилия присоединилась к девушкам и нервно оглянулась на школу. Впервые она уходила отсюда пешком. Впервые за ней никто не следил. Она хихикнула. Чувство свободы опьяняло, ведь сегодня ее день. Сегодня Лили простояла под душем после занятий дольше обычного. И крутилась перед зеркалом, пытаясь уложить волосы, на десять минут больше. К сожалению, фантазии хватило только на французский пучок, но Лилия все равно чувствовала себя особенной. Возможно, сегодня вечером она даже встретит принца, как Золушка на балу.

Она вздрогнула от щелчка.

– Принцесса, хватит спать, – Анжелика махала ладонью перед лицом Лилии, – что из последнего ты слышала?

Лили растерянно замолчала:

– Про топор?

Девушки взорвались дружным смехом и обступили Лили, зажимая в круг.

– Мы уже давно говорим про твою прическу. Ты и правда хочешь пойти с «этим» в «Бархатный

цветок»? – Анжелика ткнула пальцем в ее гульку.

«Бархатный цветок» – кажется, так называлось то место, куда они шли...

Лили смутилась. Снова мысли потекли не в ту сторону. И заставила себя оглядеть одноклассниц. У всех либо роскошные кудри, либо изысканные укладки.

– Тигрова, ты когда-нибудь была в клубе? – Евгения, последняя и самая яркая из девушек, скептически оглядела Лили. Короткие темно-каштановые волосы придавали ей некую изюминку, отличая от остальных.

– А как ты думаешь?

Вопрос позабавил. Они прекрасно знали ее родителей.

– И правда! – Евгения хлопнула себя по лбу и схватила Лили за руки. – Ладно, тогда займемся превращением гусеницы в бабочку.

Она вытащила шпильки из пучка и растрепала шелковистые черные волосы. Они окутали Лили до самой талии. Евгения щелкнула пальцами, и Анжелика быстро подала помаду:

– Губки бантиком... Во-от так, – она старательно красила Лилию. Сосредоточенная морщинка пролегла на лбу. – О, не делай такие глаза. От этого ты не позеленеешь. Совсем наоборот. Девочки, у кого есть румяна? А, прекрасно. Боже, Ли, да ты красавица. Ника, не криви нос, ты тоже ничего. Тушь? Что, слезятся глаза? Терпи! – отрезала Евгения. – Только не закрыв... Я же сказала! Еще раз дернешься, я нарисую усы. Ну, все! Теперь ты – Гитлер, – захихикала она.

Спустя десять минут, в течение которых Лили молилась всем возможным и невозможным богам, Евгения отпустила ее.

– И последний штрих, – удовлетворенно произнесла она, доставая зеркало.

Лили не узнала себя. Нет. Это не ее глаза насыщенного орехового оттенка. Нет! Она никогда не смотрела столь таинственно, словно знала некую тайну, известную только ей и Богу. Или Дьяволу. Скорее ему, потому что Бог не может секретничать со столь порочным созданием, как она. А Лили была порочна... Сейчас, с алой помадой на губах, с румянами, которые подчеркивали высокие скулы, в ареале черных, как бездна, волос, она была кем угодно, только не ангелом. И не леди. О боже! Мама убьет ее, если увидит в таком виде. Если? Никто не помешает смыть макияж перед тем, как вернуться домой. И родители никогда не узнают, что их дочь может быть такой... свободной. Да, сейчас Лили была свободна, и ей нравилось то, что она видит в зеркале.

– О да, знакомый блеск в глазах, – подначила Анжелика.

Вероника скривила губы:

– Монашка превратилась в шлю...

– Заткнись, Ника! – огрызнулась Евгения. – Этим вечером не будет никаких ссор, ясно? Мы стояли четырнадцать лет у станка, и сегодня – день свободы. Да, впереди экзамены, показательные выступления, но это еще не скоро. Так что сейчас закрой свой пухлый ротик, и идем в клуб. Я хочу познакомиться с симпатичным парнем, который в будущем подарит мне бриллиантовое кольцо и назовет женой.

– Неплохие мечты, – засмеялась Анжелика.

– Моя губа не дура!

Лили ловила каждое слово Евгении, впитывала в себя словно губка. День свободы. Эти два слова бились в голове в ритме ее сердца. И чем больше Лили произносила их про себя, тем сильнее верила в них.

– Неужели тебя отпустили без присмотра? – Анжелика подхватила Лилию под руку и заглянула в глаза: – И надолго?

Лили растерянно прикоснулась к волосам. Непривычно носить их распущенными.

– К сожалению, нет. Отец сказал, если в десять я не буду дома, он перевернет каждый дом, но найдет меня, – с тоской призналась она.

Анжелика захохотала и покачала головой:

– Не хотела бы я оказаться на твоём месте. Я бы сошла с ума от такого контроля. Да, титул Первой леди надо нести достойно, и я с радостью уступаю его тебе, – весело закончила она.

– Первая леди? – удивилась Лили.

– Только не говори, что не знала, – присоединилась к разговору Евгения. – Столько денег, сколько у твоего отца, нет ни у кого в Велидаре. Поэтому ты – Первая леди. Украла титул у принцессы. – Девушка улыбнулась.

Им казалось забавным богатство семьи Тигровых. А некоторые завидовали по-черному. Лили видела напряжённую спину Вероники. Она ни разу не улыбнулась ей, ни разу не заговорила без издевки. Ни разу...

Лили вздохнула полной грудью июньский воздух. Жаль, что она так и не сумела подружиться с девушками. Жаль, что отец боялся каждого шороха, вздоха, взгляда репортёров и так переживал за репутацию. Жаль... Но сейчас это всё в прошлом и в будущем.

А в настоящем она – Ли. Девушка с ярким макияжем, дерзким взглядом и роскошным платьём от Диор. В окружении подруг. Свободная от предрассудков.

Клуб «Бархатный цветок» выбивался из той картины, которую придумала Лили. Звуки рок-энд-ролла вылетали из окон, фонари освещали раскрытые двери, внутри мелькали танцующие пары. Мужчины в костюмах стояли возле входа и проверяли билеты. Если бы Лили знала, что они пойдут в подобное место, осталась бы дома. Не дай бог отец узнает. Ведь он считает, что они сидят в кафе и мирно пьют молочные коктейли. Тогда она умрет в девятнадцать лет, молодой и глупой, а на её могиле напишут: «Лгунья, плохая дочь, эгоистка».

– Эй, ты идёшь?

Анжелика потянула Лили за руку, и они подошли к окошку, над которым белой краской крупно написали «Касса».

– Нам четыре билета! – прошептала Евгения и просунула старенькой бабке деньги.

Та отсчитала сдачу, затем билеты и отдала девушке.

– Богатейка могла сама купить, – проворчала Вероника.

Евгения лишь отмахнулась:

– Не слушай её, Ли.

– Я верну, – пылко возразила она.

Евгения ослепительно улыбнулась и кивнула:

– Разумеется.

Пока охрана проверяла их билеты, а затем содержимое сумочек, Вероника как бы невзначай отпихнула Лили в конец очереди:

– Не рвись туда, где тебя не ждут, – прошипела она.

Её глаза презрительно сощурились.

Лили примерзла к месту. Вовсе не злость Вероники её ошеломила. К ней она давно привыкла. Нет. Её поразили слова.

Не рвись туда, где тебя не ждут.

«Неужели опять?»

Она растерянно огляделась. Прошло пять лет, как ведьма рассказала Лилии о её даре замечать невидимое. И со временем она поверила. С большой неохотой.

Лили начала *смотреть* и наконец *увидела*.

Недалеко от клуба рос старый дуб. Ослепленная огнями, Лилия не заметила раньше, но теперь разглядела на его широких ветвях черную ворону. Ее карканье прорвалось сквозь зажигательную музыку. Как замороженная, Лили смотрела на птицу, которая взмахнула крыльями и перелетела на крышу клуба. Сердце колотилось, как барабанные палочки.

«Где ворона – там и смерть близко».

Лили отчаянно захотела домой. Она ненавидела ворон. Ненавидела приметы, случайно оброненные фразы, ненавидела, когда усиливался ветер. Часто она предугадывала беду, а потом корила себя за то, что ничего не сделала. И сейчас Лили боялась.

– Не отставай. – Девушки уже зашли в клуб.

Жизнерадостные, счастливые, они не догадывались о том страхе, что крылся в обыкновенной вороне.

«Уйти и бросить их? Или остаться?»

Она снова посмотрела на крышу, но птица улетела. А может, ее и не было? Лили истерично усмехнулась. Опять она пытается обмануть саму себя.

Она подошла к охране и дрожащей рукой протянула билет. Мужчина приветливо улыбнулся, попросил открыть сумочку. Лили выполняла все как в тумане. В этот момент ветер взбунтовался, и открытые наружу двери захлопнулись. Она взвизгнула и отскочила в сторону, испуганно прижимая к себе клатч.

– Извините, мисс, такое впервые, – смущенно пробормотал охранник и поспешил открыть двери в клуб.

Лили тяжело дышала и неотрывно смотрела на название.

Бархатный цветок. «Цветок...» Голова закружилась.

– Проходите, мисс.

Охранник участливо протянул ей руку, но, отрешенная, она не заметила его жеста и зашла внутрь. На сцене музыканты играли «Touch The Hem Of His Garment» группы «Soul Stirrers», и певец довольно неплохо подражал многотонному голосу Сэма Кука. Мелодия расслабила Лили, а возникшая перед носом Анжелика тут же увлекла ее к столику.

– Ты вся дрожишь, – сетовала она, пока подзывала официантку, – что случилось?

– Переволновалась, но уже пришла в себя. Никогда не была в подобном заведении. – Лили натянуто улыбнулась.

Она медленно осматривала клуб, но больше не замечала никаких предвестников беды. Евгения уже осваивалась на танцполе, Вероника разговаривала с парнем, активно жестикулируя. Сейчас Лили никогда бы не подумала, что она может быть злобной завистницей.

– А я уже решила, что ты обиделась на Нику. Она, конечно, отвратительно себя ведет, но ее можно понять. Ника не ожидала, что ты присоединишься к нам. – Анжелика нахмурилась и ткнула пальцем в меню. – Коктейль «Бедная Лилия», пожалуйста, – продиктовала девушка официантке.

Лили закашлялась и в шоке уставилась на Анжелику:

– Ч...что ты заказала? – голос дрожал, хотя она старалась держать себя в руках.

Но после вороны нервы Лили почти звенели от напряжения, так что на ней можно было сыграть не хуже, чем на арфе.

– Коктейль «Бледная Лилия», – терпеливо повторила Анжелика, – а ты что-нибудь будешь?

«Бледная, а не бедная», – с облегчением подумала Лили.

– Нет, я позже.

Официантка разочарованно ушла, и Анжелика с заговорщицким видом придвинулась к Лили.

– Почему Ника ненавидит меня?

Вопрос вырвался быстрее, чем Лилия успела осмыслить его. Здесь, где царили беззаботность и веселье, нельзя оставаться собранной и серьезной. Даже несмотря на разыгравшееся воображение.

Анжелика удивленно захлопала накрашенными ресницами. В синих глазах затаился любопытный лисенок.

– Ой, ну, я точно не знаю, – девушка украдкой посмотрела на Веронику и ближе наклонилась к Лили, – кажется, это связано с ее отцом. Вроде ваши родители не поделили что-то между собой или в этом духе. Поэтому она не выносит тебя. Если помнишь, в детстве мы все нормально ладили, пока вдруг не выросли. – И она засмеялась, словно сказала нечто забавное.

– Да.

В детстве было иначе. Мир ослеплял яркими красками, будущее казалось ясным и простым. Отец тоже был другим. Он изменился после чудесного исцеления жены и теперь рьяно защищал семью.

Официантка принесла высокий стакан с бледно-голубоватой жидкостью. Коктейль украшала долька лимона, а сверху плавали кубики льда.

– Уууу, веселье начинается, – Анжелика подмигнула, – точно не хочешь выпить? Здесь тоник и... немного джина. – Она хихикнула. – Расслабись.

«Леди не пьют», – хотела уже ляпнуть мамины слова Лилия, но вовремя прикусила язык:

– Я подумаю.

– Как хочешь. – Девушка пожала плечами. – Послушай, Ли, раз у нас столь дружеский разговор, может, расскажешь, почему ты пошла в школу танцев Ровийяр? У твоей семьи столько денег, а они выбрали учреждение для среднего класса. Тебе было бы комфортно среди своих. – Некоторые женщины рождаются сплетницами.

Вряд ли есть место, где Лили было бы комфортно – отец делал все для этого. Но в чем-то Анжелика была права.

Лилия уныло вздохнула:

– Я ходила в школу Фолькова, где делают упор на экономику и финансы. Желание отца. А там учишься тринадцать лет вместо обычных десяти, – с неохотой пояснила она.

– Ух ты. И ты только сейчас закончила учебу?

Лили криво улыбнулась:

– Да. Теперь вольна выбирать любое высшее без экзаменов. В этом плюсы. Но мама хотела, чтобы я занималась танцами. А школа мадам Ровийяр оказалась единственной, где преподавали по вечерам. Так что это прихоть матери.

– Так, значит, вот как ты попала к нам. – Анжелика сделала глоток коктейля. – А мы гадали, как золотая девочка очутилась среди смертных.

– Прекрати. – Лили поджала губы.

Она мечтала пойти с ними на танцы, но теперь разочарованно поняла, что зря. Слушать весь вечер про деньги отца и золотую молодежь – утомительно.

Лили оглянулась на дверь. Еще не поздно пойти домой. Они не обидятся, ведь для этого надо быть подругами.

– Прости. – Анжелика с раскаянием заглянула ей в глаза. – Клянусь, больше мы не говорим о личных вещах. Только музыка и парни!

Лилия засмеялась и покачала головой:

– Нет, можно обойтись без парней.

– Что? Тогда жизнь теряет смысл! Пока мы здесь сплетничали, Евгения уже нашла своего

принца.

И правда, девушка танцевала с невысоким молодым человеком, который смущенно краснел, как помидор.

– А ты когда-нибудь делала то, что сама хотела?

Вопрос Анжелики выбил Лили из колеи. Она растерянно смотрела на девушку, и до нее не доходил смысл слов.

– Я...

– Ты слышала себя? – перебила Анжелика. – Желание отца, прихоть матери... А где ты в этой жизни?

Лилия задержала дыхание.

«Где я? Я осталась в *той* квартире», – прозвучали в голове мысли, но она не сразу поняла, что они принадлежат ей. Свеча в форме змеи, ведьма со взглядом кошки и голос, не поддающийся описанию. То нежный, то яростный. Который нашептывал ей: *Слушай, дитя...*

– Эй! – Анжелика щелкнула перед носом. – Ты как будто в транс впала. Не заморачивайся над этим. А то состаришься раньше времени, – проворчала она и повторила заказ.

Лилия не заметила, как Анжелика допила коктейль.

– Кстати, они, случайно, не по твою душу?

– Что? – Лили встрепенулась и посмотрела в сторону выхода.

Так и есть. Возле двери стоял сутулый мужчина, широкополая шляпа скрывала лицо, а рука с фотоаппаратом пряталась под плащом тошнотворного коричневого цвета.

– Нет! – Лили в панике повернулась к Анжелике. – Это репортер! Что мне делать?

– Так, успокойся. Продолжай отдыхать как ни в чем не бывало. Главное, не ударить в грязь лицом. Пускай сфотографирует твою улыбку, а не тухлую физиономию.

– Тебе легко говорить!

Анжелика не убедила ее. Лили чувствовала, что еще чуть-чуть, и сорвется с места. Главное, убежать отсюда, пока ее не засветили. Если фотографии попадут на первую полосу газеты «Час пик Велидара», отец не просто убьет ее. Он четвертует! А затем повесит то, что останется.

– О, Андрей, очень вовремя, – довольно промурлыкала Анжелика, пока Лили отчаянно искала выход.

Парень, к которому недавно липла Вероника, вдруг оторвался от стены и направился к их столику. Высокий, уверенный в себе. Узкие брюки-дудочки пикантного алого цвета, в тон пиджаку с широкими плечами. Кричащий, вульгарный, одетый слишком ярко для общества Лилии и, несомненно, привлекательный. Парень остановился возле них, засунув руки в карманы, и сверкнул белыми зубами. Темно-карие глаза завораживали, но Лили не замечала его красоты. Она не отрывала взгляда от репортера.

– Такая девушка не может скучать одна, – голос Андрея отдавал дешевыми бульварными романами. Томный, глубокий, наигранный.

– Она не одна, – встряла Анжелика и подмигнула парню. – Как поживаешь? Ника все тебе рассказала?

– Почти, – загадочно ответил Андрей и даже не глянул в сторону Вероники, которая обиженно подпирала стенку.

Заиграли «Blue Suede Shoes» Карла Перкинса, и Лили стала невольно притоптывать ногой в такт заводной музыке. Она даже позволила себе на минуту забыть о репортере. И наконец сообразила, что говорили о ней.

– Извините? – Она посмотрела на Андрея и отметила его стильно уложенные волосы.

– Лили вечно витает в облаках, – фыркнула Анжелика. – Потанцуй с ней, может, она расслабится.

– С удовольствием. – Андрей протянул руку.

Лили застыла, глядя на его ладонь, словно на восьмое чудо света. Она никогда не танцевала с мужчинами. Папа не в счет, дядя тоже. Троюродный кузен – тем более. Лили до сих пор помнила, как у него воняло изо рта. А теперь ее приглашает на танец молодой привлекательный мужчина. И на него явно положила глаз Вероника. Лили прикусила нижнюю губу.

– Смелее, я вас не обижу, – галантно подтолкнул ее парень.

«Была не была. А Ника все равно меня ненавидит», – неожиданно решилась Лили и отдала клатч Анжелике. В конце концов, она не сбежала. Отец добровольно ее отпустил, и Лили ничего не нарушает. Она ведь не знала, что они пойдут в клуб.

Андрей увлек ее на середину танцпола, уверенно обнял за талию и закружил в бешеном вихре. Не позволив ей привыкнуть к ощущениям, сразу бросил в омут с головой. И Лили понравилось. Быстрый темп, зажигательные движения, кипящая кровь. Она позабыла о своих страхах.

Парень резко наклонил ее вниз, и Лили не сдержала довольного смеха. Лицо горело, кровь стала горячее. Глаза Андрея находились так близко, что в них отражался ее блестящий взгляд. Мелодия раскрепостила Лилию, сняла кандалы. Поблекли нравоучения матери, наставления отца. Она освободилась от чужого мнения и превратилась в девчонку из обычной семьи, которая не боялась ошибиться на глазах у всех.

Андрей вновь закружил Лилию, и платье облаком взметнулось вверх. Музыка стала громче и заглушила гулкий стук их сердец. Поэтому, когда песня неожиданно закончилась, Лили не сразу вырвалась из волшебного мира танцев.

Щелчок, вспышка. Он не успела понять, что произошло, как репортер уже выскочил из клуба.

– Нет...

Минуты беззаботности осыпались пеплом на пол, где совсем недавно крутились ее каблучки.

– Нас сфотографировали! – восторженно воскликнул Андрей и притянул к себе Лилию, но она сердито вырвалась.

– Чему ты радуешься? Ты хоть понимаешь, что теперь будет? Журналисты превратят безобидный танец в акт публичного насилия!

Лили бессильно смотрела на дверь. Репортера уже не догнать. Завтра, самое крайнее послезавтра отец положит на стол перед ней газету и тогда...

– Первая леди расстроилась? – Андрей ухмыльнулся и провел пальцами по одеревеневшему плечу Лили. – Ника рассказала, что ты боишься папочку, а потом мы увидели репортера, и идея возникла из воздуха... – Он театрально щелкнул пальцами.

Слова рубили Лилию под самый корень. Она посмотрела на Веронику. Та улыбалась, словно злая королева. Они все спланировали. Лишь бы досадить ей.

Тебе было бы комфортно среди своих.

Фраза Анжелики из пустого звука превратилась в намек. Лили пристально посмотрела на девушку, но она округлила глаза, словно не понимала, что происходит.

«Боже, какая я глупая», – устало подумала Лили и подошла к столику. Достала из клатча несколько купюр, в два раза больше, чем нужно, и положила на стол.

– Отдашь Евгении за билет, – бросила Лилия и медленно обвела взглядом клуб.

Она лишняя в обществе вульгарных дешевоков. Только поняла это поздно.

Лили не смотрела ни на кого, не обернулась на крик Анжелики. Она молча вышла из здания, и ветер жалостливо принял ее в объятия. Ей не было ни больно, ни обидно. Нет, она не таила зла на Веронику и Андрея. В отчаянии они пытались хоть как-то принизить ее, чтобы стать на ступеньку выше. Но у них ничего не вышло. В который раз она проигнорировала сигналы

природы и поплатилась.

Где ворона – там и смерть близко.

Снова всплыла в голове старая поговорка, и Лилия замерла. А что, если это лишь начало? Липкий холод противно пробежался по спине.

Наручные часы показывали десятый час, но на улице было темнее обычного из-за серых туч, которые спрятали вечернее солнце. Лили стояла на перекрестке. Вправо уходила дорога на побережье, вдоль которого тянулись миниатюрные коттеджи.

Она любила старый район. Тихий, уютный, с прекрасным видом на Черное море. Сколько раз просила отца купить здесь участок, но для него важно не место, а окружение. Здесь люди недотягивали до его уровня.

Лилия вдохнула тягучий воздух Велидара. Город словно парил в невесомости. Теплый ветер обнимал за плечи, как старинный друг. Красивые ухоженные дома, между которыми затесались магазины и кафешки, цепочкой убегали вдаль. Велидар собирал в себе вдохновение художников, музу писателей, озарение музыкантов. Город интеллигенции. Столица Русамии. Лили не могла представить, что родилась бы в другом месте и никогда не узнала бы эту страну. Это так же нелепо, как исчезновение солнца. Есть незыблемые вещи. И одна из них – любовь Лилии к Велидару.

– Эй, цыпа, – голос позади напомнил звук старого мотора. – Ты красиво танцуешь.

Лили обернулась. Два парня в потертых кожаных куртках похотливо скалились. У одного не было переднего зуба. Оба подстрижены под ноль. Их окружало облако перегара, и Лилия невольно задержала дыхание.

– Мы даже завидовали тому павлину, который тебя лапал.

Лилия дернулась назад и осознала, какую глупость допустила. Ей следовало вызвать такси, но она до такой степени хотела сбежать ото всех, что даже не подумала об этом.

– Сколько возьмешь за час?

Сердце ухнуло вниз. Господи, за кого они ее приняли? Хотя в таком состоянии им без разницы.

– Извините, вы, наверное, спутали меня с кем-то, – сдержанно ответила Лилия и развернулась. Она ускорила шаг, но парни не отставали.

– Нет, детка. Это ты не поняла, на кого напала. Ворон, держи ее!

Там, где ворона...

Природа уже кричала об опасности, и сквозь Лили словно прошел удар молнии. Она бросилась бежать. Туфли оказались непригодны для бега, сбитые на занятиях пальцы ощущали каждый удар. От ветра потекли слезы, тушь разъедала глаза. Но Лили не останавливалась. Она слышала шумное дыхание парней за спиной и кожей почти ощущала их грязные пальцы. Свернула направо, подул морской воздух, и она поняла, что побежала не в ту сторону. Дом находился не там. Бежать! Но куда?

– Помогите! – из последних сил закричала она, хотя в груди жгло от безумной гонки. – На помо...

Лилия не успела закончить фразу. Один из преследователей прыгнул на нее сзади, и они кубарем повалились на дорогу. Она разбила коленку и проехала ладонями по асфальту. От боли перед глазами запрыгали дома. Голова разрывалась от пульсации.

Ворон развернул ее к себе и наотмашь ударил по лицу.

– Молчи, шлюха, – прошипел он.

На секунду Лилия потерялась в пространстве. Она не могла сделать вдох. Жар опалил щеку, и она уже не понимала, что происходит. Словно ненужную вещь, ее перекинули через плечо. Лили всхлипнула. В ушах звенело. Она хотела закричать, но горло сжалось, едва пропуская воздух.

«Борись, борись!» – в отчаянии кричал инстинкт самосохранения. В неистовом порыве Лилия

начала брыкаться и хрипеть. Замотала ногами в последней попытке ударить парня.

Тот выругался и кинул ее на газон. Лили испуганно огляделась и поняла, что на улице ни души. А дом, возле которого ее бросили, и вовсе выглядел нежилым.

– Черт, Ворон, надо драпать отсюда. Вдруг кто увидит? – Беззубый парень уже был не так уверен, как первый.

Ворон сплюнул на землю и закатал рукава. Его шатало в разные стороны, мутный взгляд с трудом сфокусировался на Лили:

– Сейчас я заставлю ее замолчать.

Угроза отрезвила, и она вскочила на ноги, но парень перехватил ее за волосы и намотал на руку. Для пьяного он был слишком прыткий.

Лилия закричала. Удар под дых, и, как камень, она рухнула на землю. Ни крика, ни стона. Сжалась в дрожащий комок, не в силах противостоять безумной боли.

– Не перегни палку, Ворон. – Беззубый нервничал еще сильнее. Постоянно оглядывался. Где-то во время погони он растерял прыть.

– Заткнись!

Сквозь шум в голове Лили едва различала их слова, но звук взведенного курка отчетливо слышала.

– Убирайтесь к чертовой матери.

Лили не поняла, кто это произнес. Она приподняла голову, но перед глазами плыло, и она снова уткнулась носом в землю. Кажется, у ее защитника в руках был дробовик.

– Эй, парень, тебе лучше не вмешиваться. – Ворон сплюнул и хотел подойти к Лили, но замер, как изваяние.

Лилия с трудом перекатилась на спину и увидела высокого темноволосого мужчину. Он стоял на крыльце, а заряженный дробовик смотрел прямо на парней. Они попятились.

– Это вам лучше проваливать с моего участка. Девчонку не трогать.

От низкого голоса по спине пробежала волна мурашек. Лили хотела рассмотреть его обладателя внимательнее, но тьма упорно засасывала ее. Время потеряло счет, голоса слились в унисон, и когда Лили приоткрыла опухшие глаза, то увидела светловолосую девушку. Она заботливо убрала волосы с ее лица и что-то сказала стоящему рядом мужчине. Лили не слышала. Шок, стресс сделали свое дело, и она погрузилась во мрак. Запомнила лишь темный взгляд мужчины. Необъяснимо, но он согревал ее, и хотелось, чтобы незнакомец смотрел на нее вечно.

Глава 3

Дух времени

Русамия. Велидар. 2016 год

Самолет с гулом приземлился, и напоследок их хорошенько встряхнуло. Руслана с облегчением выдохнула и разжала кулак, в котором весь полет стискивала золотой крестик на шее. Она не боялась летать, но этот рейс дался тяжело. Бесконечная турбулентность, храпящая соседка, духота... Поэтому Лана была счастлива, когда утомительное путешествие закончилось.

Для города с населением всего около полумиллиона аэропорт был современный и даже слишком большой, и она не сразу сориентировалась по указателям, куда идти. Везде слышался русамийский язык, и Лана с удовольствием вслушивалась. Он напоминал ей русский с мелодичным итальянским акцентом. Растянутые гласные, плавные переходы, забавные ударения в словах. Как бабушка могла захотеть избавиться от столь чудесного произношения?

– Цель поездки? – Женщина в зелено-белой униформе оторвалась от загранпаспорта Русланы и уставилась на нее вѣдливym взглядом.

– Отдых.

Она еще не определилась, ради чего прилетела, но решила, что галочку напротив отдыха стоит поставить в любом случае.

После паспортного контроля Руслана потратила полчаса в ожидании багажа, нашла обменный пункт, где поменяла валюту на русамийские рубли, и только после этого вредный аэропорт отпустил ее на волю.

На улице нещадно пекло солнце. Ноги тут же спарились в джинсах, и Руслана пожалела, что не надела платье. Пришлось спасаться подручными средствами. Из синего рюкзака достала солнцезащитные очки, а в небольшом зеленом чемодане откопала ковбойскую шляпу и напялила ее, наплевав на помятые поля.

– Ну что, Велидар? Встречай чужестранку, – насмехаясь над собой, пробормотала Руслана.

Словно в ответ на ироничную фразу, ее мгновенно облепили таксисты.

– Девушка, быстро и недорого...

– Доедем с комфортом...

– Вас подвезти?

Она даже растерялась, но потом выбрала болтливого толстячка, чье добродушное лицо внушало доверие.

– Куда едете? – Мужчина закинул чемодан в багажник и учтиво открыл перед Русланой двери.

– Эээ... – она поспешно нашла записку в телефоне, куда записала адрес, – Дикие Вишни, 5а.

– Ух ты, старая часть города.

Таксист вытер вспотевший лоб, улыбнулся ей в зеркало заднего вида и довольно резво вывернул на дорогу. Руслана ухватила за ручку двери. Она не ожидала, что с виду спокойный человек водит столь быстро.

– Говорят, с этой улицы начался Велидар, – болтал мужчина, пока за окном проносились солнечные пейзажи.

Руслана открыла окно, морской воздух наполнил легкие. Вдалеке виднелось само море, черные волны блестели в ярких лучах солнца. Туристы засеяли пляжи. Ей до безумия захотелось оказаться среди них.

Но таксист вскоре свернул, и они въехали в центр Велидара. Проехали мимо роскошного белоснежного дворца, на башнях которого развевался флаг Русамии. Зеленый фон, посередине белый круг, где изображена золотая корона.

– Вы приехали на праздник?

Руслана в последний момент уловила вопрос таксиста:

– Извините, вы про что?

– Через неделю будет День города. К этому времени часто съезжаются туристы, вот я и предположил, что вы тоже. Праздник будет шикарный. Все-таки город празднует тысячу лет. Говорят, король Адриан что-то затеял вместе с женой. Будет любопытно посмотреть, к тому же люди еще не до конца приняли новую королеву.

– Смотрю, у вас кипят нешуточные страсти? – улыбнулась Руслана.

– Не то слово! – загоготал мужчина. – Дело в том, что жена короля – простолюдинка... Шума было, ужас!

Они съехали с центральной улицы, пересекли широкий мост и поехали вдоль побережья.

– У нас тут красиво, вы не пожалеете. Многие из приезжих потом остаются навсегда. А сами русамийцы, наоборот, сбегают в большие страны за красивой жизнью. Все эти Нью-Йорки, Лондоны, Питеры... Что там делать, объясните мне? Задышаться от смога и жить в ночных клубах?

– И не говорите, – согласилась Руслана.

– Вот именно! – Таксист был счастлив, что Лана его поддержала. – Въезжаем в старую часть города. Обязательно сходите на Элитную улицу, посмотрите, как живут богачи. Там офигеть какие домища!

Лана не выдержала и засмеялась. Мужчина рассказывал обо всем так эмоционально, что невольно нашел отклик в ее душе.

– Так, Дикие Вишни, говорите? А вы знаете, что раньше она называлась улицей Казней? Здесь жили палачи Велидара. Ее переименовали около сотни лет назад.

– О, мне везет, – пробормотала Руслана.

Жить в месте, где обитают духи казненных и их палачей... Мурашки водопадом заструились по спине.

Современные дома сменились миниатюрными коттеджами. Аккуратные лужайки перед домами, детвора гоняла на велосипедах, молодые мамочки гуляли с колясками. Городская суэта утихала, уступая место деревенской гармонии.

– Сейчас и не скажешь, что здесь кровь лилась рекой, – удивилась Лана.

Таксист захохотал:

– Велидар еще и не то в себе таит. Вообще, в старой части города теперь вовек не отыщешь участок, чтобы купить.

– Почему?

– А вы приглядитесь. Прямо за домами идет спуск к морю. И здесь нет отелей, туристов. Русамийцы слюной исходят, если узнают, что у кого-то здесь дом.

Руслана присмотрелась, и когда увидела, что до моря действительно рукой подать, у нее перехватило дыхание от восторга. Вот оно – необъятное и грандиозное – сверкает прямо перед ней. За секунду стало жарче в несколько раз, когда Руслана поняла, что уже сегодня сможет упасть в его прохладные объятия.

– Обязательно посетите «Музей одиноких сердец», – таксист продолжил экскурсионную программу. – По легенде, там можно встретить свою половинку.

Руслана оторвалась от созерцания моря:

– «Музей одиноких сердец»?

– Да. Его основала мадам Тигрова для тех, кто не может найти любовь.

Лана вцепилась пальцами в сиденье. Неожиданный приступ отчаяния вышвырнул ее из маленького оазиса умиротворения.

«И здесь любовь! Неужели нельзя обойтись без нее?»

– А кто такая мадам Тигрова? – безразлично спросила Руслана, лишь бы не молчать.

– О, – мужчина хитро подмигнул ей в зеркале заднего вида, – одна из самых богатых женщин Велидара. В юности ее даже прозвали Первой леди. Моя бабушка Вероника училась вместе с ней в школе танцев, – с гордостью добавил он. – При жизни она часто рассказывала об их дружбе.

Руслана любезно улыбнулась и промолчала. Местные знаменитости ее не очень интересовали. Больше всего на свете Лане хотелось узнать о судьбе Натана Волкова. И что же случилось шестьдесят лет назад между ним и бабушкой?

– А вот и 5а! – воскликнул таксист и припарковался на обочине.

Руслана выглянула в окно и невольно приоткрыла рот. Ее воображение готовилось к худшему. Вплоть до полуразрушенного сарая. Но дом 5а на улице Дикие Вишни удивил замечательным состоянием и... мрачностью.

Небольшой одноэтажный коттедж с мансардой. Его некогда насыщенный синий цвет поблек и напоминал полинявший свитер. На двери в форме арки облупилась белая краска. Над входом красовался балкон с витиеватыми перилами. Он был создан для принцессы. Справа ютился гараж с закрытыми на замок дверьми. Двор превратился в настоящие джунгли. Пройти можно было только по узкой каменной дорожке, которая вилась посреди высокой травы.

– Обычно туристы живут в гостиницах. – Мужчина почесал затылок.

– Я – экстремалка.

– Ааа, ну, тогда с вас четыреста рублей.

Руслана достала русамийские деньги и отсчитала купюры.

– Спасибо за маленький экскурс в жизнь Велидара, – поблагодарила она.

– Не за что. Если понадобится такси, вот моя визитка. – Он протянул прямоугольную карточку и отсалютовал: – Хорошего отдыха!

Мужчина уехал, и Руслана осталась одна перед старым заброшенным коттеджем. Только она, чемодан и визитка, которую спрятала в кошелек.

– О, боже.

Лана глубоко вздохнула, прогоняя навязчивое чувство, что совершает ошибку.

«Я докажу, что Ба была не права, когда отговаривала меня от наследства».

Она скривилась, вспомнив отчаянный взгляд бабушки. В нем переплелись и ненависть, и тоска, и боль. Но на вопросы Русланы женщина отвечала неизменно: «Нельзя ворошить прошлое. Можно обидеть призраков...»

Глупости! Лана фыркнула и глянула на часы. Она договорилась встретиться с Сергеем Петровичем через час. Подписать документы, оформить последние штрихи.

Ключи лежали под ковриком, как и обещал нотариус. Руслана подняла увесистую связку и присвистнула.

– Они пригодятся и для самозащиты, – пробормотала она, перебирая подписанные ключи.

От дома, от гаража, от заднего входа, от двух калиток, от мансарды... Зачем закрывать мансарду?

Руслана поджала губы. Ее двоюродный дед определенно был чудаком.

Она вставила ключ в замочную скважину и на удивление легко его повернула.

Холод, которым дышал дом, вырвался наружу, и Лана зябко повела плечами. По коттеджу

прокатился гул, словно стонал умирающий человек. А затем он затих. Признал непрощеную гостью.

Осторожно ступая, Руслана вошла в небольшую гостиную. Мебель пряталась под белыми чехлами, словно напоминала, что их хозяин мертв. Слева виду открывалась милая кухня, а вдоль задней стены шла крутая лестница на мансарду. Рядом с ней Руслана увидела три двери. За двумя, видимо, прятались спальня и ванная комната. А третья скорее всего вела во внутренний двор. По крайней мере, так указано на плане, который прислал нотариус.

Руслана откинула белую ткань с обеденного стола, и ее окутало облако пыли. Она закашлялась. На секунду наверху послышался девичий смех. Память дома всколыхнулась, и до Русланы донеслись старинные звуки прошлого. Но это произошло так быстро, что она не успела ничего понять.

Сердце учащенно забилося. Ее охватило необъяснимое чувство. Каждый предмет казался до боли родным. Тоска затопила душу. Невыносимое одиночество накатило на нее, и она судорожно вздохнула. Подобной реакции Лана никак не ожидала.

Она быстро подошла к третьей двери, открыла ключом и распахнула ее. Увиденное захлестнуло Руслану бурным восторгом. Задний двор пестрил разноцветными люпинами. Видно, безумный художник решил смешать все краски воедино, а затем выплеснул их на полотно. Яркое буйство цвета. Теперь она понимала, что это такое.

Прямо за забором начинался спуск к песчаному пляжу, который плавно переходил в игривое море. Руслана вдохнула свежий воздух, смешанный с пряным ароматом люпинов.

Она больше не могла ждать. Времени у нее было еще достаточно, и она точно успеет посидеть на песке и окунуть ноги в прохладную воду.

Руслана откопала в чемодане светло-зеленые шорты, быстро переоделась и закрыла за собой двери. Бесстрашно ступила в высокие люпины и, продираясь сквозь них, добралась до калитки. Позади нее осталась протоптанная тропинка. Как только появится время, обязательно доберется до двора. Хоть люпины и поражали пестрыми красками, они душили. И Лана хотела избавиться от этого чувства.

Руслана засунула ключи в задний карман, ловко спустилась по склону и побежала напрямик к морю. Теперь она понимала, что имел в виду таксист, когда говорил, что русамийцы слюной исходят от зависти, если кто-то приобретает в этом районе дом. По сравнению с туристической зоной здесь был дикий рай! Вдалеке прогуливалась влюбленная парочка, четверо девушек загорали, а высокий мужчина выгуливал здоровую собаку. И больше никого.

Лана скинула сандалии и вошла в воду по колено. Волна блаженства прокатилась по телу, и она зажмурилась. Господи, неужели она выиграла джекпот? Конечно, грешно думать так о покойном, но, в конце концов, Руслана даже не подозревала о его существовании. А теперь она стоит на берегу Черного моря, а рядом без пяти минут собственный дом. Нереально! Родители умрут от восторга, когда узнают. Хотя им в любом случае не до нее. У них есть дела куда интереснее дочери. К примеру, исследование дна океана.

До Ланы донесся лай. Она поздно обратила внимание на предупреждающий крик. Поздно обернулась. Рядом в воду плюхнулся красный мячик, а следом на нее налетело темное мохнатое существо.

Визг. Шум. Всплеск.

Руслана с головой ушла под воду, которая тут же затопила горло, нос, попала в уши. Барахтаясь, она с трудом вынырнула и закашлялась. Не так она представляла первое купание.

– Твою мать! – выругалась Лана и шлепнула по воде ладонью.

Море, словно заботливая мама, качало ее в теплых объятиях. И Руслана с неохотой вырвалась из них. Встала, пощупала карманы. Слава богу, мобильный остался в джинсах. Отбросила мокрые волосы назад и уставилась на собаку, которая добродушно виляла хвостом. Темно-коричневая шерсть торчала во все стороны, глубоко посаженные глаза напоминали пуговицы. Морда, как у медвежонка, в зубах несчастный мячик.

Руслана копалась в голове, вспоминая название породы.

– Водолаз! – наконец дошло до нее.

Мужчина – хозяин пса, присвистнул. Он стоял на берегу, руки в карманах выцветших джинсов. Абсолютно сухой, в отличие от Русланы. Насмешливая улыбка прилипла к лицу.

Ветер путал его густые черные волосы, и он периодически откидывал длинную челку со лба. Белая рубашка выделялась на фоне смуглой кожи. А цвет темных глаз напоминал шоколадный крем.

«Я – бледная поганка по сравнению с ним». Руслана с досадой окинула взглядом белые руки.

– Русская. В этих краях редко встретишь туристов. Обычно они тусуются южнее, – произнес незнакомец и задумчиво оглядел Лану. – Русская, да еще и блондинка, – подытожил он, словно это все объясняло.

Пес радостно запрыгал, снова обрызгав Руслану. Она недовольно закричала и выбралась из воды. Но пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть в глаза мужчине. Высокий, очень высокий. Она, конечно, не лилипут – все-таки метр семьдесят, – но рядом с ним чувствовала себя крошкой.

– Есть предел вашей наглости? – Лана тяжело дышала.

Сдержала порыв подойти к мужчине и протереть ему губы, чтобы стянуть с него ухмылку.

– Что-то не так? Он озадаченно почесал затылок.

– Ваш пес чуть не утопил меня! Вот что не так!

Тут она вспомнила, что тушь точно растеклась, а футболка мокрая и просвечивает бюстгальтер. От злости задрожали руки, и она поспешно скрестила их на груди.

Избалованный, надменный богачей – мысленно охарактеризовала мужчину Руслана. Золотые часы на его руке намекали, что он ни в чем себе не отказывает.

– Глупости. Он добрый мальчик. Злых русских блондинок не кусает.

– Вы бросили в меня мячик! – взвизгнула Руслана.

– Нет. Это вы встали туда, куда я бросил мячик. – Его доводы были непоколебимы. Лана даже умолкла.

Пес снова засуетился, и мужчина прикрикнул на него:

– Кот – к ноге!

Руслана выпучила глаза и посмотрела на косматого пса, который послушно сел рядом с хозяином. Кот? Она не слышала?

– Вы назвали водолаза Котом?

– Если быть точнее, Кот – ньюфаундленд. Но вам, русским, без разницы.

– Вот именно. Но почему Кот? – не унималась Лана. – Ему бы больше подошло Гризли или Борзый.

В ответ на ее предложения Кот тихо зарычал. Мужчина засмеялся:

– Видите. Ему не нравится. А Кот – оригинально.

Руслана покачала головой и направилась обратно к дому.

– Вы ненормальный, – вместо прощания бросила она.

Позади раздался вздох, и через некоторое время мужчина нагнал ее.

– Ну хорошо. Наше знакомство началось не слишком романтично. Давайте все исправим. Я – Марк. – Он протянул руку.

Лана остановилась, пробуравив взглядом ладонь и неохотно пожала ее:

– Руслана.

– Красивое имя для блондинки.

Руслана с негодованием вырвала руку и прищурилась:

– Вы смеетесь?!

– Простите еще раз. – Марк поднял руки вверх. Кот прыгал рядом, пытаясь втянуть хозяина в игру, но тот лишь отмахнулся от него. – Обычно девушки никогда не обижаются на меня. Какую бы чушь я ни говорил.

– Наверное, вы окружаете себя курицами, которым нравится, когда над ними издеваются, – устало пробормотала Руслана.

Скоро придет нотариус, а она мокрая, сердитая, да еще и живот недовольно урчит. Марк услышал этот звук и ухмыльнулся:

– Как там у вас в России говорят: голод не жена?

– Не тетка, – поправила Лана.

Марк подмигнул ей и оглянулся:

– Я живу в том желтом домике.

Он указал на трехэтажный коттедж, который стоял в двух домах от Русланы. Ничего себе «домик».

– Можете пообедать со мной, как раз собирался жарить рыбу. Я никогда не против женской компании. Даже готов разделить пищу с блон... – Он вовремя осекся.

Лана закатила глаза и продолжила подниматься по склону:

– До свидания, Марк!

– Постойте. Вы совершаете ошибку, Руслана. Любая девушка на вашем месте от счастья из штанов бы выпрыгнула! – крикнул он ей вслед.

– И не надейтесь, что я это сделаю. Я не вожусь с мужчинами, у которых пунтик насчет цвета волос. Адьес, Марк. – И она со звоном захлопнула калитку.

Руслана не оглядывалась. Быстро пробралась сквозь люпины, открыла дверь и зашла в дом. Ну вот она и познакомилась с соседями.

Лана с любопытством выглянула в окно, но мужчина уже ушел. Будет лучше, если они больше не встретятся. Зная ее способность влюбляться в дураков, можно быть уверенной, что Марк – идеальная кандидатура.

Руслана вздохнула. Чересчур насыщенный день получился.

Она подошла к спальне и осторожно толкнула дверь. Легкий скрип петель почему-то отозвался печалью в сердце Русланы. Небольшая комната. Двухспальная деревянная кровать, шкаф. На окне старые выгоревшие занавески. Пол покрыт круглым истоптанным ковром. Создавалось впечатление, что здесь не поменялась ни одна деталь за всю жизнь Натана. Словно он боялся вносить изменения. Боялся лишиться воспоминаний.

Руслана встряхнула головой. Откуда она знает? Бабушка ненавидела его, но Натан... вряд ли отвечал ей тем же. Иначе он не завещал бы все Лане. Что же случилось между братом и сестрой, что разъединило их на всю жизнь? Руслана не могла представить.

На прикроватной тумбочке стояла фотография в потертой рамке. Лана взяла ее в руки и взглядела в изображение. Юная девушка с острым лицом. Губы изогнуты в ехидной улыбке. Светлые волосы заплетены в толстые косы. Она сидела на заборе. Темное платье в горошек аккуратно расправлено. Рядом с ней стояла миниатюрная брюнетка. Волосы убраны в элегантный пучок, белое платье по щиколотку, как у принцессы, явно намного дороже, чем у подруги. Руки чинно сложены перед собой, а робкая улыбка освещает лицо.

Бабушка. На фотографии была она. Молодая, дерзкая. А вот темноволосую незнакомку Руслана не знала. Но почему-то чувствовала странную ревность к ней. Словно та украла у Ланы нечто, что принадлежало только ей. И так и не вернула.

Стук в дверь прозвучал слишком громко, и предсказание Марка чуть не сбылось. Лана действительно почти что выпрыгнула из шорт от страха.

Она перевела дух, поставила фотографию на место и поспешила к входной двери. На пороге стоял низенький худощавый мужчина в деловом костюме. В руках черный дипломат. На лысине блестели солнечные блики.

– Здравствуйте, Руслана. Я – Сергей Петрович. – Он мельком оглядел внешний вид Ланы и без приглашения вошел в дом.

Пока он осматривался, Руслана быстро подтерла синяки от туши под глазами и попыталась пальцами расчесать волосы. Бесполезно.

– Смотрю, вы уже искупались. – Он довольно крикнул.

– Эээ... можно и так сказать.

Сергей Петрович положил дипломат на стол и достал документы:

– Что ж, тогда давайте поскорее покончим с формальностями, чтобы вы могли полноценно отдыхать. Подпишитесь здесь, здесь и здесь.

Руслана села на стул, покрытый чехлом, и уткнулась в договора.

– Вы привезли свидетельство?

Лана хлопнула себя по лбу и метнулась к чемодану:

– Конечно.

Она достала свидетельство о праве наследования, который заверил русский нотариус, и отдала Сергею Петровичу. Тот быстро просмотрел документ, кивнул и протянул ей ручку.

Лана внимательно читала завещание. Ошибки не было. Натан Волков действительно назначил наследницей ее, двоюродную внучку. Не веря в происходящее, она взяла в руки договор и лишилась дара речи, увидев цифру с тремя нолями.

– Я... я...

Нотариус заглянул в документ:

– О, успокойтесь. Господин Волков еще при жизни оплатил пошлину за вас. Он знал, что вы не откажетесь от наследства, – довольно добавил Сергей Петрович.

Лана недоуменно захлопала глазами:

– Но откуда? Я даже не видела его. Как он вообще нашел меня?

– А с чего вы решили, что он вас терял? Я не осведомлен о жизни господина Волкова, но когда год назад он пришел ко мне составить завещание, то говорил так, словно вырастил вас.

В горле запершило. Руслана поставила на документах невнятную закорючку, потому что рука предательски дрожала.

– У вас есть его фотографии?

Нотариус покачал головой:

– Увы, нет. Но я уверен, вы найдете их в доме.

– Ясно.

Сергей Петрович быстро собрал документы, оставив второй экземпляр договора Руслане, и засунул дипломат под мышку.

– Моя работа сделана. Так что смею откланяться. – Он чинно кивнул.

Руслана улыбку и проводила его до двери. Перед уходом что-то щелкнуло в голове, и она ухватила мужчину за рукав пиджака:

– Скажите, а где Натан похоронен?

Сергей Петрович кивнул куда-то влево:

– На Северном кладбище. Могила числится под номером сто четыре. Он позаботился о своем месте еще шестьдесят пять лет назад.

Руслана вздрогнула. Она не могла понять, что побудило Натана купить участок для собственной могилы еще в молодости? Но подозревала, что ответ ей не понравится.

Глава 4

Дьявольская статья

Русамия. Велидар. 1956 год

Лили не понимала, чего боится больше. Что отец станет кричать громче? Или что замолчит? Скорее второе. К крику она уже привыкла, а вот к тишине, которая воцаряется следом, нет.

– Это, – Александр Николаевич ткнул пальцем в свежий выпуск газеты «Час Пик Велидара», который лежал на столе перед Лили, и охрипшим голосом заявил: —...показывает, насколько ты безответственна.

Лилия уставилась на первую страницу, где во весь лист была напечатана фотография, где она смеется и танцует с Андреем. А ниже заголовок статьи: «Леди – вовсе не леди».

Буквы расплывались перед глазами в маленькие черные пятна. Овальный стол, за которым она сидела словно обвиняемая, удлинился до бесконечности. Голова кружилась, кровь пульсировала в висках, и Лили казалось, что все слышат, как у нее бьется сердце. Оглушительно. Быстро. Отчаянно.

– Я виноват! – воскликнул Александр Николаевич.

Он упал на диван в стиле рококо, где уже сидела, элегантно скрестив лодыжки, его жена. Марина Андреевна сохраняла полное спокойствие, пока бушевал муж, и Лили знала: поддержку в лице матери она вряд ли найдет. Потом, когда они останутся наедине, она обязательно скажет несколько утешительных слов дочери, но не сейчас.

Александра Николаевича била нервная дрожь. Из нагрудного кармана он достал белый платок и промокнул взмокший лоб. Провел ладонью по темным коротким волосам. Развязал на шее галстук в бежево-синюю полоску, глубоко вздохнул. Не выдержал духоты и снял пиджак. Коренастый, с квадратным лицом, сейчас он напоминал запыхавшегося скакуна. Такой же породистый, мужественный, но безмерно уставший.

– Не стоило слушать тебя и маму. Что за идея отмечать выпускной с девушками низшего сословия? Эта затея с самого начала была обречена. И все закончилось даже благополучнее, чем я опасался.

– Она ведь не знала, что они собираются в клуб. Лили честно верила, что девушки идут в кафе. А один танец – еще не катастрофа. – Эдуард оторвался от книги по экономике.

Старший брат сидел в дальнем углу гостиной, в высоком кресле, закинув ногу на ногу. На протяжении всей тирады отца он благоразумно молчал, дожидаясь момента, когда Александр Николаевич выпустит пар.

Лили благодарно улыбнулась, но так быстро, что только Эд мог заметить ее робкое безмолвное «спасибо». На его тонком, как у матери, лице промелькнула знакомая ухмылка. Теплые карие глаза, прищурившись, смотрели на Лили, и она с трудом догадывалась, о чем Эдуард думает. Видимо, поздравляет со вступлением во взрослую жизнь.

– Эдуард, ты серьезно? – Отец снова вскочил, схватил газету и сунул сыну в лицо. – Это только первая статья. Репортеры, как стервятники, налетают на свежее мясо за секунду. – Мужчина щелкнул пальцами. – А наша семья для них вообще лакомый кусочек. Поэтому мы обязаны следить за тем, что делаем, что говорим и как выглядим!

Отец и сын буравили друг друга взглядом. Оба – упрямые, как ослы, и обаятельные, как тигры. Если, конечно, тигры могут быть такими.

– Но это невозможно. Мы – люди, а люди ошибаются, – ответил Эдуард, когда тишина затянулась.

Он отбросил назад темные волосы. Лили всегда считала, что брат выглядит старше двадцати трех лет. Или такое впечатление создавал его дерзкий ясный взгляд?

– Саша, мне кажется, это сейчас не главная проблема, – мягко заметила Марина Андреевна.

Женщина напоминала хрупкую статуэтку, настолько красивую и изящную, что хотелось вечно любоваться ею. Черные локоны аккуратно уложены во французский пучок, в темно-карих

глазах таится улыбка. Элегантное платье цвета слоновой кости открывало жемчужное ожерелье на бархатной коже и акцентировало внимание на тонкой талии. Как бы Лилия ни старалась быть похожей на мать, она чувствовала, что ей не хватало чего-то. Только не понимала, чего именно.

– На Лили напали бандиты, – напомнила женщина. – Если бы не тот молодой человек, наша дочь могла погибнуть, – на последнем слове голос Марины Андреевны слегка дрогнул.

– И опять же – это моя вина! – взревел Александр Николаевич.

Он подошел к огромному окну в пол, которое выходило во внутренний двор, и сцепил за спиной руки. Лили опустила взгляд на ободренные ладони. Они покрылись коркой, и было больно шевелить пальцами. Постоянное напоминание о глупости, чуть не стоившей ей жизни.

– Не знаю, наверное, в тот день я был пьян, когда согласился отпустить тебя, Лили, – тихо произнес мужчина.

Лилия вспомнила, как появилась на пороге дома в одиннадцатом часу вечера, в грязном порванном платье. Вся в ссадинах, растрепанная, испуганная. Мама плакала, брат стоял в шоке, а отец едва не потерял сознание. Его бледное лицо, раздувшиеся ноздри, затрудненное дыхание. Безумных усилий стоило мужчине сохранить рассудок. Он просто ушел и заперся в кабинете. А Лили продолжала стыдливо стоять посреди зала...

– Главное, что все закончилось... относительно хорошо, – с запинкой сказала Марина Андреевна, бросив мимолетный взгляд на газету. – Дорогая, может быть, стоит отблагодарить твоего спасителя? – Она повернулась к дочери.

– Он не хочет, чтобы его беспокоили, и ничего не просит за свою помощь, – впервые за утро Лили заговорила. Голос казался чужим, и она почувствовала себя марионеткой.

– Будем надеяться, что он не пойдет к репортерам, чтобы подзаработать денег на чужих секретах. И будет держать язык за зубами, – пробурчал Александр Николаевич.

– Натан не такой! – горячо воскликнула Лилия. Она не успела обдумать слова. – Он... он очень благородный и не хочет, чтобы журналисты копались в нашем белье, – тихо добавила она.

– Натан, – фыркнул отец. – Надейся, что Бог услышал твои слова.

Лили переглянулась с братом и снова уставилась на ладони. Что-то во взгляде Эдуарда ее зацепило. Скрытое подозрение. Лилия догадывалась, что брат еще отловит ее наедине. И задаст пару провокационных вопросов.

– Через две недели День города. Мадам Ровийяр уже звонила и напоминала о твоём выступлении. Никаких визитов, никаких прогулок. Будешь ездить только на репетиции. К празднику об этом недоразумении позабудут, а твой солидный номер сгладит острые углы, – вынес приговор мужчина.

Он подошел к Лили и погладил по голове:

– А теперь иди, отдохай, милая. – Его взгляд устремился в пустоту. Мыслями отец уже был далеко, и слова вылетали на автомате.

– Хорошо, папа. – Лили встала, разгладила складки на нежно-розовом платье и, пошатываясь, вышла из гостиной.

Мама что-то говорила вслед, но она не слышала. Облегчение от того, что разговор окончен, накатило огромной волной и выкачало силы. Лилия прошла сквозь огромную светлую парадную, поднялась по широкой лестнице на второй этаж, дошла до спальни и спряталась в ней, как улитка в домике.

Невольно Лили позавидовала отцу и брату. На их плечах лежали три гостиницы, два торговых центра и несколько спа-салонов. Работа занимала их мысли, и в отличие от Лилии им некогда было думать о пустяках.

А ей нечем заняться, чтобы направить упрямые мысли в другое русло. Они все равно поворачивались назад, возвращались к вечеру, когда Лилия впервые услышала голос Натана. Голос своего спасителя.

Она упала на двуспальную кровать, заправленную кружевным белым покрывалом, и зарылась

в мягкие подушки. Стоило закрыть глаза, как Лили снова видела остроносое лицо светловолосой девушки. А потом перед взором появлялись его темно-синие глаза...

– Натан, ты посмотри! На ней платье от Диор! Оооо, я тоже такое хочу, – звонкий голос пробился сквозь удушливую темноту, которая не хотела отпускать Лилию.

– Кристина, перестань. Она – не кукла.

Мужчина говорил так знакомо. Где-то она уже слышала его.

Лили медленно открыла глаза. Над ней нависла остроносая девушка, взволнованно разглядывающая украшения. Заметив, что Лилия очнулась, она отпрянула, улыбнулась и тут же нахмурилась:

– Бедняжка! Попасться в руки к уголовникам! Ужасно! – Она вскочила с дивана. – Принесу лекарство промыть раны. Боюсь, ладони будут долго заживать.

И девушка упорхнула на кухню, которая ничем не отгораживалась от гостиной. Пока незнакомка рылась в ящиках, Лили посмотрела на мужчину. Точнее, на парня, потому что он выглядел немногим старше ее. Этот голос... Перед тем как потерять сознание, она уже слышала его.

Лилия поморщилась. Коленка кровоточила, но, слава богу, не распухла, значит, несерьезно. Впереди показательные выступления, и травма никак не вписывалась в ее планы.

Юбка грязная, само платье порвалось на плече. Лили неуклюже поправила рукав, но он безнадежно сползал вниз. А под пристальным взглядом парня она чувствовала, как невольно краснеет.

Он сидел в кресле, скрестив на груди руки. Рядом стоял знакомый дробовик. Парень выглядел спокойно, но Лили догадывалась, что в глубине души он зол. Черные волосы прикрывали высокий лоб. Синие глаза подозрительно прищурились. Он напоминал пантеру перед прыжком. От подобного сравнения сердце Лили заколотилось быстрее.

– Нашла! – радостно воскликнула девушка и прибежала обратно. В руках она держала вату и бутылочку с прозрачной жидкостью. – Натан, ну, не молчи ты как истукан! Девочка и так натерпелась страху. Кстати, меня зовут Кристина, а этот грубиян – мой старший брат. Можешь никак к нему не обращаться, он не обидится. – Кристина подмигнула Лили. – А теперь позволь мне обработать твои ссадины.

Лили послушно вытянула ладони вперед и молча терпела, пока девушка промывала их.

– Меня зовут Лилия, – тихо произнесла она и мельком глянула на Натана. – Вы спасли мне жизнь. Я очень благодарна.

– Пустяки, – отмахнулась Кристина.

– И часто вы гуляете одна в дорогих нарядах? – едко спросил Натан.

Он не изменил позы, продолжал сверлить Лили взглядом, но обстановка накалилась. «Лучше бы ты молчал», – промелькнула в голове досадная мысль.

– Натан! – Кристина рассердилась и кинула в брата мокрую ватку. – Ты беспросветный тупица.

– Это случайное стечение обстоятельств, – вежливо ответила Лили.

Ее поражала простота Кристины. Легкость, с которой она общается с Натаном. В семье Лили этого не было, и ей казалось все чужим и непонятным. Эдуард не любил нежности. И вряд ли бы ему понравилось, что Лили бросается в него ватками.

– Для девушки вроде вас это не может быть случайностью. – Натан просто смахнул на пол ватку. Он проигнорировал негодование сестры.

– Вроде меня?

Парень вздохнул. Лили заметила, что хотя штаны на нем чистые, но уже изрядно поношены, а рубашка застирана. Платье Кристины, аккуратное и скромное, зеленого цвета, явно одевалось не в первый раз. Длинные светлые волосы заплетены в две толстых

косы до лопаток, а глаза, как у брата, переливались синевой.

Теперь до Лилии дошло, что имел в виду Натан.

– Вы живете на Элитной улице? – его вопрос прозвучал как утверждение.

– Да, – она кивнула.

– И как же вас занесло к нам? У нас бедный район, здесь живут работяги и домохозяйки, а не бизнесмены и леди.

– Я была на выпускном вечере в клубе «Бархатный цветок», – неохотно призналась Лили.

Она снова вспомнила репортера, и под ложечкой засосало. Даже страшно представить, какие статьи появятся в газетах.

– Леди Лилия с Элитной улицы оказалась в клубе, где собираются самые отъявленные любители легкой жизни за чужой счет, – иронично подвел итог Натан.

Кристина фыркнула. Она обмотала колено Лили бинтом и завязала бантик.

– Ты утрируешь. Да, общество там не первых сортов, но и не до такой же степени. – Она улыбнулась. – Ты, наверное, хочешь чаю? У меня есть домашнее печенье. Сама пекла, – похвасталась Кристина.

Лили не успела ничего сказать, как девушка уже принялась сервировать журнальный столик.

– Миндальное, Натан обожает его. – Кристина выложила в вазочку для конфет печенье в форме звездочек.

– Спасибо, – пролепетала Лилия и устало прикрыла глаза.

Накатывала мигрень. Насыщенный день давал о себе знать, и Лили мечтала вернуться домой, забраться под теплое одеяло и забыть обо всем. Но... Она распахнула глаза и встретила взглядом с Натаном. Так же сильно ей хотелось, чтобы он перестал смотреть на нее столь угрюмо и нелюдно.

– Кристи, думаю, нашей гостье пора домой, – выразил мысли Лилии парень.

Кристина застыла с чашками в руках. Она с отчаянием взглянула на нее и прикусила нижнюю губу:

– Но...

– Мне и правда пора.

Лилия не хотела быть обузой, а Натану явно не терпелось ее выпроводить. Она встала, и мебель поплыла перед глазами.

Лили пошатнулась. Кто-то обеспокоенно придержал ее за плечи, и, когда зрение восстановилось, она увидела Натана. Парень стоял близко, и Лили уловила запах мяты, исходящий от него. Снова стало так спокойно, что перехотелось уходить.

– Я отвезу вас. – Натан резко отпрянул и засунул руки в карманы.

Он уставился на печенье, и Лили не понимала, как он успевает так быстро меняться. То язвит, потом переживает, а теперь и вовсе отстранился.

Кристина со звоном поставила кружки на столик и уперла кулачки в бока:

– Натан! В кои-то веки в нашем доме живая душа, а ты прогоняешь ее? Господи, неужели нельзя быть более человечным?!

– Нет, – отрезал парень. Морщина прорезала лоб. – Дамочку заждались дома, к тому же она не из нашего круга. Не стоит смешивать социальные слои.

Презрение, с которым он произнес последние слова, охладило желание Лилии остаться. Она поджала дрожащие губы.

«Леди должна быть вежлива со всеми, независимо от положения человека в обществе. И никогда не теряет контроль над эмоциями. Сдержанность, моя милая, – одно из главных достоинств настоящей леди».

Уроки матери снова ворвались в реальную жизнь, не позволяя Лили выйти из себя.

– Натан, – простила Кристина.

– Все в порядке. – Лили с благодарностью пожала девушке руку. – Спасибо вам огромное. Я не останусь в долгу.

– А вот это лишнее. – Натан сверкнул глазами и накинул потертую кожаную куртку.

Только сейчас Лили заметила, что на улице стало совсем темно. Часы с забавной кукушкой над камином показывали одиннадцатый час. Отец ее убит. Она опоздала. Лили нервно вздохнула.

– Нам не нужно ничего взамен. Возможно, в вашем мире платят за каждую мелочь, но в нашем добро – бескорыстная вещь. – Натан открыл двери, и холодный воздух мурашками прошел по коже Лили.

Она поежилась.

– Вы ошибаетесь. До свидания, Кристина. Надеюсь, мы еще встретимся.

– О, я тоже! – Кристина проводила их до порога. – Натан, води себя полюбезнее, – вдогонку крикнула она, но брат вряд ли ее услышал.

Лили поспешила за парнем в гараж. Внутри стоял старый автомобиль мышиного цвета, по форме напоминавший булочку. Раньше Лили не сталкивалась с подобными машинами. В окружении отца ниже «Шевроле» не опускались, а эта явно сделана на местном заводе.

– Садитесь, – буркнул Натан, – или вы не привыкли к подобным каретам? – Он обвел рукой машину и сел внутрь.

– Вы правы, эта карета весьма любопытна. – Лили позволила себе маленькую улыбку, но парень не отреагировал.

Она устроилась на переднем сиденье рядом с ним и пристегнулась. Снова вспомнила, куда они едут, и сердце бешено заколотилось. Если можно было бы избежать встречи с отцом...

По дороге они молчали. Натан не нарушал тишину, а Лили слишком устала, чтобы поддерживать светскую беседу. Все, что она могла, это запоминать дорогу. Хотя зачем, если они вряд ли увидятся еще раз. И то, что Лили сказала Кристине, пустая формальность. Она снова вдохнула мятный запах. Очень жаль.

– На вашем месте я бы больше не разгуливал по вечерам один, – неожиданно произнес Натан. – Типы, с которыми вы столкнулись, не выпустили бы вас живой. – Он вцепился в руль так, что костяшки пальцев побелели.

Лили задумчиво посмотрела на него:

– Знаю. Не волнуйтесь, я усвоила урок. И спасибо.

– Прекратите. Одного раза достаточно, – отмахнулся он.

И снова повисла пауза.

Вскоре мимо замелькали роскошные особняки. Они въехали на Элитную улицу.

Лили посмотрела на сосредоточенного Натана и подумала, что раньше здесь не появлялись на таких машинах, как у него. Два разных мира. Он прав, с этим не поспоришь.

Она повернулась к окну:

– Остановитесь здесь, пожалуйста.

Натан припарковался на обочине:

– Вы тут живете?

Лилия посмотрела на трехэтажный особняк с белыми колоннами. К парадному входу вела дорога. Она заканчивалась круговым движением, в центре которого стояла статуя греческой богини. Вдоль дороги с обеих сторон был разбит сад, напоминающий волшебную сказку, где зеленые кусты причудливо подстригли в форме животных.

– Нет, – солгала Лили. – Я живу чуть дальше, но дойду сама.

Стало стыдно. Лилия не понимала почему, но не хотела, чтобы Натан, который ездил на старом автомобиле, знал, что она живет в подобном месте. Он и без того презирал ее.

– Как скажете. – Парень пожал плечами.

Лили выбралась из машины и остановилась на тротуаре:

– До свидания, Натан. И передайте вашей сестре, что у нее чудесное печенье.

Натан выглянул из окна:

– Вы ведь не попробовали его.

– Ну и что, – Лили улыбнулась, – я и так знаю.

До безумия хотелось увидеть его улыбку. Она представила, как синие глаза озаряются искрами, а белые зубы мелькают на смуглом лице.

Ответа не последовало. Улыбки тоже.

Мужчина завел машину, развернулся и помчался прочь. Лили долго стояла на обочине, вглядываясь в ночную дорогу, освещенную тусклыми фонарями. И до последнего лелеяла надежду, что Натан вернется. Может быть, он забыл что-то сказать ей? Или отдать? Но сумочка Лили была при ней. Вещи целы. Нет. Он не вернется.

Лили вздохнула, загоня нерадивое чувство, которому она не могла дать название, вглубь себя, и повернулась к особняку. Впереди ее ждали гораздо более серьезные проблемы. К примеру, разъяренный отец.

Лили потянулась в кровати. Дневной сон снял напряжение, и она чувствовала себя намного лучше. На мгновение даже показалось, что не было никакого выпускного и она никогда не встречала Натана. Но лишь на мгновение...

Лилия подошла к окну. Распахнула белоснежные шторы, открыла дверь и вышла на балкон. Солнце уже превратилось в яркую полоску на горизонте и готовилось уступить место луне. Теплый ветер ласкал кожу, вдалеке виднелось море, и Лили даже почудилось, что она слышит, как оно шумит.

Она посмотрела в ту сторону, где находился дом Натана. Почему он был так суров с ней? Неужели только из-за социального различия? Но ведь она не давала повода презирать ее. Или ему не нужна причина?

Лили замотала головой. О чем она думает? Никому не интересны ее переживания и желания. Какая разница, что она хочет узнать о Натане больше. Увидеть, как он смеется. Если отец догадается, какие мысли бродят в голове его дочери, тут же выдаст замуж за сына одного из деловых партнеров. Лили даже не сомневалась, что он уже выбрал кандидатуру.

Она замотала головой, прогоняя депрессивные мысли. Нет. Причина не в этом.

Лилия вцепилась в перила, изо всех сил сопротивляясь памяти. Но та упорно засасывала в прошлое.

...Ведьма вскочила, опрокинув стул. Взметнула рукой, и свеча загорелась диким пламенем.

– Тогда слушай, дитя. Твоя мать проживет еще тридцать лет, день в день, но никто и никогда не должен узнать о цене, которую тебе пришлось заплатить. Иначе, – ведьма щелкнула пальцами, – она умрет, и наша сделка будет расторгнута.

Улыбка исказила лицо женщины, и Лили показалось, что на нее смотрит змея. Гипнотический взгляд сковал по рукам и ногам. Она не могла вдохнуть полной грудью, в сердце закололо. По щекам побежали маленькие противные слезы.

– Страх заставляет людей жить. И ты боишься. Это хорошо, очень хорошо.

Ведьма наклонилась ближе, а затем метнулась к комоду. Открыла верхний ящик и достала кинжал.

– Ты молода и красива. Ты выдержишь, – шептала женщина, но ее голос напоминал свист.

У Лили закружилась голова, и только благодаря оцепенению она не упала. Сквозь густой и вязкий туман она наблюдала, как ведьма берет ее за руку и поворачивает ладонью вверх. Острая боль, и капля крови скатывается с указательного пальца. Падает на горящую свечу, раздается шипение.

– Теперь пути назад нет, – прошептала ведьма. – Последний штрих, и твое желание исполнится...

– Лили? Ты здесь?

Лилия вздрогнула и обернулась. От пережитых воспоминаний перед глазами все помутнело, и она поспешила вернуться в комнату.

Брат стоял возле столика, где служанка обычно укладывала ей волосы, и задумчиво вертел в руках гребень.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, заметив Лилию. – Ты бледная.словно с самой смертью встретишься.

Лили вздрогнула. Слова Эдуарда попали в точку.

– Глупости, – она села на кровать и подождала, пока брат присядет рядом, – накопилась усталость. Ты что-то хотел?

Она догадывалась, зачем он пришел.

– Да, – Эдуард растерянно растрепал волосы, – ты так рьяно защищала этого Натана...

– Всего лишь благодарность, – поспешно перебила его Лилия.

Парень опустил тяжелую ладонь на ее макушку:

– Разве? Ты не видела свои глаза. Раньше они у тебя так не блестели, когда ты говорила о ком-то из нашего окружения. Я хотел тебя предостеречь от необдуманных поступков. Отец любит тебя, но плебей из...

– Натан не плебей! – яростно возразила Лили.

Они сцепились взглядами, но она быстро остыла, поражаясь неожиданной злости.

– Как скажешь. – Брат похлопал ее по голове и усмехнулся: – Влюбиться в спасителя, конечно, романтично, но голову не следует выключать окончательно. Она еще может пригодиться.

Он явно не верил Лили. А у нее не было желания убеждать его, что Натан – лишь человек, который ее спас. Потому что она сама не верила себе.

– Не хочешь прокатиться на лошадях, пока не стемнело? – Эдуард встал и засунул руки в карманы. – Эльза соскучилась по тебе.

Дорогой костюм сидел на нем как влитой. Молодой человек не отличался высоким ростом, как и отец, но унаследовал семейную харизму. И Лили знала, что ее одноклассницы из школы Фолькова с ума сходили по Эдуарду. И тем сильнее им гордилась.

– С удовольствием, – она обрадовалась, что Эд решил оставить предыдущую тему, – подождешь меня, пока я переоденусь?

Эдуард вышел из комнаты, и Лили быстро сменила платье на более удобные и практичные

брюки. Единственная слабость, которую она позволяла вопреки воле родителей. Леди не носят брюки. Но когда Лили садилась верхом на Эльзу, белоснежную сильную лошадь, она забывала о правилах. Дикий нрав животного передавался и ей, раскрепощая внутренний дух. Ах, если бы Натан увидел ее такой, он никогда бы не подумал, что она – очередная богатенькая зазнайка.

Лили глянула в сторону балкона, где ее одолели неприятные воспоминания, и поморщилась. Это ерунда. Никакого проклятья нет и не было. И если она захочет встретиться с Натаном, то ничего ужасного не случится.

Лилия замерла. Руки нервно пригладили растрепанные волосы.

Придется попросить у брата помощи. Одна она не справится. Отец приставит к ней охранника, так что, если она действительно еще раз хочет увидеть Натана, нужно действовать незаметно. Но как Лили попросить Эдуарда? Он откажет, точно откажет. И все же...

Лилия вскинула подбородок и расправила плечи. Стоит рискнуть.

Глава 5

Запертые воспоминания

Русамия. Велидар. 2016 год

Лана хотела избавиться от тоски, которая напоминала тугой комок, застывший посередине груди. Он мешал дышать, высасывал жизненные силы и окунал в депрессию. Даже уборка дома, смена занавесок и новое постельное белье не уничтожили мысли об Эдуарде. Руслана чувствовала себя дезертиром любви, сбежавшим в чужие края, лишь бы не испытывать душевные муки. И понимала, что проигрывала этот бой.

Обессиленная, она упала на диван. Первый этаж сиял чистотой, газон перед домом приобрел опрятный вид. В гараже она обнаружила почти новый триммер, и благодаря ему зеленая лужайка теперь радовала глаза.

На задний двор не осталось сил. Но Руслана пообещала себе, что доберется до него завтра. Сегодня еще предстояло одолеть мансарду, которая простояла закрытая неизвестное количество времени. Страшно было представить, сколько там могло скопиться пыли.

Невольно взгляд Русланы зацепился за старые часы над камином, из окошка которых выглядывала смешная кукушка. Полчаса назад она протирала с них пыль и даже не заметила, что они уже не идут. Замерли, как и жизнь в этом доме. Лана поежилась.

Она не понимала, какие чувства вызывает в ней неожиданное наследство. В первую ночь уснула, едва коснувшись подушки, но утром встала так, словно накануне разгружала вагоны. Возможно, ей снились кошмары, но она ничего не запомнила из хаотичных картинок, мелькавших перед глазами. Возможно, снова видела цыганку из Индии и ее темные глаза. Возможно... но Руслана не хотела об этом думать.

Все, что занимало ее ум сейчас, находилось в таинственном доме двоюродного деда. Лана чувствовала необъяснимую связь с ним, словно должна была оказаться здесь и никак иначе. Но почему?

Она выглянула в окно, где бушевало синее море, и сладко потянулась. Лучше отбросить странные мысли далеко-далеко и провести весь день на пляже. В прошлый раз параноик-сосед испортил знакомство с морем, но сегодня она примет двойную порцию солнечных ванн.

Лана кинулась в спальню, которую успела завалить вещами, быстро отыскала черно-белый купальник и проворно втиснулась в него. Не успела завязать волосы в гульку, как смартфон, сиротливо брошенный на кровати, заиграл любимую песню бабушки «Ветер перемен». Руслана скривилась. Она совершенно забыла ей позвонить. Теперь бури не избежать.

– Ба, привет! – радостно воскликнула она и устроилась на кровати, скрестив ноги по-турецки.

– О, и не надейся, что твой счастливый голос смягчит меня. Я звонила тебе вчера, звонила сегодня и что в ответ? Тишина!

Кристина Валерьевна не кричала. Нет. Но лучше бы она орала во все горло, а не говорила так злобно и вкрадчиво.

– Ну, прости. Я правда хотела, но рано уснула, а сегодня не слышала твоего звонка. Прости, прости, прости, – заскулила Руслана.

Бабушка фыркнула, и Лана поняла, что старческое сердце сменило гнев на милость.

– Рассказывай уже. Как обустроилась? Познакомилась с кем-то?

– Ба, тебя только это волнует? К сожалению, познакомилась, но, как всегда, этот тип из той же оперы, что и Эдуард.

– Женат? – поинтересовалась бабушка.

– Нет. Он не любит блондинок.

Руслана вспомнила темноволосого Марка и ощутила, как кровь прилила к щекам. Она постаралась убедить себя, что это от гнева. Конечно же, от гнева.

– Ну и лесом его. Как дом? – голос Кристины Валерьевны дрогнул.

Руслана нутром чувствовала, что бабушка хочет о многом ее расспросить, но сдерживалась из последних сил.

– В прекрасном состоянии. Только краска выцвела, но я планирую это поправить.

– О, – женщина задумалась, – я помню, как красила его. Словно это было вчера.

Лана затаила дыхание, вслушиваясь в бабушкины слова. Она надеялась, что та скажет хоть что-то, относящееся к прошлому, но воспоминания прервались на полуслове.

– Время пролетело быстро и незаметно. И вот я уже дряхлый пенёк, – заключила Кристина Валерьевна.

– Не прибедряйся. Лучше приезжай ко мне. Неужели тебе совсем не хочется пройтись по улицам своей молодости?

– Нет, – резко ответила бабушка. – Я же уже говорила тебе. Не следует...

– ...ворошить прошлое. Можно обидеть призраков, – перебила ее Руслана. – Бессмысленная фраза.

– Для кого как. Какие у тебя планы? Когда ты возвращаешься?

Лана притихла. Этого вопроса она ждала и страшилась, потому что у нее не было ответа.

– Пока что не знаю, – уклончиво ответила она. – Хочу задержаться, поглубже узнать Русамию. Это чудесная страна! Таксист, пока вез меня, успел много всего рассказать. И про короля с королевой, и про «Музей одиноких сердец», кажется, так он называется. Вспоминал какую-то первую леди, которая его основала. Вроде мадам Тигрова...

На том конце послышался тихий вздох, но Руслана различила в нем едва уловимую печаль.

– Первая леди, – повторила бабушка.

– Ты ее знаешь?

– Ну, – Кристина Валерьевна словно очнулась, – ее все знали. Самая богатая невеста Велидара.

– Вот видишь! Ты просто обязана приехать!

– Глупости, я не приеду, и точка. Не для этого я уезжала из Велидара, чтобы вернуться старой кошелкой.

Руслана засмеялась:

– Ты наговариваешь на себя. Но знай: я буду рада твоему приезду. А то здесь одиноко. Хотя у меня такое чувство, что дом живой и наблюдает за мной. Постоянно чешется затылок, будто кто-то сверлит его взглядом. – Она умело прятала за шутками реальные страхи.

– Хорошо, я подумаю. И все-таки, когда ты планируешь вернуться? – Бабушка не отступала.

Руслана прикусила нижнюю губу. Как объяснить, что не хочешь возвращаться? Ее манил Велидар со своими тайнами.

Казалось, всю жизнь она жила наполовину и только здесь загорелась настоящим азартом.

– Ба, я не знаю. Постоянно думаю об Эдуарде и, пока не избавлюсь от этого наваждения, не вернусь.

Кристина Валерьевна тяжело вздохнула:

– Дорогая моя, трагическую любовь лечат тазик мороженого и мелодрамы. Я в твоё время тоже пережила несколько обманов от мужчин. Одного из них, кстати, звали Эдуард.

Руслана хмыкнула:

– Наверное, это наследственное.

– Ну, я всегда говорила, что ты вся в меня.

– О да, – Лана закатила глаза. – А если серьезно, то я хочу найти работу. Ты же сама говорила, что надо идти в люди, да и жить на остатки сбережений совсем не круто.

– Работать? Ты же туристка. Кто тебя возьмет?

– Я узнала, – с воодушевлением заявила Руслана. – По местным законам иностранец, получивший в наследство дом, квартиру или даже участок в Русамии, может с легкостью оформить гражданство. Так что останется только убедить начальство, что я хочу остаться в Велидаре надолго.

– Вот ты меня обрадовала, внучка, – проворчала бабушка.

– Я знаю. Но не переживай раньше времени. Может, еще ничего не получится и я вернусь домой. С моим-то везением...

– Будешь настраиваться на плохие мысли, так и поплывешь, – назидательно сказала женщина. – Хорошо, убедила. Оставайся, только звони мне почаще, а то я с ума сойду от беспокойства. Мне и так хватает сына-путешественника. Теперь еще внучка туда же подалась.

Лана улыбнулась, представляя недовольное лицо бабушки. Морщинки, собравшиеся лучиками вокруг глаз, поджатые губы. Интересно, они с Натаном очень похожи?

– Кстати, я хочу навестить могилу Натана.

– Ты знаешь, где он похоронен? – резко спросила Кристина Валерьевна.

– Да, нотариус сказал на Северном кладбище, под номером...

– Сто четыре, – закончила за Лану женщина.

Повисла неловкая пауза. Руслана чувствовала, как внутри поднимается волна злости, опаляющая органы. Прошло шестьдесят лет, а бабушка до сих пор молчит. Натана уже нет в живых, но это ничего не меняет. Видимо, Кристина Валерьевна решила, что их вражда умрет вместе с ней.

– Откуда ты знаешь?

– Долгая история.

Руслана выдохнула. Прекрасно, хочет молчать, пускай. А она в эти игры больше не играет.

– Ба, я позвоню вечером. Не скучай.

На этом разговор закончился. Лана, как маленькая девочка, обиделась на бабушку. Та прекрасно знала, что любопытство – главный недостаток Русланы, и только сильнее разжигала его молчанием. Наверное, пожилую женщину даже пытки не возьмут, настолько основательно она хранила свои секреты. Но рано или поздно тайное всегда становится явным. Поэтому Лане нужно набраться терпения.

Море как будто едва дождалось Руслану. Оно нетерпеливо пенилось и гневно обрушивалось на пляж, увлекая за собой ракушки. Поэтому, не испытывая больше его терпения, Лана бросила вещи на берегу и рыбкой нырнула в блаженную прохладу прочь от томительного солнца. Отплыла подальше и вынырнула из морских пучин. Жадно глотнула воздуха. Легла на спину и, не сдерживаясь, засмеялась. Вернуться обратно в промозглую Москву? Ни за что. Велидар – лекарство для ее измученной души, и она не уедет, пока не пройдет полный курс.

Руслана прикрыла глаза и с тоской вспомнила другое море, другой пляж. Тогда ей казалось, что она счастлива, как только может быть счастлива женщина.

Я люблю твои нежные пальчики... Ты знаешь, я никогда не видел более красивой улыбки, чем у тебя?.. Поцелуй меня, малышка... Пойдем сегодня в ресторан, я приготовил сюрприз...

Забывшись, Лана захлебнулась соленой водой и с хрипом вскочила на ноги. Кашель сковал горло. Как будто из нее пыталась выйти растоптанная любовь, давно умершая и никому не нужная.

Руслана выбралась из моря, подобрала сумку и поплелась обратно в дом. Чертов Эдуард!

Стоило расслабиться и насладиться жизнью, как он мгновенно возник в мыслях и отравил существование. Сейчас Лана не отказалась бы и от присутствия Марка. По крайней мере, рядом с ним она не думала о прошлом. Прошное... Она вошла в дом и застыла посреди гостиной. Лана обязана выяснить, что произошло между бабушкой и Натаном. И пока она рыщет в чужом прошлом, то забудет про свое.

До Северного кладбища Лана успешно дошла сама. «Яндекс-навигатор» вел ее по запутанным улочкам старой части города, и она ни разу не заблудилась.

Чем больше Руслана знакомилась с Русамией, тем сильнее недоумевала от поступка бабушки. Сбежать из столь чудесного места? Русамия – словно оазис посреди земного шара. Здесь все по-другому. Чистые, аккуратные улицы, стройные ряды коттеджей украшали старую часть города. Вдалеке за мостом виднелись небоскребы в центре Велидара. А воздух пах сахарной ватой.

Нет. На месте бабушки Руслана даже под угрозой смерти не уехала бы из Русамии. Ни за что.

Перед ней неожиданно выросли кованые ворота. Овальная табличка из металла гласила: «Северное кладбище». Вперед убегала широкая дорога, по бокам от которой разлетались четко вымеренные могилы. У каждой свое место. У каждой свой номер.

Какие-то могилы свежие, закрытые венками, те, что постарше, укрыты подстриженным газоном. А надгробные плиты, как на подбор, одинаково серые, высятся над ними.

Некоторое время Руслана пыталась сориентироваться, в какую сторону идти, потом неуверенно направилась вперед и вскоре сообразила, что чем больше уходишь в глубь кладбища, тем меньше становятся цифры на надгробиях. Вскоре она дошла до 199 и свернула направо.

Имена, фотографии покойников сливались перед глазами в единую массу, и только цифры горели ярким огнем. Где-то в отдалении гроыхнула гроза, и Руслана вздрогнула. Но дождя не должно быть. По крайней мере, по прогнозу. И она продолжила идти.

109, 108... 106, 105, 104...

Руслана замерла. С серого памятника на нее смотрело усталое мужское лицо. Темные волосы коротко подстрижены, уголки губ опущены вниз.

«Волков Натан Валерьевич. 21 июня 1931 – 3 июня 2016».

Такая долгая жизнь. И столько печали в глазах. Никаких надписей на памятнике нет. Несколько одиноких цветов, искусственных, как и скорбь тех, кто их оставил. И больше ничего.

Руслана нахмурилась и засунула в вазу люпины, которые перед этим бережно собрала во дворе. Достала из сумки бутылку воды и вылила внутрь.

– Ну, вот. Теперь другое дело. Ты ведь любил люпины, верно? – Она задумчиво посмотрела на фотографию деда, но, как и ожидалось, ответа не услышала.

– Спасибо за дом, – снова заговорила Руслана. Она не знала почему, но испытывала необъяснимую потребность высказаться. – Я только начала, но обещаю, доведу его до блеска. Приглашаю бабушку, только она отказывается приезжать. Уж не знаю, что между вами приключилось, но она обычно не сердится долго. Так что ты побил все рекорды.

Руслане показалось, что лицо на памятнике разгладилось, а на губах деда возникла легкая усмешка.

Она моргнула, но ничего не изменилось. Натан продолжал улыбаться, и Лана нервно потерла ладони.

– Я еще навещу тебя. И принесу свежие люпины, – пробормотала она.

Желание говорить с Натаном пропало. Наоборот, ей хотелось как можно скорее оказаться дома. Лана уже повернулась, чтобы уйти, но краем глаза заметила соседнюю могилу, и тоска выстрелила в самое сердце. Она застыла, словно сама превратилась в памятник. И не сводила глаз с надгробия молодой девушки. Белокурая, улыбчивая, она как будто обнимала весь мир.

«Марьянова Елизавета Андреевна. 21 июня 1931 – 21 июня 1951».

«Жди меня, мой ангел. Когда-нибудь мы снова будем вместе».

А внизу выгравированы цветы. Руслана сразу узнала их, ведь точно такие же она только что поставила в вазу Натана.

Елизавета... Она родилась и умерла в один день. И ее день рождения совпадал с днем рождения Натана. Голова пошла кругом. Ошибка, совпадение?

Чувство безысходности охватило Руслану, и она отшатнулась. Грудь сдавило, а сердце беспомощно заколотилось. Безумно заболела шея, и Лана беспощадно растерла ее руками, но не помогло. Невидимый огонь продолжал обжигать.

– Хватит, – прошептала она одними губами и развернулась к дороге, – хватит...

Пока она бежала, спиной ощущала два внимательных взгляда, и жуткий страх охватывал все сильнее. Ведь это были взгляды с того света.

Очутившись за воротами кладбища, она почувствовала тошноту. Резкая боль в животе согнула Руслану пополам, и она упала на колени. В груди разросся огненный шар, перед глазами помутнело.

Небосвод вздрогнул от жуткого грома, и на Лану упали первые капли. Беспричинная боль прошла. Уступила место панике, которая проникла внутрь Русланы, словно тайный агент, чтобы выведать ее секреты.

Лана запрокинула голову и уставилась на темные тучи. Они дрожали от переполнявшей их воды, и оставались считанные секунды перед тем, как ливень прольется на землю.

Пошатываясь, Руслана встала и побрела в сторону дома. Она проклинала собственную наивность и глупость. Поверить прогнозу погоды? Оставить дома визитку таксиста? Лана застонала от злости, которая граничила с истерическим смехом. Тридцать минут под дождем. Тридцать минут страха, ужаса и безумия.

На лоб упала первая капля, и ее обожгло холодом. Руслана вздрогнула и замерла. Она не выдержит. Не сможет...

Следом за первой каплей полетела вторая, и Руслана сорвалась с места. Она бежала так, как никогда не бегала на утренних пробежках. Натренированные ноги несли вперед, стараясь обогнать дождь. Лане чудилось, что за ней по пятам течет река из миллиардов дождинок, готовая унести ее на тот свет. И она почти уверилась, что злополучный дождь наслали Натан и таинственная Лиза. Их взгляды, скорее надуманные, чем реальные, продолжали выедать дыры в спине Русланы.

Как бы быстро она ни бегала, опередить стихию ни у кого еще не получилось. Ливень обрушился на Лану, смывая барьеры, которые она пыталась возвести. Волосы прилипли к лицу, сарафан мгновенно намок и приклеился к ногам, мешая бежать. Воздух наполнился душным запахом горячего асфальта. Паника ударила по вискам. Руслана закричала, захлебываясь водой и слезами. Но она продолжала бежать, уже не понимая, где тротуар, а где дорога. Не понимая, где дом.

Руслана вылетела на пешеходный переход и, как будто вдалеке, услышала визг тормозов. Краем глаза увидела белый «Лендкрузер». Дыхание перехватило, шок парализовал тело, и она застыла, не в силах сдвинуться с места. Огромный автомобиль надвигался на нее, словно снежная лавина, и в последнюю секунду замер.

Лана стояла под дождем, содрогаясь от ледяных уколов ливня, словно ее били кнутом. Бессильно глядела, как дверь машины распахнулась и на дорогу выпрыгнул мужчина. Он кричал на нее, но она не слышала. В ушах барабанил дождь. Лицо незнакомца превратилось в кляксу, сплошное бежевое пятно.

Последнее, что Руслана запомнила, это странные мысли, засевшие в мозгу: «Как холодно... Не стоило умирать в такую погоду, теперь все время холодно...»

Она очнулась в теплом салоне машины. По крыше стучал ливень, словно отбивал чечетку, и этот звук слился в непрерывный гул, звучащий в ушах.

Руслана посмотрела на водителя. Его профиль сначала показался незнаком, но потом ее осенило. В кончиках пальцев закололо от такого совпадения. Лану чуть не сбил единственный знакомый человек в Велидаре.

– Марк? – неуверенно позвала Руслана и села.

Погладила приятную на ощупь кожу сиденья, вдохнула запах еще нового автомобиля. Мужчина глянул в зеркало заднего вида и хмыкнул:

– Очнулась, блондиночка. Ты отняла у меня несколько лет жизни, когда вылетела на дорогу прямо перед машиной, – голос Марка окатил Руслану ведром ледяной воды, но ей стало легче. Когда он говорил, она не слышала дождя.

– Прости, – проямлила она.

– Ты о чем думала вообще? Так жизнь достала, что решила все послать к чертям? И как вообще ты попала в этот район? Здесь кладбище недалеко, специально подбирала место, чтобы умереть? – Ядовитые вопросы обжигали, но абсолютно не цепляли Руслану.

Постепенно она успокаивалась и была готова ехать бесконечно. Лишь бы не возвращаться в мир, полный воды.

– Начался ливень, я испугалась, – Лана перевела дух, – и побежала. Я даже не заметила дорогу.

– Чего испугалась?

Их взгляды скрестились в зеркале, и Руслана отметила, что он спросил без ехидства. В глазах горело настоящее недоумение. И искреннее беспокойство. Она посмотрела в залитое водой окно и поморщилась:

– Дождя. Я боюсь дождя. Теперь можешь смеяться.

Руслана напряглась, ожидая естественной реакции на признание. Все смеялись. Всегда. Но смеха не последовало. С удивлением она обернулась к мужчине и вместо улыбки увидела поджатые губы и морщинку, пересекающую лоб:

– Это и ливнем-то назвать сложно.

Лана еще раз выглянула в окно и молча согласилась. Обыкновенный дождь. Даже молнии больше не сверкали. Но в тот момент ей казалось, что начался конец света.

– И откуда у тебя такая странная фобия?

– С детства. Точнее, с рождения. Бабушка говорила, я даже маленькая заходилась плачем, когда начиналась гроза. И наотрез отказывалась выходить из дома, пока дождь не закончится.

– Твои тараканы в голове, видимо, пируют, – усмехнулся Марк. – Всегда считал, что цвет волос на многое влияет.

– Слушай, отцепись от моих волос! – взвилась Руслана. – Тебя в детстве что, блондинка побила, что ты теперь ядом исходишь?

Марк скривился:

– Можно и так сказать. Ладно, не кипятись, Русалка. Не скрою, мне нравятся брюнетки с третьим размером груди. – Мальчишечья улыбка растянула его губы.

Руслана вспыхнула и скрестила руки, прикрывая небольшую грудь, которую облепило мокрое платье.

– Я не русалка, и меня не интересуют твои вкусы, – процедила она. – Буду благодарна, если отвезешь домой и больше не станешь пытаться меня убить.

– Нечестно! Ты чуть не подставила меня, попытавшись умереть, так что мое предложение насчет обеда теперь не обсуждается.

– Издеваешься? Ты не переносишь блондинок, а ради тебя я краситься не собираюсь, – прошипела Руслана.

– Ну, иногда все-таки хочется разнообразия. А ты почему сопротивляешься? Я – красавчик, богатый. Так что, Русалка, ты теряешь шанс. – Он ухмыльнулся в зеркало, и Руслане захотелось ударить его голову об руль.

– Повторяю, я – не русалка! А ты – вовсе не красавчик. И мне не нужны мужчины.

– Ты – лесбиянка? – искренне удивился Марк. – Тогда это все объясняет.

– Да пошел ты! – вскрикнула Руслана и на ходу приоткрыла дверь, намереваясь выпрыгнуть.

Но сильный ветер и дождь мгновенно отрезвили ее, и она быстро закрылась.

– Психованная, сиди на попе ровно. Скоро приедем, – проворчал Марк. – У меня таких, как ты, бесчисленная очередь.

– Ну и прекрасно.

– Прекрасно!

В машине стало тихо, и Руслана снова слышала ливень. Он ехидно стучал, напоминая о своем существовании. Но, к счастью, шум дождя постепенно затухал, а вскоре Руслана увидела старый коттедж Натана и безумно обрадовалась. Сейчас она закроется на все замки, затопит камин и будет читать книги, которые нашла в шкафу. Идеальный вечер.

Без мужчин. Без измен. Без дождя.

Марк притормозил возле дома и обернулся:

– Послезавтра у меня вечеринка, если захочешь, приходи. – Он снова сверкнул улыбкой, и Руслана прикусила нижнюю губу, чтобы не ответить.

– Спасибо, у меня другие планы. – Она выскочила на улицу.

– И какие же? В одиночестве дрожать от страха? Есть куда более интересные идеи провести вечер, – прокричал ей вслед Марк.

Вместо ответа на его пошлые намеки Руслана захлопнула дверь машины и побежала к дому, стараясь как можно меньше промокнуть. Только оказавшись в тишине коттеджа, она с облегчением выдохнула.

Дождь давно закончился. Огонь в камине весело танцевал и согревал Руслану мягким теплом. Она сидела в кресле, закутавшись в плед, и задумчиво глядела, как языки пламени заигрывают с ней. В руке блестел полупустой бокал с красным вином, на губах чувствовался его терпкий вкус.

На тумбочке лежала раскрытая книга – «Тринадцатая сказка» Дианы Сеттерфилд. Руслана читала медленно, наслаждаясь каждым предложением, впитывая в себя эмоции, которые вызывала история. Сказка напомнила Лане, что она давно ничего не писала.

После знакомства с Эдуардом она и забыла, какой трепет вызывала в ней чья-то судьба, которую предстояло перенести на страницы. Три толстые книги на полке в ее квартире – все, что осталось от бывшей писательницы. И сейчас она впервые за долгое время задумалась над тем, чтобы вернуться к своей профессии.

«Жизни давно умерших людей – это мое хобби».

Именно на этой строчке Руслана отложила книгу в сторону. Возвращаться к жизни оказалось тяжелее, чем она надеялась.

Лана посмотрела в темное окно, где отражался тусклый свет лампы. Она снова вернулась мыслями к тому, что случилось на кладбище. Станный приступ, скрутивший ее, не поддавался объяснениям. У Русланы возникло чувство, словно в нее кто-то вселился и теперь сидит где-то внутри, дожидаясь своего часа. От этих мыслей волосы становились дыбом, а кожа покрывалась мерзкими мурашками, и Лана начинала жалеть, что отказалась от приглашения Марка. Он – язва, но зато с ним не страшно.

Тихий стук сверху отвлек Руслану от мыслей, и она недоуменно запрокинула голову.

«Показалось», – с облегчением подумала она, и в этот миг стук снова повторился. Как будто кто-то ходил по полу на каблуках. Но очень тихо и едва уловимо.

Руслана нахмурилась и включила старый телевизор. В комнату полились веселые голоса ведущих ток-шоу и немного разбавили гнетущую атмосферу.

– Только мышей не хватало, – проворчала Лана.

Она взяла ключи и встала с кресла прямо в пледе. Расставаться с ним желания не возникало.

На мансарду Руслана еще не поднималась. После дождя она еще долго приходила в себя, а потом силы окончательно покинули ее, и она решила оставить это на завтра. Но теперь невидимая рука подталкивала Лану к лестнице, и она осторожно поднялась вверх. Вставила ключ в заржавевший замок и с трудом повернула.

В комнате было темно, люстра не включалась, видимо, давно перегорела, и Лане пришлось спуститься вниз за фонариком и запасной лампочкой.

Подняться во второй раз оказалось тяжелее. Черная щель между дверью и стеной пугала. Осталось только фильм ужасов снимать.

Руслана глубоко вздохнула и быстро вошла в комнату. Холод охватил ее всю, руки затряслись, и свет фонаря запрыгал по стенам. Как и ожидалось, там никого не было, поэтому Лана, не медля, поменяла лампочку, и яркий свет залил помещение.

Небольшая спальня. Стены нежно-розового цвета, в углу двуспальная кровать, укрытая кремовым покрывалом. Стеклопанельная дверь ведет на балкон. Возле входа светло-коричневый шкаф, а вдоль стены стоит стол. На нем – старинная печатная машинка, возле которой лежит запечатанный конверт и деревянная грубая шкатулка.

Руслана осматривала комнату в странном оцепенении. Тело перестало слушаться, сердце громыhalo. Кровь прилила к лицу, Лана чувствовала, как горят щеки. И беспомощные слезы обожгли глаза. Она сморгнула их и встряхнулась, прогоняя наваждение. Старая пыльная спальня, где по углам висела паутина, влияла на нее так, словно она вскрыла ящик Пандоры.

Лана подошла к столу и провела пальцами по печатной машинке. Она всегда мечтала о такой. Черные клавиши, нажатие которых приводит в действие соответствующие рычаги, и буквы отпечатываются на бумаге. Волшебство для современного общества, древняя магия, почти исчезнувшая.

В машинку был вставлен пожелтевший от времени лист, и Лана с любопытством нажала на клавишу. Та с гулким стуком ударила о ленту, но ничего не проявилось. Краска давно высохла. Зато в воздух поднялась многолетняя пыль, и Руслана чихнула. Взяла шкатулку, но она оказалась заперта. Лана слегка потрясла ею, внутри что-то шелестело.

Мурашки удовольствия пробежали по спине. Она обожала раскрывать чужие секреты, и чутье подсказывало, что сейчас она на них наткнулась. Возможно, спальня принадлежала бабушке, но после ссоры Натан запер мансарду и больше сюда не поднимался.

Воображение разыгралось, и Руслана уже представляла, как брат с сестрой кричат друг на друга, в ярости бьется посуда, хлопает дверь, и бабушка больше никогда не появляется в родном доме. От подобной сцены стало невообразимо грустно.

Руслана плотнее закуталась в плед. Только ненависть могла развести кровные души в разные стороны. И жаль, что это случилось с ее бабушкой.

Последней находкой было письмо, и слой пыли на нем означал, что оно тоже лежит здесь с незапамятных времен. Руслана осторожно взяла его в руки и вчиталась в строки.

От кого: Волкова Натана Валерьевича.

Кому: Тигровой Лилии Александровне.

Лана удивленно вскинула брови и присела за стул, позабыв, что его сначала лучше протереть. Тигрова Лилия? Это имя она уже где-то слышала. И пока Руслана вспоминала, ее пальцы бессознательно вскрывали письмо, таившее в себе чужие переживания, затерянные в паутине времени.

Глава 6

Волчьи цветы

Русамия. Велидар. 1956 год

Ветер хлестал Лилию по щекам и заставлял кровь бурлить от азарта. Она подначивала Эльзу, вынуждая ее скакать быстрее. Ногами крепко обхватывала сильный круп лошади и чувствовала, как мышцы животного сокращаются от бега.

Шпильки вылетели из пучка, и волосы летели следом за Лилией, словно черный пиратский флаг. Смех вырывался наружу. Яркий, звонкий, свободный. Вместе с ним размыкались оковы, которые навесило на Лили общество.

– Опаздываешь, сестренка!

До Лили донесся радостный возглас брата. Эдуард обошел ее справа. Он мчался на крупном жеребце пепельного цвета. Полы рубашки, не заправленной в брюки, развевались по ветру и превращали молодого человека в разбойника с большой дороги.

– Ну! – крикнула Лили и прижалась к Эльзе.

Она не собиралась проигрывать и с легкостью взяла преграду из декоративных кустов. Лили успеет до финиша первой. Успеет!

Условный конец прямой они обозначили красным флажком, который становился ближе с каждой секундой. Она снова обогнала брата и с радостным визгом финишировала. Победа!

– Пришлось поддаться. Не могу же я выигрывать каждый раз. – Эдуард натянул поводья и остановился возле Лили. – Молодец, Воин, – он погладил коня по шее, – ты заслужил яблоко.

Лили глубоко вздохнула, пытаясь выровнять дыхание. Сердце колотилось не только от гонок и желанной победы. Она никак не могла решиться попросить брата об одолжении. И уже второй день засыпала с мыслью, что завтра обязательно скажет ему.

– Утешай себя, утешай, что сделал это из благородных побуждений. – Лили улыбнулась.

Она взглянула в сторону дома. Возле бассейна на шезлонге загорала мама. Синий купальник обрисовывал женственные изгибы тела, а огромная шляпа прятала лицо от солнца.

Марина Андреевна держала в руках роман «Джейн Эйр» и лениво переворачивала страницы. Невольно она воплотила в себе мечты бедняков. Негу, богатство, спокойствие.

– На самом деле это из-за Воина. В последнее время он слишком нежно относится к Эльзе. Боюсь, у них все серьезно, – засмеялся Эдуард.

– Тогда тебе придется поискать для гонок другого коня.

Они направили лошадей к огромной конюшне – главной гордости Александра Николаевича. Брат болтал о предстоящем Дне города. Лилия слушала его вполуха. Она мысленно беседовала сама с собой, уговаривая решиться. Спросить. И каждый раз что-то заставляло ее молчать, будто язык прибили гвоздем к небу.

– Ты слышишь меня?

Лили вздрогнула и растерянно посмотрела на брата.

Эдуард нахмурился:

– Я спрашиваю, только ты будешь выступать на День города?

– Нет, еще Вероника.

– Вероника, Вероника... Я ее видел?

– Возможно. Ее фамилия Савельева.

– Савельева, – задумчиво повторил Эдуард. Его голос изменился. Стал тише и звучал будто из колодца. – Ее отец разорился. У них остался лишь старый книжный магазин.

– Мне говорили, это из-за нас они потеряли бизнес, – произнесла Лили.

Она чувствовала себя неловко, словно выдала чью-то тайну.

– В бизнесе нельзя расслабляться ни на минуту. Так что ничьей вины здесь нет, – уклончиво ответил Эдуард.

– И все же...

– Забудь про это, Лили. Прошло уже лет десять. Я и сам знаю об этом лишь по слухам.

– Зато Вероника не забыла, – упрямо возразила Лилия.

Она вспомнила дерзкий взгляд девушки, переполненный торжеством, когда репортер сфотографировал Лили с Андреем. Казалось, Вероника живет только мыслью о мести.

– Я бы на ее месте тоже не забыл, – тихо произнес Эдуард.

Лили слезла с Эльзы и завела ее в стойло. Ласково погладила лошадь, наградила долгожданным яблоком. А в голове продолжали крутиться последние слова брата.

– Ты знаешь, что послезавтра нас пригласили на прием, который устраивают Ольховы? – Эдуард вышел из конюшни, заправил рубашку в штаны и мгновенно приобрел благопристойный вид.

Лили вытерла вспотевшие ладони о брюки:

– Прием? Отец запретил мне выходить из дома. Я могу ездить только на репетиции.

Она представила косые взгляды, которыми наградит ее высшее общество, и содрогнулась. Еще рано.

– Да. Приглашение пришло сегодня утром. Отец недоволен, но придется идти. Так что наберись храбрости. – Эдуард обхватил ее за плечи. – В конце концов, на фотографиях нет ничего предосудительного.

– Ты прекрасно знаешь, что малейшей оплошности достаточно.

Они медленно брели к дому, и Лили пыталась смириться с предстоящим унижением:

– В их глазах я превратилась в распутную девицу.

Эдуард засмеялся и любовно растрепал ее волосы:

– Представляю, если бы они застали тебя за поцелуем.

– Молчи! Мне бы уже готовили позорный столб. – Лили улыбнулась, но улыбка тут же померкла.

Она поджала губы. Пока они не пришли домой, надо побороть трусость. Ведь идеального момента больше может не быть.

– Плевать. Главное, что ты осталась жива. Если бы не категоричность отца, я бы уже давно нашел Натана и хотя бы пожал ему руку. В благодарность за спасение моей сестренки.

Лили не верила своей удаче. Эдуард сам завел столь желанную для нее тему.

– Так что же тебя останавливает. Поехали прямо сейчас! – Она вцепилась в локоть брата и не сводила с него внимательного взгляда.

– Лили, отец узнает, снова криков не оберешься.

– А мы не скажем ему.

Они остановились недалеко от террасы.

Эдуард вскинул брови:

– Не узнаю послушную девочку. Ты никогда не шла против воли отца, а здесь планируешь побег?

– Это не побег, мы же вернемся.

От нетерпения она стала переминаться с ноги на ногу.

– Посмотри-ка на меня. – Эдуард поймал Лилию за подбородок и внимательно посмотрел в ее глаза. – Тебя тянет туда, как магнитом? Я прав?

Лили сердито вырвалась из его пальцев.

– Я даже не поблагодарила Натана. Что плохого в том, чтобы подарить ему яблочный пирог?

Лилия припомнила, что их кухарка как раз сегодня колдовала возле плиты.

– Ничего, – легко ответил Эдуард. – Если тобой действительно движет благодарность. – Он опять приобнял Лили за плечи и повел к дому. – Одевайся, я подвезу тебя. Уж лучше под моим присмотром, чем ты сбежишь одна и снова попадешь в историю.

От счастья Лили подпрыгнула и поцеловала брата в щеку:

– Спасибо! Ты – лучший брат в мире.

– Эй, без поцелуев, – поморщился Эд и крикнул ей вслед: – И не забудь пирог!

Но Лилию уже полностью поглотили мысли о том, какое платье надеть и какую прическу сделать. Она проскочила мимо матери и быстро поднялась на второй этаж.

Лили помнила, что где-то у нее висело кремовое платье с белыми кружевами. Оно элегантное и не вычурное. Возможно, в нем она понравится Натану больше.

Лилия замерла в коридоре напротив зеркала и испуганно вгляделась в покрасневшее отражение. Понравится? Неужели она действительно хочет ему понравиться? Она нахмурилась. Глупости. Лили подарит Натану пирог в качестве благодарности, и ее совесть успокоится. Сегодня они увидятся в последний раз. Но разве это мешает ей хорошо выглядеть?

«Кадиллак Купе Девиль» медленно плыл по дороге. Именно плыл. Потому что Лили чувствовала себя так, словно находилась в длинном, низком корабле белого цвета. Она не учла того, что брат решит ехать на машине. Надеялась уговорить его пройти пешком. Однако на ее осторожное предложение Эдуард усмехнулся и закатил глаза. Это было многословнее всех возражений.

Теперь Лилия нервничала. Когда Натан увидит, на какой машине они приехали, то точно решит, что над ним надсмехаются. И яблочный пирог полетит в урну.

– Ты помнешь коробку, – бросил Эд и свернул на улицу Дикие Вишни.

Он уверенно вел автомобиль по путаным объяснениям Лили, и она поражалась его способности ориентироваться в городе.

Лилия разжала пальцы, которыми стискивала уложенный в коробку пирог, и глубоко вздохнула. Поправила бежевую шляпку. Та вдруг стала тесной.

– Нервничаешь?

– Нисколько, – солгала она.

– И лжешь, – хмыкнул Эдуард.

Он увидел табличку с номером 5а и остановил машину.

– Неправда, – упрямо прошептала Лили и уставилась на коттедж.

Половина дома была выкрашена в яркий синий цвет. Дверь горела белым пятном, а вторая часть коттеджа оставалась безликой серой стеной. На лужайке стояли ведра с краской, валялась испачканная кисть, а вдоль забора лежала деревянная лестница.

– Боже, какой маленький домик! – присвистнул Эдуард. – Как они здесь помещаются?

Лилия посмотрела на брата и поняла, что он не шутит. Парень действительно недоумевал.

– Думаю, по здешним меркам это большой дом, – с сомнением заявила она.

– У нас конюшня больше, – захохотал Эдуард.

Лили нахмурилась и вылезла из машины, хлопнув дверью. Изнутри донеслись гневные крики брата, но ей было все равно. Она застенчиво замерла перед тропинкой, ведущей к дому, и старалась не глядеть на то место, куда ее швырнули бандиты.

Эдуард вылез следом, и сердитое бормотание сорвалось с его губ:

– Ты же знаешь, я ненавижу, когда ты хлопаешь две... – Он осекся.

Из-за дома долетел звонкий девичий смех, и Лили увидела Кристину. Она шла, засунув руки в карманы джинсового комбинезона, который был явно ей велик. Волосы спутались и торчали в разные стороны. Видимо, девушка пыталась закрутить их в пучок, но тот безнадежно развалился. Несмотря на это, она выглядела очаровательно с полоской синей краски на подбородке.

– Лилия? – Кристина замерла. В глазах читалось удивление. Но замешательство быстро прошло, и она тут же улыбнулась: – Неожиданно и приятно.

Она подошла к Лили и заметила Эдуарда. Легкий румянец украсил щеки девушки, но больше она ничем не выдала своего смущения.

– Привет. Это мой брат, Эдуард, – представила его Лилия. Она хотела продолжить, но он перебил ее:

– Добрый день, – Эд прищурился и оценивающе оглядел Кристину, – рад знакомству. Можно узнать ваше имя?

Брат говорил так, словно сам рвался сюда. И Лили готова была поклясться, что он и думать забыл о собственных предостережениях.

Кристина улыбнулась и растерянно поправила волосы, но ничего не изменилось. Все тот же милый переполох на голове и яркая полоска на лице.

– Кристина. К нам редко приходят гости, поэтому мы рады всем.

Лилия запоздало вспомнила про пирог и протянула девушке:

– Я принесла вам гостинец. Маленькая благодарность. Надеюсь, Натану понравится... – Она пробежалась взглядом по двору, но парень так и не появился.

Кристина разгадала любознательный взгляд Лилии и хихикнула:

– Спасибо. – Она взяла коробку с пирогом и заглянула внутрь. – Аромат! Сама пекла?

Лили прикусила нижнюю губу, но за нее ответил Эдуард:

– Сама она только одевается.

– Тоже неплохо. Твое платье роскошное. – Кристина мельком глянула на Эда и направила восхищенный взгляд на наряд Лили. – Пойду поставлю чайник. На этот раз вы не уйдете от меня без чаепития, – решила она. – Эдуард, не поможете? – Она кокетливо дернула плечом и развернулась к дому. – И, кстати, Натан на заднем дворе. Лили, позовешь его? – крикнула она уже перед самым входом.

Эдуард послушно пошел следом за Кристиной, беззастенчиво наблюдая за ее соблазнительной походкой, и Лили осталась одна на пустынном участке. Она чувствовала, что ее только что обвели вокруг пальца. Кристина специально подстроила, чтобы именно Лилии пришлось идти за Натаном. Да, она хотела этого. Но одновременно боялась.

– Не будь глупой, – прошептала сама себе Лили и распрямила плечи.

Натан не съест ее. Самое страшное – он снова посмотрит на нее тяжелым взглядом, от которого сердце уходит в пятки.

Лилия разгладила складки на платье и с досадой подумала, что идея со скромным нарядом не

получилась. Если по меркам Кристины оно роскошное, тогда в следующий раз Лили придется идти голой, а это вряд ли назовешь скромностью.

Она вздохнула и медленно пошла на задний двор, прислушиваясь к смеху, который заполнил дом. Но сердце вело себя слишком беспокойно. И с каждой секундой ускоряло темп.

Перед Лилией открылся небольшой задний дворик. Одна часть была отведена под клумбу, а на второй стояли простые деревянные качели. Сначала она не увидела Натана, но потом заметила его среди цветов. С трудом, но Лили вспомнила, как они называются. Люпины.

От обилия красок: фиолетовых, красных, желтых, синих – в глазах зарябило. Высокие тонкие стрелы тянулись вверх, в воздухе витал сладковатый аромат. Но чем больше Лили смотрела на цветы, тем сильнее хотела убежать. Странное тянущее чувство появилось в горле, а затем расплзлось по всему телу, как ядовитые щупальца. Она не сдержалась и закашлялась в попытке избавиться от навязчивого ощущения.

Натан вздрогнул и обернулся в сторону Лилии. Сначала его лицо ничего не выражало. Она даже подумала, что он забыл ее. Но затем непроницаемый взгляд ожесточился, губы вытянулись в тонкую линию, а следующие слова заставили Лили оцепенеть:

– Вы меня преследуете?

Натан снял перчатки, испачканные в земле, и кинул на лужайку.

– Я привезла яблочный пирог. Разве благодарность теперь называется преследованием?

Лили мысленно поблагодарила маму. Ее уроки не прошли даром. Сдержанность, вежливость, манеры. В ней растили эти качества с детства.

– Мне казалось, я дал понять, что не нуждаюсь в вашей благодарности.

– Вы – да. А вот ваша сестра весьма не против.

Когда Лили смотрела на красивое, холодное лицо Натана, то догадывалась, что за маской скрываются более глубокие эмоции. И ей хотелось высвободить их на волю.

– Моя сестра не разбирается в людях, – фыркнул Натан.

– А я считаю, что это вы поверхностно судите, – пылко возразила Лили.

Ей отчаянно хотелось доказать ему, что она – не богатая, избалованная девочка. Чтобы он посмотрел на нее как на равную. От подобных мыслей пробивало на истерический смех. Если бы отец узнал, то был бы в шоке.

Натан покачал головой и коснулся самого высокого цветка:

– В переводе с латыни люпин означает – «волчий». Волчьи цветы. Мне всегда нравилось это название. Гордое, величественное. Оно напоминает о том, что я никогда не стану таким. А вот вы наоборот. Рождены для роскошной жизни. И, возможно, вам кажется романтичным – влюбиться в человека ниже себя по сословию, но это совсем не так. Я не собираюсь быть игрушкой в ваших неумелых руках.

Кровь ударила в лицо, и Лили спрятала дрожащие руки за спину. Порывисто шагнула вперед:

– Вы много думаете, Натан. Влюблена в вас? С чего такие поспешные выводы? – Она слегка отступила, потому что удушающее чувство вернулось.

– А зачем самой богатой невесте Велидара возвращаться? – Он навис над ней, как неприступная крепость.

Лили запрокинула голову, чтобы смотреть прямо ему в глаза. Шею заломило. Стало душно, а ладони вспотели. Она пыталась держать себя в руках, но сбивчивое дыхание ее выдавало.

– Хотите сказать, ваше сердце не трепещет рядом со мной?

Голос Натана стал ниже и глубже. Парень коснулся ее лица и провел шершавыми пальцами от виска до подбородка.

– Желание витает в воздухе и видно невооруженным глазом, леди. К тому же я читал газеты и видел ваши любовные похождения. У меня нет желания пополнять их ряды.

Лили вздрогнула, словно ей залепили пощечину. Непрошенные слезы обожгли веки, но она не расплакалась. Нет. У нее достаточно гордости, чтобы уйти с сухими глазами и никогда не возвращаться.

– Я ошиблась в вас! – Она стукнула его кулачком по груди. – Вы – один из тех недалеких людей, которые верят слухам и сплетням. Что ж, простите, что потревожила ваш покой. Больше такого не повторится. Оставляю вас наедине с вашими величественными цветами и грезами о лучшей жизни, – едко бросила Лили и побежала к дому.

Она никогда не позволяла себе выходить из себя, но этот несносный парень наступил на больное место. И она не захотела терпеть.

Чем дальше Лили уходила от разноцветных люпинов, тем быстрее наступало облегчение. Страшное место. Страшный человек. Глупая девчонка.

Кристина проклинала себя на чем свет стоит. В ее доме – богатый, красивый мужчина, а она выглядит как замарашка с улицы. Почему мир так несправедлив? Почему они не приехали вчера, когда она красовалась в лучшем платье?

Кристина схватила нож и нарезала пирог большими кусками. Громыкнула чайником по плите.

– У вас уютно.

Теплый голос Эдуарда волновал тонкие струнки в сердце Кристины. Она перевела дух и повернулась с улыбкой. Молодой человек вальяжно устроился на диване и явно не вписывался в деревенскую обстановку гостиной. Ему пристало посещать приемы в загородных особняках элиты Русамии, а не сидеть на кухне в старом доме Волковых. Семьи обычных рабочих.

– Спасибо. – Кристина поставила на столик тарелку с пирогом. – Подождите минутку, я сейчас приду.

Эдуард кивнул, и под его глубоким взглядом Кристина чувствовала, как краснеет. Она быстро спряталась в ванной комнате и вскрикнула от неожиданности, повернувшись к зеркалу. Краска на лице! Гнездо вместо волос?!

Кристина чуть не заплакала и принялась с ожесточением оттирать полосу на подбородке. Ей это удалось, но кожа покраснелась, и лицо покрылось пунцовыми пятнами. Волосы она распустила и расчесала пальцами. Но они продолжали виться и лежать по своему усмотрению.

Смирившись, Кристина вернулась в гостиную. Чайник уже свистел.

– Вы часто топите камин? – поинтересовался Эдуард.

– О да. Зимой особенно. Но в основном ради тепла. Это раньше мы собирались перед камином и играли в настольные игры, – с придыханием вспомнила она.

Кристина заварила чай и разлила по кружкам. А затем ловко отнесла на подносе в гостиную. Пригодился опыт официантки.

– А что изменилось? – Эдуард взял кружку и вдохнул малиновый аромат чая.

– Жизнь, – не задумываясь, ответила Кристина.

– Это многое объясняет, – с улыбкой произнес парень. – Вы живете с братом?

– Да. Наши родители погибли, когда ему только исполнилось восемнадцать. А мне шестнадцать. Авария, – Кристина села напротив, но не решалась взять кусочек пирога. Крошки могли рассыпаться или остаться на губах. Вместо этого она взяла чашку и спрятала на коленях, сдерживая дрожь в пальцах.

– Соболезную. Тяжелая утрата.

Кристина кивнула. С языка почти срывались многочисленные вопросы, но не хватало смелости задать их. Она не узнавала себя. Скованная, неуклюжая, неприглядная.

– У вас красивые глаза. – Эдуард улыбнулся. – Но мне нравилась ваша полоска на подбородке. Зачем вы ее смыли?

Кристина поджала губы в жалкой попытке сохранить серьезное лицо, но не выдержала и рассмеялась.

– В следующий раз обязательно нарисую снова, – весело заявила она и тут же стушевалась. – Ну, если мы еще увидимся.

– Я надеюсь на это, – признался парень и наклонился вперед.

Он хотел что-то спросить, но в этот момент дверь распахнулась и на пороге появилась Лили. Она расстроено комкала в руках шляпку. Лицо бледное, карие глаза огромные. Маленький напуганный зверек.

– Эд, я хочу домой, – тихо произнесла девушка.

– К чему такая спешка, Лили? – Эдуард удивленно смотрел на нее, и она не знала, что сказать.

– Я устала. Хочу домой. – Она выпалила первое, что пришло на ум.

– Натан обидел тебя? – взвилась Кристина. – Присядь, расскажи, что случилось.

Лили села на диван возле брата, но не стремилась рассказывать. Ничего не случилось. Не сошлись взглядами. Она положила истерзанную шляпку рядом и сцепила пальцы.

– Нет. Мы даже толком не поговорили. Он был занят цветами.

– Ах, эти люпины! – Кристина сжала кулаки. – Он помешан на них. А я их терпеть не могу! Но ты не расстраивайся, Лили. Я знаю, мой брат может быть грубым и нелюдимым, но если узнаешь его лучше, то ты удивишься. Он любит рассказывать старинные легенды, и можно заслушаться. – Девушка изо всех сил старалась оправдать Натана в глазах Лили. Однако она уже все решила.

– Не спорю. Но не со мной. А навязывать свое общество я не люблю. – Лили сделала глоток чая. Постепенно она успокаивалась.

В дверях возник Натан и, чуть пригнувшись, вошел в дом. Только сейчас она поняла, какой он высокий. И сильный.

Лили мысленно застонала. Что с ней происходит?

– Вы еще здесь? – вяло поинтересовался он. – А это кто? – Натан уставился на Эдуарда.

Тот вежливо наклонил голову:

– Эдуард Александрович, брат Лилии.

– Группа поддержки, – усмехнулся Натан и развалился в кресле.

Теперь Лили наглядно видела разницу между двумя мужчинами. Ухоженный, элегантный Эдуард. И огромный, дикий Натан. Как день и ночь. И ее отчаянно тянуло во мрак.

– Натан! – возмутилась Кристина. – Они наши гости. Ты можешь вести себя вежливее?! – Девушка чуть не плакала.

– Незваные гости хуже врагов, – беззастенчиво заявил Натан.

Эдуард скривил губы и встал, слегка отряхнув брюки:

– Теперь мне понятно желание сестры уехать. Кристина, – он поклонился девушке и легко поцеловал ее руку, – спасибо за чай и приятную беседу.

Она покраснелась, а голубые глаза засияли ярче.

– Всего доброго, Натан, – Эдуард коротко кивнул парню и подал руку Лилии, – пойдем, Лили.

Она встала и последовала за братом к выходу, но слова Натана толкнули ее в спину и чуть не подставили подножку:

– Советую вам больше не появляться здесь.

Лилия резко обернулась и окатила парня презрительным взглядом:

– Вы – никто, чтобы указывать мне!

– Ошибочка. Я – хозяин этого дома. И пока вы здесь, то должны слушаться меня.

– Ненавижу вас, – прошипела Лили. – Будьте уверены, больше мы не увидимся. – И она вылетела из дома.

Оказавшись в машине, Лили едва не расплакалась. Неужели проклятье действует? Неужели это правда? А ей так не хотелось верить. Но ведьма сдержала свое слово, а, значит, она должна сдержать свое.

Лилия нетерпеливо ждала, когда брат заведет автомобиль. Сейчас она уедет отсюда, и все проблемы разрешатся сами собой. Она вовсе не влюблена в Натана. Он – грубый, неотесанный мужлан и совсем ей не пара. Будет лучше больше не встречаться с ним. Никогда.

– Мне следовало научить его манерам, – процедил Эдуард.

– Марать руки? – отрезала Лили. – Не глупи. – Она вздохнула.

– Он не имеет права так с нами разговаривать. Но ты права. Следует быть выше дикарских нравов.

«Кадиллак» мягко зарычал. Лили бросила прощальный взгляд на дом. И могла поклясться, что занавески на окне мансарды дернулись, словно кто-то спрятался за ними.

Уже дома Лили вспомнила, что забыла шляпку. Однако возвращаться за ней не собиралась. Маленькая плата за глупые надежды. Она усвоила урок и в повторении не нуждалась.

Глава 7

Тигровая лилия

Русамия. Велидар. 2016 год

Пальцы мяти старую хрупкую бумагу. Перед глазами прыгали поблекшие буквы, фразы наслаивались друг на друга. Но Руслана упрямо вчитывалась в неровные строчки, периодически смаргивая непрошенные слезы. Она словно испытала чувства Натана, когда он писал письмо. Его отчаяние, сожаление и желание хоть что-то изменить.

Эмоции пронзили Лану микромолниями, ведь ее собственная боль от предательства Эдуарда не шла ни в какое сравнение со страданиями Натана.

Письмо выпало из ослабевших пальцев, и Руслана растянулась на кровати. Она смотрела на потолок, но видела то заброшенную мансарду, то надгробные плиты Натана и Лизы – девушки-незнакомки. Она больше не могла находиться в этой комнате и спустилась вниз, прихватив письмо и закрытую шкатулку. Эти люди жили, любили и боролись за свое счастье. Но их время ушло, и настала очередь других делать выбор и ошибаться.

Руслана вытерла мокрое от слез лицо и перевернулась на бок. Она хотела вскрыть шкатулку, но после прочтения письма силы исчезли. Лана даже не могла пошевелить рукой. Полнейшее бессилие навалилось на нее. Она прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Тайны, которые хранил старый дом, оказались тяжелой ношей.

Мои слова ничего не изменят, а действия не вернут тебя. Я прочитал это по твоему взгляду. Ты смотрела сквозь окно, такая крохотная и волшебная, и внутри меня все ломалось. Дождь стоял стеной между нами, хотелось отмахнуться от него, прогнать прочь, а вместе с ним и ту боль, которую мне причиняла наша разлука. Но я не мог. Словно ледяная фигура, застыл на месте и безудержно разглядывал твое лицо.

Хотя мы были далеко друг от друга, но я видел слезы, которые скатывались по твоим щекам. Все бы отдал, лишь бы обнять тебя. Поцеловать. И сказать, как сильно я тебя люблю. Но за нас уже сделали выбор. Бороться? Эти попытки тщетны и бессмысленны. С самой первой встречи я знал, что нам не позволят быть вместе. Но противиться даже мимолетному счастью? Это выше моих сил.

Ни капли не жалею, что узнал тебя. Что судьба подарила мне еще один шанс полюбить. Я благодарен за минуты, которые мы провели вместе. Благодарен за воспоминания. И за мечты о той жизни, которая могла бы у нас сложиться.

Я знаю, что ничего не исправить. И ты останешься моей слабостью, напоминанием об ошибках и самом большом счастье. А еще я знаю, что не решусь отправить тебе это письмо.

Будет лучше, если я больше не появлюсь в твоей жизни. Ты забудешь меня, как страшный сон. Я буду твоей верной тенью, призраком из прошлого, который посмел надеяться, что сумеет искупить грехи... и заслужить тебя.

Прощай, моя Тигровая Лилия. Ты никогда не будешь одинока. Ведь мое сердце навсегда остается с тобой.

Натан.

Утром Руслана вытащила из чемодана ноутбук и бесцеремонно кинула на кровать. Вспомнила, как Эдуард отчитывал ее в Индии за подобное обращение с техникой. А она в ответ заливалась смехом и поддразнивала мужчину поцелуями.

Взгляд Ланы замер на мертвом мобильном. Она уже позабыла его голос, а он, кажется, окончательно стер ее из своей жизни. По щелчку, словно ничего и не было.

Руслана со злости стукнула кулаком по подушке, представляя Эдуарда, и злорадно ухмыльнулась. Синяки здорово украсили бы его лицо. Уж она бы постаралась.

Психологическая разгрузка помогла. Верный способ восстановить расшатанные нервы – избить подушку.

Лана уселась на кровати по-турецки и включила ноутбук. Пока он загорался, она снова перечитала письмо Натана. Дрожь охватила тело, вновь появилось щмящее чувство одиночества. И раздражения. Как бы Лане хотелось, чтобы кто-то так же сильно ее полюбил.

Руслана положила письмо на шкатулку. Та до сих пор была заперта. Она не поддавалась Лане. Ключ от замка, скорее всего, давно потерян, а ломать его Руслана не спешила. Неизвестно почему, но она боялась открыть шкатулку и теперь цеплялась за любую возможность отсрочить этот момент.

Ноутбук доброжелательно пискнул. Лана вставила флешку с интернетом и быстро набрала в поисковике: *Русамия. Велидар. Тигрова Лилия*.

Многочисленные ссылки ничего не дали. Статьи про цветы. Тигры. Книги. Фильмы. Руслана просмотрела список, откинулась на спинку кровати и разочарованно прикрыла глаза.

– Так нечестно, – пробормотала она.

В голове продолжали вертеться надоедливые мысли, которые Руслана успевала ухватить лишь за кончик. Тигрова Лилия. Где-то она уже слышала это имя. Тигрова... Мадам Тигрова.

Руслана распахнула глаза и резко села:

– Точно! «Музей одиноких сердец»! Первая леди!

От радости Лана хлопнула в ладоши. Сердце заколотилось быстрее. Как она раньше не вспомнила болтовню таксиста? Руслана напечатала в строке поиска название музея. В первой же ссылке упоминалось имя Лилии.

Неужели ее дед крутил роман с одной из самых завидных невест Велидара?

Лана ухмыльнулась. А Натан был еще тот проныра. Жаль, что все закончилось так печально. Или это далеко не конец?

В статье рассказывалось об основании «Музея одиноких сердец», но Руслану интересовала его хозяйка. Однако, кроме обрывочных сведений, ей ничего не удалось собрать.

Вдова одного из самых влиятельных политиков...

Мадам Тигрова – выдающаяся балерина...

«Музей одиноких сердец» – самое популярное место среди туристов...

Тигровая Лилия, как ее прозвали критики, уходит со сцены...

Женщина избегает журналистов и не дает интервью...

Руслана фыркнула и глянула на письмо. Ничего общего с ним. Жаль, что в то время еще не было интернета, это бы значительно облегчило поиски.

Лана взяла в руки конверт и взгляделась в затертое число, но сумела разглядеть только год. 1956. Ровно шестьдесят лет назад.

Руслана поежилась.

– Я похоронила своего брата шестьдесят лет назад, – прошептала она всплывшие в памяти слова бабушки.

Лана еще раз посмотрела на год и нервно выдохнула. Неужели она нашла зацепку к драме, которая развернулась в далеком прошлом? К ужасной ссоре между братом и сестрой.

Руслана ввела год и нашла фотографию Тигровой Лилии в молодости. Отсканированная статья старой газеты «Час пик Велидара». «*Леди – вовсе не леди*». Гласил заголовок.

На фото молодая Лили танцевала с кричаще одетым парнем. Красивая, в изящном винтажном платье. Каждая вещь ее наряда намекала на богатство и роскошную жизнь. Черные локоны спускались до талии.

Руслана взяла фотографию, которая стояла на тумбочке, и еще раз внимательно посмотрела на девушку рядом с молодой бабушкой. Теперь незнакомка приобрела имя. Лилия.

К сожалению, качество статьи подвело, и Руслана не смогла прочитать текст, но на всякий случай сохранила на ноутбуке.

– Ох, Ба, из-за тебя я превращаюсь в Шерлока Холмса.

Больше интернет ничего полезного не выдал, и Лана перестала его мучить. На стуле нашла скомканные джинсы, которые валялись там с момента приезда, и вытащила из кармана визитку таксиста.

– Надеюсь, ты расскажешь мне больше, чем всезнающий интернет.

В смартфоне раздалась надоедливые гудки.

– Такси «На колесах» слушает! – прогремел веселый голос таксиста.

Руслана хихикнула над названием и уже серьезнее заговорила:

– Здравствуйте, э-э-э, – она прочитала имя мужчины на визитке, – я бы хотела поговорить с Алексеем.

– Это я!

Лана представила, как лицо добродушного толстяка расплывается в улыбке.

– Очень рада. Меня зовут Руслана, может быть, помните, вы подвозили меня на улицу Дикие Вишни пару дней назад и заодно провели небольшую экскурсию по Велидару.

– А, девушка из России. Помним, а как же.

Руслана поразились, сколько счастья прозвучало в голосе Алексея. Как будто мужчина прилетел из другого измерения, где люди друг другу были искренне рады.

Лана уже хотела задать вопрос, который чуть ли не срывался с языка, но тут ее осенило, и она подпрыгнула от восторга:

– Послушайте, не могли бы вы отвезти меня к «Музею одиноких сердец»? Вы меня заинтриговали.

– Решили последовать моему совету? – Алексей явно был доволен собой. – Конечно, когда вам нужно такси?

– Если можно, то сейчас.

– Слушаюсь и повинуюсь. Через пятнадцать минут ждите возле дома. – И Алексей испарился словно джинн.

Руслана едва успела натянуть на себя шорты и разлетайку, как смартфон снова взорвался мелодией.

– Я на месте, – отчитался мужчина.

– Уже бегу.

Лана схватила сумку, пригладила растрепанные волосы и выскочила на улицу. Внутри все горело от нетерпения. Она уже позабыла это ни с чем не сравнимое чувство ищейки. Когда окунаешься в чужую жизнь, забываешь о проблемах и ищешь факты, детали, малейшие нюансы, которые придадут колоритность истории.

Бабушка ворчливо называла ее работу стиркой чужого белья, но Руслана не брезговала. Особенно когда чувствовала, что нашла жемчужину. А сейчас она ее нашла. Трагичная любовь Первой леди Велидара и никому не известного работяги не могла остаться без внимания. Ведь слишком много секретов таила в себе эта история.

– Ну, как отдыхается? – Алексей резво нажал на газ, и Руслана откинулась на спинку сиденья.

– Замечательно. Отсюда и правда не хочется уезжать.

– А я же говорил! – торжественно заявил мужчина.

Маленькие глазки светились от удовольствия.

– Возможно, получится здесь обосноваться.

Мимо пролетали городские пейзажи. Они выехали из старой части и через мост вернулись в центр Велидара. Вновь выросли высотные здания, улицы переполнились людьми и машинами. Даже сквозь окно различались столичные звуки. Кто-то сигналил, кто-то кричал. Промчался джип, грохочущий от тяжелого рока. Каждый жил по своим правилам, создавая иной мир. Мир бизнесменов, деловых леди и интриг. В старой части города, наоборот, царила гармония, тишина, и поэтому туда тянуло магнитом.

– Послушайте, я хотела расспросить вас о Лилии Тигровой. – Руслана держалась за переднее сиденье. – Меня заинтересовала ее судьба. Видите ли, я – биограф и уже давно ищу новую историю для своей книги. – Она старалась не смотреть, как дико Алексей ведет машину.

Резкий поворот направо, налево. Красный сигнал светофора. Лана перевела дух на небольшой остановке.

– Как интересно. – Мужчина заерзал на месте. – К сожалению, я мало что знаю. Бабушка говорила, что в молодости они сначала не ладили, потом подружились, но жизнь все равно развела их в разные стороны. Она рассказывала о брате мадам Тигровой, Эдуарде. Что очень любила его.

– Эдуарде? – Руслана наострила уши.

Бабушка тоже упоминала какого-то Эдуарда. Вряд ли это совпадение. В этой истории просто не найдется для них места.

– Да. Он уже давно умер. Моя бабушка тоже, – печально произнес Алексей, и на его лице впервые отразилась грусть. Впрочем, ненадолго.

– Сожалею. А как звали вашу бабушку?

Руслана вытащила из сумки потрепанный блокнот и быстро записывала все, что знает.

– Вероника. В молодости Савельева, после замужества Быстрова, – охотно делился Алексей.

– А Лилия? Я читала, что она была замужем за политиком?

– О, наверное. После смерти бабушки я перестал следить за жизнью мадам Тигровой. Это она интересовалась ею до самой смерти. Кажется, Лилия вышла замуж за какого-то графа. У него еще фамилия странная. На букву «М» вроде начиналась...

Руслана задумчиво вывела ручкой на листе прописную «М».

– Значит, Тигрова – это ее девичья фамилия? Но при этом – мадам? Довольно странное сочетание.

Алексей засмеялся и свернул на одностороннюю улицу. Вдоль дороги протянулись спа-салоны, гостиницы, парикмахерские.

– Ну, в молодости она была Первой леди, а когда стала примой балета, занялась благотворительностью, открыла музей, критики стали звать ее «мадам Тигрова». Мне кажется, так круче звучит, – как ребенок, восхитился Алексей. – Почему не по фамилии мужа, без понятия.

– То есть так ее зовут среди людей, – пробормотала Лилия. – Я правильно поняла, она ведь еще жива? «Гугл» немного о ней знает, хотя мне казалось, мадам Тигрова у вас известная личность.

– Конечно, жива. Она – бравая старушка. Но мадам – вовсе не знаменитость. То есть когда-то она была ею, но тогда еще не было глобальной паутины. – Алексей протянул последние слова, словно произнес нечто страшное. – Если бы не бабушка, я бы вообще о ней не слышал. Вы знаете, что я еще провожу экскурсии по Русамии? – переключился он. – Могу показать вам провинции. Или достать билеты во дворец Велидара. Или...

– О, я приму к сведению, – поспешно перебила его Лана.

Она выглянула в окно и увидела внушительное светло-коричневое здание с витиеватой вывеской «Музей одиноких сердец».

– Спасибо, что подвезли и поведали много интересного, – поблагодарила она и расплатилась за поездку.

Руслана вылезла из машины, но Алексей выглянул в окно, и его умильная круглая мордашка доверчиво посмотрела на нее:

– Пустяки. А вы впишете мое имя в предисловие? Ну, или где там благодарят за помощь в написании книги и бла-бла-бла.

Лана захохотала:

– Конечно! Это не обсуждается.

– И вы уже придумали название книги? – полетели вопросы, как стрелы из арбалета.

Руслана закатила глаза. Она еще даже не решила, будет ли ее писать.

– Возможно, «Тигровая Лилия».

– Круто! – Алексей показал ей большой палец. – Звоните, если что. Помните – мое такси всегда «На колесах»!

И мужчина ловко нырнул в автомобильный поток.

Руслана взбежала по широкой лестнице с глупой улыбкой на лице. Алексей умел поднять настроение. Однако при мысли, что из всех таксистов она выбрала того, кто хоть заочно, но был знаком с Лилией Тигровой, становилось не по себе.

Руслана никогда не верила в судьбу, но, возможно, именно она привела ее в Велидар и вручила в руки Алексея.

Билет в музей стоил пятьсот русамийских рублей, и Руслана с тоской отдала чуть ли не последние деньги. Конечно, у нее еще оставались запасы, но они таяли быстрее, чем Лана планировала.

Идея о работе снова показалась заманчивой. Тем более, если устроиться журналистом, у нее появится доступ к закрытой информации. Возможно, ее пустят в архивы, где хранятся старые выпуски газет. Должно же у них быть что-нибудь похожее.

Дети, которые с оглушительным визгом пронеслись мимо, вернули Руслану с небес на землю, и она вспомнила, где находится.

«Музей одиноких сердец» снаружи ничем не выделялся, но его неказистость меркла, когда человек заходил внутрь. Огромный лабиринт из небольших залов плавно вел за собой посетителя.

Первый страх – заблудиться, исчезал, стоило приглядеться к различным экспонатам, и затем из комнаты в комнату, из одного маленького мира в другой лабиринт торжественно направлял гостя.

Руслана переходила от картин известных и малоизвестных художников, на которых горела главная тема – любовь, к античным статуям из мрамора. В Старинном зале под стеклом прятались древние книги, свитки, рукописи писателей Велидара. В Прекрасном зале пестрили цветы. От них болели глаза, а от пряного запаха кружилась голова. Поэтому в следующей комнате Руслана села на скамью из темного дерева с бархатными алыми подушками. И с облегчением выдохнула.

Она не представляла, как мадам Тигровой удалось объединить в одном месте столь несочетаемые вещи. Но у нее получилось. И пока путешествуешь по комнатам, забываешь о времени, пространстве и о себе, полностью растворяясь в ощущениях.

Лана даже позабыла об истинной цели – узнать что-нибудь про Лилию Тигрову.

Она огляделась и прочитала над дверью название зала, в котором оказалась. Секретный. Слово будоражило, но она так и не поняла, что в нем секретного. Скорее комната отдыха. На стенах, судя по надписям, висели портреты аристократов Русамии. А из экспонатов только

небольшая фарфоровая статуэтка, которая стояла в нише на постаменте.

Лана подошла ближе и наклонилась, разглядывая ее за стеклом. Хрупкая куколка в белом потрепанном платье. Маленькое изящное лицо. Оставалось лишь удивляться, как ее вообще могли создать. Столько работы в этих маленьких ручках, миниатюрной шляпке и зонтике.

Руслана восхищенно вздохнула и выпрямилась. Все равно, несмотря на красоту куклы, что-то неприятное исходило от нее. Необъяснимое чувство, которое не поддавалось логике.

– Обычно посетители не задерживаются здесь.

Руслана отпрянула от экспоната и оглянулась. Ей улыбалась красивая молодая девушка. Черные волосы коротко подстрижены, но от этого она не теряла своей женственности. Наоборот. Она напоминала стройную и высокую орхидею, и рядом с ней Лана чувствовала себя неуклюжим подростком.

Черная юбка с высокой талией, белая блузка слегка расстегнута на груди. Даже не трогая ткань, можно было понять, что это брендовые вещи.

Руслана неловко натянула полосатую разлетайку на шорты. Она пожалела, что не надела сарафан. В нем бы она выглядела не столь плачевно.

– Потому что отсюда хочется убежать? – Руслана ляпнула первое, что пришло в голову.

– Отчасти да. Фарфоровая куколка мадам Тигровой вызывает трепет. – Она протянула руку. – Меня зовут Юлиана. Я заметила, что вы гуляете по музею совершенно одна, и решила составить вам компанию.

Руслана пожала тонкую кисть Юлианы, и у нее возникло чувство, что рука девушки слишком невесома для смертной. На ум пришли фильм «Сумерки» и семейство Калленов. Юлиана идеально вписалась бы к ним.

– Очень любезно с вашей стороны. Я – Руслана, – она еще раз с интересом посмотрела на статуэтку. – Так вы говорите, что она принадлежала мадам Тигровой? Хозяйке музея?

– А вы хорошо осведомлены. – Юлиана присела на скамейку и скрестила лодыжки.

Господи, да она даже двигалась как королева.

Руслана боялась пошевелиться, чтобы не опозориться. Никогда раньше она не чувствовала себя так скованно при общении с людьми.

– Да, куколка – Тигровой. Но на самом деле у нее было много хозяев. И сама история статуэтки весьма любопытна, но чтобы ее рассказать, уйдут годы, – засмеялась Юлиана.

Тонкое лицо преобразилось. С него спала маска леди, и перед Ланой открылась обычная девушка, как и она сама.

– А в музее есть еще вещи, принадлежащие мадам Тигровой? – уже более раскованно спросила Руслана.

Юлиана внимательно посмотрела на нее, словно взвешивала «за» и «против».

– Конечно, есть. Могу показать, если вам интересно.

Она встала, и Руслана послушно последовала за ней в следующую комнату.

– Зал «Воспоминаний». – Юлиана обвела вокруг рукой.

За стеклом были выставлены винтажные платья 50–60-х, музыкальные пластинки, парики с модными прическами того времени, мужские костюмы.

Руслана окунулась в ушедшую эпоху.

– Эти наряды из гардероба мадам. Да и вообще все экспонаты так или иначе принадлежат ей.

Лана не сдержала разочарованного вздоха. Это последний зал, а значит, ничего интересного она не нашла.

Руслана достала блокнот и проглядела список вопросов, который успела набросать в такси:

– А вы не подскажете нынешнюю фамилию Лилии Тигровой?

Черные брови Юлианы изогнулись дугой:

– Необычный вопрос. Туристы редко спрашивают об этом. Графиня Маврос Лилия Александровна. А почему вас интересует это?

– Да так, – отмахнулась Руслана. – Я – биограф. Ищу интересный материал для работы.

– Любопытно. – Чувственные губы под слоем красной помады растянулись в улыбке. – Тогда вам надо устроиться в редакцию журнала «Хроники Русамии». Их журналисты откопают даже самые темные секреты любого человека.

– «Хроники Русамии»? – живо отозвалась Руслана. – Я как раз ищу работу. Как вы думаете, там есть вакансии?

– Там всегда кто-то требуется. – Юлиана провела Лану в фойе, из которого начался путь по музею. – Poiщите на сайте объявлений Велидара. Возможно, найдете что-нибудь. Но лучше сразу отправляйтесь туда. В журнале работают довольно странные люди. Суматошные и энергичные. Так что вряд ли они ищут сотрудников через интернет.

– А откуда вы знаете?

Руслана с подозрением посмотрела на Юлиану. Она явно темнила и что-то недоговаривала.

– Я – заведующая музеем. – Она со смехом развела руками. – Вы даже не представляете, сколько журналистов под различными предлогами пытались выйти на мадам Тигрову через меня. Надеюсь, вы не одна из них.

– О нет! – Руслана замотала головой. – Я вообще из России.

– Я так и думала. – Юлиана довольно прищурилась. – Вы всегда можете найти меня здесь. Я – трудоголик. Поэтому, если станет скучно, с удовольствием составлю вам компанию.

– Спасибо. Обязательно воспользуюсь вашим предложением.

Руслана с облегчением выдохнула. Юлиана раскрывалась перед ней все больше, и скованность в общении постепенно исчезала.

– Но сначала отыщу редакцию. А то перспектива стать нищей меня пугает.

Из музея Руслана вышла с легким сердцем, хотя секретов не поубавилось. Графиня Маврос полностью завладела мыслями Ланы.

Глава 8

Знак одиночества

Русамия. Велидар. 1956 год

– Разве можно быть таким бессердечным? – Кристина с грохотом свалила тарелки в раковину.

После ухода Лилии и Эдуарда она не разговаривала с братом, но ужин вновь столкнул их ●нос к носу и заставил нарушить обет молчания.

– Не бей посуду, будешь покупать за свои деньги. Как раз уйдет месячная зарплата официантки, – съехидничал Натан, но Кристина не слышала его.

Она намылила губку и принялась с остервенением драить сковороду. Но затем бросила это занятие, повернулась к брату и скрестила руки на груди, не заботясь о том, что они все в пене.

– Ты презираешь богатых? С каких пор в твоей голове бродят подобные мысли? – прямо спросила она.

Натан растянулся на диване и блаженно закрыл глаза. По-видимому, злость Кристины совершенно его не трогала.

– С недавних, – коротко ответил он.

– Ну уж нет, ты не отвертись. – Кристина подошла к брату и уселась рядом, бесцеремонно подвинув его ноги. – Тебя никогда не волновало социальное различие. А Лили ты буквально втаптываешь в грязь! И хочешь знать почему? Потому что она тебе нравится! – Кристина ликовала. – О да. И не отрицай. Я видела твое лицо, когда ты увидел ее в первый раз. Лили была без сознания, такая красивая и хрупкая, что ты боялся взять ее на руки. Да, да, молчи! – Она закрыла рот Натана ладонью.

Его глаза угрожающе потемнели, но Кристине было безразлично. Она хотела сорвать с него маску грубияна, чего бы это ей ни стоило.

– Ты не знал, как положить Лилию на диван. Несколько раз примеривался и боялся опустить ее слишком резко. Но стоило ей очнуться, как ты надел на себя костюм «мистера Ненавижу-Богатых», только бы она не узнала, какой ты на самом деле. Такая правда тебя устроит?

– Не делай вид, что все знаешь. – Натан сел и вцепился пальцами в край дивана. – Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

– Конечно. – Кристина взмахнула руками. – Только ты у нас всезнающий. А я устала быть отшельницей. Мне двадцать три года, я хочу жить! А ты разогнал всех друзей и отравил все вокруг своей депрессией. Сегодня с Эдуардом я снова почувствовала себя девушкой.

– Кто мешает тебе крутить романы с парнями? – огрызнулся Натан.

Он был напряжен, и Кристине казалось, что трещат не поленья в камине, а мышцы брата. Такой сильный, красивый и... безумно одинокий.

Она села поближе и обняла его:

– Я не могу наслаждаться жизнью и видеть, как ты увядаешь. Прошло почти пять лет. Пора забыть прошлое. Если будешь каждый день беречь раны, они никогда не заживут.

– А если я не могу иначе? Что, если только так я искупаю свою вину?

Его слова пропитались горечью, которая зависла в воздухе, а потом медленно осела на губы.

– Когда же ты поймешь, что не виноват? Это ее выбор. Ее решение.

– Нет!

Натан схватился за голову, поставив локти на колени. Его трясло. Кристина не в первый раз видела такую реакцию и знала: кроме времени, ничего не поможет. Она бессильно наблюдала, как брат борется с внутренними демонами. И проклинала ее:

«Даже на том свете ты отравляешь нам жизнь».

Постепенно парень успокоился. Кристина гладила его по широкой спине и равнодушно смотрела на изящную шляпку Лилии, которую та забыла на столе.

– Ты бы возненавидела меня... – прошептал Натан.

Она удивленно посмотрела на него:

– Почему ты так считаешь?

Но он только покачал головой. Кристина фыркнула и ущипнула брата за плечо:

– Запомни, братец, что бы ты ни натворил, я никогда не возненавижу тебя. Ты ведь моя кровь. А я не из тех, кто на всю жизнь рвет отношения с близкими. Тем более я тебя обожаю! И я тебя съем! – Кристина наигранно зарычала и попыталась укунить Натана за шею.

Он засмеялся и смял ее в объятиях:

– Боюсь, я не в твоём вкусе.

Кристина лукаво подмигнула и кивнула в сторону шляпки:

– Зато я знаю того, кому ты весьма симпатичен. Хотя ты и пытался сделать все, чтобы убить эту симпатию. Тебе не кажется, что пора вернуть вещь ее очаровательной хозяйке?

Натан угрюмо посмотрел на шляпу:

– Хорошо. Но из этого ничего не получится. Слишком мы разные.

– А это не тебе решать.

– Может, стоило сослаться на плохое самочувствие?

Лилия передала слуге палантин и пригладила волосы, которые были убраны в высокую «французскую ракушку». Нервно пробежалась пальцами по жемчужной ленте вокруг шеи. И сильнее прижала к себе клатч, словно он мог защитить ее от осуждающих взглядов общества.

Марина Андреевна погладила Лили по щеке и заглянула в глаза:

– Ты должна быть сильной. Вспомни, чему я тебя учила?

– Изысканность, сдержанность и вежливость.

Женщина улыбнулась и подтолкнула ее ко входу в торжественный зал:

– А также умение признавать ошибки. Вперед, милая. Покажи всем, что Тигровы никого не боятся.

Лилия судорожно вздохнула и сделала последний шаг, очутившись среди элиты города.

Ольховы всегда отличались шиком и безжалостной тратой денег. При этом Господь Бог лишил пожилую пару малейшего тщеславия. Хотя у тех, кто оказывался в огромном зале с натертым до блеска мраморным полом и мириадами изысканных ламп по стенам, складывалось иное мнение.

Госпожа Ольхова с молодости тяготела к вечерам в стиле девятнадцатого века. И гости с радостью принимали правила игры. По центру зала летали танцующие пары, мгновенно подстраиваясь под музыку, которую задавал оркестр, расположившийся на небольшой сцене. Вокруг группировались компании. И между ними порхала, словно прелестная божья коровка, госпожа Ольхова. Тугой корсет едва стягивал пышные формы и придавал пожилой женщине вульгарный вид, но ее радушие и искренняя улыбка затмевали отсутствие вкуса.

Лилия посмотрела на золотые часы размером со шкаф – тиканье не мог заглушить даже оркестр – и подумала, что они больше подходят великану. Огромная стрелка указывала на семь вечера, так что впереди ее ждали как минимум три часа мучений. Сначала танцы, затем ужин из бесконечного числа блюд. Она распрямила плечи. Значит, надо провести их достойно, как и учила мама.

Лили направилась к брату. Тот как раз поймал официанта, снял с подноса два бокала с

шампанским, и нетерпеливо ее поджидал. Она сосредоточилась на золотых искорках в его руках. Но покалывание в спине усиливалось. Внимательные взгляды гостей прожигали платье, прошибали насквозь, а перешептывание, которое доносилось до Лили, стоило пройти мимо, сбивало с ног. Но каким-то чудом она добралась до Эдуарда и беспомощно вцепилась в его рукав, чуть ли не повиснув на нем.

– Считаю, что тебе необходимо выпить целительную жидкость. – Эд передал бокал, и он вероломно задрожал в ее руке. – Тихо, тихо. Ведешь себя так, словно тебя подвергли экзекуции.

– По ощущениям ничем не отличается, – пробормотала Лили и вдохнула тонкий аромат шампанского.

Она редко пила, но сегодня хотелось напиться до потери пульса.

– Потерпи полчаса, и про тебя забудут. Возможно, это к лучшему. Чем быстрее ты очистишь карму, тем скорее восстановишь репутацию.

– Не вижу логики в твоих словах, но надеюсь, что ты прав.

Эдуард широко улыбнулся и притворно-высокомерным жестом поправил бабочку:

– Мужчина в смокинге всегда прав. К тому же у «саранчи» сегодня на обед еще одно блюдо, кроме тебя.

– Да? И кто же?

Лили с любопытством огляделась, но не увидела никого, за кем обычно тянется шлейф скандалов и слухов.

– Семья Савельевых.

Стоило брату договорить, как Лилия сразу заметила худощавого мужчину с проседью на висках. Он шел под руку с женой, которая одаривала всех презрительным взглядом. И этим еще сильнее акцентировала внимание на старом платье. Оно висело на ее угловатой фигуре, скорее уродуя, чем украшая. Позади них шла Вероника. Скромное черное платье-футляр с белым воротником и манжетами превратило ее в послушницу при монастыре. Исчезло дерзкое выражение лица, которое обычно видела Лили. Мыслями девушка находилась где-то далеко. И ей там было лучше, чем здесь.

– Их тоже пригласили? – Лилия пригубила шампанское.

Она пила маленькими глотками, чтобы не вызвать еще больше пересудов.

– Ольховы часто их приглашают, но они не всегда приходят, – задумчиво ответил Эдуард. – Они единственные не подвергли Савельевых изгнанию.

Лили заметила, что брат не сводит взгляда с Вероники, и в его глазах читается сожаление.

– После твоих слов становится страшно. Неужели люди настолько прогнили, что для них деньги – это показатель человечности?

Эдуард встряхнул головой, вырываясь из мыслей, и обнял Лилию за плечи:

– Не для всех. Но у тех, кто поднялся на самый верх, гораздо больше шансов упасть. В отличие от остальных, кто никогда не стремился сюда.

– Твоя философия заставляет задуматься.

Лилия проводила взглядом Веронику. Та вышла на террасу и спустилась в сад. Вероятно, в тени деревьев она хотела скрыться от осуждения.

– Ты знаком с Вероникой?

Эдуард растерянно провел ладонью по волосам:

– С чего вдруг такой вопрос?

– Не увличай. Я видела твой взгляд. Вы знакомы, иначе бы ты не жалел ее. – Лили чуть ли не прижала брата к стене.

– Ну, знакомы. Поверхностно. Какая разница? Отец удавится, если узнает, что я общаюсь с Савельевой.

– Тебя никогда не волновало мнение отца.

– Будь это так, я бы не пришел сюда, – возразил Эдуард.

Лилия устала на пузырьки в шампанском. Последнее время ее переполняла усталость от постоянного контроля Александра Николаевича. Но худшее заключалось в том, что выхода нет. В ее глазах он оставался нерушимым идеалом, которому подчинялись все, в том числе и она.

– О! Дорогие мои, как вам праздник? – Госпожа Ольхова наконец заметила их.

Платье развевалось вокруг нее, словно серое облачко, на котором она летала.

– Чудесно. Дивный оркестр, скажу я вам. – Эдуард мгновенно включил режим джентльмена.

Он поставил пустой бокал на поднос ближайшему официанту и поцеловал пухлую ручку госпожи Ольховой. При этом в его глазах отражалась лишь одна она. Природный магнетизм никогда не подводил.

– Спасибо, мальчик мой. – Женщина раскраснелась и помолодела на десять лет. – Лилия, красавица наша, как твои дела? – Она тактично умолчала о скандальной статье.

– Замечательно. – Лили улыбнулась и восхищенно округлила губы. – Ваше платье изумительно.

Госпожа Ольхова залилась звенящим смехом и покрутилась на месте:

– Все так говорят. Ох, я вижу чету Воробецких. Просту извинить меня. – И женщина упорхнула к новым гостям.

– Лицемерка, – кашлянул в кулак Эдуард.

Лили закатила глаза:

– Неправда. Я сделала приятное человеку. Нет ничего лицемерного в маленькой лжи.

– Главное, не уподобляйся остальным. И не переступи черту, за которой лицемерие проникает под кожу.

Лилия поджала губы. Шутливая перепалка с Эдуардом не помогала отвлечься. Она продолжала чувствовать на себе кривые взгляды, гулкий шепот за спиной, тихий смех. Элита Велидара оценивала Лили, как кобылу на продажу, и с каждой секундой ее стоимость в их глазах падала. Попасть в заголовки газеты – для светского общества все равно что очутиться в чистилище. А для дочери Тигрова вообще не допускались никакие поблажки. Малейшая ошибка, и вновь восстановить репутацию можно лишь за счет удачного замужества.

Лили выдохнула сквозь стиснутые зубы и размяла плечи. Спина затекла от необходимости стоять ровно. Но нужно быть гордой и непоколебимой. И, возможно, от нее отстанут.

Как и предвещал брат, через полчаса внимание к Лилии ослабло, но напряжение никуда не делось. Мышцы налились сталью, и, чтобы хоть как-то расслабиться, она выбралась на террасу. Перед ней раскинулись ветвистые яблони, а тишина приятной тяжестью давила на уши.

Лили спустилась вниз по ступенькам и пошла в глубь парка. Прохладный воздух играл с подолом платья и локонами, которые выбились из прически. Возникла проказливая мысль отсидеться здесь до конца вечера. Но отец будет в ярости. И Лилия не хотела испытывать его терпение.

– Такая сладкая девочка и совсем одна. Говорят, ты работаешь? Теперь папа не может покупать тебе красивые платья, приходится трудиться самой. Хочешь, я помогу? Предлагаю увлекательную работу. Уверен, тебе понравится.

Лилия повернулась на смех и присмотрелась. Но тусклые фонари освещали лишь мужские силуэты.

– Пошел к черту, Игорь!

Голос Вероники она сразу узнала.

– Я не проститутка. Отпусти меня! – взвизгнула девушка.

– Как мы заговорили. Я буду решать, кто ты. И не смей сопротивляться! Заткнись.

Послышался шлепок. Лили вздрогнула и осторожно прошла вперед. Выглянула из-за раскидистого дерева и увидела Веронику. Девушка держалась за лицо, в глазах стояли слезы. Два парня окружили ее и жали к мраморной скамье.

– Что, молчишь? У тебя нет защиты, и ты это знаешь. – Игорь, щуплый молодой человек, довольно засмеялся. – Но мы ведь джентльмены, не так ли, Леонид? – Он обратился к другу, и тот кивнул. – Мы не бросим девушку в беде.

Вероника упала на скамью. Она глубоко дышала и смотрела на мучителей с нескрываемой ненавистью.

Лили прищурилась. Вот о чем говорил Эдуард. Лицемерие проникло под кожу. Она не знала молодых людей, но была уверена, что они знали ее. А отца – тем более.

– Вероника! – воскликнула она и вышла из тени. – Я искала тебя. Утром звонила мадам Ровийяр и просила передать тебе, что внесла изменения в наше выступление на День города.

Парни отшатнулись и подозрительно уставились на Лили. Ее ложь выглядела убедительнее правды. И они засомневались.

Лилия внимательно рассмотрела их:

– Твои друзья? Меня зовут Лилия Александровна Тигрова, рада с вами познакомиться. – Она подошла ближе и смело заглянула им в глаза. Как она и ожидала, ее имя произвело должный эффект.

– Мы уже уходим, – буркнул Игорь.

Видимо, он опасался называть свое полное имя. Обидеть Первую леди мог лишь отчаянный безумец.

Лилия посторонилась и вежливо попрощалась с ними, но они проигнорировали ее слова.

– Ты – последняя, от кого я ждала помощи, но все равно спасибо, – сухо обронила Вероника, когда парни ушли.

Она постепенно пришла в себя. Облизала нижнюю губу, на которой выступила капелька крови. Оправила помятый воротник.

– Не за что. Ты поступила бы так же на моем месте. – Лили присела рядом.

Вероника усмехнулась и достала из-под скамьи вскрытую бутылку шампанского.

– Не думаю. Во мне нет столько благородства.

– Во мне тоже.

Повисла тягостная пауза.

– Врешь и не краснеешь, – наконец заявила Вероника. – Я подставила тебя в клубе. Ты должна была сейчас пройти мимо и сделать вид, что ничего не слышала.

– Люди совершают ошибки, – пожала плечами Лили.

– Как можно быть такой идеальной? – Вероника поморщилась и запила презрение шампанским.

Но ее слова не трогали Лилию. Она вдруг поняла, что за грубой броней скрывается обиженная душа. И хоть невольно, но Лили несла за нее ответственность.

– В моей семье не выжить, если ты отклоняешься от идеала, – с иронией произнесла она. И улыбнулась.

– Неужели никогда не грешила? Ну, кроме похода в клуб? – На лице девушки заиграло

настоящее любопытство.

Лили задумалась, и, когда ее молчание переросло в говорящую тишину, Вероника фыркнула:

– Так я и думала.

Они замолчали. Лили не решалась спросить о том, что, возможно, изменит ее жизнь. И этот страх перед неизвестностью пропитал воздух, который вдохнула Вероника. Казалось, она поняла, что мучает Лилию, и покачала головой:

– Вряд ли ты захочешь знать правду.

– Хочу, – упрямо отрезала Лилия, наплевав на осторожность.

– Все настолько прозаично и банально, что даже вспоминать не хочется. – Вероника поежилась.

Она уставилась на колени и ссутулилась, словно старуха. Стискивала горло бутылки, будто оно было виновато в случившемся. Костяшки тонких пальцев побелели.

– Тигров уговорил моего отца взять кредит в банке, – ее голос дрогнул. – Якобы на бесприкрытое дело, от которого они оба прибавят в деньгах. Папа колебался, но вы, Тигровы, обладаете всепоглощающей харизмой. И он согласился. Думаю, конец ты додумаешь сама.

Лили сидела как оглушенная. Додумать? Она не хотела. Не хотела думать.

– Что произошло потом?

Вероника посмотрела на Лили, словно она была умалишенной:

– Прогорело дело. А кредит пришлось выплачивать отцу. Ведь Тигров был чист. Банку отошла почти вся наша собственность, весь бизнес. Остался старый книжный магазин, который никому не нужен, – выплюнула Вероника. – Падение было слишком большим. Папа зарывается в долги, мама – в алкоголь. Внизу оказалось не так комфортно, как наверху.

Лили вспомнила слова брата. Сегодня он бил прямо в цель или знал намного больше, чем утверждал.

Они сидели на скамье, и камень приятно охлаждал. Лилия молча переваривала историю Вероники, и все, что могла сделать – только беспомощно выкрикнуть:

– Отец не мог так поступить!

На лицо Вероники падали вечерние тени, делая ее старше. Из-за них углублялись морщины возле глаз. И Лилия понимала, что она не лжет. К девушке прочно приклеилась маска усталости, но не обмана.

– Это естественно. Мы пытаемся защитить близких людей, какое бы дерьмо они ни совершили. Но потом наступает момент, когда понимаешь – это бессмысленно. И их поступки не изменятся от твоих слов. – Вероника сделала глоток шампанского и криво улыбнулась: – Вот такая черная сказка.

Лилия смотрела на девушку, пытаясь увязать образ изящной леди с женщиной, которая пьет из горла бутылки.

– Я поступала несправедливо. Навесила на тебя груз вины твоего отца. Но я была ребенком и не могла пойти к Тигрову-старшему, чтобы высказать боль. А к тебе могла.

А потом ненависть превратилась в привычку.

– Мне так жаль, – прошептала Лилия.

Вероника протянула ей бутылку, и она неуверенно взяла ее. Почему-то сейчас Лили не боялась разозлить отца. Разочарование в нем подарило ей некую свободу. Она решила, что тоже имеет право совершать свои ошибки. И сделала огромный глоток спиртного.

– Ох! А ты меня удивляешь. – Вероника хихикнула и снова превратилась в глупую молодую девчонку. Она запрокинула голову и уставилась на звездное небо. – Ольховы единственные продолжают общаться с нами. Но мы редко принимаем их приглашения. Это все равно что

возвращаться в дом, где вырос, и понимать, что он больше не твой.

И вместо тебя там засыпают другие дети, а в тайной каморке спрятаны чужие секреты. Ведь твои уже давно стали достоянием всех.

Слова Вероники осели липким налетом на тело.

– Тебе стоит вернуться в зал. Скоро начнется ужин.

Не зли своего папашу.

– А ты? – Лили поставила бутылку на скамью.

На языке остался терпкий привкус шампанского, слаще обычного.

– Я скоро присоединюсь. Еще чуть-чуть, – она блаженно прикрыла глаза, – мне сейчас так спокойно. А ты иди. Твой мир ждет тебя.

Лилия посмотрела на звезды. Мир ждал ее. Только она не была уверена, что принадлежит ему.

Вероника едва дождалась, когда Лилия уйдет. Воспоминания всколыхнули внутри старые обиды, но она не хотела нагрубить девушке. Лили помогла ей. А она еще не забыла, что такое быть благодарной.

Вероника вздохнула. Как же ей все надоело.

– Мне всегда нравился твой взрывной характер. Твоя честность и прямота.

Она вскинула голову и прищурилась. В темноте разглядела знакомое лицо, а когда парень вышел на свет, сомнений не осталось. Вероника поджала губы. Сердце предательски заныло. Больно, как больно.

– Не думаю, что это хорошая идея, Эдуард.

Эд приподнял брови:

– О чем ты?

Он засунул руки в карманы брюк. Такой недостижимый и невыносимо привлекательный.

Вероника нервно сглотнула:

– Вечер, тишина, сад, и мы наедине. Не нравится мне такая атмосфера.

– Раньше ты не возражала. – Эдуард подошел ближе.

– Раньше я смела надеяться, что ты будешь со мной, несмотря ни на что. Раньше я верила, что для тебя не важно положение в обществе. Раньше... я любила тебя. Но потом твой отец предоставил тебе выбор. И он оказался не в мою пользу.

Вероника отвернулась и крепко зажмурилась, не позволяя слезам показать, насколько она слаба.

– Я думал, ты простила меня, – прошептал парень. – Все не так просто, Ника...

– Нет. Все даже очень просто. Но жаль, что еще и больно.

На этом разговор закончился. Вероника не видела смысла говорить с тем, кто для нее умер.

Лилия устала. Пронизывающие взгляды элиты Велидара раздели ее догола, сняли кожу и аккуратно отделили мясо от костей. А откровенный разговор с Вероникой довершил начатое. Осквернил душу. И сейчас, опустошенная, она ехала домой, мечтая спрятаться под одеялом.

В детстве это помогало избавляться от монстров, живущих в шкафу. Но, к сожалению, они давно вылезли из тени, и тонкое покрывало больше не спасало.

– Как ты себя чувствуешь?

Лили повернулась к матери и уткнулась лбом в ее плечо. Родной запах как будто укутал в теплый плед.

– Теперь лучше.

Лилия чувствовала, что мама улыбается, и уголки ее губ тоже невольно потянулись вверх.

– Самое страшное позади, цветочек. Они закончили препарирование, и теперь эта история покроется архивной пылью.

– Но если тебе понравилось, можем организовать еще один скандал, – вклинился в разговор Эдуард. – Я нутром чую, как богачи Велидара жаждут юной крови богатой невесты.

– Эд! – Лили посмотрела на брата из-под ресниц. – Не думала, что ты такой злой.

– Он не злой, а глупый. – Отец откинул голову на кресло и закрыл глаза. – Только глупец захочет повторить подобное. – И мужчина улетел мыслями к работе.

Эдуард подмигнул Лили и покосился на Александра Николаевича:

– А у кого-то нет чувства юмора.

Лилия вообще не замечала, чтобы отец дурачился. Всегда строгий, замкнутый. Даже с семьей. Лишь однажды она видела его горящий взгляд и безмерное счастье, когда мама выздоровела. Он окрестил тот случай чудом.

Лили отвернулась к окну. Если бы он знал, чего стоило ей это чудо.

Она посмотрела на пролетающие мимо желтые фонари. Их свет навевал уныние, а вечерние сумерки скрывали красоту Велидара. И по темным очертаниям домов Лили смутно догадывалась, где они едут. Несколько дней назад в такое же время она возвращалась домой в машине Натана. А теперь от него осталось лишь жалкое воспоминание, связанное с унижением и разочарованием. С другой стороны, может, у него уже есть возлюбленная.

Простая мысль ошеломила Лилию, и она дернулась к двери, пытаясь вырваться из душного автомобиля. Но реакция на шокирующую догадку прошла быстрее, чем она переварила ее.

Любимая? У Натана? Теперь понятно, кто скрывался в мансарде и почему он себя так вел. Его раздражала глупая богатейка, возмнившая о себе невеста что. И Кристина даже не заикнулась.

Лили скомкала платье, пересиливая желание зареветь. Она обречена жить без подруг. А ведь Лили надеялась, что Кристина разрушит ее одиночество.

Они повернули на Элитную улицу и проехали мимо серой машины рабочего класса, которая показалась смутно знакомой. Лили выглянула через заднее окно, разглядев высокий силуэт. Сердце дрогнуло.

– Кого-то увидела? – Мама вопросительно посмотрела на Лилию.

Она растерянно качнула головой:

– Нет, никого.

И тут же наткнулась на подозрительный взгляд Эдуарда.

Лили отвела глаза и попыталась убедить себя, что ей померещилось, но сердце не верило. Это был Натан. И почему-то он приехал к ней.

Лимузин, который Александр Николаевич использовал только для званных приемов, свернул к особняку Тигровых и остановился возле парадного входа. Лилия быстро выбралась наружу и вгляделась в сторону дороги. Машина Натана была еще там.

Лили чуть было не бросилась туда, но вовремя вспомнила, что родители наблюдают за ней. Пришлось скрутить желание в тугой узел.

– Ольхова – весьма энергичная женщина. – Марина Андреевна элегантно села на софу и сбросила в сторону накидку. – Ее вечера выматывают.

– Если бы не репутация, я бы не ходил. – Александр Николаевич позвонил в звонок.

Через минуту появился слуга – на подносе стояла бутылка виски и два низких стакана со льдом.

– Эд? – Мужчина разлил спиртное и предложил сыну.

– Спасибо. – Парень взял стакан и залпом осушил.

После приема его настроение постоянно менялось. От веселого до депрессивного, и наоборот. Но Лили некогда было гадать, в чем заключается причина. Пока родные приходили в себя, она проскользнула в маленькую залу, где накануне ее отчитывал отец. Не стала включать свет, тихо открыла двери во внутренний двор и растворилась в темноте.

Лили приближалась к знакомому силуэту и не верила в происходящее. Сбежала из дома? Ночью? Только потому, что увидела его? А ведь недавно она окончательно решила оставить Натана в прошлом. Но вот он стоит перед ней. Мужественный, одинокий. И в руках держит ее шляпу.

Лили замерла на тротуаре, недоверчиво разглядывая головной убор. Неужели он приехал лишь за этим? Вернуть обратно?

– Думал, уже не дождусь. – Натан потянулся и устало потер глаза. – Караулил вас вчера, но безрезультатно. А сегодня заметил, как вы уезжали, и решил приехать позже. Уже час жду. За это время сто раз пожалел, что поддался на уговоры Кристи навестить вас. – Он протянул шляпу, и Лили недоверчиво взяла ее.

Испуганно оглянулась на дом, но никто не искал ее. Она надеялась, родные решат, что она уже в спальне.

– Спасибо. Как вы догадались, где я живу?

– Вы не умеете лгать. Дочь Тигрова не может жить ни в каком другом доме, только здесь.

Натан улыбнулся. Лилия растерянно моргнула, но нет, ей не показалось. Он улыбался.

– Я рада вас видеть, – несчастные слова вырвались быстрее, чем Лили подумала о них.

– Вы – удивительная. Я такого наговорил, а вы рады меня видеть. Я бы отправил себя в ссылку.

– У меня глупая привычка прощать людей раньше, чем они извинятся.

– Скорее опасная.

– И это тоже, – выдохнула Лили.

Они неловко смотрели друг на друга. И впервые Лилия не ощущала во взгляде Натана обычной враждебности.

– Вы приехали только за этим? – Она безжалостно скомкала шляпу.

Парень покачал головой:

– Я все-таки хочу извиниться. И пригласить вас с Эдуардом на ужин завтра вечером в наш скромный дом.

Лилия округлила глаза:

– Серьезно?

Со стороны особняка слышались крики. Кажется, обнаружили ее пропажу.

– Абсолютно. Можете ничего не отвечать. Если вы не придете, я пойму. – Натан внимательно смотрел на нее.

– Мы придем, – поспешно согласилась Лили и взглянула назад. – Придем, – повторила она.

Щеки пылали. Хотелось окунуть лицо в кубики льда, с которыми отец пил виски.

– Тогда жду вас в семь. – Натан сдержанно кивнул и обошел машину. – Бегите. Вас уже ищут.

Но Лили не могла так просто отпустить его.

– Почему? – невольно выкрикнула она. – Почему вы переменили свое отношение ко мне?

Натан задумчиво посмотрел на нее, словно сравнивал с кем-то.

– Я ничего не менял. Лишь понял, что бессмысленно притворяться. Где-то там, – он указал пальцем на небо, – уже решили за нас.

Парень завел машину и уехал, как будто никогда и не был здесь. И на Элитной улице снова все встало на свои места.

Ужин. Он пригласил ее на ужин.

Лили, как пьяная, пошатнулась и повернулась к особняку. Она слышала голос брата, который выкрикивал ее имя, но он звучал далеко, словно в другой реальности. Прячась за декоративными кустами, Лили кралась обратно к террасе и упивалась своим крохотным счастьем.

Как жаль, что Натан не поцеловал ее руку на прощание. Хотелось ощутить его прикосновение. Но Лили тут же одернула себя. В его мире все намного проще. И нет глупых ужимок, придуманных правил. Если она нравится Натану, то он покажет ей свои чувства, когда придет время.

Лили пригнулась, перебегая лужайку, и спряталась под широкими ветвями старого дуба. Она зайдет домой и притворится, что не слышала. Папа поверит. Он всегда считал, что девушки витают в облаках. А брату Лилия расскажет позже. Когда родители лягут спать.

Она глубоко вздохнула и прижала ладони к вдруг заледеневшим щекам. От мысли, что придется солгать отцу, внутри словно замерзла душа. Лили выдохнула облачко пара.

Ах, если бы она могла сказать правду. Но отец не оставил ей выбора. Правильно. Нет ничего плохого в ужине с друзьями. Постепенно Лилия успокоилась. Лгать себе оказалось легче, чем другим.

Шепот ветра побежал по листьям, и чей-то протяжный вздох окутал Лили мурашками. Она оцепенела, боясь оглянуться, но когда нечто холодное коснулось обнаженного плеча, с криком отпрыгнула в сторону. А затем попятилась прочь от расплывчатой фигуры.

Белое разорванное платье, покрытое засохшими пятнами крови. Длинные прозрачные руки, которые безвольно качались вдоль тела. И черная веревка, словно змея обвивающая шею.

Хрип вырвался из груди Лилии. Горькие слезы скатились по лицу. Она выронила шляпу из рук, зацепилась за корень и упала на спину. Но продолжала отползать от страшного видения. Она хотела закричать, однако горло как будто ободрали наждачной бумагой.

Секунда, и все исчезло. Но Лили продолжала ощущать мертвый холод, который веял от темного знамения. Она лежала на траве, беспомощная. Раздавленная страхом. Вместо крика из ее груди вырывался лишь болезненный стон.

Лилия видела его. Висельника. Она в этом не сомневалась, как и в том, что проклятье ведьмы действует.

Висельник. Лилия точно знала, что он предвещает. Знак приближающегося одиночества. Она свернулась калачиком на траве и заплакала. Лили уже не слышала, что ее звали. Не помнила, о чем недавно мечтала. Она рыдала, словно надеялась выплакать сожаление от невыносимого дара, который преподнесла ей судьба. Лучше жить в неведении, чем постоянно чувствовать, как горе дышит в затылок.

Глава 9

Абсурдное пари

Русамия. Велидар. 2016 год

Таксист привез Руслану по адресу, который она нашла в интернете. По пути она успела прочитать любопытную статью. Оказалось, здание редакции журнала «Хроники Русамии» относилось к примерам старейшей архитектуры города. Раньше там располагалась редакция газеты «Час пик Велидара». Той самой газеты, в которой Лана нашла статью про Лилию Тигрову. Поэтому когда она вылезла из такси, то оглядела здание жадным взглядом. Ведь внутри, возможно, остался архив, где хранились выпуски газет прошлого века. Но пока что, кроме кричаще-алого цвета, Руслана ничего не видела.

Она спрятала дрожащие пальцы в карманы шорт и вошла в просторный вестибюль. Там было тихо и пусто, но сверху доносился гул голосов, смех и даже визг.

Руслана вспомнила слова Юлианы, что здешние журналисты – весьма экстравагантные ребята. Чем выше она поднималась, тем сильнее убеждалась в этом. И тем больше пропадало желание работать с ними. Но мысль об архиве упрямо подталкивала вперед.

Руслана прошла по коридору и осторожно заглянула в офис. Увиденное не просто поразило. Оно чуть не заставило убежать.

Старые столы были разбросаны по комнате в хаотичном порядке. А журналисты совершенно не попадали под мнение Русланы о цивилизованных людях. У одного парня на голове красовался желто-зеленый ирокез. Другой мужчина был абсолютно лысый с татуировкой на весь затылок. На столе прыгала девушка с длинными дредами, а сбоку притаилась с виду обычная женщина. Если не обращать внимания на проколотую губу и огромные туннели в ушах. Перед Русланой открылось общество неформалов.

По воздуху летали бумажные самолетики, скомканные листы, старые журналы. При этом все десять человек умудрялись одновременно разговаривать. И даже работать.

Лана прислушалась и поразилась, так как они действительно говорили о работе, хотя она не смогла бы написать в такой суете и двух строк.

Девушка на столе хлопнула в ладоши и вильнула широкими бедрами под музыку, которая создавала фон шумящему коллективу:

- У меня есть качественный материал на Эрика Зубровски! – Она подкинула в воздух маленький красный мячик и ловко поймала его.
- Только не говори, что переспала с ним, – заржал парень с ирокезом. Он опасно раскачивался на стуле.
- Пошел ты, Ден. Зубровски – спортсмен и не в моем вкусе.
- Да, мы знаем, что ты таешь от пухлых старичков.

В ответ девушка швырнула в парня мячик. Тот увернулся, но потерял равновесие и грохнулся на пол.

- Спорим, моя статья побьет рекорды? – Она спрыгнула со стола и включила компьютер.
- Спорим! Все равно ты останешься второй. После меня, – донеслось снизу.
- Они снова спорят, – вздохнула женщина с туннелями в ушах и оторвалась от документов.

Она устало заскользила взглядом по офису и наткнулась на Руслану, которая выглядывала из-за двери. словно по волшебству, Лану тут же заметили все сотрудники, и сложилось чувство, что на нее уставилась стая гиен. Воцарившаяся тишина напряженно зазвенела в ушах.

- Подслушивать нехорошо, – задумчиво протянул мужчина, одетый в черное.

Он подошел к Руслане и вытащил ее за руку на всеобщее обозрение, словно нашкодившего ребенка. И прижал к стене.

- Из какой газеты?

Ее окутало облачко сигаретного дыма, и она закашлялась.

– Ваши конкуренты всегда караулят под дверьми? – просипела Лана.

Мужчина задумался и оглянулся на коллег:

– Не поверите, но было пару раз. Повторяю вопрос: из како...

– Я – не шпион! – огрызнулась Руслана.

– Тогда почему прячемся?

Вопрос журналиста поставил ее в тупик. Лана моргнула и подняла руки вверх, признавая поражение:

– Я ищу работу. Мне сказали, что здесь есть вакансии, но я не знала, к кому обратиться.

– У нас нет свободных мест! – воскликнула девушка с дредами.

Все засуетились:

– Может, Арсеев ищет кого взамен?

– Мы же хорошо справляемся.

– Тихо! – приказал мужчина, которого Руслана мысленно окрестила Готом.

Он снова посмотрел на нее и прищурился:

– Ты – русская? Кто тебя возьмет на работу?

Лана закатила глаза. Начинало казаться, что Юлиана специально отправила ее сюда, чтобы поиздеваться.

– Кто у вас отвечает за кадры?

Она проигнорировала вопрос Гота и отошла от него подальше, потому что вдоволь надышалась сигаретным дымом.

– Арсеев. – Журналисты синхронно указали на синюю дверь в дальнем углу.

– Он тебя не примет, – довольно заявила девушка-обезьяна. Такое прозвище дала ей Руслана из-за спутанных дредов. – Иностранка, возможно, шпион, блондинка, – начала перечислять она, загибая пальцы.

– Что? – Лана уставилась на нее. – А при чем здесь цвет волос?

Неформалы засмеялись, но никто не потрудился ей ответить. Лишь молча переглядывались, будто знали некую тайну, без которой Руслане не светит успех. Она стиснула зубы и гордо прошла мимо. Если бы не архив... Лана нашла бы другую редакцию, где работают нормальные люди, а не выпендрожники.

Она постучалась, но никто не откликнулся. Журналисты тоже молчали. Они ждали продолжения спектакля, и Руслану жутко злило, что она получила в нем главную роль.

Глубокий выдох. Она открыла дверь и вошла в кабинет, который олицетворял мечту отчаянного педанта. Вдоль стен высились черные лакированные шкафы, стеклянные двери прятали ровные линии папок. Каждая пронумерована и подписана. Посередине два стола, расположенные в форме буквы «т». А во главе на крутящемся кресле сидел мужчина. Он повернулся спиной к Руслане и говорил по мобильному, любясь видом на центр Велидара сквозь огромное окно во всю стену.

Руслана кашлянула. Мужчина вздрогнул и обернулся. А потом сбросил вызов, не отводя удивленного взгляда от Ланы.

«Иностранка, возможно, шпион, блондинка».

Теперь фраза девушки-обезьяны обрела смысл. Но Руслана все равно не верила. Почему из всего Велидара именно он оказался директором журнала «Хроники Русамии»? Она захлопнула дверь, чтобы не давать журналистам повода повеселиться, и глубоко вздохнула:

– Мне кажется или сама судьба постоянно сталкивает нас лбами?

– Ты точно дал ей взятку, потому что она чересчур старается, – проворчала Руслана и села напротив Марка.

Парень засмеялся и ослабил сиреневый галстук. Сейчас в костюме-тройке он больше не напоминал дачника с огорода. Наоборот, выглядел... слишком привлекательным. Густые волосы, темные глаза – казалось, они знают намного больше, чем говорят.

Руслана с силой прикусила нижнюю губу, и боль ее отрезвила. Такие же мысли крутились в голове, когда она познакомилась с Эдуардом. И ничем хорошим их общение не закончилось.

– Поверь, мне это ни к чему. Если мне нравится женщина, я добьюсь ее сам, без помощи потусторонних сил. – Он крутанулся в кресле, показывая, что весь мир лежит у его ног.

– И я определенно не эта женщина, – добавила Руслана.

– Нет. – Марк хмыкнул. – Но что-то в тебе есть. Наверное, то упорство, с которым ты отрицаешь мою неотразимость. Мужчины – хищники. Нас привлекает то, что надо завоевывать. – Он сложил руки на столе и наклонился к Руслане ближе: – И у тебя хорошо получается.

– У меня иммунитет к хищникам, Марк. Поэтому оставь жалкие попытки и превратись в серьезного человека.

Лану удивило, что за пять минут разговора Марк еще ни разу не заикнулся насчет ее волос. Парень пожал плечами и откинулся в кресле. Лицо расслабилось, исчезла насмешливость, а взгляд приобрел ту серьезность, о которой просила Руслана. Неожиданная метаморфоза лишила ее дара речи, и она прокашлялась.

– Слушаю тебя. Раз ты здесь, значит, пришла по делу. И мне любопытно, что заинтересовало иностранку в моем журнале.

Руслана уставилась на Марка. Ей вдруг стало смешно от сложившейся ситуации.

– Мне нужна работа, – выпалила она на одном дыхании.

Марк молчал, и Лана осторожно продолжила:

– У меня образование журналиста. Есть три опубликованные биографии. После учебы некоторое время работала в московской газете. Опыт интервью имеется, и я настырная. Если меня что-то интересует, то я сделаю все, но найду ответы, – увереннее заговорила Руслана. Внимание парня подбадривало ее, правда, она даже приблизительно не могла отгадать его мысли. – И я бы хотела устроиться работать в ваш журнал, – закончила она.

Марк постучал длинными пальцами по столу, повертел в руках карандаш и снова взглянул на Руслану:

– А что требуется от меня?

– Не прикидывайся, будто не понимаешь! – воскликнула Лана. Она не думала, что будет тяжело перестроиться с дружеских перепалок на отношения подчиненный – начальник. И прикусила язык. – Мне сказали, у вас есть вакансии.

– Значит, ошиблись. В данный момент у меня полный штат. Я же не могу уволить кого-то ради тебя. – Марк развел руками. – К тому же ты – иностранка. И в любой момент можешь упорхнуть обратно в Россию.

– Я получила в наследство дом. И хочу оформить русамийское гражданство. Мне здесь нравится. И я не прошу увольнять кого-то. Могу работать на полставки. Пожалуйста, дай шанс. Эта поездка растратжирила сбережения, мне нужны деньги, – жалобно простонала Руслана.

А еще ей надо попасть в архив. Но об этом она предусмотрительно умолчала.

Марк выдохнул и почесал затылок:

– Вот поэтому я не люблю блондинок. Вы выносите мозг за считанные секунды. И не смотри на меня умоляющими глазами. Я не могу принимать на работу сотрудника, основываясь лишь на

его словах о себе – какой он хороший. Докажи, что ты – профессионал. И тогда я подумаю, что можно сделать, – проворчал парень. Но при последних словах его глаза заискрились смехом, и он добавил: – Нет, я, конечно, знаю, что можно с тобой сделать. И весьма пикантные вещи. Но ты не согласишься.

– Марк! – Руслана скрестила на груди руки, защищаясь от его пошлых нападок. – Хорошо. Хочешь я возьму интервью у какой-нибудь вашей звезды?

– Это может сделать любой из моих сотрудников, – отмахнулся он.

Руслана в отчаянии нахмурилась:

– Ладно. А если я возьму интервью у человека, который недостижим для журналистов?

Марк удивленно вскинул брови:

– У кого?

– У мадам Тигровой. Графини Маврос. Или как вы ее называете, – перечислила Лана.

Марк поджал губы. И пронзительно посмотрел на Руслану:

– Слышал про такую. Но она нелюдима. Я лично пытался поговорить с ней, но наткнулся на пуленепробиваемую стену.

– У меня есть кое-что, что заставит ее разговориться, – самодовольно заявила Лана. – Вещь, которая принадлежит ей.

– Ты даже меня заинтриговала. И что же это?

– Вот так прямо и выложила тебе все козыри, – фыркнула Руслана.

Марк захохотал:

– Уговорила. Завтра на вечеринке жду тебя с отчетом. – Он кинул ей визитку. – Телефон на обратной стороне. Если что, звони.

Руслана хлопала глазами, не ожидая столь быстрого согласия. А потом ошеломленно глянула на часы. Стрелка уже клонилась к пяти вечера.

– Ты даешь мне сутки?! – вскочила она.

Марк печально вздохнул:

– Это реальный мир, блондиночка. Ты получила свой шанс. Не упusti.

Руслане хотелось закричать, что в городе есть другие журналы, помимо этого, но сдержалась. Он прав. Она получила шанс.

Лана засунула визитку в карман и расправила плечи:

– Я принимаю вызов. Завтра будет статья. – Она развернулась к двери, но последняя мысль не давала покоя. – Надеюсь, это не завуалированное приглашение на вечеринку? – Она подозрительно прищурилась.

– Русалка, за кого ты меня принимаешь? Я дважды не приглашаю. Принесешь статью, и свободна. Но, если ты захочешь остаться, я не возражаю, – заговорчески добавил он.

Лана скрипнула зубами. Опять это глупое прозвище.

– Уверена, что не захочу. До встречи, Марк Арсеев. Еще посмотрим, кто будет смеяться последним.

Ответом ей послужила знакомая мальчишечья улыбка на лице парня.

Руслана вышла из кабинета с гордо поднятой головой. Прошла мимо притаившихся журналистов, а перед уходом бросила Готу, который подозревал ее в шпионаже:

– Думаю, мы с вами еще поработаем.

И только оказавшись на улице, Лана поняла, что даже не знает, где мадам Тигрова живет. А часы уже отсчитывали минуты.

Руслана смотрела, как над морем поднимается солнце, и чувствовала, что вместе с восходом она наполняется приятным волнением.

Прошлый вечер Лана провела в многочисленных попытках найти адрес мадам Тигровой. Сначала штурмовала интернет, затем отчаялась и позвонила в музей, но в девятом часу Юлианы уже не было на месте.

Руслана чуть не расплакалась, но вовремя взяла себя в руки. Возникла идея позвонить бабушке, но та точно не передумала насчет призраков прошлого. К тому же Лилия вряд ли жила по прежнему адресу. Скорее всего она переехала в семейное поместье мужа, ведь он был графом. Стоило этой мысли прийти в голову, как пальцы сами застучали по клавиатуре, и всемогущий интернет выдал ссылку с нужным адресом.

Графиня Маврос жила в старинном особняке на окраине Велидара. До него около получаса езды по петляющей дороге вдоль побережья, поэтому Руслана приоткрыла к живописной поездке и со спокойной душой заснула.

Рассвет разбудил ее мягко, но настойчиво, и, полная энтузиазма, она начала день с пробежки по пляжу, затем охладилась в море и ближе к обеду вызвала таксиста Алексея. Когда он понял, куда они едут, то долго не мог успокоиться и заявил, что отвезет ее бесплатно в обмен на подробности встречи. Особого выбора у Русланы не было, так что она согласилась и принялась ждать, подогреваемая любопытством.

– Сегодня чудесный день для прогулок, – тоном гида рассказывал Алексей, пока Руслана, приклеившись к окну, разглядывала пейзаж. – Ясная погода, ни единого облачка, море необыкновенно теплое. Если вы посмотрите направо, то увидите утес Искупления. Свое имя он получил благодаря старинной легенде.

Руслана увидела скалистый выступ, нависающий над морем и поросший зеленой травой. С него наверняка открывался изумительный вид, и Лана решила сходить туда, к тому же от ее дома идти недалеко.

Но в целом утес ничем не привлекал внимания. Ничего примечательного, однако стоило Руслане посмотреть на него, как внутри разрослось знакомое чувство безысходности и снова заболела шея. Она отвернулась и прислушалась к словам Алексея, насильно заставляя себя отвлечься:

– Когда-то в далекие времена, когда Русамия только отделилась от Киевской Руси после свержения татаро-монгольского ига и начинала самостоятельный путь, на берегу Черного моря жила юная девушка Элаиза. Она была влюблена в сына князя Велидара, а он в нее. Но молодым было не суждено быть вместе, так как будущий князь уже был обручен с графиней из богатой семьи. В день их свадьбы Элаиза не выдержала расставания и сбросилась с утеса в морские пучины. Когда молодой человек узнал об этом, то был вне себя от горя, и приказал возвести на утесе памятник в честь Элаизы. И каждый год в день ее смерти он приходил туда и приносил цветы, пытаясь искупить свою вину. Сейчас на месте памятника остался лишь огромный камень, – торжественным голосом закончил Алексей.

– Красиво, банально, глупо, – цинично отозвалась Руслана и стиснула письмо Натана, которое покоилось в сумке.

– Руслана, Руслана. Когда вы полюбите, то узнаете, что из-за любви люди готовы на любую глупость. Даже смертельную, – печально заметил таксист.

Лану передернуло, и она скривила губы.

«Нет. Любви мне определенно хватило».

– В любом случае я бы ни за что не покончила с собой из-за мужчины, – резко заявила Руслана.

После ее слов перед глазами потемнело и в ушах раздался девичий крик, от которого волосы на руках встали дыбом. Она вздрогнула, но приступ почти сразу прошел.

Алексей как ни в чем не бывало вел машину, по радио играла романтическая мелодия. И только

у Русланы сердце вырывалось из груди. Она глубоко задышала и прикрыла глаза. В следующий раз обязательно возьмет шляпу, а то от солнца начинались галлюцинации, из-за которых становилось не по себе.

Поместье графини Маврос полностью соответствовало представлениям Русланы о старинных домах. За роскошными узорчатыми воротами располагался подъездной двор. К парадному входу вели две песчаные дороги, разделенные широким водоемом. Его покрывали кувшинки белых лилий, и от подобной красоты замирало дыхание. Три этажа высились над просторной зеленой лужайкой, а по краям особняка вверх улетали башенки со времен эпохи Ренессанса. Венецианские окна приветливо взирали на гостей и очень гармонично вплетались в фасад здания, отделанного серым камнем. А к широким арочным дверям с витражными вставками вели изношенные ступени, пережившие не одно поколение хозяев.

– Почему-то у меня странное чувство, что меня не впустят. – Руслана с восхищением и тревогой разглядывала поместье графини.

Алексей так медленно вел машину, что слышался скрип песка под колесами.

– Глупости. Мадам Тигрова такой же человек, как и мы. Главное, не бояться, – пробормотал он, но было видно, что его тоже ошеломил вид особняка.

– Интересно, сколько здесь комнат? Сто, двести?

– Меня больше интересует, сколько людей здесь заблудились? И всех ли нашли?

Руслана засмеялась над забавными страхами Алексея. Мужчина остановил такси напротив входа.

– Ну, ни пуха ни пера, – самой себе пожелала Лана и тут же ответила: – К черту!

– Я жду вас здесь. Если меня прогонят, тогда найдете за воротами, – опасливо заявил Алексей. Его добродушное лицо растянулось в улыбке.

Руслана кивнула. Она вылезла из машины и нервно расправила черное кружевное платье до колен. Из ее вещей оно оказалось самым официальным, но красные сандалии разбавляли чопорность. Увы, кроссовки смотрелись бы еще смешнее.

Лана сжала ремешок сумки и поднялась по ступенькам. Она напонила себе о пари и что не может позволить Марку выиграть. С этими мыслями Руслана нажала на современный звонок, который не вписывался в старинную атмосферу особняка.

Когда она уже приготовилась к долгому ожиданию, двери распахнулись, и Руслана увидела высокую полную женщину в черно-белом платье горничной. Служанка возвышалась над Ланой, словно неприступная крепость, и она ощутила себя маленькой надоедливой мошкой.

– Здравствуйте, – пересилила себя Руслана и вежливо улыбнулась, – извините, что без приглашения, но могу ли я встретиться с Лилией Александровной? У меня есть вещь, которая, возможно, заинтересует ее.

– Журналистка?

Оценивающий взгляд пробежался по Лане, и она поежилась.

– Нет, я из России. Иностранка, – в который раз национальность служила оправданием. – Арендную дом в старой части Велидара и нашла письмо, адресованное Тигровой Лилии. – В качестве доказательства Руслана вытащила конверт и показала имя графини.

– Ее сиятельство не любит старые вещи, – пробурчала служанка и отступила в сторону. – Я проведу вас в приемную гостиную, но не обещаю, что графиня спустится. Ей семьдесят девять лет, и она не заводит новые знакомства.

– Я понимаю.

Руслана покорно последовала за женщиной по длинному коридору и вошла в уютную залу, уставленную пуфиками и мягкими винтажными креслами. Служанка ушла, и Лана устроилась на низкой софе, обтянутой зеленым бархатом. Перед ней открывались огромные окна. Пушистый бежевый ковер устилал пол, а в воздухе витал приятный запах мяты и мелиссы. Время неизбежно потекло вперед.

Лана успела перебрать в голове многочисленные вопросы, с которых бы хотела начать, и думала, как красивее оформить статью, чтобы у Марка не осталось шансов, но как только в гостиную вошла невысокая седовласая женщина с теплыми карими глазами, мысли улетучились в никуда.

Это была настоящая леди. И если раньше Руслане казалось, что ее бабушка выглядит как царица, то по сравнению с графиней Маврос образ Кристины Валерьевны бледнел и расплывался. Легкая поступь, убранные в пучок длинные волосы, безмятежное выражение лица, успешно скрывающее мысли.

– Здравствуйте, ваше сиятельство. – Руслана вскочила и незаметно вытерла вспотевшие ладони о платье. – Меня зовут Руслана Жигарева. Я...

Женщина подняла руку вверх, призывая к молчанию, и задумчиво остановилась. Она разглядывала Руслану так, словно перебирала ее косточки, открывала сокровенные тайны и придирчиво изучала биографию. И, видимо, она пришла к определенному выводу.

– Нам не о чем разговаривать, – ответила графиня и повернулась к выходу.

Вся радость от встречи рассыпалась, как разлетается бисером дешевый браслет.

– Мадам Тигрова, ваше сиятельство! – испуганно воскликнула Руслана. – У меня есть письмо от Натана Волкова, вы...

– Я знаю, зачем вы здесь. – Лилия обернулась и мягко улыбнулась разочарованной Лане. – Но еще не время. А раз не время, то и разговаривать не о чем.

– И вы даже не хотите взглянуть? – прошептала Руслана.

Поведение графини сбивало с толку. Но между ними повисло необъяснимое напряжение. Воздух потяжелел, и стало трудно дышать. Грудь сдавило, пульс участился. Женщина явно знала больше. Намного больше.

– Это ваш путь, не мой, – ответила ее светлость. – Свой я уже давно прошла.

Последние слова Лилии звенели в ушах Русланы, пока она шла за служанкой к парадному входу.

«Свой путь я уже давно прошла».

Она никак не могла понять, что крылось за этой фразой. А дрожащие пальцы сжимали отвергнутое письмо.

Руслана упала на заднее сиденье такси и увидела вопросительный взгляд Алексея. Она обреченно вздохнула:

– Это полный крах. Вместо ответов я получила очередную долю вопросов и окончательно запуталась.

– Ничего не вышло?

Она с сожалением мотнула головой.

На прощание Лана бросила взгляд на поместье и заметила одинокую женскую фигуру в окне второго этажа.

«Мой путь? И я должна пройти его сама? Слишком сложно. Зато Марк будет в восторге», – угрюмо подумала она.

Руслана шла по пляжу, понуро пиная песок, и уже издалека услышала смех и зажигательную музыку во дворе Марка.

«Вот абсолютно счастливый человек», – раздраженно решила она.

Лана представила его сияющее лицо, когда она скажет ему о своем провале. Ну и плевать. Найдет работу в другом месте. В конце концов, если сама мадам Тигрова отказывается с ней разговаривать, а бабушка молчит, как партизан, может, этой истории суждено быть погребенной под слоем времени? Возможно, и так, но никто не отменял ее собственное

любопытство.

Она поднялась по склону и вошла через заднюю калитку, которую играючи раскачивал ветер. «Желтый домик», как назвал его Марк, был настоящим коттеджем.

Руслана даже мысленно распланировала его обстановку. На первом этаже личный спортзал, учитывая подтянутое тело парня, на втором – спальни, а на третьем – бильярд. Кухня ему точно не нужна.

Задний двор разительно отличался от скромного и заросшего двора Русланы. Посередине был внушительный бассейн, вокруг него стояли шезлонги, на которых лежали загорелые девушки. Возле них толклись молодые люди. В углу двора расположился диджей с аппаратурой и мини-бар, откуда гости вытаскивали пиво в неограниченном количестве. Но, несмотря на сногшибательных парней, любимчиком женщин, несомненно, оставался водолаз Марка – Кот. Пес радостно всех облизывал, а как только увидел Руслану, тут же помчался к ней.

– Привет, – Лана присела на корточки и почесала мини-медвежонка за ухом, – ты один искренне мне рад, хотя знакомство у нас не заладилось.

Кот счастливо гавкнул, и Руслана засмеялась, но вовремя спохватилась, когда на нее стали поглядывать с любопытством. А кто-то и вовсе с подозрением.

В подобной компании Лана чувствовала себя лишней. Поэтому всегда избегала клубов и шумных вечеринок.

– Извините, где я могу найти Марка? – Руслана обратилась к девушке, которая оказалась ближе к ней.

Брюнетка в черном маленьком бикини посмотрела на нее поверх очков и горлышком бутылки указала на вход в дом.

В дверях стоял Марк. Узкие синие шорты подчеркивают рельефный живот, белая футболка перекинута через плечо, оголяя загорелый торс. Слишком идеальный. Слишком не для Русланы.

Марк заметил ее и приветливо помахал. В отличие от остальных он пил кока-колу. В бутылку был даже вставлен розовый зонтик с трубочкой. Вполне в стиле парня.

Марк обошел бассейн и направился к Руслане. При этом почти все девушки хищно следили за ним.

Лана удивленно фыркнула. Неужели он не чувствует эти взгляды? Или ему нравится?

– Рад, что ты пришла. Но почему такая печальная и где статья? – Он посмотрел на ее пустые руки.

Руслана выпалила на одном дыхании:

– Интервью провалилось. Графиня оказалась весьма эксцентричной женщиной. Она посмотрела на меня и сказала, что нам не о чем разговаривать.

Марк поймал губами трубочку:

– Она решила, что ты – журналистка.

Руслана задумалась.

– Вряд ли, – она покачала головой, – мадам заявила, что еще не пришло время. Что она этим хотела сказать, черт знает.

Парень довольно хмыкнул:

– Значит, ты проиграла?

Их взгляды встретились, и Лана ощутила, как жара усилилась.

– Да, – короткое слово далось тяжело.

– Печально. А я уже свыкся с мыслью, что придется взять тебя на работу, – вполне искренне расстроился Марк.

– Пустяки, найду еще где-нибудь.

«Или уеду домой».

– Знаешь, у меня все-таки есть для тебя предложение. Ты можешь работать моей личной секретаршей, – Марк поиграл бровями, – все прилично и официально. Конечно, можно и неприлично. Но только с твоего позволения, – быстро добавил он.

Первым желанием было накричать на него, выплеснуть накопившееся разочарование, но потом Руслана взглянула на это под другим углом и... рассмеялась. Он озадаченно посмотрел на нее.

– Спасибо, я подумаю.

Конечно, она не согласится быть на побегушках у Марка, даже ради архива.

Руслана почувствовала на себе колкий взгляд и заметила, что брюнетка в бикини испепеляет ее. И это была не пустая ревность. А самая настоящая злость.

Лана вздрогнула и постаралась не смотреть в сторону девушки.

– Скажи, почему твои журналисты – все сплошь неформалы?

Марк хитро подмигнул:

– Хотел собрать компанию оторванных парней и девчонок, которые откопают любые секреты, и у меня получилось. Кстати, не хочешь пива или колы? – спохватился он.

– Нет, спасибо, – Лана увидела, что брюнетка идет к ним, – я уже ухожу, – но мягкий голос остановил ее:

– Марк, ты не познакомишь нас? Вы так долго разговариваете, что я даже ревную.

Брюнетка обняла мужчину за талию и положила ему голову на плечо. При этом внимательно изучая Лану.

– Диана, что за глупости ты говоришь? Ты не можешь меня ревновать ни к кому. Ты – самое очаровательное создание. – Марк ущипнул девушку за бедро, и та засмеялась.

Руслана мысленно скривилась.

– До свидания, – холодно попрощалась она и выскочила через калитку.

Лана быстро спустилась к морю и зашла в прохладную воду, чтобы остудиться. Охладить и тело, и чувства. Она сама не поняла, почему ее вдруг задело, что Марк обратил внимание на другую. Но поспешно убедила себя, что любой женщине будет неприятно, когда тебя игнорируют.

– Русалка!

Крик позади заставил Руслану тихо зарычать. Первым до нее добежал Кот, а следом и его хозяин.

– Мне пришлось оставить Диану одну. Когда я вернусь, меня ждут обиды на всю жизнь, – посетовал Марк и согнулся пополам, пытаясь отдышаться.

– Стареешь? – съехидничала Руслана.

– Нет. Тяжко бегать на полный желудок. Я не хотел тебя обидеть. – Марк стал неожиданно серьезным. – Просто Диана такой человек, что лучше ее не злить. Она бывает немного не в себе.

– Значит, тебе нравятся психопатки?

Злость на парня испарилась. И Руслана даже не пыталась отрицать, что ей польстило его извинение.

– Мне нравятся русалки, – честно признался он.

Они застыли друг напротив друга.

Марк на берегу, Руслана по колено в море. Кровь прилила к лицу, и даже прохладная вода не помогала.

– Не надо, Марк, – отчеканила Лана, выбралась на берег и направилась к дому.

– Что не надо? Подожди. – Парень схватил ее за руку, и сердце предательски дрогнуло.

Мужские жесткие пальцы, слегка шершавые. Она забыла подобное прикосновение. И тело отреагировало соответственно. Руслана резко вырвала руку и прижала к себе, словно обожглась. Грудь учащенно поднималась.

– Я обычно избегаю блондинок. Детская травма и все такое, – невнятно пробормотал Марк. – Но как познакомился с тобой, почему-то не могу выкинуть из головы. Даже Диана не помогает. Постоянно думаю о твоих сердитых глазах. Или как ты смеешься. Меня впечатляет твоя настойчивость. А также искренность. Я давно не встречал таких искренних людей, как ты.

Руслана покачала головой:

– Не надо всего этого. Я уехала в Русамию, спасаясь от боли. Не хочу вновь это испытать. – Она повертела на руке золотые часики и сморгнула вдруг накатившие слезы. – Ко мне, как магнитом, притягивает проблемных парней, так что я боюсь ошибиться. А твое окружение... – Она запнулась.

Марк выглядел потерянным. Наверное, не привык, чтобы ему отказывали.

– Черт, не везет мне с блондинками, – засмеялся он. – Но почему-то именно этот цвет меня манит, как свет мотылька.

Руслана натянуто улыбнулась.

– Я не буду у тебя работать, прости, – прошептала она и пошла домой.

Марк не окликнул ее, а она не обернулась. Так будет лучше. Вокруг него одни фотомодели, Лана не отвечает его вкусам. А то, что он себе придумал, глупости. Лучше остаться друзьями и не переступать опасную черту.

Только оказавшись в коттедже и захлопнув дверь, Руслана обнаружила, что истерла запястье часами в кровь. Злость накатила, как цунами. Она сняла несчастные часы и швырнула в угол зала. Стекло треснуло. А вместе с ним треснула броня Русланы.

Лана вытерла невольную слезинку и закрылась в спальне, так и не подняв с пола подарок Эдуарда. Морально тяжелый день навалился на нее в один момент. И едва она коснулась подушки, как глаза закрылись сами собой.

Руслана с трудом разлепила веки и со стоном потянулась. Спина онемела, шея затекла, и теперь каждое движение отзывалось болью. Она приподнялась и отцепила от щеки скомканный лист, который за ночь успел к ней приклеиться. Недоумение сменилось беспокойством.

Лана обнаружила, что лежит в мансарде. Она оглядела печатную машинку и море листов бумаги, разбросанных вокруг. На ней – ночная рубашка, в которой она заснула. А кончики пальцев сбиты в кровь, словно ими безжалостно стучали по клавишам. Голова закружилась, сердце заходило ходуном.

«Что происходит?»

Единственный вопрос так и не слетел с губ. Она не помнила, как поднималась в мансарду. Руслана вообще не помнила, чтобы просыпалась. И все же она здесь. И очень похоже, что всю ночь она печатала на машинке, для которой даже не удосужилась купить ленту.

Лана протянула руку и осторожно нажала на клавишу. Рычаг дернулся, но на бумаге не осталось следа. Краска высохла. Однако напечатанные листы, окружившие ее, словно стоя

полосатых птиц, доказывали обратное.

Руслана отодвинула стул и встала на онемевшие ноги. Кислорода не хватало. Она, как безумная, хватала ртом воздух, но не могла надыхаться. Колени подогнулись, и Лана снова упала на пол. Дрожь сотрясала тело, от паники помутнел взгляд. Она подтащила к себе листы и нашла тот, где в углу стояла цифра 1.

Внутри ее догорало сердце. Слезы покатались по щекам, но Руслана читала, несмотря на боль и тоску, от которой хотелось кричать, пока не сорвешь голос. И буквы плясали перед глазами, воскрешая мертвую историю прошлого.

Любовь...

Любить позволено не каждому...

Глава 10

Печальная сказка

Русамия. Велидар. 1956 год

– Но почему?

Лилия не отрывала взгляда от брата, но он проигнорировал ее. Эдуард поправил темно-синий галстук перед зеркалом и нахмурился отражению. Поставил белый воротник, пригладил уложенные волосы. И словно не замечал умоляющих глаз Лили.

– Эд! – воскликнула она.

– Что ты хочешь от меня услышать? – буркнул молодой человек.

– Почему ты отказываешься идти на ужин к Натану?

Лили нервно комкала бело-синее платье и чувствовала, что слишком туго затянула корсет. Или же в спальне брата было чересчур душно. В любом случае ей катастрофически не хватало воздуха.

– Потому что я видел, как он обращается с тобой. Раз. Во-вторых, после вчерашней истерики, которую ты устроила, родители вряд ли отпустят тебя из дома. К тому же на свидание с *ним*, – презрение пропитало слова Эдуарда.

– Я же объяснила, что в темноте спутала дерево с человеком, – запинаясь, сказала Лили.

– Зачем ты вообще туда пошла! Ах да. Теперь-то я знаю. Натан! – Парень скептически взглянул на нее и добавил: – И твое оправдание звучит нелепо. Придумай другое.

– Эд, при чем здесь это? Натан пригласил нас на ужин, остальное не важно.

– Ты себя слышишь? *Остальное не важно*, – передразнил брат.

Лили прижала ладони к щекам и резко отвернулась. Жарко, очень жарко. Она подбежала к окну и распахнула его настежь. Свежий ветер хлынул в лицо, даря облегчение.

– Я очень хочу пойти, – отчаянно, но едва слышно прошептала Лилия. Эдуард ее услышал. – Вот увидишь, он изменился. Не знаю почему, но хочу узнать. А для этого надо, чтобы ты пошел со мной. – Она снова повернулась к брату.

Он покачал головой, словно не верил в ее слова.

– Господи, когда ты успела влюбиться в него так сильно?

– Я не... – начала было Лилия, но запнулась. И опустила взгляд.

«Что «не»? Не люблю? Тогда что это? Почему ради его улыбки я готова лгать родным и сбежать из дома? Сумасшедшая», – горько обозвала себя Лили.

– Допустим, – вкрадчиво произнес брат, и от неожиданности она вздрогнула, – допустим, я соглашусь. Что ты скажешь родителям, а в особенности отцу?

Фраза Эдуарда сбила Лили с толку. Первый порыв – броситься ему на шею, но последние слова убили всю радость от его почти что согласия.

– Я... мне нужно развеяться после вчерашнего стресса, и ты согласился свозить меня к морю, – неуверенно предложила она. – В какой-то степени это правда.

Эдуард хмыкнул:

– Сдается мне, твоя истерия – не что иное, как гениально разыгранный спектакль, лишь бы улизнуть из дома. – Он засунул руки в карманы и покачался на пятках.

Лакированные туфли блестели, словно черные крылья ворона. Лилия поспешно отвела взгляд. Ей уже везде чудились предостережения.

– Если бы, – пробормотала она.

– Хорошо, – Эдуард схватил пиджак и направился к двери, – я вернусь к шести. Ты успеешь подготовить маму к тому, что решила прогуляться с любимым старшим братом, а я возьму на себя отца.

Лилия не верила собственному счастью. Больше всего она боялась, что брат предоставит ей лгать родителям самостоятельно.

Эдуард замер перед дверью и задумчиво оглянулся:

– Даже думать не хочу, что будет, если отец узнает. Лучше предупреди своего ненаглядного, чтобы не вздумал прилюдно выказывать тебе симпатию. – Неожиданно он улыбнулся. – Удивительно, почему я согласился тебе помочь?

Лилия не выдержала и засмеялась:

– Потому что там будет Кристина.

В ответ брат промолчал. Но, видимо, ответ Лили заставил его задуматься. И он вышел из комнаты.

Лилия упала на кровать Эдуарда и закинула руки за голову. Неужели она действительно уговорила его? И сегодня вечером увидит Натана?

Лили боялась верить себе. Потому что стоило на минуту стать счастливой, как появлялась причина для грусти. Она вспомнила вчерашнее видение, и по телу прошли судороги. Ее долго не могли успокоить. Очень долго...

Лили лежала на кровати, свернувшись калачиком. Шторы криво задернуты, дорогие туфли небрежно сброшены на пол. Она сжимала себя за плечи и дрожала, как будто через дрожь пыталась избавиться от тоски.

Брат нашел ее во дворе без сознания. Она очнулась у него на руках, когда он занес ее в спальню. Вцепилась в его пиджак, боялась, что он исчезнет. И зарыдала.

Потом ее сознание накрыл беспроглядный туман. Лилия видела перепуганные глаза служанки, бледное лицо матери, но ничего не понимала. Она никак не могла убежать от ужасного видения, которое несло с собой смерть и одиночество. Но если бы Лили еще понимала, что до нее хотят донести? Кроме страха, она ничего не чувствовала.

Постепенно сквозь гул в ушах пробился ласковый голос матери, и шок от пережитого поутих. Лили задышала ровнее и посмела улыбнуться, подозревая, что ее улыбка больше напоминает гримасу.

– Девочка моя, – Марина Андреевна приложила прохладную ладонь к горячему лбу Лили, – что же ты увидела такое?

– Ничего, – без сил прошептала она.

– Ничего? Значит, это было очень страшное «ничего».

Женщина укрыла ее одеялом и укутала, как в детстве. На душе стало спокойно и тепло. Напасти отступили, и вот Лили вновь десять лет, и самое ужасное, с чем она столкнулась в жизни, – это ободранная коленка. Она не знает, что ее ждет впереди. Не знает, что мама болеет раком и все вдруг поменяется. Исчезнет беззаботность. Исчезнет детство. Останется только Лили и трудный выбор, который ей предстоит сделать.

– Я перепутала в темноте дерево с мужчиной и подумала, что это вор или убийца, – сбивчиво пробормотала Лилия.

Мама скептически на нее посмотрела. Неуверенно приоткрыла рот, словно хотела что-то спросить, но передумала. Поджала губы. Зато ее взгляд сказал намного больше, чем осмелилась сказать она.

– Знаешь, – женщина скинула туфли и устроилась на краю кровати, – я расскажу тебе старую сказку.

Лили прижалась к ней, прислушиваясь к мерному стуку сердца, и блаженно вздохнула. Как

же ей хотелось, чтобы время остановилось. Но оно неумолимо двигалось к точке невозврата. И Лилия знала – наступит момент, когда биение мамино сердца превратится в воспоминание.

– Однажды, – заговорила Марина Андреевна, – жила-была маленькая девочка. Сильная и уверенная в себе. Она никогда не рассказывала о своих проблемах и решала их сама, как бы тяжело ей ни было. Девочка отказывалась от помощи близких людей, потому что хотела оградить их, и не замечала, что с каждым днем держать спину прямо становилось тяжелее и тяжелее. А гордый подбородок опускался ниже и ниже. И как-то раз злая колдунья узнала, что она ничего не боится, и решила испытать ее силу. Колдунья сказала, что мама девочки умрет, если не отправиться в темный лес и не принести волшебный камень, который дарит власть над смертью. Девочка не испугалась и нашла этот камень, хотя ее путь был долог и тернист. Она принесла его колдунье, но та только рассмеялась ей в лицо. Сказала, что мама все равно умрет, ведь ничто на свете не может остановить смерть. Камень лишь продлил жизнь матери на год, и, когда пришло время, ангелы забрали ее на небеса. Но девочка не могла смириться со смертью матери и продолжала искать способ вернуть ее назад. Она искала и искала. Детство закончилось, жизнь протекала мимо, а девочка продолжала искать. И вот, когда она состарилась, к ней снова явилась колдунья. Печально посмотрела на нее и сказала: «Есть вещи, которые нельзя изменить. Их надо принять, иначе потеряешь намного больше. Потеряешь свою жизнь». Девочка до такой степени хотела вернуть маму, что не понимала – эта проблема не решится никогда. И она не смогла вовремя остановиться. Груз непосильной ноши сломил ее.

Голос Марины Андреевны затих.

Лилия медленно обдумывала печальную сказку матери, не решаясь сказать хоть слово, потому что боялась – голос ее выдаст. Неужели мама догадывалась о том, что пришлось сделать Лилии ради нее? Но как? Откуда? Или же материнское сердце подсказывало ей?

Лили зажмурилась. Губы дрожали, хотелось закричать во весь голос, признаться в страшном секрете, который она обречена хранить еще двадцать пять лет. День в день. Но она не могла. Лилия не была готова потерять мать. Она давно сделала свой выбор. И ни за что не откажется от него. Возможно, поэтому она так отчаянно цеплялась за Натана? Словно пыталась доказать себе, что проклятье ведьмы ничего не значит... и она свободна?

– Благодаря девочке мать прожила на один год дольше, – наконец прошептала Лилия.

– Верно. Только она этого не поняла. Не поняла, что и так сделала невозможное. Целый год – ведь это много. А девочке казалось, что нет. И она обрекла себя на вечные страдания.

– Она любила мать. Что в этом плохого? – Лили подняла голову и заглянула женщине в глаза.

Марина Андреевна улыбнулась и поцеловала ее в лоб:

– Ничего. Но девочка должна была помнить, что каждому дается лишь одна жизнь, и для матери – самое главное, чтобы ее дитя было счастливо. И не тащило на себе невыносимую тяжесть одиночества.

Лилия уткнулась носом в плечо Марины Андреевны, но не нашла что сказать. Она сделала свой выбор. И не откажется от него ни за что. Даже ради собственного счастья.

Лилия подошла к окну и прижалась щекой к холодному стеклу. Она не понимала, откуда мать догадывалась о причинах ее чудесного исцеления. Но вряд ли Марина Андреевна знала правду. Иначе расплатой бы послужила смерть. Но ее молчаливое предложение освободиться от проклятья потрясло Лили, и она отчаянно пыталась убедить себя, что мама просто не знает цену. А она слишком высока.

– Теперь пути назад нет, – прошептала ведьма. – Последний штрих, и твое желание исполнится!

Лилия отдернула руку к себе и с силой сжала кровоточащий палец. Свеча снова вспыхнула разноцветным огнем. Она смотрела на него и чувствовала, как сознание уплывает. На тело накатило безволие.

Лили впала в транс и словно со стороны наблюдала, как ведьма подходит и протягивает к ней тонкую руку с длинными ногтями, как у кошки. Прижимает к ее груди, там, где бьется сердце, и не отводит темного взгляда от Лилии.

– Тридцать лет твоя мать будет жить, и тридцать лет ты будешь одинока. Для тебя запретны любовь и дружба. Никто, кроме семьи, не должен испытывать к тебе подобных чувств. Иначе... Проклятье не дремлет. Никогда! – Глаза ведьмы жадно заблестели. – И если ты нарушишь уговор, оно обрушит на тебя кару. Пресекай любую симпатию. Любые попытки. Тридцать лет. День в день. Неси обет молчания, и твоя мать будет жить.

Лили вдруг ощутила, как острые ногти колдуньи впились прямо в сердце, хотя ее рука не шевелилась. Она закричала и попыталась оттолкнуть женщину, но тело не подчинялось. Острая боль пронзила Лили насквозь. И когда она подумала, что больше не выдержит, ведьма оттолкнула девочку, и она без сил упала на пол.

Лилия чувствовала, как слезы катятся по щекам, в горле застыли рыдания. Она не понимала, что сделала, не понимала слов ведьмы. Ей было лишь четырнадцать лет. И Лили хотела вернуться домой к маме и обнять ее. И тогда все будет хорошо. Однако она ощущала странные перемены внутри себя и понимала. Все изменилось.

– Настанет время, и ты вновь придешь ко мне, – промурлыкала ведьма. – Но не забывай. Договор есть договор, юный цветок.

Лили сползла вдоль стены на пол и уткнулась в колени. Она не забыла. Но и не верила. Не хотела верить. Разве может такое прекрасное чувство, как любовь, навредить Натану? Нет, это невозможно. Невозможно!

Лили вскинула голову и решительно сжала кулаки. Она докажет этой ведьме, что проклятье не имеет над ней власти. Лилия сама распоряжается своей судьбой, и никакая магия не повлияет на нее. Ничто и никогда!

Глава 11

Трагедия Лиззи

Русамия. Велидар. 2016 год

Любовь...

Любить позволено не каждому. Когда я поняла, что вхожу в число избранных? Мне было четырнадцать. Слишком рано, но не тогда, когда тебе отмерена короткая жизнь. В этом случае нужно успеть многое. Совершить все ошибки, которые люди растягивают на долгие годы. Влюбиться неистово, пылко, навсегда. И разрушить все легким движением руки. Как падает карточный домик, так рухнула и моя жизнь...

Я смотрела в окно и от нетерпения кусала губы, дергала себя за волосы и не могла прекратить. Мама постоянно прикрикивала на меня, но я не слышала. Взглядом искала его. Когда же он появится и заберет меня? Когда?

Наконец мои молитвы были услышаны, и я увидела долгового мальчика с копной черных волос. Большая отцовская куртка висела на нем мешком. Он казался высоким и неуклюжим. Но сердце сладко замерло. Не важно, какой он. Смешной, растрепанный или неловкий. Он – родной. А остальное не имело значения. – Мам, я гулять.

Вряд ли мама слышала. С кухни повеяло запахом подгорелых пирожков, которые она хотела продать. А это значит – испорченный товар и шквал ругани.

Я поспешно выскочила из дома и понеслась навстречу другу. Его губы растянулись в улыбке, когда он увидел меня, и острое лицо преобразилось. Синие глаза напомнили драгоценные камешки. Кажется, они назывались сапфирами. И мне хотелось смотреть на них вечно.

– Натан! – Я кинулась ему на шею.

Он подхватил меня, словно младенца, и закружил вокруг себя.

– Ты долго, – сердито ударила я его кулачком по плечу.

Парень засмеялся и поставил меня на землю. Затем с задумчивым видом засунул руку в карман, долго-долго что-то искал и наконец вытащил. На его ладони лежал круглый леденец в зелено-красную полоску. Он был обернут прозрачной бумагой и закреплен золотым бантиком. Такой красивый и нереальный.

– С днем рождения, Лиззи.

Я смотрела на подарок и чувствовала, как слезы противно щиплют веки.

– Не верю, Натан! Такие леденцы только Снежный дедушка может найти. – Дрожащими руками я взяла волшебный подарок и даже боялась вдохнуть. – Ты ограбил магазин сладостей!

Парень хмыкнул:

– Знал, что тебе понравится.

Я внимательно посмотрела на Натана, на его загрубевшие руки, которые с двенадцати лет трудились на заводе после уроков. На впавшие щеки, потому что он экономил на обедах. Я знала, сколько стоит леденец. И понимала – таких денег у Натана нет.

– Эй, – он обеспокоенно заглянул в мои глаза, – ты что, плачешь?

Я крепко зажмурилась и замотала головой. Но вредные слезы уже текли по лицу. В конце концов я не выдержала и зарыдала в голос. Только почувствовала, как Натан притянул меня к себе. Уткнулась носом в его грудь. Всхлипнула:

– Я буду хранить леденец всю жизнь.

– Но тогда ты не сможешь его съесть! – засмеялся Натан.

Я подняла голову и серьезно посмотрела ему в глаза:

– Любовь не едят. Ее берегут.

– Как скажешь, малявка. – Он растрепал мне волосы.

Я взвизгнула и отпрыгнула в сторону, но леденец не выпустила из рук.

– Ты еще не видел мой подарок, – самоуверенно произнесла я и заговорщически вытащила из кармана широкой юбки маленький нож, – он тоже особенный.

Натан округлил глаза и, подыгрывая, закрыл голову руками:

– Надеюсь, ты не проткнешь меня этой штукой?

– Глупый. – Я прыснула от смеха и потащила парня за собой. – Пошли быстрее. Нас не должны видеть.

– Ты меня интригуешь.

– Самое интересное впереди.

Мы бежали по дороге, будто две беззаботные птицы, парящие высоко в небе. Рожденные в один день, с самой первой встречи мы знали, что предназначены друг для друга. О таких, как мы, в книгах красиво писали: две половинки единого целого. И если исчезнет одна, перестанет существовать другая.

Мы свернули и спустились по склону вниз к морю. Свежий воздух наполнил легкие, песок тут же забился в обувь. Быстрее, быстрее. Мы бежали вдоль побережья, опережая закат. Я запыхалась, но вместо усталости меня переполняло радостное возбуждение.

– Чем дальше мы бежим, тем сильнее мне кажется, что ты решила меня зарезать. – Натан хохотал.

Я с криком повалила его на мокрый песок, и мы упали прямо в воду. Вверх взметнулись соленые брызги.

– Ты намочил мое платье!

– Оно все равно некрасивое, – съехидничал парень, за что получил еще один тычок.

Задыхаясь от смеха, мы выбрались из моря. Я проверила драгоценный леденец и кивнула на утес Искупления. Он находился совсем рядом. Песчаная полоса резко обрывалась, и над морем нависал скалистый зуб, метров пятнадцать в высоту, который укутался травой, словно пледом, и сердито взирал на черные буйные волны, обивающие его подножие.

– Идем туда, – прошептала я. – Ты никогда не задумывался над тем, какое красивое слово «искупление»?

Мы поднимались по склону, солнце приятно обжигало кожу.

– Нет.

Натан смеялся, и мне нравилось слушать его звонкий смех. Это был наш день. Да, вечером нас ждет небольшой семейный ужин. Моя мама принесет некрасивый, но необычайно сладкий торт. Отец Натана и Кристины будет играть на гитаре, а их мать наденет самую нарядную юбку и станцует, как когда-то в молодости. Но сейчас мы лишь вдвоем, и никто не смел нарушить этот момент.

Чем выше мы забирались, тем сильнее становился ветер. Он безжалостно растрепал мои волосы, и пришлось заплести их в кривую косу.

– Ты – белокурый бесенок.

Натан подтолкнул меня в спину, и мы оказались на самой вершине утеса. Море раскинулось перед нами, словно бесконечный ковер, убегающий вдаль. Стоит протянуть руку, и вот оно лежит на ладони. Бери его. Морской воздух опьянял, им невозможно было насытиться. Я и раньше приходила сюда. Но никогда вместе с Натаном.

– Я получу свой подарок или нет?

Я повернулась к нему и довольно прищурилась.

– Смотри. – Я подбежала к древнему валуну.

В легенде говорилось, что раньше здесь стоял памятник несчастной Элаизе. Эта сказка меня завораживала, и хотелось стать ближе к ней. Тем более я носила похожее имя.

– Я вырезала на нем наши инициалы. Несколько дней трудилась, – смущенно добавила я.

Натан присел на корточки и прикоснулся пальцами к маленьким неровным буквам внизу камня. «Н + Л»

– Хотела написать слово «любовь», но не хватило сил, – призналась я.

Он обернулся и посмотрел прямо мне в глаза. От его взгляда перехватило дыхание.

– Это самый чудесный подарок, Лиззи, – прошептал Натан, но я все равно различила легкую дрожь в его голосе.

– Нет. Подарок впереди. – Я уверенно вытащила нож из кармана.

Еще сегодня утром я сомневалась, но теперь, когда мы пришли сюда, сомнения развеялись. Нам предначертано быть вместе. Иначе быть не может.

– Натан Волков, – торжественно произнесла я и прижала нож к ладони, – здесь, на утесе Искупления, я хочу принести клятву.

Острое лезвие чиркнуло по коже, но боль была незначительной. Я не чувствовала ее. Лишь видела красную полоску крови. Голова закружилась, однако слабость почти сразу прошла.

Натан вскочил на ноги и испуганно уставился на мою руку.

– Я клянусь, что буду любить тебя вечно, Натан Волков. И даже смерть не разлучит нас! – Слова вырвались быстрее, чем я успела обдумать их.

Сейчас все потеряло смысл. Важно лишь то, как поступит Натан. Я протянула ему нож и ждала. Ждала, когда он решится.

Натан взял нож и задумчиво уставился на окровавленное лезвие. Я видела в его глазах страх и недоверие, но терпеливо ждала. Он сам поймет, что так надо. Так правильно. Мы должны быть вместе. Мы – судьба друг друга.

Он вскинул голову и посмотрел на меня. А потом так же резко провел ножом по ладони и крепко схватил меня за руку. Возникло чувство, что между нами пробежал разряд тока. Место, где наша кровь смешалась, загорелось огнем. Приятным огнем. И не хотелось, чтобы он угас.

– Клянусь! – серьезно произнес Натан. – Даже смерть не разлучит нас.

Я всхлипнула. Непрошенные слезы покатились по лицу. Я плакала и не могла остановиться.

Натан подошел ближе, но не разомкнул руки. Он прижался лбом к моему лбу, его дыхание опалило лицо.

– Не плачь, Лиззи. Я люблю тебя.

Но это было выше моих сил. Я плакала и плакала, понимая, что получила необыкновенный дар – настоящую любовь, которую многие люди ищут всю жизнь. И не находят.

Не помню, сколько прошло времени. Лишь когда горячие губы Натана коснулись моих, я замерла, а вместе со мной и слезы. И больше никаких слов не требовалось.

Я и он. Он и я. Мы. Неразделимы. Навеки. И даже смерть не разлучит нас.

У меня были маленькие песочные часы. Мне подарил их отец. Последний подарок, который я получила от него.

Отец умер легко. Во сне. Врачи сказали, что у него было слабое сердце, но скорее всего они не знали ответ. Мама заявила, что так решил Господь и забрал папу раньше срока, чтобы он оберегал нас на небесах. Но я была достаточно взрослой, чтобы не верить в эти сказки.

Отец умер, потому что пил. И в тот вечер он выпил больше обычного.

Несмотря на печальные воспоминания, связанные с часами, я любила наблюдать, как тонкая ниточка песка переливалась из одной чаши в другую. Это околдовывало и приносило умиротворение. Поэтому я не замечала, как злополучный дар отца отсчитывал последние счастливые часы в моей жизни.

То лето 1949 года издевалось над нами. Солнце обжигало каждого, кто случайно попадал под его лучи. На лужайке перед детским домом № 75 тоже было жарко.

Митинг был в самом разгаре, когда я заметила Натана. Он стоял поодаль, улыбался и даже хлопал в ладоши, будто у нас был концерт. На самом деле мы воевали.

– Не позволим! – крикнула я и помахала перед носом строителей плакатом. – Этот детский дом – приют для замечательных детей, а также представляет историческую ценность для города. Сносить его – идти против Бога!

Наша команда из восемнадцати человек хором проскандировала лозунг: «Разрушаете дом – убиваете детей».

– Девчули, мы не собираемся никого убивать, – миролюбиво заявил старший и сплюнул, тут же испортив о себе впечатление. – Детей уже давно определили по другим детдомам. А тута построят торговую галерею.

– Люди проживут без очередных магазинов, а детям было хорошо здесь, – возмутилась я.

Я говорила от лица всех протестующих, и, хотя наша борьба длилась уже несколько недель, мы с грустью понимали, что проигрываем.

Строитель подтянул лямки комбинезона:

– Эй, Киря, когда приедет техника? А то барышни спекутся на солнце. Мозги у них уже точно... того, – последнее слово он подбирал особенно тщательно.

Я скрипнула зубами.

– Да уже должны были пригнать. Но чего-то задерживаются, – прокричали ему в ответ.

Мои девушки зашептались:

– А вдруг наша петиция дошла до короля? – Лола тронула меня за плечо.

Я недоверчиво оглянулась на трехэтажный коричневый дом. Неужели это возможно? Чтобы мы победили?

Наверное, наши мысли обрели воплощение, потому что вместо строительной техники к детскому дому подъехала черная машина, и из нее вышел высокий худой мужчина в костюме-тройке. Он молча подозвал к себе старшего. Мы напряженно замерли.

Они о чем-то минут пять совещались, потом мужчина снова сел в машину и уехал. Строитель повернулся к нам. Багровое лицо договорило все за него.

– Сегодня вам повезло, девчули. Снос вашего дома задержали до подробного рассмотрения. Указ короля.

Визг девушек оглушил, и я чудом удержалась на ногах, когда они разом навалились на меня:

– Лиза, это твоя заслуга!

– Мы почти победили. Даже не верится, – щебетали они.

– Глупости, – я устало свернула плакат, – это наша заслуга. Без вас я бы не справилась.

– Предлагаю это отметить! – воскликнула Лола.

– Нет, девчули, – передразнивая строителя, сказала я, – на сегодня у меня другие планы. Так что празднуйте без меня.

Если бы я знала, что случится, то лучше бы пошла с подругами в кафе. Но я не умела предсказывать будущее. Лишь покорно плыла по течению.

Я отдала плакат Лоле и подбежала к Натану:

– Как тебе наш митинг?

– Как и четыре предыдущих, – восхитился парень и притянул к себе, – восхитительны.

– Ты льстишь и не краснеешь.

– Это называется сделать девушке приятно.

– Нет, Натан, это лесть, – засмеялась я.

Мы пошли в сторону его дома, размоленные от жары.

– Как ты не устаешь от митингов? Мне кажется, тебя уже все власти знают.

– Я не могу иначе. Когда твоя любимая власть решает учинить нечто вроде сноса детского дома, у меня сердце болит. И если бы я осталась в стороне, то никогда бы себя не простила. Тем более эти дети... Я ведь часто их навещала, а теперь их раскидали по неизвестным местам, и, даже если детский дом останется на месте, неизвестно, вернут ли их. Возможно, мы больше никогда не увидимся, – о, как я была права.

– Ты думаешь о других больше, чем о себе, – нежно улыбнулся Натан и поцеловал меня в макушку.

– А ты о ком думаешь? – слушала я.

– О тебе, – поспешно ответил он и добавил: – А еще о том, что родители собрались к тете Анне.

Я скривилась. Анна жила за городом, разводила кур и держала корову, поэтому раз в две недели мы ездили к ней за свежим молоком и деревенскими яйцами.

– Нет, только не говори, что мама просила поехать с ней?

– Моя – нет.

– Натан! – Я стукнула его по плечу, и он засмеялся:

– А вот твоя – да.

Я застонала. Тряска на старой колыхаге, которую выпускал наш несчастный машиностроительный завод, не воодушевляла:

– А Кристи не хочет меня заменить?

– Она купается с подругами и «вежливо» заявила, что не ест яйца и молоко. Ты же не бросишь маму одну?

– Кажется, я начинаю понимать. – Я хитро прищурилась и посмотрела на парня. Вдалеке показался его дом. – Ты сам не хочешь ехать и сплавлишь меня?!

– Нет, вовсе нет. – Он оскалился. – Просто твоя мама очень просила. Да и больше нет мест. А так я бы с удовольствием в жару поехал в такую даль в душной машине, – ирония переливалась через край. – Поэтому я вынужден присоединиться к сестре.

– Ты – самый несносный тип, которого я когда-либо знала! – взвизгнула я и погналась за ним.

Когда мы подбежали к дому, родители уже загружали машину гостинцами.

Я млела от жары, а Натан собирался на пляж. И это безумно злило.

– Дорогая, ты вовремя, – обрадовалась мама.

– Знаю. – Я оглянулась на Натана и помчалась на задний двор.

Парень захохотал. Я успела добежать до цветов, когда сильные руки обхватили мою талию, и через секунду мои ноги уже болтались в воздухе. Натан стиснул меня в объятиях, звонко поцеловал. Я хихикнула, с нежностью посмотрела на его загорелое лицо, растрепанные волосы.

– Скажу по секрету, что все равно тебя люблю.

– Никто и не сомневался, – фыркнул Натан.

Я засмеялась, выскользнула из его рук и подошла к люпинам.

– Посмотри, какая красота!

Я вдохнула пряный аромат, провела ладонью по верхушкам стройных цветов.

– Ты говоришь это каждый день, а мама сетует, что разрешила тебе засадить весь сад волчьими цветами.

– Они не волчьи, они – прекрасны! – Я возмущенно уперла руки в бока. – У меня больше не осталось места дома, – уже тише добавила.

Натан захохотал:

– Успокойся. Ты ведь знаешь, что тебе можно все.

Мы замерли друг против друга. И казалось, в этот миг застыл мир. Даже бабочка, порхающая с цветка на цветок.

– Лиза!

Крик матери разрушил волшебный момент, и мы со вздохом побрели к машине.

– Буду скучать, Лиззи, – напоследок прошептал Натан.

– Я уезжаю не навсегда.

– Но мне будет не хватать тебя... пока я буду купаться в море, – трагичным голосом произнес Натан и ловко увернулся от моего кулака.

– Я тебе припомню!

– Боюсь, боюсь, – Натан помахал родителям, – передавайте привет тетушке.

– Присмотри за Кристиной, – крикнула ему мама.

Парень кивнул. Они обменялись улыбками, и в эти короткие секунды на меня накатила странная слабость. Перед глазами помутнело, сердце заколотилось в груди, словно безудержное. Но предчувствие прошло столь же быстро, как и началось.

Я ухватила за руку матери. Она с беспокойством посмотрела на меня. Хотелось закричать, чтобы не смели ехать за город. Чтобы переждали, когда исчезнет саднящее чувство в душе. Но вместо этого я послушно села в машину, списав все на проклятое солнце.

А в голове крутились слова, которые я случайно обронила: «Я уезжаю не навсегда». Но почему мне казалось иначе?

– Надо было остаться у Анны, – ворчал отец Натана, – переночевали бы, а завтра утром домой.

Природа не просто подвела. Она жестоко подставила нас. Жгучее солнце, которое еще час назад душило жарой, неожиданно скрылось за тучами, и серый ливень рухнул с неба. Родители Натана долго ругались, решая, ехать обратно или нет. Победила Любовь Михайловна, мама Натана. Ей в шесть утра надо было идти на работу, лишиться которой семья никак не могла.

Я надеялась, что мы хоть чуть-чуть переждем дождь, но решили не медлить. Было почти восемь, в пути еще около часа, а то и больше. Ждать не имело смысла.

И вот теперь мы медленно крались по дороге. Уставшие «дворники» судорожно дергали метлами, пытаясь смахнуть яростные потоки дождя. Но они не справлялись. Со стихией никто не мог сразиться.

– В такую погоду только с какао перед камином греться, – сладко вздохнула мама.

Я знала, она старалась не думать о том, что ее ждет выпечка. Завтра рынок, и нужно успеть приготовить пироги, чтобы потом продать их за гроши.

– Мы могли бы устроить сегодня выходной, – предложила я.

Мама улыбнулась, но промолчала. Мы обе знали, что это невозможно.

– Вам бы только мечтать, – проворчал отец Натана, – а здесь за жизнь борешься. – Мужчина напоминал застывшего истукана. Каждая клеточка его тела наполнилась взрывоопасной смесью.

– Валерий Григорьевич, хотите, сделаю вам массаж? – Я протянула руки через кресло и принялась шуточно разминать ему плечи.

Он хмыкнул:

– Не надо, моя девочка. Дорога – непредсказуемая вещь. Лучше не расслабляться.

Я откинулась обратно на сиденье и взглядела в окно. Но ничего не увидела, кроме густой стены дождя. Извилистая узкая дорога вела нас домой, но путь казался бесконечным.

– Валера, осторожно. – Любовь Михайловна испуганно вздрогнула, когда мимо пронеслась встречная машина.

– А я что делаю? Еду с закрытыми глазами? – Мужчина стиснул пальцами руль и пригнулся к окну, надеясь хоть что-то разглядеть. Но жидкий свет фар не мог пробить ливень.

Напряжение повисло удушливым облаком, и в горле зачесалось от рвущегося наружу кашля. Но я упрямо терпела, потому что боялась – лишний звук усугубит ситуацию.

Я прислушалась к шуму дождя и услышала рев гоночного автомобиля. Он промелькнул за окном, а Любовь Михайловна схватилась за сердце. Даже мама судорожно выдохнула.

– О, господи, женщина! – взревел Валерий Григорьевич. – Сама захотела ехать, так хоть не нервируй меня.

Внутри груди вновь возникло то чувство, которое я испытала перед поездкой. Сердце заколотилось. Его стук дробью звучал в висках. До безумия хотелось оказаться рядом с Натаном.

«Буду скучать, Лиззи».

Только он называл меня так. Больше никто. И сейчас ужасно не хватало его. Я прижалась к холодному стеклу, мечтая поскорее вернуться домой и забыть эту кошмарную поездку.

Мимо снова промчались машины. Из-за густого ливня они словно возникали из дождинок и так же неожиданно исчезали.

Валерий Григорьевич выругался. У мужчины сдавали нервы.

Свет ярких фар разрезал полотно дождя. Я присмотрелась, но не успела ничего сказать. Лишь безумная мысль промелькнула в голове: он едет прямо на нас!

Валерий Григорьевич вывернул руль. Но было слишком поздно...

Машину наполнили отчаянные крики людей. Удар. На секунды, которые вдруг растянулись, как резина, я повисла в воздухе. А затем наступила крошечная тьма.

Руслана собрала разбросанные листы и спустилась с лестницы. Несколько раз ноги подгибались, но она упрямо держалась за перила, которые дрожали под ее весом. В голове кружилась история таинственной Лиззи. И Лана отказывалась поверить, что это написала она.

– Господи! – Руслана влетела в спальню и рухнула на кровать, глотая воздух.

Пальцы мяти бумагу, словно могли стереть напечатанные на ней слова.

Лана отчаянно пыталась привести мысли в порядок. Полностью сосредоточилась на дыхании. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох...

Она вскочила с кровати и набрала номер мобильного бабушки. Нужно было подтверждение, что Руслана не сходит с ума. Иначе приступы лунатизма, печатная машинка с пересохшей лентой – все это означало приближение шизофрении. Возможно, она до такой степени заиклилась на секретах Натана, что решила придумать собственные разгадки. От этого предположения холодела кровь.

– Бабушка! – громко воскликнула Лана.

– Руслана? Ты рано звонишь. – Кристина Валерьевна громко зевнула.

Часы и правда показывали шесть утра, тем более бабушка относилась к тем людям, кто любил поспать подольше.

– Прости, но мне необходимо знать кое-что. – Руслана постаралась говорить спокойно. – Скажи, в жизни Натана была некая Лиззи?

– Кто? – Бабушка закашлялась.

– Лиззи, Лиза.

Кристина Валерьевна молчала, и Лана стала опасаться, что сморозила глупость.

– Где ты это нашла? – голос бабушки охрип.

– Так это правда? – От облегчения она едва не заплакала. – Я нашла старый дневник. Там рассказывалось, как Натан и Лиззи принесли клятву в вечной любви на утесе Искупления. И об аварии, в которую попала девушка с матерью и родителями Натана. – Лана не осмелилась признаться, что никакого дневника нет.

– Это были и мои родители тоже. – Кристина Валерьевна говорила тихо, но душевная боль придавала особое звучание ее словам. – Я даже не знала, что Лиза вела дневник. Что там еще написано?

– Пока ничего.

– В смысле?

Руслана прикусила язык. Поняла, что проговорились.

– Точнее, я еще не все прочитала. Хотела убедиться, что это правда.

– Правда, – Кристина Валерьевна будто смаковала это слово. – Я бы все на свете отдала, чтобы не знать ее. И тебе не советую. Еще раз прошу, возвращайся домой. Русамия – чудесная страна, но она не для нашей семьи.

Лана пропустила совет бабушки мимо ушей:

– Я виделась с мадам Тигровой. Только теперь ее зовут графиня Маврос, – выпалила она и, как будто наяву, увидела, как глаза женщины расширились от изумления.

– Она еще жива?

– Да, бабушка. И я не вернусь, пока не узнаю все до конца. Не могу объяснить, но мне кажется, что история Натана и Лили как-то связана со мной.

– Не дури, пуговка, – мягко произнесла Кристина Валерьевна.

Руслана вздрогнула. В детстве бабушка часто называла ее пуговкой, но потом Лана посчитала, что она уже слишком взрослая для такого прозвища. На глаза навернулись слезы.

– Ты не понимаешь, Ба, – прошептала она. – Я позвоню тебе, когда узнаю еще что-нибудь.

– Ох, Руслана, и в кого ты такая упрямая!

Лана улыбнулась ворчанию бабушки:

– Догадайся с трех раз.

Она положила телефон на тумбочку и перевела дыхание. После разговора Руслана немного успокоилась и смогла еще раз прочитать историю Лиззи. Хотя бабушка подтвердила, что это не выдумка, Лана хотела найти другие доказательства. Без раздумий она натянула зеленый спортивный костюм, завязала волосы в хвост и отправилась на берег.

Солнце уже окрасило безмятежное море предрассветными лучами нежно-розового цвета. Пустынный пляж встретил Руслану прохладным ветром. Она застегнула кофту и побежала по песку, наслаждаясь морским воздухом.

Впереди высился скалистый зуб, так красочно описанный в воспоминаниях Лиззи. Кончики пальцев заболели, напоминая Руслане, что это написала она. И Лана снова глубоко задышала, прогоняя паническую атаку.

Путь на утес занял около двадцати минут, но, когда Руслана наконец взобралась на самый верх, она вдруг ощутила необычное спокойствие, которое уже давно не навещало ее.

От чудесного вида захватывало дух. Казалось, что она может обнять весь мир.

Лана не выдержала и громко закричала, высвобождая наружу свое внутреннее Я. А потом без сил опустилась на колени и прислонилась плечом к большому валуну, который за долгие годы на ветру сгладился. Теперь черные слова на белых листах приобрели объем, и Лана словно воочию видела мальчика и девочку четырнадцати лет. Они серьезно смотрели друг на друга, а их руки, перепачканные кровью, были крепко сцеплены.

Что же случилось с ними? Неужели Лиззи погибла в той аварии?

Руслана не верила. Она чувствовала, что история девушки из прошлого не могла закончиться так скоро. И Лиззи вернулась с того света, чтобы рассказать ей правду. Ту правду, которую отчаянно скрывала бабушка.

Руслана пригляделась и увидела внизу камня едва заметные маленькие буквы. «Н+Л». Еще одно подтверждение.

Лана судорожно вздохнула и прикоснулась к надписи семидесятилетней давности. Кажется, пришло время вскрыть шкатулку. И достать оттуда очередной секрет.

Глава 12

Ослепляющее пламя

Русамия. Велидар. 1956 год

Боль в руке отрезвила Натана. Он разжал онемевшие пальцы, из которых выпал столовый нож. Кристина заставила его накрывать на стол, а сама заперлась в спальне, чтобы предстать перед Эдуардом во всем блеске. Давно он не видел сестру в подобной эйфории. Жаль, она не сумела заразить его своим азартом.

Натан уставился на тонкий, едва заметный шрам, пересекающий широкую ладонь, грубую и покрытую мозолями. Вечное напоминание о том, что он погубил. Вернее, кого...

Вчера под давлением Кристины Натан решил наплевать на собственные страхи и пригласить Лилию Тигрову на ужин. Конечно, когда родная сестра на полном серьезе заявляет, что уйдет из дома, если он этого не сделает, ничего другого не остается. На короткое мгновение Натан и сам поверил, что лучше отпустить прошлое. Как бы ты ни строил будущее, оно не исправит сделанного. Ошибки остаются ошибками. Шесть страшных букв, и в каждой из них кроется отчаяние и боль.

Но бессонная ночь вправила Натану мозги на место. Сначала он разозлился на себя, на свою слабость, но потом решил, что все к лучшему. Ужин поможет окончательно развеять иллюзии Первой леди, что между ними что-то возможно. Он – крановщик. Она – самая богатая невеста Велидара. От пропасти между ними веяло невыносимым холодом.

– О, смотрю, за те полчаса, что я наряжалась, ты продвинулся вперед, – скептический тон Кристины подействовал на Натана как щелчок, и он очнулся от мыслей.

На столе, кроме белой кружевной скатерти и одинокой вилки, ничего не было. Вся посуда осталась сложенной в кухонном шкафу, а это время Натан бесцельно пялился в пустоту, сжимая в кулаке столовые приборы.

– Послушай, иногда мне хочется окунуть тебя в ванну со льдом, может, тогда ты придешь в себя! – Кристина пробуравила Натана грозным взглядом. – Я скучаю по брату, который у меня когда-то был.

– Прости, я не выспался, – чтобы подтвердить слова, он широко зевнул.

Кристина фыркнула и принялась быстро накрывать на стол.

Натан безропотно смотрел, как сестра носит тарелки, закуски, которые весь день готовила возле плиты. Розовое платье с открытыми плечами подчеркивало ее женственность, светло-русые волосы были завиты и собраны в незатейливую прическу. За последние пять лет он даже не заметил, как Кристина повзрослела.

С грустью он вспомнил ту озорную девчушку, которой она когда-то была, и вдруг заметил, что сестра забыла завязать бант на талии.

– Похоже, Эдуард сильно вскружил тебе голову. Обычно ты более собрана, – хмыкнул он и сел на диван.

– Что? – Кристина увидела, куда смотрит Натан, и оглянулась. – О! Хорошо, что ты заметил. Не хотелось бы краснеть перед ними.

– Подумаешь. Ты все равно останешься самой красивой девушкой на свете.

Кристина засмеялась, завязывая аккуратный бантик на талии.

– Не подлизывайся и... – она замерла и наморщила лоб.

– Что?

– Боже, только не говори, что ты собираешься быть в этом?

Натан с удивлением оглядел старые штаны, вылинявшую рубашку и перевел взгляд на сестру:

– А где мне переодеться? Я сплю здесь, если не забыла.

– Натан! – Кристина застонала. – Ну, переоденься в моей спальне. Придумал проблему. – Она подбежала к духовке, от которой разносились ароматные запахи запеченной курицы с яблоками. – А все потому, что не хочешь вернуться в мансарду. Прошло достаточно времени...

– Нет, – отрезал Натан.

Сестра запнулась и опасливо оглянулась на него. Поняла, что ступила на опасную территорию.

– Это не обсуждается. Я, кажется, ясно дал понять, – Натан вскочил с дивана и открыл старый шкаф в углу. Достал рубашку, которую обычно надевал на праздники, и черные брюки.

– Пять лет... – пробормотала Кристина. С грохотом поставила противень на плиту. Натан видел, как напряглись ее плечи. – Я тоже тяжело восприняла ее смерть, Натан! Она была мне как сестра. Но за пять лет уже можно было смириться с ее потерей!

– Ты не понимаешь и никогда не поймешь, – спокойно ответил он.

Натан чувствовал, что Кристине хочется произнести ее имя. Но между ними существовало негласное табу. Никогда не вспоминать. И это табу всегда соблюдалось.

– Может быть, я чего-то не знаю? – Кристина развернулась и сердито скрестила руки на груди.

Светлые брови сошлись на переносице. Синие глаза подозрительно блестели.

Натан долго смотрел на нее. Долго. И лишь пожал плечами.

– Может быть, – сказал он и закрылся в спальне.

На кухне раздался сердитый крик сестры.

Они не явились раньше и не опоздали. Ровно в семь возле дома остановился знакомый белый «Кадиллак», а через минуту по дому разлетелся звонок. Кристина опередила Натана и первая метнулась встречать гостей. Ему осталось лишь подпереть стену и молча наблюдать.

Он не собирался строить из себя джентльмена. Он им не был. Хотя Натан подозревал, что Кристина многое бы отдала за это.

Конечно, он убеждал себя, что ему безразлична Лилия, но, когда она вошла в гостиную, ему вдруг стало тяжело дышать. Ее искренняя улыбка осветила нежное лицо. Теплые карие глаза с волнением смотрели на Натана. И он знал, Лили тоже тяжело дышать. Из-за корсета, из-за жары, из-за него...

– Здравствуйте, Натан.

Он не сразу расслышал ее смущенное приветствие. Видел только хрупкую фигурку, окутанную темно-синим платьем с белым воротником и манжетами, как у гимнастки. И, словно заколдованный, подошел к ней, наклонился и поцеловал руку.

– Рад снова видеть вас, Лили, – прошептал Натан.

– Взаимно.

– Надеюсь, сегодняшний вечер пройдет без оскорблений? – холодный голос Эдуарда вывел Натана из оцепенения.

Они скрестились взглядами, и некоторое время длилась молчаливая дуэль. Кристина беспокойно переминалась с ноги на ногу, Лили не отводила глаз от брата.

– Примите извинения за мое поведение. Обещаю, такого больше не повторится. – Натан сам не верил, что говорил это. И все же сказал, тем самым признавая поражение. Словно нашкодивший ребенок.

– Как хорошо, когда никто не воюет! – натянута воскликнула Кристина, вспомнив об обязанностях хозяйки. – Прошу вас, присаживайтесь. Надеюсь, мои скромные угощения вам придутся по нраву.

– Не сомневайтесь, Кристина, – Лилия улыбнулась и мимолетно посмотрела на Натана.

Дыхание вновь перехватило. Лишний раз он укрепился в своей правоте. Сегодня он должен сделать все, чтобы уничтожить симпатию девушки. Даже причинив себе боль.

Лили не понимала, что с ней происходит. Она ловила каждый взгляд Натана, испытывала небывалое волнение, когда он обращался к ней. Чувствовала, как холодеют руки от страха совершить какую-нибудь глупость. И отчаянно пыталась разгадать причины, по которым Натан поменял к ней отношение. Ведь сейчас она чувствовала себя единственной, на кого он смотрит. И неповторимой.

«Где-то там уже решили за нас».

Натан произнес это вчера вечером, но Лилии с трудом верилось, что он мог так запросто сдаться на волю судьбы. Он напоминал человека, который держит все под контролем. В том числе чувства.

– Кристина, я готов есть прямо с твоих рук. Закуски изумительны. Я влюблен в твой кулинарный талант. – Эдуард расточал комплименты покрасневшей Кристине.

Границы условностей были стерты, они давно перешли на «ты», чего не могла позволить себе Лили.

– Перестань! – Кристи засмеялась и прижала ладони к алым щекам.

Лилия улыбнулась. Хотя кто-то не был для нее загадкой. Эдуард не изменял своему характеру. Прирожденный ловелас, для которого любовь – увлекательная забава.

Лили пообещала себе поговорить с ним о Кристине. Она не хотела, чтобы брат разбил девушке сердце.

– Лилия, не составите мне компанию? Хочу прогуляться по пляжу. Сейчас прекрасное время. Я покажу вам закат на море.

Предложение Натана окончательно сбило с толку. Лили ощутила, как напрягся Эдуард, и незаметно сжала его руку. Конечно, она хотела пойти. И сейчас ее не интересовали его мотивы. Главное, что он пригласил ее.

– С удовольствием. – Она осторожно встала из-за стола.

– Только недолго. А то Эдуард изведется от ревности. – Кристина прыснула в кулак, поглядывая на застывшего парня.

– Не дольше получаса, – клятвенно пообещал Натан и подал руку Лилии.

– Я засеку время, – предостерег Эдуард.

Но Лили сразу позабыла о переживаниях брата, как только оказалась на заднем дворе вместе с Натаном. Пальцы слегка дрожали, когда она касалась его сильной руки. И не только пальцы. Дрожь поселилась в каждой клеточке ее тела.

– Помните, я рассказывал вам о люпинах? – Натан подвел Лили ближе к цветам.

Она помнила. И не только рассказ. Но и странные ощущения, которые заставили ее сбежать. Сейчас Лили ничего не чувствовала. Наверное, потому, что и так была переполнена эмоциями. Она боязливо посмотрела на люпины и тихо ответила:

– Конечно.

– Я говорил о различии между нами. И почему наши отношения обречены.

– Никаких отношений нет! Мы... просто общаемся. – От волнения Лили прикусила нижнюю губу.

Тема, которую затронул Натан, пугала. Ей хорошо рядом с ним, и она не хотела ни о чем думать. К примеру, о том, что скажет отец, если узнает?

Натан задумчиво посмотрел на нее и вместо ответа повел к калитке. Они спустились по склону на песчаный пляж. Бархатное солнце медленно оседало за горизонт. Море нежно ласкало берег. Рядом с Лили находился парень, от которого трепетало сердце. Но, несмотря

на идиллию, печаль занимала положенное место в ее душе. Как бы ей ни хотелось думать о будущем, слово «обречены» тревожно звенело в голове.

– Жаль, мы не живем на берегу моря. – Лилия блаженно вздохнула и сняла туфельки. Зарылась ногами в теплый песок и подставила лицо последним лучам солнца.

– Ваш дом здесь не поместится, – улыбнулся Натан.

– Надеюсь, когда я стану жить отдельно от родителей, то мой дом будет похож на твой, – призналась она.

– Мой? И когда мы успели перейти на «ты»? – Он прищурил синие глаза, и Лили захотелось прикоснуться к его лицу. Провести пальцами по густым бровям, чувственным губам.

– Я устала ждать, – засмеялась она. – Ты бы никогда не осмелился. Мне самой понадобилась вся моя храбрость.

– Ты права, – произнес Натан, словно пробуя на вкус короткое слово «ты».

Лили заметила шнурок на шее парня. Он выбился из-под рубашки, и два ключа блестели в лучах заходящего солнца.

– Что это? Ключи от дома? – удивилась она.

Натан вздрогнул и поспешно спрятал странную «подвеску»:

– Можно и так сказать.

Он солгал. Маленькая ложь залегла в морщинках на лбу. Лили хотела разгладить их, но не осмелилась. Нельзя заставить человека так сразу вывернуть душу наизнанку.

Она посмотрела на умиротворенное море и пожалела, что не могла побороть скованность. Сбросить с себя обличье леди и превратиться в ребенка, которому безразличны условности. Который может забежать в воду и нырнуть прямо в одежде.

– Ты для меня загадка, – признался Натан.

Они брели под руку, и лихорадочное счастье затапливало Лилию. Быть счастливой от одного прикосновения. Такая глупость свойственна только влюбленным.

– Разве это я вдруг изменилась? Ты ненавидел меня, а потом резко передумал. И твое объяснение было слишком туманным, чтобы понять.

– Мне кажется, даже если бы я захотел все рассказать, то не смог бы. Не нашел бы нужных слов. – Натан остановился.

Лили заметила, что они далеко отошли от дома, и только сейчас поняла, что они по-настоящему вдвоем. Наедине. Она неосознанно сжала руку Натана, одновременно страшась и желая того, что сейчас произойдет. Того, что *должно* произойти.

– На самом деле все легко. – На лицо парня упала тень.

Солнце почти зашло, и в предвечерних сумерках он выглядел зловеще. Высокий, сильный. Но Лилия не боялась. С первой встречи она знала, что он не обидит ее. А сейчас это знание переросло в абсолютную уверенность.

– Что легко? – уточнила она.

– Я сторонился тебя, а потом решил, что раз ты так жаждешь общения, почему бы и нет. – Синие глаза потемнели. – Ты бы все равно не уступила, продолжая навязываться, и я решил, что, так как ты даешь мне шанс, грешно было бы упустить его. – Отенок слов Натана постепенно менялся. Из дружеского он превращался в интимный и... жадный.

Горячая рука скользнула по талии Лилии. Парень прижал ее к себе и наклонил голову к лицу. Лили неотрывно смотрела ему в глаза, ожидая продолжения.

– Если ты хочешь быть моей, то я не возражаю, – прошептал он. – Но учти, я не обещаю тебе любовь и романтику. Зато могу показать, что такое настоящая страсть.

Слова опаляли, оскорбляли. Но Лили не могла пошевелиться. Она тяжело дышала, покрываясь

мурашками от дыхания Натана. Чувствовала, как бьется его сердце. Отчаянно прижималась к нему, не понимая, о чем он говорит. Голова кружилась. И Лили видела только губы Натана, которые медленно приближались к ней.

Она иначе представляла себе первый поцелуй. Ей казалось, что это должно быть что-то воздушное, нежное, возвышенное. Поцелуй Натана разрушил мечты Лилии и разбудил дикое желание принадлежать лишь ему. Он терзал ее губы, прижимая к себе, словно вот-вот раздавит.

Лили не чувствовала под ногами опоры, потому что Натан оторвал ее от земли. Грудная клетка была сдавлена, Лили едва дышала. Но отчаянно цеплялась за парня, боясь, что он прервет поцелуй. И Натан чувствовал ее молчаливые мольбы, потому что поцелуй становился жарче и опаснее.

Он медленно опустился на землю, не прекращая целовать Лили, и уложил ее на прохладный песок. Горячие губы проделали дорожку вниз по шее к вырезу платья, а шершавая рука стиснула бедро.

Робкий стон вырвался у Лилии. Пальцы впились в его широкую спину. Разум был бессилен отрезвить ее. Она медленно сходила с ума от страсти.

И так же резко, как все началось, Натан оттолкнул ее от себя и громко выругался. Холодный воздух хлынул на горячее лицо Лили, и она жадно глотнула его, не понимая, что происходит. Ей хотелось продолжения, невзирая на последствия. Обессиленная Лилия лежала на песке и тихо шептала:

– Я люблю тебя.

Натан не вынес затуманенного взгляда Лили и отвернулся. Ее последние слова полоснули по его душе. Сердце металось в груди как бешеное. И он глубоко задышал, укрощая зверя внутри себя.

– Твою мать!

Он неуклюже встал, потому что ноги отказывались держать, и подошел к морю. Набрал пригоршню воды и омыл лицо. Надеялся смыть все, что сейчас произошло.

Натан не рассчитывал на это. Он хотел напугать ее, унижить, показать, насколько она зависима от него. Но вместо этого Лилия отдала себя в его руки без страха и сожаления, с искренней любовью в глазах. И он чуть не потерял голову.

Натан снова плеснул водой на лицо и поднялся. Лили постепенно приходила в себя и пыталась привести прическу в порядок, но заколки съехали в сторону, и ее попытки были обречены на провал.

– Я помогу, – тихо предложил Натан, избегая прямого взгляда девушки.

Она покорно позволила ему вытащить заколки и отряхнуть песок. Словно маленький ребенок, смотрела на него большими глазами. Пыталась найти ответ на ее признание в любви. И не находила.

– Я думал, леди себя так не ведут, – неловко пошутил Натан.

Лилия неуверенно улыбнулась:

– Моя мама – точно нет. А я, видимо, далеко не леди.

Она прикоснулась к припухшим губам, будто проверяла, на месте ли они. И этот жест снова лишил Натана воли. Он обхватил ее лицо ладонями и опять поцеловал, но на этот раз нежно, словно боялся, что она растворится в его руках.

– Черт! – Он оторвался от Лили и нахмурился, заметив ее счастливую улыбку. – Все должно быть совсем не так. По планам ты должна со слезами убежать от меня и больше не возвращаться.

Она покачала головой и обняла Натана, зарываясь носом в его рубашку.

– У тебя не получится меня обмануть. Я вижу намного больше, чем ты думаешь, – прошептала девушка.

- Ты всего лишь глупая девчонка, – пробормотал он и уперся подбородком в ее макушку. Волосы Лилии пахли розами, а она сама напоминала хрупкий цветок, который он сорвал.
- Не глупее тебя. Потому что я не пытаюсь противиться очевидному.
- И чему же?

Она отодвинулась от Натана и серьезно посмотрела на него:

- Любви.

Ее слова попали в цель. Перед глазами замелькали образы прошлых лет. Утес, клятва на крови, авария и то, что последовало после нее.

Натан осторожно убрал локон с лица Лилии. Она – драгоценная статуэтка, а он – вор, посягнувший на нее. Но разве Натан мог отказаться от девушки? Ведь прошло так много времени. Достаточно, чтобы искупить вину.

- Пойдем, Тигровая Лилия. Твой брат наверняка весь извелся. – Он помог ей подняться.

Девушка поправила платье и встряхнула волосами.

- Думаешь, он ничего не заметит? – наивно поинтересовалась она.

Натан усмехнулся и оглядел покрасневшее лицо Лилии, растрепанные локоны, песок на коже:

- Конечно, нет. Уверен, Кристина замылила ему глаза. А если заметит, то ничего не сделает. Ты достаточно взрослая, чтобы не нуждаться в его опеке.

Лили задумалась. Потом подхватила туфельки, и они направились обратно к дому.

- А знаешь, ты прав. Я уже взрослая. И мне все равно, что думают остальные.

Натан не ответил, позволяя девушке насладиться собственным заблуждением.

- Они что-то долго. – Эдуард недовольно барабанил пальцами по столу.

Кристина посмотрела на него из-под ресниц, хитрая улыбка скользнула по ее лицу:

- Прошло всего пятнадцать минут, ревнивец. – Она облокотилась на стол и положила подбородок на скрещенные пальцы. – Очевидно, что они нравятся друг другу. Ты против? Если так, то зачем приехал?

Эдуард покачал головой:

- Сам не знаю. Скорее из эгоистичных побуждений. Чтобы увидеть тебя, – ему нравилось смотреть, как краска волной заливает лицо девушки. – Тебе кто-нибудь говорил, что ты очень красивая?
- Натан говорил. – Кристина шумно выдохнула, словно пыталась остудиться. – А также каждый второй гость в кафе, где я работаю.
- Ты – администратор? – Эдуард удивился.
- Почти, – Кристина смущенно улыбнулась, – официантка.
- О, – Эдуард прочистил горло и кинул в рот пару виноградин. – И в каком кафе ты работаешь?
- В «Лагуне». Это возле театра на Песочной улице. Там неплохо платят, но... тебе, наверное, это неинтересно. – Кристина встала и отнесла на кухню грязные тарелки.

Эдуард видел, что она нервничает, потому что вдруг повязала на талию старый фартук и начала мыть посуду. Обычно девушки, которые окружали его, из кожи лезли, чтобы понравиться ему, а Кристина делала наоборот. И все же от нее исходила явная симпатия.

Эд прищурился, и силуэт девушки расплылся. Сходство с Вероникой проявилось еще сильнее.

Но их роднила лишь внешность. Внутри они были абсолютно разные. Именно этим манила Кристи.

Эдуард не выдержал, подошел к ней сзади и слегка приобнял. Девушка напряглась, тарелка со звоном выпала из ее рук.

– Ты – удивительная, – прошептал Эдуард прямо на ухо. – Не против, если я заеду за тобой после работы? Скажем, завтра. Мы могли бы сходить в кино. – Он провел ладонью по ее обнаженному плечу. – Кстати, у меня есть квартира в центре города. Недавно купил, думаю съехать от родителей. Могу показать, если хочешь.

Кристина молчала. Она выключила воду и о чем-то напряженно думала.

Эдуард ждал, когда она скажет «да», но молчание затягивалось. Наконец она обернулась и сердито оттолкнула его.

– Я не девушка легкого поведения, – прошипела Кристина.

Эдуард в полной растерянности уставился на девушку, не понимая причин ее злости. Пять минут назад она мило краснела от его комплиментов, а теперь смотрит на него с такой яростью, что сердце сжимается от холода.

– Ты думаешь, раз я из бедной семьи, то беспомощно таю от твоих улыбок, потому что ты – Тигров? – Она щелкнула пальцами. – У меня есть гордость.

– Мне кажется, ты неверно поняла, – солгал он.

Нет, она все правильно поняла. Он и рассчитывал на это, но не ожидал подобной реакции.

Кристина усмехнулась, скрестила руки на груди и скривила губы:

– Разумеется. Не скрою, ты действительно мне понравился, но основная причина, по которой я уговорила Натана пригласить вас, вовсе не ты.

– Тогда что же? Не верю, что твой брат сам решил извиниться. – Эдуард хмыкнул.

Он ненавидел, когда его отчитывали, как мальчишку.

– Конечно, нет. Я лишь хотела, чтобы он еще раз встретился с Лилией, потому что искренне надеюсь, что она не такая, как ты. И деньги для нее не имеют значения! Мой брат долго страдал, и я желаю ему счастья. Но не собираюсь ради этого служить подстилкой для тебя.

– Что ж, – Эдуард вернулся к столу и залпом допил бокал с шампанским, – твое право верить, что Лили позволят быть с Натаном. Но это ее выбор, и я не хочу лезть в их отношения. Мне только жаль, что между нами не сложилось. Я думал, мы понимаем друг друга.

Кристина сорвала фартук и швырнула в раковину:

– Понимаем?! В твоем мире каждая девушка мечтает оказаться с тобой в постели?

Эдуард поморщился:

– Не люблю такую формулировку, но да. – Он оглядел Кристину. Сейчас, разъяренная и прекрасная, она нравилась ему еще больше. – Я умею быть благодарным.

Кристина захохотала:

– Благодарный Эдуард. А знаешь, что я думаю? Ты меняешь девушек как перчатки, потому что тебе не позволят быть с той, кого ты на самом деле полюбишь! И поэтому ты не позволяешь чувствам засечь в твоём сердце, потому что знаешь, как это больно – потерять любимого человека. – Девушка жалостливо оглядела его. – У нас нет таких денег, но мы свободнее вас в миллионы раз. Мы можем любить. Видимо, это привилегия бедных.

Эдуард окаменел.

– Чушь, – выплюнул он и отвернулся.

Перед глазами встало лицо Вероники, но Эдуард быстро прогнал видение.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – процедил он.

– Как и ты обо мне, – тихо ответила Кристина.

Задняя дверь распахнулась, и в дом вошли запыхавшиеся Натан и Лили. Одного взгляда на сестру было достаточно, чтобы понять, чем они занимались на пляже.

– Собирайся, Лилия, мы уходим, – отчеканил он. – Спасибо за ужин, Натан, и до свидания. Не думаю, что мы еще увидимся.

Эдуард схватил обомлевшую Лилию за руку и вытолкнул наружу. Напоследок он оглянулся и заметил в глазах Кристины боль и разочарование. Но ничего не сказал. Все было ясно без слов.

Лили только успела прошептать одними губами «пока» Натану и Кристине, как уже оказалась в «Кадиллаке». Брат с бешеной скоростью завел машину и выжал газ. Счастье, в которое ее погрузил Натан, растворилось.

– Ничего не понимаю. Вы поругались? – осторожно спросила она.

– Нет, – отрезал Эдуард.

Он сосредоточился на дороге.

– Тогда в чем дело?

– Ни в чем. Тебя не касается!

Лилия обиженно замолчала и уставилась на колени. Ее лишили продолжения чудесного вечера, а теперь еще обругали. Несправедливо.

Внезапно Эдуард остановил машину на парковке перед магазином и шумно выдохнул. Костяшки его пальцев побелели, так крепко вцепился в руль.

– Я не понимаю, почему меня задела ее слова, – признался парень.

Лилия задумчиво посмотрела на брата и погладила его по щеке, но он дернулся:

– Ты же знаешь, не люблю эти нежности, – прошептал он.

– Не будь таким холодным, Эд. Ты боишься жить. Боишься любить. Я знаю, кто в этом виноват, и ты тоже знаешь. Но мы уже взрослые, и нам пора самим принимать решения.

Лили даже не пыталась спрашивать, о каких словах идет речь. Знала, брат не ответит. Но впервые она видела его таким взволнованным.

Эдуард горько вздохнул и уперся лбом в руль:

– Лили, Лили. Ты не понимаешь. Прошу тебя, будь осторожна с Натаном. Знаю, что ты не отступишься от него. Упрямство у нас семейная черта. – Он криво улыбнулся. – Но, если отец узнает... Однажды я прошел через это. Не хочу, чтобы ты тоже страдала.

– Спасибо тебе, – тихо поблагодарила Лилия.

– За что? – Эдуард недоуменно посмотрел на нее.

– За то, что беспокоишься за меня. Но я все равно буду совершать свои ошибки и сама буду отвечать за последствия.

Лилия отвернулась и прикрыла глаза. Брат пытался уберечь ее от боли. Но это невозможно. И Эдуард даже не подозревал, что отец – меньшее из зол. Есть вещи куда страшнее Тигрова-старшего.

Завод гудел и готовился к закрытию. В честь праздника им обещали два оплачиваемых выходных. А еще потому, что начальство праздновало юбилей. Десять лет с открытия. Десятки построенных кораблей. Заслуженная награда от короля, ведь они вершили историю.

На самом деле Натану было плевать на новости, от которых лопался завод. Два выходных не

помешают. Деньги – тем более. И это все, что его интересовало.

Большая часть мыслей улетала к Лилии. Он постоянно вспоминал их поцелуй. Ее неумелые прикосновения. Они возбуждали сильнее, чем уловки опытной любовницы. И глаза. Темные, завораживающие. Сводящие с ума.

Утром он умудрился передать ей приглашение на завтрашний вечер. Кристина организовывала фотосъемку. А Натан надеялся урвать несколько минут наедине с Лили. И теперь ждать было невыносимо. Минуты превратились в часы, а каждый час сроднился с днем.

– Натан Волков?

Суровый, холодный голос вернул Натана в реальность. Он закрыл дверцу шкафчика и развернулся. Напротив него стоял коренастый мужчина с удивительно знакомым лицом.

Натан стиснул зубы.

– Александр Николаевич?

Он знал отца Лили. Его лицо часто мелькало на обложках газет. Еще неделю назад он бы удивился, встретив мужчину. Но сейчас все было по-другому.

– Ну, раз нет нужды представляться. – Тигров отпустил охранника. Тот маячил на заднем фоне. – Значит, это действительно вы, – сказал он скорее сам себе. Внимательно изучил Натана, словно тот экспонат на выставке. – Возможно, мой визит удивляет вас. Но я пришел с благими намерениями. Хочу выразить вам благодарность за спасение моей дочери и предложить помощь, возможно, финансовую. Вряд ли обычный крановщик купается в золоте. – Мужчина задумчиво оглядел раздевалку.

Пафос, высокомерие сквозили в каждом слове, жесте Тигрова. А также властность и самоуверенность. Но это не было продиктовано презрением к Натану. Человек, живущий в мире элиты, мыслил и говорил так, как требовала его природа. И Натан это прекрасно понимал.

– Спасибо. Но я помогаю бескорыстно, – отрезал он и продолжил собираться, словно рядом никого не было.

– Вы уверены?

Они встретились глазами.

Натан выдержал его взгляд:

– Уверен.

– Тогда всего доброго, молодой человек. – Тигров развернулся и собрался уходить, но, видимо, запоздалая мысль пронзила его мозг. – И, пожалуй, предупрежу вас, что вы – не пара моей дочери. Я не хочу видеть вас рядом с ней. На тот случай, если Лили считает иначе. – Он сделал многозначительную паузу. – До свидания.

Натан кивнул и с трудом сдержался от гримасы. Но худа без добра не бывает. По крайней мере, он выяснил, что найти общий язык с отцом Лилии невозможно.

Глава 13

Обрывки воспоминаний

Русамия. Велидар. 2016 год

После пробежки на утес Руслану сразила дикая усталость. Хотя она не помнила о ночных похождениях, организм требовал отдыха. И стоило ей прилечь на кровать, как на нее накатила дремота.

Во сне к Лане опять явилась цыганка из Индии. Темнокожая женщина хватала ее за руки и шептала одни и те же слова:

«Девушка с половиной души. И пока будет так, ты будешь несчастна».

А браслеты на сухих руках громко звенели, сводя с ума.

Часы показывали третий час, когда Руслана открыла глаза. Вместо ожидаемой бодрости она продолжала чувствовать себя как разбитый корабль. Запястья горели огнем, словно цыганка явилась к ней не только во сне.

На улице благодатная погода сменилась свирепым ветром. По пляжу летали пустые пакеты, чей-то розовый зонтик катился вдоль побережья. Люпины на заднем дворе испуганно прижимались к земле. А темно-синие тучи на небе угрожающе собирались обрушить на смертных праведный гнев.

Руслана со вздохом зашторила окно.

– Моя любимая погода, – пробормотала она и закуталась в махровый халат.

Сейчас бы она не отказалась от компании даже несносного Марка. Все, что сегодня произошло, выбило из-под ног почву, и Лана ощущала себя слепым котенком, который не знал, куда приткнуться.

Она еще раз прочитала дневник Лизы, гадая, что случилось дальше.

Родители Натана и бабушки погибли. А мать Лизы? Сама девушка точно выжила. На могиле был указан 1951 год, а в воспоминаниях упоминался 1949 год.

Она взяла в руки старую деревянную шкатулку и снова встряхнула ее. Знакомый шелест отозвался трепетом в душе. Сбегала на кухню за ножом, вставила лезвие в проем между крышкой и стенкой. И надавила. Характерный треск заставил поморщиться. Руслана не хотела взламывать шкатулку, но без ключа по-другому никак.

Перед тем как открыть крышку, она глубоко вздохнула. Сердце выпрыгивало из груди, пальцы дрожали. Интуитивно Руслана знала, что сейчас узнает нечто, что, возможно, изменит ее жизнь. Нервно потерла шею, которая опять отозвалась болью. И на счет «три» открыла шкатулку.

Внутри лежали старые пожелтевшие фотографии – обрывки чужих воспоминаний.

Руслана осторожно достала их.

На первой стояли четверо молодых людей. Она узнала бабушку и Натана, хотя раньше не видела его молодым. Но между ним и Кристиной можно было уловить сходство. Натан разительно отличался от того мужчины, который был изображен на памятнике. Яркая улыбка на лице, прищуренные глаза, наполненные весельем. Он прижимал к себе миниатюрную девушку с длинными белокурыми волосами.

Руслана сразу поняла, что это Лиза. Они были похоронены рядом, но их смерти разделяло шестьдесят пять лет. А на фотографии они еще не догадывались, какая разлука их ожидала.

Бабушка стояла рядом с высоким крепким парнем. Светлые волосы Кристины задорно вились, сильные руки молодого человека обхватывали ее в кольцо.

Руслана перевернула фотографию и увидела затертую надпись:

«Натан и Лиза, Глеб и Кристина. Май, 1951 год».

Значит, эта фотография сделана незадолго до смерти Лизы. А Глеб? Новый персонаж в этой таинственной истории.

Руслана недовольно цокнула языком. Конечно, бабушка знает. Знает! И молчит. Хотя, возможно, ее правда отличается от настоящей.

Второй снимок заставил Руслану вздрогнуть от внезапной пульсации, которая пробежала вдоль спины. Натан больше не искрился радостью, но в его спокойной улыбке чувствовалось странное умиротворение. Он обнимал хрупкую темноволосую девушку. Тигрову Лилию. Снимок был сделан в тот же день, что и фотография на тумбочке с Кристиной и Лилией. Но кто-то его испортил. На заднем плане находился коттедж Волковых, однако окно заштриховали ручкой. Словно хотели стереть то, что случайно попало в кадр.

Руки похолодели. Руслана судорожно вздохнула, когда поняла, что это окно мансарды. Но что пытались спрятать? На задней стороне никаких надписей. Ничего, кроме заштрихованного окна, которое скрывало страшную тайну.

Капли дождя врезались в оконное стекло и отбивали похоронный марш. В далеком черном небе вспыхивали серебристые зигзаги, а после совсем близко взрывался гром. Руслана куталась в стеганое одеяло и пыталась перебороть дрожь, но было легче броситься под поезд, чем сделать это.

– Всего лишь дождь, всего лишь дождь, – шептала она.

Но звериная гроза, разыгравшаяся снаружи, доказывала обратное.

Лана зажмурилась, пытаясь прогнать детские страхи, однако они успели окутать ее мерзкими щупальцами. Она наяву чувствовала их склизкое прикосновение, и ей хотелось кричать от ужаса.

Можно не любить дождь. Можно бояться дождя. Но ни первое, ни второе не относилось к ней. Руслана медленно умирала, если оружие Зевса прорезало небо. А от грома волосы на затылке вставали дыбом.

Рядом промелькнула молния, и Руслана вскрикнула. До боли прикусила язык, и вкус крови наполнил рот. Прозвучавший следом гром окончательно лишил ее рассудка. Она сжала в объятиях подушку и заскулила словно бездомный щенок. Настольная лампа, единственный свет в комнате, замигала и погасла. Руслана оказалась в темноте, освещаемой лишь молниями. От ужаса перед глазами пронеслись далекие моменты из прошлого.

Она бежит за родителями, путается в пышном платье, которое надела, чтобы показать маме, падает на колени...

Обида слезами скатывается по щекам. Бабушка берет ее на руки, утешающе гладит по голове.

– Не плачь, пуговка, – шепчет она, – они скоро приедут.

Приедут, а потом снова уедут. Они всегда уезжают и оставляют ее одну, как ненужную обузу.

– Мама, Костя из одиннадцатого «В» пригласил меня на свидание! – Руслана восторженно подпрыгивает на месте.

Мама ласково улыбается, гладит ее по щеке:

– Замечательно. Посмотри, что мы купили с папой! Билеты на Мальдивы! Ооо, уезжаем через неделю.

Радость затухает, когда Лана видит, как мама достает старый чемодан. И почти с ненавистью смотрит на билеты. Вот бы взять их и выбросить. И тогда родители останутся. И мама подскажет ей, что надеть на первое в жизни свидание, а папа будет хмуриться и устраивать допрос Косте.

– Я рада за вас, – тихо произносит она и идет к бабушке.

Та в гостиной ругается с телевизором и угрожающе машет тростью, которая ей совершенно не нужна.

– Ну, что ты, кузнечик? – Она замечает угнетенное состояние Русланы и хлопает по дивану рядом с собой.

Бабушка больше не зовет ее «пуговкой», потому что она выросла. Теперь Лана – кузнечик.

– Поможешь выбрать платье? – Руслана утыкается в плечо бабушки, с трудом сдерживает слезы.

– Конечно! Я даже могу одолжить тебе свое! – фыркает женщина и указывает на свою старую юбку в горошек.

Лана смеется и целует сухую щеку бабушки. Все будет хорошо.

Окно завибрировало от грома, и задвижка, которая сдерживала форточку, открылась. Руслана взвизгнула, когда звуки стихии ворвались в крохотную спальню. Она скатилась с кровати, на четвереньках подползла к окну, еле встала на дрожащие ноги.

– Черт!

Форточка отказывалась закрываться. Внутри стал заливать дождь. Ледяные капли оросили лицо Русланы. Приложив последнее усилие, она захлопнула окно и, тяжело дыша, прислонилась к стеклу. Ливень пригнул бедные люпины к самой земле. Еще чуть-чуть, и вырвет их с корнем.

Руслана вздрогнула, когда снова промелькнула гроза, и оцепенела. Посреди двора стоял мужчина. Она не видела его лица. Лишь силуэт. И он не двигался, словно дождь не касался его. Прогрохотал гром, и Руслана истошно закричала.

Отпрянула от окна, не отводя взгляда от страшного незнакомца. Еще одна вспышка, и он исчез. А дом наполнился голосами:

– Мы не должны были этого делать! Это моя вина...

– Ты никому не расскажешь, поняла? Чертова ошибка. Просто забудь!

– Я не могу, я так виновата перед ним.

– Лиза, ты слышишь меня? Не смей никому говорить, иначе...

Руслана с криком упала на пол. Голоса, которые неожиданно нагрянули из прошлого, умолкли. Но грозу никто не отменял.

Обезумев от страха и захлебываясь слезами, она подползла к мобильному и отчаянно молилась, чтобы сеть ловила. Лана почти никого не знала в этом городе. Никого, кроме... Впопыхах она нашла его визитку и дрожащими пальцами набрала номер. Гудки казались бесконечностью. Руслана забилась в угол комнаты, поджимая под себя ноги, и стискивала смартфон до треска.

– Алло?

Голос Марка подействовал на нее как укол обезболивающего. Она зарыдала в трубку и сумела произнести лишь три слова:

– Мне так страшно...

Ответ мужчины последовал незамедлительно:

– Скоро буду.

Он не спрашивал, кто звонил и зачем. Руслана опустошенно смотрела на смартфон и не понимала: шутит Марк или нет. Но на короткое мгновение ей стало легче, и она с надеждой ждала, когда в дверь позвонят.

Вместо звонка раздался грохот. Спотыкаясь об одеяло, Руслана добралась до входа и открыла.

Марк быстро нырнул внутрь и захлопнул дверь, чтобы стихия не пробралась следом за ним. Они остались вдвоем, в темноте. А снаружи безумствовал ураган.

– Что, Русалка, погода не по вкусу? – тихо засмеялся парень.

Лана всхлипнула и порывисто прижалась к нему. Он обнял ее вместе с одеялом, несколько минут они стояли неподвижно. Руслана наслаждалась теплом, которое исходило от Марка. А мысль, что перед ней живой человек, а не призрак, убаюкивала. Она уткнулась холодным носом в его шею и вздохнула. Странно. Когда Марк успел стать для нее больше, чем знакомым? Она совершенно запуталась в своих чувствах, но сейчас ей было спокойно как никогда.

– Если я тебе расскажу, ты не поверишь, – прошептала она, вспоминая призрака во дворе и гулкие голоса в доме.

– Поверю. Но сначала вылечу тебя, – уверенно заявил Марк и поставил на стол бутылку.

Руслана не понимала, что он принес.

Он повесил мокрую куртку на вешалку, попытался включить свет, но безрезультатно.

– Печально. Но ничего. – Мужчина потер руки. – Тебе нужен теплый камин и красное вино. И тогда ты забудешь о том, что творится на улице.

Руслана взяла бутылку и в отблеске молнии разглядела название: «Каберне Тамани».

– Ты приехал меня соблазнять?

Марк закинул в камин дрова и поджег спичку. Недовольно оглянулся на Лану.

– Сейчас обижусь и уеду, Русалка, – пригрозил он.

– Прости, – поспешно извинилась Руслана.

С ним она чувствовала себя в безопасности и даже боялась представить, что будет, если Марк уйдет.

Лана прошлепала босыми ногами на кухню и вернулась с двумя бокалами и штопором.

– Просто твои последние слова... – Она вспомнила его нелепое признание. А также вспомнила, что где-то в углу комнаты валяются часы Эдуарда. Но искать их не возникало желания.

– Забудь. Мне хотелось, чтобы ты осталась, – огонь в камине постепенно разгорался, – я думал, это тебя зацепит. – Марк обернулся и сверкнул улыбкой.

Ловко открыл вино и подал наполненный бокал Руслане. Она устроилась клубком на диване и даже не думала о том, как выглядит в коконе из одеяла. Но по оценивающему взгляду парня поняла, что ему нравится.

– Я не из тех женщин, которые падки на любое признание в любви.

Руслана не понимала, от чего вдруг стало жарко. От вина, камина или же присутствия Марка? Она пришла к выводу, что на нее подействовало все сразу.

– Уже понял. – Марк сел рядом и вытянул длинные ноги.

Свет огня падал на его лицо, и невольно Руслана залюбовалась.

– Спасибо, что приехал. Я не ожидала, – призналась она.

– Ты бы слышала свой голос. С таким страхом даже героини фильмов ужасов не говорят. Никогда не думал, что можно до такой степени бояться обыкновенного дождика.

– Дождика?! – Руслана засмеялась, а Марк улыбнулся:

– Ну, вот. Хоть на человека стала похожа. Ты не пробовала бороться со своими страхами?

Лана округлила глаза и покачала головой:

– Если ты сейчас вытащишь меня на улицу, я потеряю сознание. Не могу объяснить почему, но даже обычный дождик, как ты выразился, наводит на меня ужас.

Огонь весело заплясал в камине, Руслана согрелась в одеяле, и недавний страх отступил на

второй план. Оставалось молиться, чтобы дождь поскорее прошел, иначе придется упрашивать Марка переночевать у нее. А он может все неверно истолковать.

– Настоящая русалка, – хмыкнул парень и чокнулся с ней бокалами.

Внезапно Руслана вспомнила о красивой брюнетке, которая ревниво смотрела на нее на вечеринке.

– А твоя девушка не возражает, что ты поехал ко мне?

Марк удивленно вскинул брови:

– У меня нет девушки.

– А как же Диана?

– Диана? – Он замялся, сделал глоток вина. – Мы и правда встречались несколько месяцев, но потом расстались и решили остаться друзьями.

– Было заметно, какие вы друзья. – Руслана улыбнулась и поставила пустой бокал на столик. В голове приятно зашумело. – Кажется, она хочет вернуть ваши отношения.

Лицо Марка застыло. Парень уставился на огонь, словно искал подсказку, как решить дилемму, о которой знал лишь он.

– Диана – собственница. Она с детства привыкла получать все, что хочет, и иногда ее стремление к желаемому доходит до крайности. Думаю, у нее не все дома, поэтому стараюсь лишний раз ее не злить. Но между нами все кончено. Я не готов всю жизнь выполнять ее прихоти. Поэтому ты мне и понравилась, – неожиданно перевел тему Марк. – Ты не стремилась показать себя во всей красе и, наоборот, словно хотела избавиться от меня.

Он испытующе посмотрел на Руслану. Щеки загорелись огнем.

– Так и было, – призналась она. – Я сбежала сюда от разбитого сердца. И в первый же день познакомилась с тобой. Это не входило в мои планы. К тому же меня раздражает твой пунтик насчет блондинок.

Марк захохотал:

– Детская травма. Моя первая любовь была блондинкой, и она отшила меня. Тогда я поклялся, что в следующий раз влюблюсь в брюнетку или шатенку. На худой конец, рыжую.

– Глупо делить людей по цвету волос, – съехидничала Лана.

– Как будто ты лучше меня? Сослала всех мужчин в ссылку. Интересно, почему?

Руслана сбросила с себя одеяло, потому что стало невыносимо жарко, и обхватила руками колени.

– Рассказывать-то нечего. Влюбилась в мужчину, а он оказался женат. Я-то, курица, думала, что нашла своего единственного. А потом неожиданно получила наследство от двоюродного деда. И вот я здесь.

– Неплохое наследство, – присвистнул Марк. Он щелкнул Руслану по носу. – Не грусти. Все, что ни делается, все к лучшему. Это я уже давно понял. Не будь у меня пунтика с цветом волос, я бы вряд ли обратил на тебя внимание. А ты – наоборот, попыталась бы сделать все, чтобы привлечь его, в результате мы бы сейчас здесь не сидели.

– Ой. – Лана со смехом отмахнулась от парня. – Ты – несносный, самодовольный, тщеславный, эгоистичный...

Марк закрыл ей ладонью рот:

– Все, я понял, ты от меня без ума, а теперь рассказывай, что приключилось сегодня?

Веселая, непринужденная беседа затухла, и Руслана боязливо оглянулась на спальню.

– За последние несколько дней я поняла, что у меня самая таинственная семья на свете. Боюсь, ты сочтешь, что я сошла с ума, пока охотилась за скелетами из шкафа.

– Не забывай, я – журналист. Обожаю семейные тайны. – Марк снова наполнил бокалы и подмигнул Лане: – Начинай.

Руслана задумчиво пожевала нижнюю губу, затем набралась храбрости и сбегала в спальню за дневником Лизы, письмом Натана и фотографиями. Все это она вручила Марку, а затем начала рассказывать с того дня, как получила письмо от нотариуса, включая корыстные планы добраться до архива редакции Марка и полуночные похождения на мансарде возле печатной машинки. Умолчала только о призраке и голосах.

Лицо Марка менялось по ходу рассказа. Но неизменным оставалось одно. Его глаза горели азартом.

– Невероятно, – бормотал он, пробегая глазами по строчкам из письма. – О мадам Тигровой много слухов, но об этом – ни слова. Настоящая сенсация. Первая любовь одной из богатейших женщин Велидара.

– Марк, это касается и моей семьи тоже, – заметила Руслана. – Не хотелось бы, чтобы история стала достоянием всех. Чем больше я узнаю, тем сильнее проникаюсь жалостью к Натану. Но бабушка упрямо молчит, и я не могу понять, как он умудрился заслужить ее ненависть. – Лана намотала прядь на палец, но увидела, что Марк наблюдает за ней, и поспешно убрала руку.

– Конечно, я понимаю. Тут чисто спортивный интерес, узнать все до конца. Ты говоришь, она не общалась с Натаном шестьдесят лет?

– Да. В 1956 году она переехала в Россию. Именно этот год указан в письме. Что-то случилось, и это связано с Тигровой.

Руслана не заметила, как Марк оказался слишком близко. Она чувствовала дыхание парня, и приятные мурашки бегали по телу.

В голове бродили шальные мысли.

«Каковы на вкус его губы? Как он целуется?»

Зато Марк, наоборот, погрузился в историю Лизы и, кажется, забыл о существовании Ланы.

– Как... ты говоришь, лунатила? – Он обеспокоенно посмотрел на нее, когда дочитал до конца.

– Ты не веришь? – голос Русланы упал.

– Верю. В моей жизни было много мистики, – усмехнулся он, – как-нибудь расскажу. Но... лунатизм – это же опасно?

– Не знаю. Похоже, я впадаю в некий транс, иду на мансарду и печатаю всю ночь. Словно сама Лиза является мне и диктует свою историю. Это жутко, особенно когда находишь подтверждение тому, что написано там. Вообще, – Руслана нерешительно посмотрела на парня, – этот дом наполнен призраками. Я часто слышу, как наверху кто-то ходит. Или смеется. А сегодня вечером перед тем, как позвонить тебе... – Она умолкла.

– Не бойся. Я верю тебе, – подбодрил Марк и взял ее за руку.

Его шоколадные глаза проникали в центр сердца Русланы, и она готова была поведать даже самые личные тайны. Никогда раньше она не испытывала такого доверия к мужчине. Это завораживало, но вместе с тем пугало.

– Я увидела силуэт мужчины на заднем дворе, – продолжила Лана. – А затем в спальне раздался голос. Кто-то спорил. Мужчина и Лиза. И он угрожал ей, – она опустила взгляд и отняла руку. – Не хотела тебе говорить, потому что ты точно посчитаешь, что мне пора в психушку.

– Это, конечно, весьма странно. – Марк залпом допил свое вино, а потом и Русланы. Видимо, ее слова действительно впечатлили его. – Но в мире и не такое бывает. Кстати, – он уставился на пустую бутылку, – учитывая, что я на машине и пьян, а на улице гроза, то я остаюсь у тебя.

Руслана засмеялась и уткнулась лбом в его плечо:

– Рада, что ты предложил вместо меня. Иначе ты бы решил, что я к тебе пристаю.

– Я считаю так с нашей первой встречи. Ты даже смотришь на меня как похотливая ш...

Руслана ударила Марка в бок, и он наигранно застонал:

– В следующий раз не звони мне. Не люблю, когда меня избивает девушка.

– А ты не переигрывай. – Лана с улыбкой подняла голову и посмотрела на парня.

Их лица рядом. На расстоянии вздоха. Полумрак, дождь за окном. Бутылка красного вина, распитая на двоих. Идеальная романтика.

Марк медленно наклонился к губам Русланы. Она в предвкушении задержала дыхание и... отвернулась.

– Я... ты пустишь меня в архив? – Лана с трудом нашла тему для разговора.

Марк прочистил горло и разочарованно посмотрел на нее:

– Конечно. Мне тоже интересно. Уверен, семья Тигровых часто фигурировала в газетах в пятидесятые, шестидесятые годы. Но ты будешь моей должницей.

– Так и знала, что ты не станешь бескорыстно помогать, – пробурчала Руслана.

– Правильно. Завтра День города. Сначала мы пойдем на праздник, а затем съездим в архив, и ты сможешь зарыться в бумаги, как полевка. – Марк растрепал ей волосы.

Лана отмахнулась от парня, но улыбка выдала ее настроение:

– Уговорил.

– Вот и прекрасно, а сейчас, – он потянулся к столику и взял книгу, которую Руслана уже не открывала несколько дней, – что тут у нас? «Тринадцатая сказка» Диана Сеттерфилд. Интересно?

– Ты даже не представляешь насколько. – Руслана взяла книгу и раскрыла на первой странице.

– Бабушка часто читала мне вслух, когда я был маленький. Развивала мое воображение, потому что сам я отказывался читать, – признался Марк.

Он растянулся на диване и притянул к себе Руслану. Она пыталась сопротивляться, но парень был непреклонен.

– На что ты намекаешь? – Лана сдалась и положила голову ему на плечо. Под ухом билось сердце Марка, и ей стало уютно, словно так и должно быть. Она лежит в объятиях мужчины. Искала их всю жизнь и наконец нашла.

– Почитаешь? – как маленький ребенок, попросил Марк.

Его пальцы ласково перебирали ее волосы. Наверное, он даже не задумывался о том, в какой интимной обстановке они оказались. Будто знакомы всю жизнь, а не пару дней. И от этой мысли кровь становилась горячее.

Руслана вдохнула одеколон Марка, мужской запах, от которого кружилась голова:

– Хорошо. Только ради тебя. – Она послушно подняла книгу и начала читать. Но строчки расплывались перед глазами, приходилось несколько раз перечитывать предложение.

А потом Руслана услышала тихое посапывание.

Марк спал. Это было так удивительно, что она замерла, молча наблюдая за ним. Затем отложила книгу, крепче прижалась к нему и закрыла глаза. Никогда в жизни она не чувствовала себя в такой безопасности. И сегодня хотела насладиться этим сполна.

Глава 14

Прошлые обиды

Русамия. Велидар. 1956 год

Зал для репетиций напоминал бесконечный коридор в Царство мертвых. Стены, увешанные зеркалами, улавливали малейшие огрехи танцовщиц. Но вместо прилежной ученицы Лили видела отражение девушки, скованной и неуклюжей. Мадам Ровийяр не щадила своих подопечных. Спустя три часа занятий Лилия уже не чувствовала ног, а крики француженки, что до Дня города осталось совсем немного времени, начали раздражать.

Вероника держалась лучше. Спокойнее, увереннее. И Лили пришлось признаться самой себе, что мыслями она была далеко.

Вчера Натан подкараулил ее возле дома и обещал заехать за ней сегодня вечером, так что ей предстояло сбежать из дома. Сначала она испугалась, но потом вспомнила, что говорила брату.

«Совершай ошибки и неси за них ответственность».

Пора становиться взрослой. К тому же отец с Эдуардом приглашены на деловой ужин, а мама в последнее время загружена делами комитета, который занимался подготовкой к празднику. В следующем году Лили ждала та же участь.

– Сначала будет выступать мадемуазель Лилия, затем мадемуазель Вероника.

Глубокий бархатный голос мадам Ровийяр и ее пикантный акцент сводили с ума многих мужчин. Изящная, высокая, все-таки она не могла скрыть возраст. Его выдавали морщины на лице и сухая кожа.

– Но если вы будете танцевать столь же плохо, я не знаю, что делать с вами! – Сердитая француженка помахала перед носом Лили пальцем с длинным ногтем. – Буду вынуждена говорить с вашим отцом. Вы – гордость Велидара. Но вести себя отвратительно!

Лилия молча смотрела на мадам Ровийяр, прекрасно понимая, что она намекает на ту злосчастную статью. Вероника делала вид, что не в курсе событий, и продолжала репетировать танец.

– Еще полчаса! Танцуйте! – отрывисто приказала мадам Ровийяр и удалилась в кабинет.

Этим она показала, что больше не в силах смотреть, как Лили позорит себя.

– Подозреваю, молодой любовник бросил ее, поэтому она отыгрывается на тебе.

Ника села на пол и подтянула пуанты. Судя по всему, она не собиралась выполнять приказание преподавательницы.

– Спасибо, конечно, но, боюсь, она права. Я сегодня рассеянна.

Лили прикоснулась к губам. Она вновь окунулась в тот вечер на пляже. Вспомнила вкус поцелуя Натана и невольно ужаснулась. Она была столь беззащитна. Он запросто мог воспользоваться этим, но не стал. Леди себя так не ведут. И в тот момент Лилия не была ею. Она... стала женщиной, которая любила.

– Узнаю этот взгляд. – Ника задумчиво смотрела на нее. – Влюбилась?

Лили вздрогнула и нервно оглянулась. Затем подсела к Веронике и громко зашептала:

– Слишком заметно? Я так боюсь, что родители узнают.

Ей не к кому было обратиться. Не у кого было спросить совета. И сейчас Лили казалось, что ближе Вероники у нее никого нет, несмотря на их прошлую вражду.

– Только не говори, что твой папочка не одобрит?

– Он убьет меня, если узнает, – стоило произнести эту фразу, как Лили поняла, что не шутит.

Ника выдохнула и растерянно покачала головой:

– Зачем ты в это ввязалась? Если парень из бедных, Тигров-старший сделает все, но не допустит вашего союза. Уж я-то знаю, – хмыкнула она.

– Так получилось. – Лили сжалась в комок и обхватила себя за колени. – Я влюбилась с первого взгляда, а потом стало поздно.

– Если отец поставит тебя перед выбором: наследство или любовь, что ты выберешь?

– Любовь, – не колеблясь, ответила Лилия.

В глазах Вероники промелькнуло недоверие, и она отвернулась.

– Вы все так говорите, – презрительно заявила девушка.

– Когда-то и ты была *такой*, – напомнила Лили.

Они замолчали. Обеспокоенно прислушивались, не идет ли мадам Ровийяр, но по танцевальному залу разливалась лишь тихая мелодия.

– Ты права. Но когда я столкнулась с подобной ситуацией, то оказалась на месте твоего парня. И знаю, как это больно, когда тебя меняют на деньги, – горько призналась Вероника.

Лили смотрела на подругу, затаив дыхание:

– Расскажи.

Ника избегала смотреть в глаза, но Лилия все равно видела, как боль волной пробежала по ее лицу. В конце концов девушка решилась, однако голос звенел от напряжения, как разбитый хрустальный бокал.

– Я знала его с детства, но влюбилась уже после того, как отец обанкротился. Он тоже проявил ко мне благосклонность, я даже думала, что это любовь. Знаешь, он обещал жениться на мне. Говорил, что мы убежим и его родители никогда нас не найдут. Я поверила в эту красивую сказку, потому что любила. И отдалась ему. – Ника глубоко вздохнула. – Но случилось так, как должно было. – Она посмотрела прямо в глаза Лили. – Отец обещал лишить его наследства, если он не расстанется со мной.

– И что он сделал? – Лилия не выдержала, когда Вероника вдруг замолчала.

– Он бросил меня, – безразлично ответила она. – Ты надеялась на другой конец? – И не дожидаясь ответа, добавила: – Наивная.

Лили поникла. Музыка закончилась, и Вероника направилась в раздевалку. Лилия уныло последовала за ней.

Она поняла. Если проклятье не разлучит их с Натаном, то это сделает отец. Но не могла представить, что больше не увидит парня. Она уже безумно скучала, а ведь прошла всего пара дней.

– Кто он? – Тишина давила на уши.

Вероника молча переодевалась и не спешила отвечать на вопрос Лилии.

– Кто он, Ника? Я его знаю?

Девушка угрюмо посмотрела на нее исподлобья, распустила длинные светлые волосы.

– Твой брат, Ли, – коротко ответила она.

Лили застыла на месте. Эдуард? Ее Эдуард? И Вероника? Она пыталась представить их вместе, но получались расплывчатые силуэты.

– Ты и мой брат, – недоверчиво повторила Лилия и медленно села на скамью.

– Что? Недостаточно хороша для него? – съязвила Вероника.

Девушка сердито скрестила руки на груди, словно готовилась защищаться.

– Нет! – поспешно воскликнула Лилия. – Только Эдуард никогда не говорил об этом и даже делал вид, будто не знает... тебя. – Она не успела договорить, как поняла, насколько обидно

прозвучали ее слова.

Вероника поджала губы и яростно запихнула вещи в сумку, даже не удосужившись их сложить.

– Конечно. Зачем говорить о той, которая верила каждому слову. Лучше сделать вид, что ничего не было, и забыть о досадной ошибке под названием «Вероника Савельева»! – Она швырнула сумку на пол и обессиленно упала на скамью.

Лили осторожно села рядом и вдруг поддалась невольному порыву. Она крепко обняла Нику, пытаясь забрать часть ее боли. В душе kloкотала невыносимая злость на брата. Он использовал Веронику и даже не попытался бороться за их любовь. И еще смел учить Лилию жизни. *Не совершай ошибку... думай головой...*

– Ты до сих пор любишь его?

Ника всхлипнула и вытерла слезы сжатым кулаком:

– Это уже не важно. Я переболела им.

Но Лили не верила ей. Человек не плачет над разбитым сердцем, если ему не больно. А если плачет, то, значит, лжет.

– Хочешь, я подвезу тебя? За мной должны приехать, – предложила она.

Ника грустно улыбнулась:

– А ты не такая противная, какой я тебя считала.

– Жаль, что ты поняла это только сейчас.

– Ну, я лишь человек. – Вероника пожала плечами. – Но не откажусь, чтобы меня прокатали на «Шевроле»! – Она довольно хмыкнула.

Лилия подхватила сумку, радуясь, что неприятная тема закончилась. Они пошли к выходу, по пути обсуждая генеральную репетицию. Но, очутившись на улице, Лили не увидела «Шевроле». Вместо него на парковке стоял знакомый белый «Кадиллак». Под ложечкой неприятно засосало.

– Кажется, за тобой сегодня приехал не водитель. – Вероника тоже заметила машину и замедлила шаг.

– Все равно, – отрезала Лили, – предложение не отменяется.

– Я могу дойти сама, – заупрямилась она.

– Ты же сказала, что переболела?

– Да, но... – Сомнение в глазах Ники договорило за нее.

Лили подхватила Веронику под руку и силком потащила к «Кадиллаку». Она сама не понимала, чего пытается добиться. Хотела увидеть раскаяние брата? Или подарить Эдуарду и Нике второй шанс? На самом деле Лили эгоистично верила, что, если у них получится, значит, и у нее с Натаном все возможно.

Эдуард вылез из машины и приветственно кивнул им, но даже не посмотрел в сторону Лили. Его внимание было приковано к Веронике, которая напустила на себя безразличие.

– Почему ты приехал за мной? – Лили подтолкнула Нику к передней двери.

– Отец не смог отпустить водителя. Он развлекает одну «важную» персону, – с иронией произнес брат. – Я вызвался добровольцем, лишь бы избежать скучных бесед. Как жизнь, Вероника? – непринужденно спросил он.

Девушка смерила парня ледяным взглядом и тихо ответила:

– Замечательно.

– Я обещала подвезти Нику. Ты не против? – вставила Лили и юркнула на заднее сиденье.

– Конечно, нет. – Эдуард обошел машину и открыл двери оцепеневшей девушке.

– Спасибо, – сквозь зубы поблагодарила она.

Пока парень возвращался на водительское место, Ника успела прошептать пару слов Лили:

– Твоя доброта не знает границ.

– Я подумала, что это хороший шанс начать все сначала. – Лили потупилась.

Постепенно до нее стала доходить тщетность жалких попыток.

– Не может быть никакого «начала», – отрезала Вероника и отвернулась.

Слова прозвучали горько.

Всю дорогу до дома Ники тянулась напряженная беседа. Эдуард интересовался здоровьем ее родителей, девушка отвечала взаимной вежливостью. Но воздух стал жарче, и Лили приоткрыла окно, чтобы остудить лицо. Даже невооруженным глазом было заметно, что между ними еще не все кончено. Но оба боялись в этом признаться.

Когда Ника с облегчением выпорхнула из машины, Лили пересела вперед и приготовилась услышать от брата разъяренную тираду, но он удивил ее:

– Знаешь, мы с Кристиной повздорили в тот раз, а теперь я вдруг понял, что не хочу повторять ошибки. Думаю, стоит найти ее и извиниться, – сказал Эдуард.

Лилия округлила глаза.

– Кристина? А разве... – Она отчаянно оглянулась на скромный дом Вероники, который вскоре пропал из виду.

– Что? Думала, я возобновлю отношения с Никой? Я правда любил ее, Лили, но был моложе и глупее. А отец непреклоннее. Столько воды утекло, и я не хочу строить дом на развалинах. Лучше начать с чистого листа. В следующий раз я не позволю отцу разрушить мои отношения.

Лилия обескураженно выдохнула, но не успела ничего сказать, как брат продолжил:

– А вот тебе следует быть осторожнее с Натаном и не перечить отцу.

– Что? Не понимаю, в чем разница между тобой и мной? Почему ты можешь идти против воли отца, а я нет? – Возмущение вспыхнуло внутри Лили, как порох.

– Я – мужчина. К тому же совершеннолетний. – Эдуард ухмыльнулся. – Не злись. Я переживаю за твою честь. Но ты – разумная девочка, поэтому я ничего не расскажу родителям.

– Только посмей, – Лили прищурилась и отвернулась к окну, задыхаясь бессильным гневом, – и я никогда не прощу.

– Вот поэтому я молчу. Потому что люблю тебя, глупышка. – Эдуард свернул к особняку и остановил «Кадиллак» возле входа. – А теперь выпрыгивай, меня еще ждут дела.

После слов брата Лили оттаяла и крепко обняла его, несмотря на протесты.

– Я тоже люблю тебя, Эд. Ты – мой лучший друг.

– Да, да, – ворчал он, – хватит обниматься, я уже опаздываю.

Лили рассмеялась и выбралась наружу, но успела поцеловать Эдуарда в щеку. Ворчания усилились, но ей было все равно. Она любила брата таким, какой он есть. Со всеми его недостатками.

Кафе «Лагуна» на Песочной улице встретило Эдуарда веселой вывеской с призывным слоганом: «Заходи, перекуси». Он вылез из «Кадиллака», достал букет из тридцати алых роз и оттянул ворот рубашки.

Палило солнце, к тому же Эд нервничал, и становилось еще жарче. Он надеялся, что его никто не узнает, а шикарный букет произведет на Кристи нужное впечатление. С другой

стороны, даже если кто-то и приметит в нем сына Тигрова, мир лишь пополнится очередными слухами.

Эдуард толкнул двери, покрашенные в розовый цвет, и зашел в небольшое помещение с круглыми столиками. За барной стойкой он увидел официантку в голубой униформе. Она внимательно смотрела на букет, и Эд видел в ее глазах рой догадок – к кому он пришел?

– Здравствуйте, – он проигнорировал любопытные взгляды посетителей, – я ищу Кристину Волкову. Не могли бы ее позвать?

– Она на обеде, – разочарованно ответила девушка. – Одну минутку. – Она скрылась в помещении для персонала.

Буквально через минуту оттуда вылетела Кристина, на ходу вытирая руки бумажным полотенцем. Неловко остановилась перед Эдуардом, недоверчиво глянула на букет.

– Мы могли бы поговорить наедине? – прошептал он. – У меня спина скоро загорится от взглядов.

Кристина вскинула светлые брови, но губы заметно дрогнули в улыбке. Молча поманила Эдуарда за собой. Они вышли через черный вход в маленький дворик, большую часть которого занимал мусорный бак.

Кристина выкинула полотенце и уперла руки в бока, сразу занимая воинственную позу.

– Это тебе, – пресекая вопросы, Эдуард протянул девушке цветы.

– Спасибо.

Она взяла букет и понюхала розы. На лице отразилось удовольствие от аромата.

– Я подумал, что мы расстались на печальной ноте, и решил все исправить. Ты была права насчет меня. Я и правда избегал серьезных отношений, потому что боялся вновь испытать боль. Ты наступила на больное место. – Эдуард выдохнул. Он и не подозревал, что будет так нервничать.

Кристина выглядела мило в голубом платье с белым фартучком. Золотистые волосы были убраны в хвост. Синие глаза открыто смотрели на Эдуарда.

– Хорошо, что ты признал свои ошибки, – мудро заметила она. – Ты приехал только за извинениями?

– Нет. Я хотел пригласить тебя на свидание. Настоящее свидание, – поспешно добавил Эд.

Кристина нахмурилась и стиснула букет:

– Зачем?

– Мы могли бы прогуляться или сходить в кино, – начал перечислять он.

– Нет, зачем ты хочешь со мной общаться? Я еще на ужине поняла, что отношения между нами невозможны, так зачем усугублять?

– Значит, Натан и моя сестра могут встречаться, а мы нет? – резонно заметил Эдуард. – Ты мне нравишься! Действительно нравишься, и я хочу сам строить свою жизнь, без вмешательств родителей.

– Натан и Лили – там другое, – уклонилась от ответа девушка. – Они влюбились с первого взгляда, правда, кое-кто упрямится, но я-то видела. А мы... ты уже один раз послушался отца и сделал выбор не в пользу любви. Как я могу быть уверена, что со мной будет иначе? – Кристина серьезно смотрела на Эдуарда, и он видел, что за ее словами кроется гораздо больший страх, чем она пытается показать. – Однажды я уже любила. И он бросил меня. Я целый год плакала и ждала, что он вернется, но... – Она нервно сглотнула. – Я, как и ты, не хочу больше обжигаться.

Эдуард сделал неуверенный шаг к Кристине:

– Понимаю. Но ведь дружить нам никто не запрещал?

Девушка наморщила носик:

– Не верю я в дружбу между мужчиной и женщиной. Она неизменно ведет к любви, а иногда минует ее и сразу в постель.

Эд засмеялся:

– Ты отличаешься от других женщин. Не боишься говорить то, о чем остальные лишь думают.

– Я всегда считала, что искренность – самое важное качество в человеке. Не беспокойся, я закончила пансион для девушек, так что умею вести себя в обществе и знаю, когда можно открыть рот, а когда лучше мило улыбнуться.

– Я и не сомневался. – Эдуард поднял руку с мыслью прикоснуться к волосам Кристины, но остановился и неуклюже завел ладонь за голову.

– Приезжай сегодня к нам. Хочу реанимировать фотоаппарат, – вдруг оживилась девушка. Она не обратила внимания на неловкий жест Эдуарда. – Натан заедет за Лили, кажется, в семь.

– Лили будет? – Эд удивился.

Он недовольно поджал губы. Почему сестра умолчала об этом? Разве он не доказал свою верность? Но потом вспомнил, что их разговор крутился вокруг Вероники и прошлого, и решил, что она забыла.

– Да. На этот раз Натан сам проявил инициативу. И вообще в последние дни он витает в облаках и совершенно меня не слышит, – пожаловалась Кристина.

– Лили такая же, – ухмыльнулся Эдуард. – К сожалению, у меня деловой ужин, так что я не смогу.

Кристина разочарованно вздохнула и взглянула на часы:

– Обед заканчивается. Надо идти, а то начальник снова меня отчитает.

– Да, конечно. – Эдуард отошел в сторону.

Он понимал, что девушка права, и не стоит им встречаться, но все равно в душе остался неприятный осадок. Она отказалась от свидания. Эд уже забыл, что такое отказ. Но перед самой дверью Кристина оглянулась, неуверенно прикусила нижнюю губу:

– Если ты так хочешь, можешь заехать за мной послезавтра вечером. И мы прогуляемся по парку. – Она закатила глаза, словно он умолял ее на коленях. – Но не больше!

Эдуард не сдержал торжествующей улыбки:

– Разумеется. Только прогулка. И никаких поцелуев, как бы ты меня ни упрашивала!

Ответом послужил искренний смех.

– Вы выглядите так, словно вас сейчас съедят! Расслабьтесь. – Натан закрыл глаз фотоаппаратом и прицелился, но затем раздраженно опустил его. – Кристи, ты можешь не ерзать?

Девушка фыркнула и перекинула толстые косы через плечи:

– Не могу! Я сижу на заборе, он колется!

Лили хихикнула:

– Тебя никто не заставлял залезать на забор.

– О, и ты туда же? Где хочу, там и фотографируюсь. Между прочим, я купила этот фотоаппарат. Отдала свои кровные. А мой братец нагло приватизировал.

– У твоего братца устали руки, – простонал Натан. – Сиди ровно.

Наконец девушка замерла. Лили встала рядом с ней, чинно сложила ладони и улыбнулась.

Эта была первая фотография, которую Натан сумел сделать за полчаса. Остальное время

Кристина бегала по двору, не зная, где лучше будет падать свет и в каком ракурсе она выглядит красивее.

– Ты как червяк на крючке, – ворчал Натан, но при этом благодушно улыбался. – Вертишься, а без толку.

– Сама вежливость, – в ответ язвила Кристина.

Лилия ловила каждую фразу парня, каждый его жест, улыбку, взгляд.

Сегодня он выглядел иначе. Расслабленным, спокойным. Он шутил и смеялся. Но не касался Лили. А она умирала от желания снова ощутить поцелуй Натана, окунуться в его объятия, забыться в страсти.

От горячих мечтаний ее оторвала Кристина:

– Теперь ваша очередь. Становитесь возле дома. Натан, верни мою собственность, живо! – Девушка подбежала к брату и выхватила фотоаппарат из его рук.

– Куда встать?

Парень медленно подошел к Лили, и с каждым шагом ей становилось тяжелее дышать.

– Рядом с входной дверью. Хочу запечатлеть вас на фоне нового покрашенного дома.

Они замерли друг против друга. Глубокий взгляд Натана пригвоздил Лили к земле, и она боялась пошевелиться. Лишь крики Кристины подталкивали ее вперед:

– Господи, Натан, обними ее. Не будь истуканом. И не делай такое лицо. Я знаю, чем вы занимались на пляже, не строй из себя невинность.

Лили показалось, что ее облили горячей краской, потому что красные пятна от смущения пошли даже по рукам.

– Сестра кого угодно смутит, – прошептал Натан и бережно обнял Лилию.

Она прильнула к его груди, утонув в синих глазах. Забыла, что такое воздух. И судорожно выдохнула, когда Кристина вновь прикрикнула на них:

– Лили, смотри в камеру. Сейчас вылетит ослик.

Она с трудом повернула голову и растянула губы в улыбке. Ей хотелось, чтобы это мгновение никогда не кончалось. Теплые ладони Натана согревали, его дыхание убаюкивало. Жаль, Лили не могла передать фотографии эмоции, которые испытывала. Она бы бережно хранила этот маленький кусочек чувств всю жизнь. И не важно, что ждет их с Натаном в будущем. Сейчас не закончится никогда.

Щелчок.

Кристина опустила фотоаппарат и с ужасом посмотрела куда-то вверх. С ее лица медленно сошла краска.

Девушка окаменела. Лишнее движение, и она рассыплется.

– Кристина, что с тобой? – Натан нахмурился и глянул на второй этаж, где находилось окно мансарды.

Лили подняла голову, но ничего не увидела.

– Померещилось, – наконец прошептала Кристина и встряхнула головой, словно пыталась сбросить с себя наваждение. – Погуляйте пока, а я пойду проявлю фотографии. Не люблю, когда кто-то мешает.

Она быстро зашла в дом, но Лили успела заметить нервно дрожащие губы и испуганный взгляд. Ей хотелось последовать за девушкой, но Натан удержал ее и привлек к себе.

– Почему, когда я вижу тебя, то хочу поцеловать?

Лили вздрогнула от его вопроса. Несмело улыбнулась:

– Потому что любишь меня?

В ответ Натан ухмыльнулся и поцеловал ее, стирая с губ непрошеное признание в любви.

– Пойдем. У нас есть около часа, пока Кристина занимается фотографиями. Ты ведь свободна?

Лили радостно кивнула:

– Да. Отец с братом на деловой встрече, а мама в комитете. Они шьют одежду сиротам. Благотворительность в честь Дня города.

– Богатые леди шьют? – изумился Натан. – Зачем, если можно купить?

Он потянул ее за руку в сторону заднего двора.

– Купить – это слишком просто. Они считают, что так вкладывают частичку своей души.

– Точнее, лицемерят, – хмыкнул Натан.

Лили незаметно поморщилась и перевела разговор на менее болезненную для нее тему:

– Кристине не впервой заниматься проявкой фотографий?

– Да. В детстве она мечтала стать фотографом. А потом... – Улыбка Натана потускнела, и он замер напротив люпинов. Длинная морщина прорезала лоб.

– Потом? – подсказала Лили.

Она подошла ближе, прижалась к его руке и всем телом ощутила вибрацию, исходящую от парня. Его боль.

– Потом выросла, – тихо ответил он.

Лили смотрела на цветы и чувствовала, как картинка расплывается перед глазами. Легкое головокружение усилилось. Воздух показался спертым, будто она находилась в замкнутом пространстве. Все вокруг завертелось. И как единственную опору, она стиснула руку Натана.

– Лили, что с тобой? – голос парня донесся до нее издалека. Словно он находился по другую сторону дороги и отдалялся с каждой секундой сильнее и сильнее.

Зато другой голос, женский и яростный, ворвался в разум Лили, сметая на пути любые преграды:

– *Он – мой! Мой!*

Ноги подкосились, и она ощутила, как парит в воздухе.

– Лили, господи, очнись!

Постепенно предметы перестали прыгать, зрение вновь обрело ясность. Она растерянно заморгала и поняла, что Натан держит ее на руках. Он встревоженно смотрел на нее, в глазах читался немой вопрос.

– Этот запах... – солгала она, – видимо, у меня аллергия на цветы.

Натан нахмурился и пошел к морю, не опуская Лили.

– Тогда прогуляемся по пляжу. Свежий воздух тебе не помешает.

Лилия обессиленно обвила руками его шею и положила голову ему на плечо. Она не понимала, что только что произошло, но это не могло не пугать. Природа продолжала кричать об опасности, а Лили упрямо игнорировала ее знаки.

– Вчера ко мне на работу приезжал твой отец, – как бы невзначай произнес Натан.

– Что? – Лили вздрогнула и замотала ногами, чтобы парень опустил ее на землю. – Как он узнал, где ты работаешь?

– Сомневаюсь, что для Тигрова существуют закрытые двери. – Натан задумчиво пнул ракушку.

Они брели вдоль моря, взявшись за руки, словно гуляли так каждый вечер на протяжении

всей жизни.

– Что он хотел? – В горле пересохло.

Отчаянно хотелось пить.

– Ничего особенного. Поблагодарил за твое спасение. Предложил помощь, если она вдруг понадобится.

Лили смотрела на понурого Натана и чувствовала, что это не конец:

– И?

– Я отказался. А перед уходом он предупредил, что не желает видеть меня рядом с тобой.

Лили тихонько вскрикнула и зажала ладонью рот:

– Так и сказал?

– К сожалению. – Натан вздохнул и прижал Лили к себе. – А ведь я подумывал навеститься к вам в гости.

Парень уткнулся носом в ее шею, легонько поцеловал. Лили стояла как будто оглушенная. Неожиданный визит отца к Натану расстрелял ее надежды на возможное взаимопонимание. Слезы набежали на глаза.

– Не грусти, Тигровая Лилия. – Натан улыбнулся и поцеловал ее в нос. – Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Они вернулись через полтора часа. Неприятный инцидент с люпинами быстро позабылся, и лишь когда Лили снова проходила мимо цветов, холодная дрожь назойливо пробежала по рукам.

– Надеюсь, мама еще не вернулась.

Они вошли в дом, и Лили устало села на диван. Прогулка, из-за которой они потеряли счет времени, была незабываема. Натан рассказывал морские легенды, потом искал для нее ракушки, и Лили с восторгом внимала его словам, поражаясь, как их миры могли существовать рядом, но не соприкасаться.

– Если что, скажешь, что была у подруги. – Натан подошел к двери ванной и постучал: – Эй, Кристина, как у тебя дела? Фотографии готовы?

Лилия задумчиво пожевала губы, размышляя, к какой подруге она могла бы пойти в гости, но кроме Вероники в голову ничего не приходило. Девушки, с которыми она училась в школе Фолькова, вряд ли могли так называться, хотя родителям понравились бы больше, чем Ника.

– Кристина! – Натан сердито забарабанил в дверь, Лили напряглась. – Ответь мне!

– Все в порядке, – тихо откликнулась девушка. В ее голосе отчетливо прозвучали слезы.

Натан подергал за ручку:

– Черт возьми, что случилось? Ты можешь открыть или мне ее вышибить?

Лили медленно встала и подошла к парню. Сердце бешено заухало в груди. Послышался щелчок, и Лилия увидела полоску кровавого света, заливающего ванну.

Натан гневно распахнул двери и уставился на сестру. Кристина стояла спиной в полумраке, стискивая края раковины. Ее плечи дрожали, а бледное лицо отражалось в треснутом зеркале.

– Кристи? Ты разбила зеркало? – глухо спросил Натан. Он не решался войти в ванную.

Девушка молчала. А Лили вновь слышала тихий, но яростный голос:

– Он – мой! Мой!

Глава 15

Тайны архива

Русамия. Велидар. 2016 год

Город гудел.

Марк припарковал машину, еле отыскав для нее место среди автомобильного моря. И вместе с Русланой протиснулся сквозь шумную толпу, присоединившись к параду, который шествовал по широкой улице, вдоль украшенных воздушными шариками и разноцветными лентами домов, к центру старой части города.

– По преданию, именно на Калининской площади жена князя Калинина воткнула в землю флаг с их гербом и объявила о рождении Велидара, – прокричал сквозь музыку, свист и гул Марк.

Он крепко держал Руслану за руку, словно боялся, что людской поток унесет ее от него. Лана уже начала привыкать, что парень постоянно рядом. Ночь, проведенная в его объятиях, навсегда запечатлелась в воспоминаниях. Руслана уже давно так не высыпалась. Марк влиял на нее как успокоительное и снотворное, хотя иногда доводил до белого каления.

– Сегодня большой праздник. Велидар празднует тысячу лет. Вся страна будет стоять на ушах до самого утра. Уверен, здесь из провинции людей больше, чем столичных. – Марку нравилась роль гида. – Сначала на сцене выступит король Адриан с супругой. Потом почетные гости. Кстати, графиня Маврос всегда присутствует.

Руслана насторожилась. Хотя ей было любопытно посмотреть, как веселятся русамийцы, она изнывала от желания попасть в архив. Поэтому на любую новость, связанную с мадам Тигровой, реагировала остро.

Вскоре человеческая волна вынесла их на старинную площадь, заставленную по кругу различными палатками. Запахи жареного мяса, сахарной ваты, попкорна смешались в невообразимую смесь и повисли в воздухе. Звуки напоминали какофонию, но чем ближе Руслана и Марк становились к огромной сцене, тем ярче звучал голос певицы.

Для большинства людей праздник был бизнесом. Продавали еду, одежду, сувениры. Кто-то предлагал развлечься в тире, поучаствовать в гонках на мини-карах, выиграть в лотерею. Шум, хохот, визг. Праздничной настрой не могли испортить даже полицейские, выставленные по периметру. А в центре площади высился столб с флагом Русамии, который игриво развевался на ветру.

Марк задержался возле ларька с сахарной ватой и купил Руслане белоснежный ком.

– Ты будешь меня кормить? – Он вручил ей вату и притянул к себе за талию.

– Я уже привыкла, что за тобой надо ухаживать, как за маленьким, – засмеялась Руслана и закинула ему в рот полоску воздушного сахара.

– Русамийские мужчины – самые беспомощные в мире. Они без женщин совершенно не могут!

Они протолкались к сцене, обнесенной невысоким заборчиком. Марк теснее прижал к себе Руслану и с упоением вслушался в концерт, но она подозревала, что ему просто нравится разглядывать молоденьких певиц. Выступала молодежная группа из Петровской провинции, и девушки были как на подбор. Высокие, стильные, в коротких юбках. Но потом Марк удивил Руслану и тихо зашептал на ухо:

– Смотри, в первом ряду, где сидят приглашенные гости, графиня.

По обеим сторонам от сцены располагались несколько рядов театральных кресел, повернутых по диагонали. Они были огорожены забором, и возле них дежурили полицейские. Но Руслана сумела разглядеть графиню Маврос. Женщина сидела, опираясь на белую трость. Строгое голубое платье и шляпка с вуалью скрывали ее почтенный возраст. А рядом с ней Лана заметила еще одно знакомое лицо. От удивления она приоткрыла рот.

– Это же Юлиана! Она заведует «Музеем одиноких сердец».

Девушка выглядела очаровательно в длинном платье цвета слоновой кости. В шляпе с

широким полями она напоминала кинозвезду.

Марк присмотрелся:

– Юлиана... Она – внучка графини.

Руслана чуть не подавилась сахарной ватой:

– Почему ты мне сразу не сказал? Я еще вчера тебе душу излила! И откуда ты знаешь?

Марк закатил глаза:

– Русалка, я – журналист. А все журналисты знают, кому принадлежит музей и кто им на данный момент заведует. Нетрудно сложить дважды два.

– Дважды два умножают, – пробурчала Руслана.

– Придира. – Марк с умным видом откусил кусок ваты.

Лана неотрывно смотрела на Лилию Маврос и вздрогнула, когда женщина повернула в ее сторону голову. Их взгляды встретились. По рукам Русланы пробежал электрический ток, и волосы встали дыбом. Графиня медленно кивнула и отвернулась. Связь разорвалась.

Руслана нервно сглотнула.

– Пойдем отсюда, – попросила она. – Мне что-то нехорошо.

– Сейчас будет выступать король Адриан! – Но, заметив, что Руслана не поддается на уговоры, Марк неохотно пошел с ней к палаткам. – Купим тебе воды, – пробормотал он.

Лана облегченно выдохнула, когда исчезла из поля зрения графини. Но мозг взрывался от эмоций. Отыскать ее в гудящей толпе, узнать и поприветствовать кивком? Графиня продолжала удивлять Руслану, и она не могла понять: хорошо это или плохо?

– Когда мы поедем в архив?

Руслана жадно припала к бутылке.

– Тебе уже горит?

– Нет, но у меня столько вопросов. Надеюсь, найду там хоть половину ответов.

– Много надежд не возлагай на архив, – предупредил Марк. – Вполне возможно, что мы ничего не найдем.

– Ты скептик. Меня интересует лишь два года. 1951-й и 1956-й.

– Почему? – Марк допил воду и выкинул бутылку в урну.

На сцену вышел король с торжественной речью, и площадь затихла, словно на нее опустился беззвучный купол, который тут же лопнул, стоило только монарху закончить речь.

– В 1951-м умерла Лиза. Возможно, я найду что-нибудь связанное с ее смертью. А 1956 годом датировано письмо Натана к Лилии. Уверена, в архиве спрятано много чего интересного. Пятым местом чувствую! – возбужденно объяснила Руслана.

– Хорошо, хорошо. Через час поедем. А сейчас пошли. Развлеку тебя. – И Марк повел ее за собой.

– Развлечешь? – но вопрос повис в воздухе.

Марк протащил ее через площадь к небольшой поляне, на которой был установлен бежевый шатер. Ткань отрезала звуки внешнего мира, и внутри царила особая атмосфера. Пожилой мужчина расставлял старенький музыкальный центр и колонки, а люди собирались парами в ожидании танцев.

Марк обхватил Руслану и подмигнул:

– Здесь уже лет семьдесят проводят конкурс на самую танцующую пару. Чтобы победить, нужно протанцевать без остановок целый час. И музыка всегда зажигательная. Каждый год

несколько пар уходят с почетной статуэткой. – Он кивнул на глиняную фигурку танцора, которая стояла на постаменте.

Самодельный, немного кривой, но при этом очаровательный приз.

– Ты смеешься надо мной? – Руслана приоткрыла рот.

Но когда заиграл рок-энд-ролл, она поняла, что Марк был абсолютно серьезен. Парень быстро вошел во вкус и неумело закрутил Руслану в танце. Поначалу она чувствовала себя скованно, но потом заметила, что среди танцующих пар не было профессионалов, расслабилась и стала получать удовольствие от бешеного ритма.

Рок-энд-ролл сменился на джайв, затем заиграло танго, современный хип-хоп, даже тяжелый рок. И не важно как, но участники должны были танцевать в паре, ни на секунду не останавливаясь. Внимательное жюри пристально следило за всеми. Некоторых уже спустя десять минут дисквалифицировали, и Руслана чувствовала, что тоже не дотянет до конца. Но изо всех сил старалась, задыхаясь от усталости и смеха.

Лицо заболело от постоянной улыбки. Каждое следующее движение давалось все тяжелее и тяжелее. Вскоре Руслане показалось, что время замедлилось, а окружающие словно сбавили темп. Музыка зазвучала глуше, хохот Марка отошел на задний фон. А на весь шатер раздался звонкий девичий смех.

Руслана, не прекращая танцевать, обернулась и увидела еще одну пару, которую раньше не замечала. Молодая девушка в старинном зеленом платье пятидесятих годов танцевала с высоким широкоплечим парнем. Они кружились по поляне, словно призраки прошлых лет. У парня на виске белел шрам. Узкие глаза смеялись, а тонкие губы обнажали кривоватые зубы. Но это не мешало ему оставаться обаятельным.

Широкая улыбка освещала знакомое лицо девушки. Лана присмотрелась к ней, и мерзкий холод проник под одежду. Она уже видела незнакомку раньше. На могильной плите. На фотографии пятьдесят первого года.

Перед глазами все завертелось. Руслана споткнулась. От падения ее спасли сильные руки Марка.

Руслана застонала и открыла глаза, но тут же сморщилась. Яркое солнце нещадно слепило.

– Не думал, что ты такая слабенькая, Русалка, – над головой раздался голос Марка. – Но напугала ты меня знатно. Да, и не только меня. Почти все сбились с танцев.

Лана лежала на деревянной скамье в зеленом парке. Голова покоилась на коленях у парня, а его теплые пальцы ласково перебирали ее волосы, как накануне вечером. Где-то далеко гремела музыка на площади, но это было в другом мире.

Руслана тихо вздохнула и снова закрыла глаза.

– Я потеряла сознание?

– В итоге – да. Но ты и до этого вела себя странно.

Оглядывалась, словно кого-то увидела. Лицо побледнело, глаза расширились. Будто призраки навестили.

Руслана поморщилась. Она и правда встретила призраков. Или до нее долетели отголоски прошлого. Не важно.

Но она видела Лизу. И с ней танцевал вовсе не Натан.

– Мне показалось, – прошептала она и медленно села.

Лучше не говорить Марку. Руслана и так достаточно ему рассказала. Парень списал это на лунатизм, но если он узнает о галлюцинациях среди бела дня, то поведет ее к психиатру.

Марк ухватил Руслану за подбородок и заглянул в глаза:

– Сейчас ты себя как чувствуешь?

– Нормально, – солгала она.

Ее слегка мутило, и тело будто состояло из облака. Слабое и невесомое.

– Тогда пошли. – Марк встал и притянул Лану к себе.

Она испуганно вцепилась в него, потому что ноги подкашивались. И призналась себе, что ей нравится быть беспомощной рядом с ним. Нравится вдыхать мужской парфюм. Чувствовать, как Марк перебирает ее волосы. Представлять себя его женщиной.

Взгляд замер на губах парня, и Лана с трудом отвела его. Лучше не разрушать их дружбу. Иначе сработает закон подлости, и выяснится, что Марк женат либо гей. Хотя второе звучало слишком невероятно.

– Отвезу тебя в архив, пока ты еще чего-нибудь не вытворила, – заявил он, будто не заметил, как тесно прижалась к нему Лана.

Она слабо улыбнулась. Сама задала такие правила игры, и Марк честно их выполнял. Но Руслана надеялась, что когда-нибудь он наплюет на них и поцелует ее.

В редакции стояла гулкая тишина, и, когда они вошли внутрь, их шаги разнеслись по всему зданию. После галдящей толпы покой показался райским уголком. Марк повел Руслану по лестнице вниз, на ходу перебирая связку ключей.

– Когда я выкупил газету «Час Пик Велидара», их архив хранился в подвале. Там он и остался. Свой архив мы организовали на третьем этаже. А до этого у меня не дошли руки. Ребята периодически ныряют туда в поисках чьих-то скелетов. Я, если честно, спускался всего пару раз.

– И сколько там лет хранится?

Чем ниже они спускались, тем сильнее в воздухе ощущалась затхлость.

– С 1946 по 2010 год. Газету создали после войны. Она была на пике, как раз в пятидесятых – восьмидесятых годах, а к 2005-му стала угасать. Еще пять лет хозяин боролся, а потом сдался и продал мне. Я тогда только начинал работать журналистом, однако уже мечтал о своем деле. Пришлось взять кредит. Но это того стоило.

Марк открыл широкую железную дверь, и они вошли в огромное помещение, заставленное длинными стеллажами. На них покоились старые коробки с папками, некоторые валялись на полу. Видимо, журналисты и здесь повеселились.

– О, боже! – Руслана изумленно оглядывала архив. – Годы уйдут, чтобы найти хоть что-то.

Марк засмеялся и подвел ее ближе.

– Не бойся. Здесь все грамотно сделано. Стеллажи распределены по годам, а каждая коробка подписана. Месяц, год. Мы можем разделиться. Ты поищешь 1951 год, а я – 1956-й.

Руслана скептически на него посмотрела:

– Надеюсь, ты прав. Иначе я переселяюсь сюда.

– Ну, мои ребята будут в восторге, что у них завелась подвальная русалка, – захохотал Марк. – Уверен, без еды они тебя не оставят.

– Твои «ребята» – весьма специфичный народ. Не удивлюсь, если им взбредет в голову ставить на мне эксперименты.

Руслана пошла вдоль стеллажей, внимательно разглядывая таблички. «1949», «1950», «1951»... Она остановилась напротив последнего и присмотрелась к коробкам. Решила начать с мая, так как последняя фотография Лизы была сделана в это время. А затем просмотреть июнь.

– Я нашел нужный год! – крикнул через несколько стеллажей от Ланы Марк.

– Я тоже. Только тут вовсе не одна коробка, – заявила Руслана.

На май приходилось три, забитые доверху коробки, на июнь – две.

– Значит, тебе будет чем заняться, – весело заявил Марк и закашлялся от пыли.

Лана стянула первую коробку на пол и принялась перебирать папки. Внутри хранились старые выпуски, разложенные по номерам, а также черновая информация, не вошедшая в газеты. Но чем дольше Руслана рылась в бумагах, тем сильнее угасал ее энтузиазм. Май закончился, а она ничего не нашла. К июню она приступила с полным недоверием.

– Кажется, я преувеличила значение архива, – громко сказала Руслана.

Марк в ответ лишь чихнул.

В первой коробке июня тоже ничего не было. Вторую со злости Лана вывернула на пол. В воздух взметнулось облако пыли. Но ничего интересного.

Руслана глянула на мобильный. Часы показывали пятый час, словно время в архиве бежало быстрее. Она устало протерла лоб и взяла папку наугад.

В ней лежал выпуск газеты от 25 июня 1951 года. Руслана даже не успела ее раскрыть, как черные буквы заголовка бросились в глаза.

ЖЕРНОВ ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВИЧ. 1929 ГОДА РОЖДЕНИЯ. 19 ИЮНЯ 1951 ГОДА ПОЗДНО ВЕЧЕРОМ УШЕЛ ИЗ ДОМА БЕЗ ДОКУМЕНТОВ И НЕ ВЕРНУЛСЯ. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ РОДИТЕЛИ ПОДАЛИ ЗАЯВЛЕНИЕ В ПОЛИЦИЮ, НО СПУСТЯ ТРОЕ СУТОК ПОИСКИ НЕ ПРИНЕСЛИ РЕЗУЛЬТАТОВ. ЕСЛИ КТО-ТО ВИДЕЛ ЮНОШУ, ПРОСЬБА СООБЩИТЬ ПО АДРЕСУ, УКАЗАННОМУ НИЖЕ. ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ: ШРАМ НА ВИСКЕ, ТЕМНЫЕ ВОЛОСЫ, КРЕПКОЕ ТЕЛОСЛОЖЕНИЕ».

Руслана поела глазами черно-белое изображение Глеба. Руки заоченели, ноги отказывались подчиняться. Она вспомнила, где уже видела парня. На общей фотографии возле дома. Он обнимал Кристину. А сегодня Глеб привиделся ей в шатре. Парень танцевал с Лизой, возлюбленной Натана.

Лана оперлась рукой о стеллаж и с трудом встала. Она окончательно запуталась. Хотелось прямо сейчас позвонить бабушке и угрозами выведать у нее всю правду, но чем больше Руслана узнавала деталей, тем сильнее убеждалась, что та не признается. К тому же вряд ли она знает, куда исчез Глеб.

– Русалка, смотри, что я нашел. – К ней подбежал восторженный Марк с двумя газетами. – Это та статья, которую ты нашла в интернете. «Леди – вовсе не леди». Кажется, мадам Тигрова вела бурную молодость. Здесь ей приписывают чуть ли не разврат в общественном месте, хотя подозреваю, что она всего лишь потанцевала. А вот это еще интереснее и, кажется, связано с Натаном.

Лана взяла протянутую газету и прочитала небольшую заметку.

ПЕРВАЯ ЛЕДИ, САМАЯ БОГАТАЯ НЕВЕСТА ВЕЛИДАРА ЛИЛИЯ ТИГРОВА ПРИНЯЛА ЦВЕТЫ ОТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА ИЗ НИЗШЕГО СОСЛОВИЯ. ПАРЕНЬ ОСМЕЛИЛСЯ ПОДАРИТЬ ДЕВУШКЕ БУКЕТ ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПРИЛЮДНО ПОЦЕЛОВАЛ. В СЕМЬЕ ТИГРОВЫХ НАЗРЕВАЕТ БУРЯ».

– Общество было категорически против их отношений, – заметила Руслана.

– Это естественно. Они из разных миров. Ромео и Джульетта. Тристан и Изольда. Столько примеров, а люди все равно предпочитают учиться на собственных ошибках, – фыркнул Марк. – А это что? – Он кивнул на статью об исчезновении Глеба.

– Это парень моей бабушки. Пропал в 1951 году вскоре после Дня города. – Лана пошатнулась и ухватилась за Марка. – Пошли отсюда. У меня уже голова кружится от нехватки кислорода.

Она сгребла в охапку найденные газеты и поспешила за парнем. Только оказавшись на улице и вдоволь надышавшись воздухом, Руслана пришла в себя.

– У меня сегодня день тайн, – пошутила она. – И на секреты может ответить лишь графиня. Я обязана с ней встретиться!

– Вряд ли она знает, что произошло с Глебом. – Марк остановился и запрокинул голову.

Вечернее солнце освещало его красивое лицо, и Руслана вновь подавила в себе желание прикоснуться к нему.

– А вдруг. Почему-то мне кажется, что эти две истории связаны между собой. Я должна снова поговорить с Юлианой. Раз она ее внучка, то, возможно, уговорит бабушку помочь мне. Только представь, какая бы получилась книга!

– Книга? – Марк недоуменно посмотрел на нее.

– Ну да. Я же биограф. – Руслана прикусила нижнюю губу и умоляюще посмотрела на Марка: – Ты можешь подключить свои связи и узнать номер Юлианы?

Он прищурился и достал мобильный:

– Ты будешь мне должна.

– Это для меня не новость! – радостно воскликнула Лана.

Марк порылся в контактах и набрал чей-то номер:

– Алло, Жека, привет. Скажи, ты же год назад брал интервью у Юлианы Колесниковой, которая заведует «Музеем одиноких сердец»? Отлично. Можешь скинуть мне ее номер? Да, я знаю, – раздраженно произнес он. – Черт, сделай, что я говорю, и забудь. Потом расскажу. – И он сбросил.

– Что-то не так? – заволновалась Руслана.

– Все нормально. Просто у журналистов всегда тысяча вопросов вместо одного слова «о'кей». – Марку пришла смс. – Набирай, будешь звонить.

– Прямо сейчас? – пискнула Лана.

– А чего тянуть? Только вряд ли у тебя что-то выйдет. – Настроение Марка испортилось. Губы сжались в тонкую линию, глаза недовольно блеснули.

Руслана решила его не злить и покорно набрала номер, перед этим запихнув газеты под мышку. В телефоне раздались гудки. Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, пытаясь сообразить, что именно скажет Юлиане, но мысли путались, а перед глазами бегали черные буквы из старых газет.

– Алло.

От неожиданности Лана чуть не уронила мобильный.

– Юлиана? Это Руслана из музея. Помнишь... – Она прикусила язык и быстро исправилась, – помните, я интересовалась, где можно найти работу.

– Да, конечно. Рада вас слышать, – вежливо откликнулась женщина. – Чем могу помочь?

– Не хочу быть назойливой, но я узнала, что вы – внучка графини Маврос. Понимаете, я уже пыталась с ней встретиться, но наша беседа вышла весьма короткой, и мне бы хотелось повторить визит, если графиня не возражает. У меня есть некоторые вещи, которые ей принадлежат, – поспешно тараторила Руслана.

– О... – Юлиана была явно удивлена. – Она сейчас рядом со мной. Подождите, я спрошу.

Лана в ожидании замерла. Сердце металось в груди, кровь шумела в ушах. Она чуть ли не умоляла Бога заставить графиню согласиться.

– Эм, Руслана?

– Да!

– Я не очень понимаю, что бабушка хочет сказать, но, возможно, вы поймете. Она говорит, что вы еще не дописали историю. И как только допишете до конца, она вас ждет.

– Что? Я...

– Всего доброго, Руслана, – вежливо попрощалась Юлиана, и послышались гудки.

Марк напряженно смотрел на нее:

– Ну?

Руслана покачала головой.

«Дописать историю? Чью? Лизы? Но как?»

Вопросы сбивали с ног, и на нее навалилась безумная усталость. Она привалилась к Марку и уткнулась лбом в его плечо.

– Все против меня, – разочарованно произнесла она.

– Нет, глупышка. Я на твоей стороне, – прошептал Марк прямо ей на ухо.

Столп теплых мурашек промчался по спине. Внезапно в мозгу пережнуло. Руслана подняла голову и впиалась в горячие губы парня. Газеты упали на землю. Дрожащими руками Лана обвила Марка за шею и теснее прижалась, умоляя ответить на поцелуй.

Он сомневался недолго. Со свистом выдохнул и стиснул Руслану в объятиях, терзая ее губы. Приятное томление разлилось по телу. Она уже позабыла это чувство. И теперь собирала по крупицам каждое ощущение.

– Я устала бояться совершить ошибку, – пробормотала Руслана прямо в губы Марку.

– У тебя был тяжелый день. Ты перегрелась на солнце, упала в обморок, а затем закопалась в архиве, и поэтому ты сейчас меня целуешь, – поддразнил ее парень. Хитрая улыбка скользнула по его губам.

– Возможно, ты прав. – Руслана смущенно отступила от него и подняла газеты. – А сейчас я хочу домой. Одна, – добавила она.

– То есть продолжения поцелуя не будет? – разочарованно спросил Марк. – Так и знал. Ты все время обламываешь, Русалка. Сколько зарекался, не связывайся с блондинками, они динамят... Ай, больно. – Он потер бок, куда только что его ткнула Лана.

– Будешь ворчать, станет еще больнее. Вези меня домой, изверг. И, возможно, если вечером у меня будет хорошее настроение, я позвоню.

Марк хмыкнул и притянул Руслану к себе:

– А я, возможно, отвечу. – И он прервал их бессмысленный спор очередным поцелуем.

Графиня Маврос пристально глядела на Руслану, и ее глаза засасывали в омут...

Глеб и Лиза кружились в танце вокруг нее, но никто их не видел...

Мертвое лицо Глеба осуждающе смотрело на Лану со страниц газеты...

Марк целовал ее и целовал, но что-то было не так, возможно, страшный шрам на виске...

Руслана закричала и открыла глаза, вырываясь из водоворота кошмаров. От жесткого пола болело тело. Ноги затекли. Она непонимающе огляделась. И к горлу подкатил омерзительный ком.

Она снова была в мансарде. Вокруг разбросанные листы, исписанные на печатной машинке. И кровь... Она стекала по стенам, скапливалась в углах комнаты и медленно подбиралась к Руслане...

Глава 16

Отчаянный самообман

Русамия. Велидар. 1956 год

Натан вошел в ванную и схватил сестру за плечи. Она растерянно взглянула на него, попыталась спрятать фотографию, которая лежала в раковине. Но он перехватил ее руку.

– Что за детский сад? – рассердился Натан.

Кристина молчала. В широко распахнутых глазах читался ужас, а красный свет придавал ей мертвенный облик.

Натан посмотрел на снимок и замер.

Лили показалось, что каждая мышца его тела окаменела. Словно он античное изваяние древнего скульптора. Грозное и нерушимое. Она подошла ближе и выглянула из-за него, сгорая от страха и любопытства.

Обычная фотография. Натан обнимал Лили, губы слегка изогнулись в улыбке. Но ее взволновало другое. То, что находилось выше. Лилия нервно обхватила себя за плечи. Это не оптический обман. В окне мансарды четко прорисовывался силуэт девушки. Девушки, которой там быть не должно.

– Натан, кто это? – тихо произнесла Лили и сама поразилась, насколько жалким прозвучал ее голос.

Парень молчал. Он и Кристина молча буравили взглядом фотографию, словно хотели прогнать третьего лишнего. Но он никуда не исчезал.

– Натан? – Лили осторожно тронула его за плечо.

Она не хотела смотреть на незнакомку. Ноги уже слабели, голова кружилась. Возможно, в ванной душно. А возможно, не только у нее есть секреты?

– Лилия, уйди, – наконец процедил Натан.

Она отшатнулась и недоверчиво вгляделась в его лицо. Но нет. Она не ослышалась. Парень действительно произнес именно это.

– Прошу тебя, уйди! – закричал Натан. – Уходи домой!

– Ты прогоняешь меня?

Лили не верила. Не хотела верить, но слух не подводил ее. Буквально недавно он вел себя словно счастливый влюбленный, а сейчас за одно мгновение превратился в раненого зверя.

Натан оглянулся и простонал:

– Пожалуйста...

В его словах скопилось столько отчаяния, что Лили вылетела из дома, не пытаясь разобраться в происходящем. На улице она остановилась, схватилась за забор и тяжело задышала. В спину как будто ударили два острых лезвия. Лилия резко обернулась, но в окне мансарды было пусто. Лишь занавески слегка покачивались.

Лили поджала губы. Она не маленькая девочка, которая верит в сказки. Если они скрывают кого-то в доме, это их дело, но зачем позволять ей мечтать, что у них с Натаном что-то возможно? Зачем дарить ложную надежду, а затем бессердечно прогонять?

В сердце закололо. На душе стало тошно. К глазам подступили слезы обиды.

Она глубоко вздохнула.

«Контроль, полный контроль... Я должна быть сдержанна. Я – леди. А леди никогда не выходит из себя».

Но мысленная мантра с трудом помогала. Лили поняла это, когда пальцы онемели. Так крепко

она стиснула забор.

– Лилия?

Тихий голос Кристины заставил распрямить плечи и обернуться. Девушка теребила юбку, избегала смотреть ей в глаза. От былой жизнерадостности остался серый пепел.

– Прости нас. То, что произошло, не поддается объяснению, но ты поверь, Натан не хотел обидеть тебя. Он... он в шоке. – Кристина проглатывала звуки, будто сдерживала рыдания. – В его жизни было столько боли, что он боится...

– Боится? – недоверчиво переспросила Лилия. – Чего? Кристина, объясни, чего он боится? – Она замолчала, испугавшись, что сорвется на крик. – Я влюбилась в его голос. В тот день, когда он спас меня. И, как отчаянная бродяжка, следуя за ним по пятам, а он то приласкает, то жестоко оттолкнет. Мне нужна правда. Иначе я не смогу. – Признание далось легче, чем ожидала Лили. Но на душе стало еще горше.

– Я не могу. – Кристина прикусила губу, ее синие глаза заискрились от слез. – Он должен сам рассказать. Я правда хочу, но не могу. Но, когда ты узнаешь правду, ты все поймешь. Натан очень добрый и самый замечательный человек на свете. Он умер за любимых. Однако жизнь успела поломать его.

При последних словах Лили вздрогнула, порывисто шагнула к Кристине и прошептала в лицо:

– Меня жизнь тоже не щадила. Но это не дает мне права играть чувствами чужих людей. Вы скрываете наверху человека и лжете другим. Вы – нелюди! – Последние слова она прошипела.

Вся сдержанность полетела к чертям. Злость опалила разум Лили, а боль лишь разожгла ее еще сильнее. Кристина побледнела.

– Нет! Ты не так поняла. В том-то и дело, что мы живем вдвоем. А мансарда заперта уже пять лет! – воскликнула она.

Лилия задумчиво наклонила голову набок:

– Тогда что было на фотографии?

– Иллюзия, – неуверенно произнесла Кристина, но ее слова прозвучали как вопрос, на который она жаждет получить ответ.

– Кажется, вам стоит разобраться со своими секретами самим, прежде чем обманывать других. – Лили отвернулась и бросила последние слова: – Я дойду сама. И передай Натану, что нам больше не стоит общаться. Если я влюблена, это не значит, что мной можно помыкать. Я – леди, – горько добавила она.

Кристина не пыталась остановить ее, и чем дальше Лилия отдалялась от дома, тем сильнее хотела вернуться назад. В душе она надеялась, что Натан догонит ее и все объяснит, а перед этим подарит самый сладкий поцелуй.

Глупые девичьи мечты, которым никогда не суждено сбыться.

Лили сама не верила, что сказала подобное.

«Нам больше не стоит общаться».

Но слов не вернуть. И, быть может, она права. Все против них. Судьба, общество и сам Натан. А также таинственная девушка с мансарды. Почему-то Лилия верила Кристине. Но от этого вопросов не становилось меньше.

Кристина вернулась в дом и застала брата за столом. Он яростно зачеркивал ручкой окно на фотографии, словно пытался стереть часть жизни.

– Я, конечно, понимаю, мы оба в шоке, но ты повел себя отвратительно с Лилией. Она ничего не знает, а теперь будет думать невесть что!

Кристина мельком глянула на разбитое зеркало в ванне. Как только она проявила фотографию, по нему прошла трещина, будто предупреждая об опасности. Надо было порвать

снимок, но Кристи оцепенела, не в силах отвести взгляд от страшного силуэта.

– А что ты предлагаешь? – Натан вскинул голову. – Рассказать ей? Это ничего не изменит. Лили ушла бы в любом случае. Только к обиде прибавилась бы ненависть.

– Но я же не ненавижу тебя. – Кристина села рядом с братом, мягко забрала у него фотографию и перевернула, чтобы не видеть черное рваное пятно. – Ты винишь себя в случившемся, но ты ничего не мог поделать. Она сама так решила.

Натан замотал головой и схватился за волосы. Плечи задрожали. Парня затрясло, и Кристина бессильно наблюдала за его страданиями. Ей хотелось обнять брата и забрать всю боль к себе, но она не могла. Натан никому не открывал душу. Даже ей.

– Я поднимался на мансарду. Там пусто. Лишь пыль, – прохрипел он. – Знаешь, когда я увидел снимок, то на мгновение испытал шокирующую радость, что Лиззи жива, но потом вспомнил ее холодное тело на своих руках, и радость сменилась ужасом. – Натан впервые произнес ее имя. – Я не знаю, что происходит, но мне страшно. И я не хочу, чтобы Лили пострадала. Она заслужила лучшего парня, чем я. Я допустил ошибку, позволив чувствам одержать верх, – горько прошептал он.

Кристина стукнула кулаком по столу, сердито прищурилась:

– Ты снова хоронишь себя, Натан! Это невыносимо!

На фотографии могло быть что угодно, но даже если дух Лизы бродит по дому, то вряд ли она желает тебе зла. – Она схватила брата за ладонь и провела пальцами по еле различимому шраму. – Лиза любила тебя.

Натан задумчиво уставился на руку. Кристина видела, что в его голове копится рой мыслей, и ей отчаянно хотелось заглянуть туда, чтобы хоть чуть-чуть понять брата.

– Ты права, – кивнул Натан и встал. – Я пойду прогуляюсь. Мне надо подумать. Буду поздно, не жди меня. – Он схватил кожаную куртку и выскочил из дома.

А Кристина осталась наедине с призраками.

Он брел по дороге на Северное кладбище, перед глазами стелились образы из прошлого.

Море, пляж... Они бегут с Лизой на утес Искупления... Клятва на крови, важные слова: «И даже смерть не разлучит нас»... Авария, смерть... Они остались втроем. Он, Лиза и Кристина... Неотвратимая болезнь, перед которой Натан оказался бессилен... Глеб... День, когда он исчез. И день, когда умерла Лиза.

Натан пришел на кладбище и остановился перед ее могилой. Положил букет люпинов, протер пыль на памятнике. Лиза улыбалась ему с надгробия, но постепенно ее образ оживал. Улыбка исчезла с лица, и теперь девушка смотрела на него с тревогой и смятением.

– Даже спустя столько лет не хочешь отпустить меня? – прошептал Натан. – Или это я не хочу отпускать? Ты унесла в могилу нашу тайну, но иногда я думаю, что лучше бы ты рассказала Кристине. И я бы избавился от бремени, которое вынужден нести в одиночестве.

Он присел на корточки и прикоснулся к люпинам:

– Я так устал. Хочу жить и не могу. Не знаю, что означает твоя выходка с фотографией, и не хочу знать. Пока шел сюда, вдруг ясно осознал, что Лили – мое искупление. Если я сделаю ее счастливой, то смогу простить себя. Поэтому я должен попытаться.

Натан встал и посмотрел на могилу с тихой печалью:

– Спи спокойно, Лиззи. И оставь в прошлом ту клятву на утесе. Есть вещи, которые не подвластны даже любви.

Он больше не мог находиться на кладбище. Раньше Натан проводил здесь слишком много времени. Но время лечит. Даже самые глубокие раны постепенно затягиваются, оставляя после себя лишь ноющую боль.

Натан тихо вошел в дом, устало кинул куртку на диван. Часы показывали одиннадцатый час вечера, за окном сгустилась непроглядная тьма, но ему совершенно не хотелось спать. Он осторожно подошел к спальне сестры и постучался. Кристина не ответила, и тогда Натан заглянул внутрь.

Сестра спала, свернувшись калачиком под одеялом. Настольная лампа освещала ее острое личико. Между бровей залегли сердитые морщинки. Светлые волосы разметались по подушке, а пальцы левой руки слегка подрагивали. Даже во сне она с кем-то ругалась.

Натан подошел ближе и присел на край кровати. Он не мог оторвать взгляда от сестры. Кристина защищала Лили, но даже не подозревала, что больше всех Натан виноват перед ней. Глупая ошибка, которая разрушила столько судеб. Но страшнее всего то, что он понимал. Вернись Натан в прошлое, он поступил бы точно так же. От подобной мысли кровь становилась горячее и быстрее текла по венам.

Он отвернулся и приблизился к окну, за которым виднелись люпины. Как много секретов они таили. Возможно, поэтому Лили стало плохо рядом с ними.

Удивительная девушка. Сердце Натана неистово забилось, стоило вспомнить ее почти невесомое тело. Огромные карие глаза, в которых горел страстный огонь доверия.

Манящие губы.

Натан не думал, что полюбит еще раз. Ему казалось, что его сердце умерло пять лет назад вместе с Лизой. Но он ошибся. В очередной раз.

– Ты будешь караулить меня всю ночь? – с постели раздался сонный голос Кристины.

Натан обернулся и улыбнулся сестре:

– Не хотел тебя будить, но у меня к тебе просьба.

Кристина вопросительно приподняла брови и тут же зевнула, прикрыв рот кулаком.

– Ты говорила, что завтра идешь гулять с Эдуардом.

Возможно, он подскажет, где я смогу увидеться с Лили?

– Решил не сдаваться? – ободряюще улыбнулась Кристина. – Но почему бы тебе не поехать к ней домой?

Натан снова сел на кровать:

– В последнее время я слишком часто там появляюсь.

Не хочу мозолить глаза ее родителям. Если Тигров заметит, еще возомнит, что за ним ведут слежку. – Он усмехнулся. – К тому же Лили обижена, она может не выйти. Нет.

Я должен наверняка знать, где найти ее. И желательно без родительского надзора.

– Ну хорошо, я спрошу у Эда. На многое не рассчитывай. – Кристина еще раз зевнула и улеглась на бок. – А теперь иди. Это у тебя завтра выходной, а у меня внеплановая смена. Так что спокойной ночи.

Натан щелкнул сестру по носу:

– Спокойной ночи, пуговка. Я люблю тебя.

Но Кристина уже дремала, во сне пробормотав нечто похожее на «Я тебя тоже».

Кристина переоделась в простенькое желтое платье. Волосы заплела в косу, пощипала себя за щеки. Хотелось выглядеть как можно элегантнее, но она понимала, что Эдуарда окружают такие девушки, которым она и в подметки не годится. И все же он искал встречи именно с ней. Хотя Кристина надеялась, что ясно дала понять – она не девушка по вызову.

Эдуард уже ждал ее возле знакомого «Кадиллака». Черные брюки, стильная рубашка. В руках букет белых роз.

- Самой прекрасной девушке. - Он протянул ей цветы и открыл двери.
- Не стоило. Мы ведь договаривались о прогулке. Это не свидание.
- А мне нравится, когда ты меня ругаешь. - Эд подмигнул Кристине и сел за руль. - Ты так мило краснеешь.
- Вовсе не краснею, - пробормотала Кристи и уткнулась в букет.
- Итак, в парк?

На секунду Кристина задумалась. С языка чуть не сорвалось предложение поехать в более уединенное место.

- Да, конечно, - выдавила она и отвернулась к окну.

Уже и забыла, каково это - ходить на свидания. Когда сердце волнуется, а легкий флирт оседает румянцем на щеках. Когда чувствуешь, что нужен другому человеку. Забытые чувства встрепенулись и гордо расправили плечи.

Кристина мельком глянула на Эдуарда. И перевела дыхание.

Уже вскоре они прогуливались под блаженной тенью густых деревьев. Почти все скамейки в воскресенье вечером были заняты, с площади доносились отголоски репетиций. Город шумел и занимался подготовкой к празднику.

Кристина перебирала лепестки роз, с удовольствием слушала рассказы Эдуарда о бизнес-встречах, на которых ему приходилось бывать. Он раскрывал перед ней мир, о котором она лишь грезилась. Красивые мужчины и женщины, дорогие наряды, сверкающие украшения. Кристина не стремилась стать частью жизни Эдуарда, но впитывала все, что он говорил.

- Вы завтра будете на Дне города? - вставила она, когда парень перестал болтать.
- Конечно. Отца всегда приглашают как почетного гостя. Лили будет выступать, а мы с мамой в группе поддержки, - пошутил он.
- Ммм, - Кристина вздохнула сладкий аромат цветов, - а после концерта вы освободитесь?

Эдуард подозрительно посмотрел на нее и улыбнулся:

- Допустим. Если ты хочешь, я могу отыскать тебя в толпе и закормить сахарной ватой.

Кристи засмеялась и игриво стукнула парня по плечу:

- Я не хочу потолстеть, хотя предложение заманчивое. Скажи, а Лили с тобой будет?
- Думаю, да. Отец должен оттаять после ее танца. Уговорю его отпустить сестру со мной. А потом затеряемся в толпе, и никто нас не увидит. Я так понимаю, ты расспрашиваешь не для себя, а для брата? Вчера что-то случилось? Лили не выходила из комнаты весь вечер.

Легкомысленный тон беседы улетучился.

- Ничего серьезного. Небольшая размолвка, - уклончиво ответила Кристина.

Она не знала, как объяснить Эдуарду вчерашний инцидент. И уже жалела, что так явно интересовалась, где завтра будет Лили.

- А ты не будешь выступать? - Она сменила тему.

Эд захохотал:

- Боюсь, пуанты мне не идут. А вот тебе бы они однозначно подошли. Ты очень красивая, - неуверенно произнес он.

Кристина снова спряталась в цветах, приказывая сердцу успокоиться. Но оно не подчинялось ей. И она поняла, что такими темпами окончательно потеряет голову.

- Может быть, прокатимся на колесе обозрения? - неожиданно предложила она.

Эдуард осторожно взял ее за руку и поцеловал. Кристина не могла оторвать взгляда от его губ,

которые медленно прошептали:

– С удовольствием.

За окном наступили сумерки, но в ярко освещенной столовой не ощущалось времени суток. Лилия безразлично смотрела на различные закуски, салаты и пыталась перепрыгнуть из вчерашнего дня в настоящее. Но она еще находилась там. Во дворе Натана. Напротив стояла испуганная Кристина. А в груди засела заноза, от которой по телу расходились волны боли.

Она вернулась домой словно в тумане. Никто не заметил ее отсутствия, и Лили даже хотела сама рассказать о своем побеге, чтобы отец запер ее на замок и больше не отпускал. Но не осмелилась. Вместо этого закрылась в спальне и раз за разом восстанавливала в памяти все, что произошло. Счастливая фотосессия, прогулка по морю, злосчастная фотография и резкая перемена Натана.

В жизни Лили и без того слишком много невероятных, необъяснимых вещей. И она не хотела прибавлять к ним еще и первую влюбленность. Но получалось именно так.

На следующий день она проснулась с надеждой, что сегодня все изменится. Но Натан не пришел. Никто не караулил возле ее дома, и, сколько бы Лили ни вглядывалась, она нигде не видела старую уродливую машину, при виде которой сладко замирало сердце. Натан не приходил. Она не нужна ему.

– Лили, милая, ты ничего не ешь?

Марина Андреевна обеспокоенно дотронулась до ее плеча. Прохладное прикосновение разбудило Лилию от тяжелых мыслей, и она сдержанно улыбнулась.

– Мадам Ровийяр бушует перед праздником и заставляет нас с Вероникой репетировать в два раза больше. Не остается сил на еду, – отшутилась Лили.

На самом деле она сказала правду, но тренировки, наоборот, позволяли ей пережить очередной день. Теперь Лилия не витала в облаках, а занималась со всей яростью, на которую только способна.

– Думаю, она перегибает палку. – Александр Николаевич кинул в рот черную оливку. – Уверен, ты и с меньшей нагрузкой выступишь на отлично, – гордо заявил он.

Отец сегодня лучился от удовольствия. Еще бы. Завтра День города, праздник, на котором присутствует сам король Русамии. А его дочь будет выступать. Любая почесть для Александра Николаевича как для кота валерьянка.

– Спасибо, отец, – с улыбкой поблагодарила Лили.

– После концерта я украду Лилию на прогулку? – неожиданно спросил Эдуард.

Лили замерла. Она различила в словах брата скрытый подтекст: «Мы будем не одни».

– Конечно, – добродушно заявил Александр Николаевич, – только избегайте репортеров. Не хочу, чтобы День города всем запомнился очередной статьей про Тигровых.

– Меньше думай об этом, – мягко пожурела его Марина Андреевна. – Нельзя же из-за одной ошибки терять доверие к детям.

– Нельзя, – согласился мужчина. – Но и распускать тоже. Мне еще Лилии мужа искать. Не хочу, чтобы потом тыкали в лицо газетами.

Еда застряла в горле Лили, и она закашлялась. Брат похлопал ее по спине.

– Мужа? – недоверчиво переспросила она.

– Ну, не сейчас. Ты еще слишком молода. Но через пару лет, думаю, в самый раз. Не бойся, дорогая. Я выберу для тебя достойного мужчину, с которым ты будешь счастлива, как мы с твоей мамой. – Александр Николаевич ласково сжал руку жены.

– Но ты женился на матери по любви, а не по расчету! – возмутилась Лили и притихла.

Она и сама не ожидала от себя подобной прыти. Но при мысли, что ее лишат возможности

самой решать, за кого выйти замуж, в глазах начинали плясать кровавые точки.

– Не говори глупости. Браки так или иначе основаны на расчете. Но в тех браках, где изначально правит любовь, нет счастья. Они развалятся, рано или поздно. Историей доказано. – Мужчина возвел палец вверх.

Лили молча насупилась. Но слова отца звенели в ушах, даже когда она ложилась спать.

«Я выберу для тебя достойного мужчину».

С другой стороны, какая ей разница, если единственный человек, которого она хотела бы видеть своим мужем, прогнал ее? Возможно, отец прав, и Лили совершенно не разбирается в людях. Ведь она не знает Натана. Абсолютно. Но не может не любить.

Лилия забралась в постель и спряталась под одеялом. Она молила Бога о ночи без снов, но ей вновь приснился Натан. Он шел по пляжу с девушкой. Они смеялись. Солнце переливалось на золотистых локонах незнакомки. Ее глаза лучисто сияли. И Лили снова услышала голос, но на этот раз он не кричал с отчаянной злобой. А, наоборот, звучал умиротворенно и тихо:

– *Он – мой.*

Глава 17. Болезнь Лиззи

Русамия. Велидар. 2016 год

Галлюцинации отступили.

Руслана размеренно дышала, но не решалась подобрать разбросанные листы. Подсознательно она догадывалась, что чем больше узнает о жизни Лиззи, тем меньше шансов стать прежней. Хотя Лана начинала сомневаться, что хочет жить как раньше. В тайнах, которые ее окружали, присутствовала некая пикантность. И подобной остроты ощущений Руслане как раз не хватало.

Я захлебывалась кровью. Руки, ноги отказывались слушаться. Они налились невыносимой тяжестью и болью. Все, что оставалось, – это беззвучно молить о помощи.

Глаза были закрыты. Но я знала, скоро придется их открыть. И увидеть мертвое лицо мамы, неподвижное тело отца Натана и пробитую штырем голову его матери.

Каждую ночь, когда я ложилась спать, эта картина всплывала перед глазами. А утром, просыпаясь от лихорадочного сна, я кричала в объятиях Натана, отчаянно пытаюсь избавиться от губительной боли.

Долгие дни и ночи текли словно во сне. В той аварии я выжила не просто так и теперь жила за четверых. Видимо, для меня не осталось места в собственной судьбе.

Натан всегда был рядом. Его участие, добрая улыбка. За этим крылась тяжелая ноша, ведь они с Кристиной страдали сильнее меня. Потому что мое спасение было в забвении.

Но песочные часы неумолимо мерили время, и вскоре я научилась притворяться живой. Находить мелочи в пустяках. Смеяться над глупыми шутками. Любить. Неистово, страстно, словно наспех. Ведь страх, что за углом притаилась Смерть, от которой удалось сбежать, не отпускал.

– Ты думаешь только о себе!

Я вцепилась в лестницу, отказываясь спускаться. Натан стоял внизу, его усталый взгляд совершенно меня не трогал. Знала одно – он должен пойти со мной.

– Лиззи, вчера я вышел на работу вместо Егора. А завтра уже моя смена. У меня физически нет сил идти на День города.

Натан говорил очевидные вещи, словно я – маленький ребенок. И это раздражало.

– То есть я ничего не значу для тебя? – голос дрожал.

Эмоции бурлили внутри и готовились прорваться наружу, словно лава из ожившего вулкана. Через силу сделала шаг, затем еще один и медленно спустилась вниз. Неожиданно захотелось плакать, но уже через секунду я истерически засмеялась.

– Кристину не отпустили из пансиона. Ты – на работе. А я? Кому-нибудь есть дело до моих чувств?

Натан опустил голову. По воздуху разлилась тихая ярость, которую он старательно подавлял в себе. Нервно облизала губы. Это дико возбуждало. Ходить по краю лезвия, балансировать и каждый раз удерживаться от падения.

– А если я пойду, ты будешь счастлива? – произнес он.

Сердце екнуло. Очередная маленькая победа. На кончике языка остался привкус терпкой сладости, как после вина.

– Да.

– Тогда собирайся. В восемь вечера мне на смену. У нас есть четыре часа.

Я радостно завизжала и бросилась Натану на шею. Горячо расцеловала его и опалила дыханием шею. Внезапная жалость к любимому сбила с толку, ужалила в грудь. Холодные

слезы скатились по щекам.

– Ты ненавидишь меня? Я все время заставляю тебя делать то, что ты не хочешь.

Взгляд Натана смягчился, и он прижал меня к себе, ласково перебирая локоны:

– Я люблю тебя, Лиззи. Но меня печалит, что ты не хочешь обратиться к врачу.

Приступ жалости рассыпался словно песок, и я отскочила от него, оцетинившись, как дикий пес.

– Мы уже обсуждали это! Никаких врачей! Никаких больниц! Они не помогут! Не помогут! Не помогут! – заверещала я.

Натан быстро обнял меня и задушил крики поцелуем.

– Я здорова, – сквозь слезы простонала я.

Так тяжело объяснять, что я вовсе не больна. Но он не верит. Никто не верит. Я сама не верю.

– Конечно, – он поцеловал меня в лоб, – соберись, а то веселье пропустим.

Но за радостными нотками в голосе расслышала грусть и усталость. И так каждый раз. Наши ссоры заканчивались наигранным весельем. Будто все хорошо. Но на самом деле все было плохо. И я знала – следующий день не станет лучше. Потому что мертвых нельзя воскресить.

Шумный праздник затушил раздражение, на душе стало легче. Я с визгом потащила Натана в самую гущу. На мгновение мы превратились в беззаботных детей, которые с восторгом поедали сахарную вату и кидались попкорном, проигрывали деньги в стрельбе из винтовки и старательно выбирали плюшевого медведя. Но самое главное таилось в танцах. Я с азартом смотрела на танцующие пары, которые из последних сил держались, чтобы выиграть статуэтку. И хотела оказаться среди них.

– Ну, пожалуйста!

Натан не реагировал на мои умоляющие глаза.

– Я не умею танцевать, Лиззи.

– Но здесь не надо уметь. Достаточно просто двигаться. Натан, прошу!

– Нет, – отмахнулся он. – Если я сейчас целый час потрачу на танцы, то кто будет работать? Меня уволят, а это единственный наш заработок.

Натан говорил резко, его слова ранили, но вместо понимания меня охватила необузданная злость. Стиснула кулаки и уже хотела закричать, что наплевать на его работу, как знакомый голос утихомирил мой пыл:

– Я только что от Кристины. И она просила передать, что если вы снова ссоритесь, то, как только ее отпустят из пансиона, она отлупит вас обоих.

– Глеб!

Обаятельная улыбка парня затмила недавнюю обиду на Натана.

– Ты виделся с Кристи?

– Ну, не мог же я не поцеловать невесту в такой день. Она бы точно не простила, – усмехнулся он. – Отказываешься танцевать?

– Ты же знаешь Лиззи. Ей тяжело в чем-то отказать. – Натан облокотился о высокий столб и скрестил руки на груди.

– Тогда в чем проблема?

– Ему вечером на работу, – вспыхнула я.

– И что? Даже ради любимой девушки не готов уступить? – усмехнулся Глеб.

– Он упрямый, как Кристи.

Натан отвернулся и уставился на сцену, где хор детдомовских детей исполнял гимн Русамии. Их сияющие лица вызвали во мне далекие воспоминания. Я передернула плечами. Детский дом номер семьдесят пять все-таки снесли через полгода. Но к тому времени мне уже было безразлично.

– Я еще тут, если вы не забыли, – фыркнул Натан.

– И что с того? – Глеб скривился, и парни сцепились взглядами.

– Ты перегибаешь палку, – я кинула на Глеба красноречивый взгляд и утешающе поцеловала Натана в лоб, – а танцевать все равно пойду. С тобой или без тебя.

Подхватила удивленного Глеба под руку:

– Пошли быстрее. Скоро начнется новый конкурс!

Взгляд Натана прожег спину. Я причинила ему боль, но мне было плевать. Моя вторая сущность не могла иначе. Только тогда на душе становилось спокойно, а галлюцинации отступали. Если кому-то плохо, я не видела мертвецов.

Мы вошли в шатер и заняли место.

– Обещай, что не отдавишь мне ноги, – прошептал Глеб.

– Обещаю, – слукавила я.

Заиграла заводная мелодия, и проблемы отошли на второй план. Я танцевала и танцевала, задыхаясь от удовольствия. Ради таких моментов стоило продолжать никчемное существование.

Наша пара выбыла на двадцатой минуте. Глеб споткнулся, и мы кубарем полетели на землю.

– Лиззи!

Натан подбежал ко мне и помог подняться, но я со смехом оттолкнула его:

– Успокойся, я всего лишь упала.

– Ты могла разбиться, – он глянул на Глеба и утащил меня с танцевальной площадки. – Мы идем домой, – заявил он.

– Нет. – Я насупилась.

Глеб остановился позади нас, пытаясь отдышаться. Капельки пота блестели на лбу, на лицо упала тень от вечернего солнца, и шрам на виске казался белее.

– Ты ведешь себя как ревнивец, Натан. Когда ты уже смиришься с тем, что мы с Кристи поженимся?

– В день вашего развода, – рявкнул парень.

Он поволок меня за собой, продираясь сквозь толпу, словно джунгли. И на этот раз я не осмелилась возмущаться. Есть граница, которую лучше не переступать. Глеб не отставал.

– Ты ревнуешь. Не хочешь отдавать Кристину, потому что она и Лиза – все, что у тебя осталось. Но я не собираюсь ее забирать. Я хочу стать частью вашей семьи.

– Именно эту цель ты преследовал, когда целовался с соседкой Ольгой? – Натан развернулся к Глебу и схватил его за рубашку. – Я не сказал Кристине, потому что она еще не отошла после смерти родителей. Но сейчас меня ничто не сдерживает.

– Ты не посмеешь. – Глеб побледнел.

Солнце постепенно садилось, надвигались сумерки, но музыка с площади не затихала. Люди и не думали расходиться. Наоборот, праздник набирал обороты. И чувства Натана зашкаливали тоже.

– Еще как посмею, – процедил Натан и оттолкнул Глеба. – Пошли, Лиззи. Я сыт по горло вашими дручествами.

Я только беспомощно оглянулась на понурого Глеба, и мы скрылись в доме.

– Почему ты не рассказывал мне о Глебе? Он ужасно поступил.

Но мои действия противоречили словам. Повисла на Натане, как ребенок, и укусила за подбородок. Да все равно, что сделал Глеб. Он – не Натан.

– Ты смеешься? – Парень ласково убрал локоны с моего лица. – Это случилось спустя несколько месяцев после аварии. У меня не было сил лечить разбитое сердце Кристи. И ты... тебе нужен был уход. А потом я не решился. К тому же Глеб убедил меня, что Ольга была ошибкой. Наверное, пересмотрел мелодрам.

Усталый вздох красноречиво высказал мое мнение.

– Ты уходишь? – выпятила нижнюю губу. Любила играть маленького ребенка.

– Надо. Приду утром, любимая. – Парень расцепил мои руки и поцеловал их.

Я урвала у Натана последний поцелуй и с грустью проводила его. Стоило остаться одной, как тихий шепот зазвенел в ушах. Я обхватила себя за плечи. Дрожь волной промчалась по телу. В темных углах комнаты зашевелились тени. Нужно отвлечься, нужно срочно отвлечься...

– Ненавижу его работу! – топнула ногой и подбежала к кухонному шкафчику.

– Все женщины одинаковы. Хотят дорогие игрушки и милого рядом.

Я вздрогнула и обернулась. На пороге стоял Глеб. Он скрестил на груди руки и насмешливо смотрел на меня, ожидая реакции. Мельком взглянула на черные углы, где копошились демоны, затем снова посмотрела на него. Разве у меня был выбор? В конце концов, лично мне Глеб ничего не сделал.

– Мне не нужны игрушки, мне нужна любовь, – упрямо возразила я и достала прозрачную бутылку с темной жидкостью. – Смотри, что у меня есть.

Гордо поставила коньяк на стол. Глаза Глеба заблестели. Он приосанился и устроился на стуле, словно хозяин.

– Тебе же нельзя пить. Разве ты не принимаешь те таблетки? – на последнем слове парень сделал ударение.

– Уже нет. Но Натану об этом необязательно знать. А я не скажу, что ты приходил.

Глеб хмыкнул, и я щедро разлила коньяк по стаканам, скрепляя наш молчаливый уговор.

– Откладывала деньги с тех, которые Натан дает на продукты. Эта бутылка стоит недешево, но сегодня я хочу праздника, Глеб. Поэтому обойдемся без нравоучений.

Парень усмехнулся и осушил стакан. В этом мы были с ним похожи. Заговорщики. Если бы я догадывалась, во что выльется наш вечер, то выгнала бы Глеба из дома в тот час. Но я не знала. И продолжала вести себя как глупый, необразованный ребенок.

Спиртное медленно заканчивалось, веселье нарастало. Глеб поставил пластинку, по дому разлилась страстная, горячая музыка. Голова кружилась, по телу расходились приятные волны тепла. Я не заметила, как романтический танец перешел в поцелуй. А шершавые ладони Глеба заскользили по моему телу. Я смотрела на его лицо и видела глаза Натана. Губы Натана, улыбку Натана.

Поцелуй, объятия, смех, музыка...

Музыка, смех, объятия, поцелуй...

Все вертелось, кружилось, сердце замирало от восторга. Дрожь сопровождала каждое движение.

Я сидела на полу возле дивана и неловко поправляла растрепанное платье. Рукав не хотел слушаться и постоянно съезжал вниз. Подол безвозвратно помят. А на душе отвратительная горечь. Спиртное еще бурлило в крови, но сознание вернулось слишком неожиданно. Возвратив страшное чувство безнадежности.

Глеб развалился на диване и тоже пытался переварить то, что сейчас произошло. Я растерянно смотрела на него. Я и Глеб. Глеб и Я. Это сочетание казалось нереальным, невозможным. Всегда был только Натан. А теперь его образ треснул, рассыпался, и чернота отравила прекрасное чувство под названием «любовь».

– Мы не должны были это делать, – с трудом встала на онемевшие ноги.

Между бедрами саднило. Но эта боль не могла сравниться с той, которая разрывала сердце.

– Черт, – Глеб потер лицо.

Застегнул брюки, пнул ногой пустую бутылку.

– Черт, – повторил он.

Я опустила на диван. Хотелось снова напиться. Но спиртное кончилось.

– Ничего не было! – вдруг заявил Глеб. – Мы обо всем забудем. Досадная ошибка, ничего больше. Ты будешь счастлива с Натаном, а я женюсь на Кристине. Слышишь? – Он схватил меня за руки и заглянул в глаза. Лихорадочный блеск в его взгляде обжигал.

Сложилось чувство, что Глеб убеждал не меня, а себя.

– Разве это можно забыть? – голос охрип.

– Можно. Я даже не понимаю, как это случилось. Но мы должны зачеркнуть этот вечер. Как досадную ошибку, – повторил он.

Я отвернулась. Омерзение к себе накрыло с головой. Захотелось остаться одной, и я была готова пообещать что угодно.

– Хорошо. Как скажешь. Только уйди.

Дважды просить не пришлось. Услышала, как хлопнула дверь, и дала слезам волю. В этот момент я была благодарна, что жители на празднике и никто не слышит моих криков. Не видит моего позора и грехопадения.

Я рвала на груди платье, задыхалась и испуганно оглядывалась на стены. По углам вновь скапливалась кровь. Густая, черная кровь, которая неотвратно ползла на меня. Хрип вырывался из горла.

Моя жизнь была адом. Но после этого вечера она безвозвратно погрузилась во тьму.

Глава 18

Скандальный роман

Русамия. Велидар. 1956 год

Лилии казалось, что ее легкие напоминают два изюма, потому что каждый вздох сопровождался болью в груди. Она нервно кусала ногти, поправляла уложенные локоны и испуганно выглядывала из-за кулис на сцену. Но ее переживания никак не были связаны с предстоящим выступлением. Лили волновалась по странным и глупым причинам. С самого утра ее преследовало чувство необратимого фиаско. И что бы она ни делала, оно только усиливалось, не собираясь покидать хозяйку.

– Что с тобой? Обычно ты похожа на холодную фарфоровую статуэтку, а сегодня из тебя бьет фонтан эмоций. За двадцать минут ты всплакнула, посмеялась и побледнела три раза. – Вероника вскинула тонкие брови.

В светло-розовой шопенке, белых пуантах она напоминала воздушный зефир. Румянец на щеках и задорный блеск в глазах усиливали невероятную красоту девушки.

Лили служила контрастом. Голубая шопенка. Душа, объятая грустью. Мрачная красота, от которой кружилась голова. Лилия хотела так же с нетерпением ждать их номера, как и Вероника, но она лишь беспокойно переминалась с ноги на ногу.

– Видимо, мадам Ровийяр не стоило объединять наш танец. Это выбило тебя из колеи, – решила Ника, не дождавшись ответа.

Лили выдохнула:

– Что-то случится. И это «что-то» меня беспокоит.

– Может, хватит прислушиваться к себе? Еще не хватало загубить выступление. Тебе все равно, а для меня это визитная карточка в мир балета.

Лилия обхватила себя за плечи и устало улыбнулась:

– Ты права. Мне следует успокоиться. Не переживай, я не подведу.

Ника хмыкнула. Ее взгляд устремился за Лили, на лице заиграло удивление:

– За кулисы пропустили весьма красивого мужчину. – Она оценивающе прищурилась.

Лили обернулась. Вздрыгнула, как от удара хлыста. И замерла. Боялась пошевелиться, боялась спугнуть видимое безразличие. Изо всех сил старалась сохранить лицо, но с каждой секундой защита слабела.

Натан держал букет белых лилий и словно опасался подойти ближе. Лепестки цветов колыхались от ветра, который просачивался сквозь завесу. Так же испуганно билось сердце Лили.

– Знаю, я сейчас не самый приятный сюрприз для тебя, – он говорил сдержанно, тихо, но с такой нежностью, что Лилия не удержалась от судорожного вздоха.

Первых слов хватило Веронике, чтобы понять, кто перед ними, и она отошла в сторону, вдруг заинтересовавшись лентами на пуантах.

– Я скоро буду выступать, – коротко ответила Лили. – Зачем ты пришел?

– Попытаться загладить вину. – Натан протянул букет, но Лилия сделала вид, что не заметила его.

– Сейчас не самое подходящее время. Возможно, после концерта мы могли бы встретиться и поговорить. Ты ведь хочешь рассказать мне, что тогда случилось?

Лили не сумела скрыть надежду, которая буквально просачивалась сквозь слова.

Натан опустил цветы:

– Нет. Я бы не хотел ворошить прошлое. Можно случайно обидеть призраков.

Лилия нахмурилась. Спинай прижалась к холодной деревянной стене. Музыка со сцены зазвучала на втором плане, все вокруг смазилось, и лишь Натан горел ярким огнем.

– Значит, нам не стоит больше видиться. – Она старалась говорить холодно и равнодушно, но голос дрогнул.

Бессовестные слезы ослепили глаза.

– Я не смогу так, Натан. Секреты, фотографии. Кто та девушка на мансарде? Вы кого-то прячете? Ах, не говори. Ты ведь не ответишь, – отмахнулась она.

Сдержанность изменила ей. Еще чуть-чуть, и она вольется в стену, станет ее частью, лишь бы избавиться от обиды и боли.

– Все закончилось давным-давно, я пытаюсь забыть, но...

– Но не можешь. И вдруг появилась я, капризная, избалованная девочка. Ты не знал, что со мной делать. А теперь пытаешься разделить жизнь на две части: до меня и со мной. Боюсь, вскоре придется искать третью часть: после меня.

– Лилия, скоро наш выход, – вклинилась Вероника, но ее никто не слышал. Она прошла невидимкой сквозь их разговор.

– Думаешь, мне нравится играть в прятки? Да, я не богат, но у меня тоже есть гордость. И я больше не намерен ею поступаться. Если твои родители против, чтобы ты встречалась с мной, то это их проблемы. А ты – моя девушка, нравится тебе это или нет. – Натан яростно шагнул вперед, вплотную прижимаясь к Лили.

Руки похолодели, а волосы прилипли к взмокшей шее. Дыхание Натана было столь близко, его губы, к которым хотелось прикоснуться. Но последние слова подрубили под корень шаткое равновесие. Лилия оттолкнула парня:

– Не смей. Отец не примет это. И ему плевать, что я тебя люблю. А я люблю, несмотря на твои тайны, на твоё переменчивое отношение ко мне. То пламя, то лед. Но, пожалуйста, не смей. – Она дрожала.

– Почему? Мне надоело прятаться по углам, Тигровая Лилия. И если ты хочешь узнать правду, тогда заключим сделку. Сегодня я объявлю всему городу, что ты – моя, а после расскажу то, что ты так жаждешь узнать. Договорились?

От подобного предложения у Лили отнялся язык. Она пробормотала что-то нечленораздельное и дрожащей рукой провела по лбу, смахивая испарину.

Вероника нетерпеливо дернула ее за шопенку. Кажется, наступил их черед. Но Лили видела лишь довольную усмешку на лице Натана.

– Лили! – почти кричала Ника, но ее вновь проигнорировали.

– Приму твоё молчание за согласие, – прошептал Натан и оставил легкий поцелуй на ее губах.

Лилия потерялась во времени. Вероника увлекла ее в сторону сцены, а Натан направился к выходу. Она должна была остановить его, но не успела. Начался их танец, а вместе с ним пошел отсчет до того момента, когда Натан исполнит кошмарное обещание.

Плавные аккорды мелодии захватили Лили в ласковый плен, и пока они длились, каким-то чудом она не вспоминала о случайно заключенной сделке.

Лилия вошла в образ, и вместе с Вероникой они создали невероятный танцевальный дуэт. Город притих. Все задержали дыхание, улавливая малейшие движения миниатюрных балерин, которые порхали по сцене.

Чувство всеобщего восторга наполнило Лили, и она сама не замечала, как движения, раньше вызывавшие у нее трудности, теперь давались легче легкого. Но самое главное, она знала, что за ней наблюдают глаза, ради которых она готова танцевать день и ночь. И пусть весь город знает это. Целый мир. Лили пора становиться свободной. И научиться совершать ошибки.

Последняя нота прозвучала и затихла. Лилия и Вероника замерли друг против друга. Обе тяжело дышали, но кроме восторга в глазах подруги Лили уловила немой вопрос: когда? И поняла, что не знает ответа.

– Божественно! – на сцену выскочил конференсье. – Лилия Тигрова и Вероника Савельева. Два ангела, два чуда создали для нас незабываемый танец под чутким руководством мадам Ровийяр. – Напыщенный молодой человек низко поклонился француженке, которая сидела среди почетных гостей.

Там, в первом ряду, Лили увидела родителей и брата. Отец раздувался от гордости, мама чинно промокала уголки глаз кружевным платком, Эдуард активно хлопал. Они не догадывались о том, что, возможно, скоро их настроение изменится.

– Две юные звездочки загорелись на нашем небосводе, – продолжал вещать конференсье. – А вот и первые поклонники.

Лилия посмотрела в толпу и увидела, как к ним пробирается Натан. Он ловко перепрыгнул через низенькое ограждение и взбежал по ступенькам на сцену.

Она не смогла сдвинуться с места. Он целеустремленно шел к ней.

Чувство нереальности нахлынуло на Лилию, ноги ослабели. Натан протянул букет, и на этот раз она приняла подарок. Аромат любимых цветов окружил ее: томный, сладкий, возникала ассоциация с Востоком. Натан нежно взял дрожащую руку Лилии и запечатлел на тыльной стороне тяжелый поцелуй. Кожа загорелась огнем.

Тишина, нависшая над городом, треснула, как ветхая ткань. Народ взорвался одобрителем криком, гулом, свистом. Репортеры ослепили вспышками фотоаппаратов. Самые наглые пробрались за перегородку к сцене и засыпали вопросами:

– Вы помолвлены?

– Лилия Александровна, кем приходится вам этот мужчина?

– Молодой человек, как вас зовут?

Но Натан и не думал отвечать. Он даже не смотрел на них, словно вокруг больше ничего не существовало.

И все же последние слова, которые Лилия разобрала сквозь волну удушливого смущения, говорили об обратном:

– Жду твоего отца в гости. Уверен, нас ждет серьезный разговор.

Это был переломный момент. Лилия поняла, вот оно. То, чего она опасалась весь день. А теперь слишком поздно.

Кристина не успела сказать ни слова. Брат с трудом пробился сквозь гудящих людей, схватил ее за локоть и запихнул в машину. Они ехали в полной тишине, которую не хотелось нарушать, словно это последний момент, когда ею можно насладиться.

Раз за разом Кристина прокручивала в голове поступок Натана и наполнялась холодной яростью. Бессильно сжимала кулаки, мяла платье и тяжело вздыхала. Когда они добрались до дома, она вылетела из машины, добежала до кухни и выпила стакан воды. Наивно верила, что это поможет успокоиться.

– Скажи, не держи в себе.

Натан упал на диван и включил старый черно-белый телевизор. Его подарили отцу в качестве награды за хорошую службу. Незадолго до смерти.

Кристина поперхнулась водой. Брат вел себя как обычно. Зевал, устало комментировал праздничное шоу в честь Дня города.

– Ты хоть осознаешь, как сильно подставил Лили? – вырвалось у Кристины.

– Я не подставлял, а, наоборот, помог. Сама бы она не решилась рассказать родителям о наших отношениях. Я избавил ее от лишних сомнений.

– Поцеловав прилюдно? – Кристина рухнула на стул и закрыла лицо ладонями.

– Поцеловал ее руку. Неужели ты думаешь, что я совсем идиот. Я не хотел скомпрометировать Лили. Только показать ее родителям, что я существую. – Натан раздраженно выключил

телевизор. – Кстати, скоро приедет Тигров-старший. Думаю, он не заставит себя ждать.

– Натан, репортерам достаточно и поцелуя в руку. Остальное они додумают сами. Или, наоборот, опустят некоторые нюансы.

Парень нахмурился:

– Возможно об этом я не подумал. В любом случае уже поздно. Ты же сама хотела, чтобы мы встречались с Лилией. Я сделал приятное своей девушке. Не понимаю, в чем проблема?

– Проблема в том, что Лили – не обычная девушка, – простила Кристина. – И да, я хотела, чтобы вы встречались. Ты ходил как сомнамбула пять лет, я уже отчаялась тебя расшевелить. Господи, Натан! Ты то прогоняешь Лили, то целуешь на глазах у всех. Скажи, ты хоть любишь ее?

– Люблю, – без колебаний ответил он. – Иначе не поступил бы так с ней. Впервые за столько времени я полюбил. И буду бороться за нашу любовь. На дворе двадцатый век. Я не бездомный, не аферист. Мне плевать, что ее отец безумно богат, а я нет. Ведь это мой единственный недостаток в его глазах. И если Лили не сломается под влиянием родителей, то мы будем вместе. Но прятаться по углам я не собираюсь, – гордо заявил Натан.

Кристина вздохнула:

– Ты не исправим. Заварю чай. Может быть, это поможет утихомирить отца Лилии.

Кипятить воду ей приходилось еще не раз. Ожидания, что Тигров примчится почти сразу, не оправдались. Видимо, он не мог так поспешно уйти с праздника.

Только через полтора часа к дому подъехал черный лимузин. Кристина увидела Эдуарда, а следом за ним из автомобиля выбрался коренастый темноволосый мужчина. И по властному взгляду она сразу догадалась, кто он.

Четкий, яростный стук в дверь. Пока Натан потягивался и медленно поднимался с дивана, Кристина открыла и смущенно отошла в сторону. Тигров зашел внутрь, внимательно оглядел зал. На удивление, в его глазах не читалось презрительного высокомерия. Наоборот, мужчина вел себя так, словно находился у себя дома.

– Александр Николаевич, отец Лилии, – холодно произнес он.

Эдуард не стал заходить и топтался снаружи, обеспокоенно поглядывая на отца. Глазами показал Кристине, чтобы она не вмешивалась в их разговор. Она не нуждалась в подобном предостережении. Сильная энергия Тигрова подавляла волю окружающих. Но только не ее брата.

Натан подошел к мужчине и протянул руку. Возможно, чересчур крепкое рукопожатие. Однако больше никаких признаков напряжения.

– Натан Валерьевич, парень Лилии, – пародируя слова Тигрова, ответил он.

Кристина стиснула зубы и вцепилась в спинку стула. Она не понимала мужские игры. Каждый пытался показать свою силу, а ей хотелось убить обоих.

Александр Николаевич недовольно прищурился, слегка подтянул рукава черного пиджака и сел:

– Могли бы мы поговорить наедине?

– У меня нет секретов от сестры. – Натан устроился напротив.

Они не сводили друг с друга взглядов. Воздух потяжелел от сдерживаемой злости.

– Не хотите ли чаю? – неловко предложила Кристина. Она чувствовала себя официанткой в собственном доме.

– Нет, спасибо. Я не собираюсь здесь задерживаться, – ответил Тигров, не удостоив ее даже взглядом.

Кристина отвернулась и, несмотря на возражения, стала разливать чай. Ей хотелось занять руки хоть чем-то, лишь бы избавиться от дрожи.

– Предпочту начать сразу с проблемы.

– А разве есть какая-то проблема?

И снова их взгляды скрестились. В них читалось намного больше, чем мужчины позволяли себе сказать.

Кристина пригубила чай и закашлялась после слов брата. Горячая вода обожгла горло. Она прикрыла губы пальцами и замерла. Стало невыносимо тяжело находиться рядом с ними.

– К сожалению, есть. И очень большая. Хотя я предупреждал вас, если она возникнет, я сделаю все, чтобы уничтожить ее, – процедил Тигров. – Насколько я понимаю, вы встречаетесь с моей дочерью?

Натан кивнул.

Кристина поразилась его ледяному спокойствию. Хотя Александр Николаевич был невысокого роста, к тому же сидел, все равно ощущалось, как он нависает над ними и в любой момент может растоптать.

– Что ж. Сколько вы хотите денег? – неожиданный вопрос мужчины попал в цель.

Левый глаз Натана дернулся, на шее заходили желваки.

– Не понимаю, на чем основано ваше предложение?

– Значит, придется разъяснить. Лилия – одна из самых завидных невест в городе. Моя любимая дочь. А вы – человек низшего сословия. Что вы можете предложить ей, кроме этого? – Александр Николаевич обвел рукой их дом, и на этот раз в его голосе просочилось презрение.

– А чем это не подходит Лили? – Натан дернулся вперед, но в последний момент сдержался.

Кристина знала брата очень хорошо. Но сейчас совершенно не представляла, какие эмоции его обуревали.

Тигров-старший усмехнулся. Откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди:

– Расскажу-ка я тебе одну быль. – Он плавно перешел на «ты». – Мне было десять лет, когда я остался сиротой на попечении у дяди-алкоголика. Сказать, что я рос в нищете, значит, не сказать ничего. Любые копейки, которые дядя зарабатывал в разваливающемся пивном баре, он тут же просаживал. Чаще всего на спиртное. Но, бывало, мог накопить на разгульных девиц.

Кристина вся превратилась в слух. Смотрела на преуспевающего бизнесмена, который сидел за их столом, и не верила, что когда-то он был нищим мальчиком-сиротой.

– Голод, грязь, вши... Перечислять можно до бесконечности.

– Вы рассказываете мне это, чтобы вызвать жалость? – не выдержал Натан.

– Я рассказываю, чтобы вы слушали меня, молодой человек! Молча, – отрезал Александр Николаевич и продолжил: – После смерти дяди я продал пивной паб, и это было самое лучшее, что он дал мне. На вырученные деньги смог получить образование финансиста. Хотя оно было не из легких. Днем – учеба, ночью – работа. И так шесть лет.

Кристине хотелось закричать на молчаливый упрек Тигрова. У него не было младшей сестры, которую надо было растить. И если бы не Натан, она никогда бы не получила образование, которого брат лишил себя. Но язык примерз к небу, и Кристина безвольно слушала историю отца Лилии.

– В те дни я впервые задумался, что мне необходима богатая жена, чтобы получить минимальный капитал для бизнеса. Но кому нужен нищий зять? После учебы я открыл магазин для туристов. Вкалывал как проклятый. Позже решил на гостиничный бизнес. И к тридцати годам стал весьма состоятельным человеком, по вашим меркам. Но в душе все равно ощущал себя нищим. И тогда я встретил свою жену, Марину. Идеальная. Красивая, юная, настоящая леди. Мне было тридцать, ей двадцать. – Глаза Тигрова подернулись мечтательной дымкой. – Но! Ее родители – из высшего общества, голубая кровь. И я – выскочка из плебеев. Разумеется, мне не обрадовались. Даже когда Марина сказала родителям, что любит меня, ее

отец так и не дал благословения на наш брак. Интересно, что я сделал, чтобы она все-таки стала моей женой?

Натан промолчал. Видимо, понял, что лучше не перебивать мужчину.

– Я продолжал работать и расширять бизнес. И буквально спал на пороге их дома. Два года. Два года я добивался руки Марины. И когда ее отец наконец признал меня достойным его дочери, я поклялся, что Марина станет самой богатой леди в Русамии. Спустя годы я сдержал свое слово. – Тигров тяжело выдохнул. Усталое посмотрел на Натана. – И поэтому я спрашиваю тебя, Натан. Что ты можешь предложить Лили, кроме этого?

Наконец до Кристины дошло, к чему вел Тигров-старший, и у нее внутри все сжалось, потому что она знала – брату нечего предложить.

– Я люблю Лили, – лишь произнес Натан.

Он тоже разгадал мораль в сказке мужчины. Это было видно по отчаянию в его глазах.

Тигров фыркнул:

– Я знаю, ты – хороший парень, Натан. Эд рассказал, что ты рано стал отцом для своей сестры. Обеспечил ее образование. Ты – трудяга. И в другой жизни я был бы счастлив, если бы моя дочь влюбилась в такого, как ты. Но не в этой. Ты не получишь Лили. – Мужчина поднялся. – И лучшее, что ты можешь сделать, это забыть ее.

Александр Николаевич вышел из дома, даже не обронив прощальные слова. Натан остался сидеть, словно окаменел как снаружи, так и внутри. А Кристина чувствовала, что обязана хоть что-то сделать. Порывисто метнулась наружу. Тигров-старший уже сел в машину.

В последний момент она схватила Эдуарда за рукав:

– Подожди! Пстой! – Кристина задыхалась.

Волнение, беспокойство за брата и Лили, страшное угнетающее заявление Александра Николаевича. Единственную надежду она видела в Эдуарде.

– Поговори с ним, ты сможешь убедить своего отца. Он сам сказал, что Натан – хороший парень...

– Кристи. – Эд мягко перебил ее.

Пальцами прикоснулся к щеке Кристины, щелкнул по носу:

– Это бесполезно. Отец непреклонен и никогда не меняет решения. Ты бы видела, что творилось после ухода Натана. Он едва дождался, когда сможет отвезти Лили домой. А она как будто с ума сошла. Кричала про свободу, что любит Натана и ни за что не расстанется с ним. Она всегда вела себя кротко и спокойно, как мама. Но сегодня была копией отца. Он даже не решился ей перечить. Запер в комнате и поехал сюда.

– То есть, – Кристина намотала на руку шелковистые локоны и сильно дернула. Слезы защипали глаза, зато она убедилась, что все – реальность, а не сон, – это конец. Конец отношениям Натана и Лили?

Эдуард с сожалением покачал головой:

– Боюсь, что так.

Она всхлипнула и опустила взгляд вниз.

– А мы? – Вопрос прозвучал так тихо, что сама Кристина едва расслышала его.

Эдуард молчал.

– Не знаю, – ответил он и порывисто оглянулся назад. Боялся, что отец услышит их.

– Что ж, – Кристина поджала губы и смахнула слезы, – тогда до свидания, Эдуард. Надеюсь, мы больше не встретимся. – Она побежала к дому.

– Кристи! – донеслось вслед.

Но она быстро захлопнула дверь, отрезая радужные мечты об идеальном будущем.

Иллюзия свободы разбилась, как стеклянная статуэтка. Лилия выплакала все глаза, а когда слез не осталось, лишь поскуливала, как побитый щенок. Смятая кровать, пуанты, заброшенные в угол. Шторы наглухо закрыты.

Она столько высказала отцу и теперь боялась представить, что ее ждет. Что ждет их с Натаном? Но при мысли, что она больше его не увидит, хотелось кричать и бить кулаками в запертую дверь.

Лили с трудом села и вытерла глаза. Букет лилий остался в машине. Она так сильно кричала, что забыла их, и теперь жалела. Единственное, что осталось от Натана.

Отец поехал к нему. И Лили чувствовала, что его визит ничем хорошим не закончится. Она пыталась представить, как они разговаривают, но ничего не получалось. Дар, который возникал в самые непредсказуемые моменты, сейчас молчал.

Лилия подошла к зеркалу и с презрением оглядела красное, распухшее лицо. Леди... Это не леди, а жалкое подобие. Потерять контроль над собой, вести себя как истеричная девчонка. Лили захотелось плюнуть себе в лицо, но она сдержалась. Нельзя снова опускаться. Один раз позволишь эмоциям одержать верх, и они будут руководить твоей жизнью.

Она прикрыла глаза, и когда открыла, то увидела совсем другое отражение. На нее смотрела светловолосая девушка. Глаза горели огнем ненависти, губы кривились в безудержной злости.

Лили отшатнулась и упала на пол. Призрак протянул к ней длинные бесцветные руки. Холод опалил шею. Удушающий плен призрачных пальцев стал уже. Страх змейкой скрутился в пульсирующих висках.

Лили захрипела, и видение исчезло.

Она закашлялась, испуганно отползла от зеркала. Со страхом прикоснулась к горлу. Призрак исчез, но казалось, что он до сих пор душит ее и никогда не отпустит.

Глава 19

Женская ревность

Русамия. Велидар. 2016 год

Марк задумчиво переключал каналы. Он скучал. Но это была не та скука, которой он страдал раньше. Марк скучал по Руслане. Время неизменно бежало, стрелки на часах давно проскочили цифру десять, но девушка не звонила. Не хотела или еще спала. Он надеялся на последний вариант.

Кот развалился на полу, периодически поскуливал во сне или, наоборот, рычал, но тревог хозяина не разделял. Марк даже позавидовал безмятежности собаки. И через силу отпустил мобильный, который раздражал молчанием.

«Когда-нибудь тебя покорит женщина. И она непременно будет блондинкой».

Слова сестры оказались пророческими, хотя после детской травмы, когда Рита из старших классов жестоко посмеялась над его нелепым признанием в любви и растоптала подаренные цветы, он зарекся связываться с такими девушками. Глупая причина, но чем больше Марк общался с женским полом, тем сильнее убеждался в собственной правоте. Даже крашенные отсеивались. Пока он не встретил на пляже Руслану.

Сначала были тщетные попытки убедить себя, что она ему безразлична. Но, когда он бесцельно разъезжал по городу и чуть не сбил Руслану, уже в тот вечер в нем что-то изменилось. Лана напоминала старинную шкатулку, ключ от которой давно потерялся. Однако Марк не терял надежды отыскать его.

Звонок в дверь нарушил уединение. Пес встрепнулся и лениво залаял. Но бежать на звук не спешил. Ждал, когда хозяин сам проверит, кто пришел.

Марк выключил телевизор и прошел через зал в прихожую. Он забыл, что на нем одни домашние штаны, а футболка осталась висеть на стуле в спальне. Гостей Марк не ждал. Но скрестил пальцы в надежде увидеть Руслану.

– Боже, какой ты медленный! – с порога его окатило раздражением.

В дом влетела Диана, удивительно ловко перемещаясь на высоченных шпильках. Шлейф сладких духов протянулся следом за ней, и Марк поморщился. Кивнул водителю с охранником, которые курили возле «Бентли» вишневого цвета. И со вздохом закрыл двери.

Диана уже пробралась на кухню и крутилась на высоком барном стуле. Короткое красное платье едва прикрывало изящные ножки. Клатч с блестками небрежно брошен на стойку.

– Всегда любила твою кухню. Оазис холостяка. – Диана сняла огромные очки и театрально обвела помещение рукой.

Марк скептически пожал плечами. Обычная кухня обеспеченного мужчины. Индукционная плита, остров для готовки и барная стойка вместо стола.

– Стерильная чистота, – вынесла вердикт девушка.

Недовольно оглядела Марка и надула губки:

– Вижу, ты недоволен моим визитом? Ждал другую?

– Тебя уже давно не касается, кого я жду, Диана. – Он вернулся в зал и снова упал на диван.

Кот не спешил обнюхивать Диану. Пес начинал чихать от духов девушки и держался от нее подальше.

– Марк, – Диана прыгнула со стула и подбежала к нему, – не обижайся. Я просто ревную.

– Я счастлив, – съязвил он. – Зачем ты пришла, Диана? Сегодня вечеринки не будет.

– Знаю. – Она присела рядом, как можно теснее прижалась к бедру Марка. Игривыми пальчиками пробежалась по его обнаженной груди. – Скучала.

Марк смерил ее подозрительным взглядом. Обольстительность и невинность в одном флаконе.

Он поражался умению Дианы сочетать в себе эти два качества.

– А еще я вчера видела тебя с ней! – И она обиженно шлепнула его по плечу.

– Вот где собака зарыта.

Кот искоса поглядывал на них. По нахмуренной морде было видно, что их мысли с Марком сходятся.

– Ты так говоришь, словно в этом нет ничего страшного! Ты гулял с другой девушкой! Как ее зовут? Руслана, кажется? – Образ невинности трещал по швам.

Красивое лицо Дианы исказилось, тщательно скрываемый характер выползал наружу.

– И что? – Марк сбросил ее руку с плеча. – Напомню для особо забывчивых. Мы расстались почти год назад. И решение остаться друзьями принадлежало тебе, а не мне.

– Как ты можешь? – Диана вскочила и нервно топнула ножкой. – Кто я и кто она? Нищая шавка! И ты хочешь променять меня на нее?

Марк встал и схватил девушку за плечи:

– Она – не шавка! Больше не смей ее так называть. И я не обязан отчитываться перед тобой, с кем я встречаюсь. Тем более не хочу видеть сцены ревности. Уходи, Диана. Будет лучше, если мы прекратим нашу псевдодружбу. У меня не осталось для нее нервов.

Девушка вырвалась, обиженно потерла покрасневшие плечи. На них горели красные следы от пальцев Марка, словно он прожег их яростью.

– Тебе плевать на мои чувства? Я люблю тебя, Марк! Ты хоть понимаешь, от чего отказываешься? Мой отец купит для тебя все издательства в городе, в стране. Ты станешь самым богатым мужчиной в Русамии. И у тебя будет самая красивая жена. Как ты можешь отказываться от такой жизни? – В распахнутых глазах блестела искренняя обида.

Диана растерянно поправила черные локоны, всхлипнула и прикусила нижнюю губу. Все это Марк видел не раз и раньше велся. Но сейчас он устал подыгрывать Диане.

Он устало протер глаза:

– Уходи. Ты глупа, если не понимаешь очевидных вещей.

– Но...

– Уходи! – рявкнул он.

Диана вздрогнула, пробежала мимо Марка к клатчу и напоследок злобно выкрикнула:

– Это ты глупец! Но ничего. Я подожду, когда ты поймешь, что твоя шавка – ничтожество. И тогда ты приползешь ко мне. Только не факт, что я прощу тебя.

Марк не ответил. Входная дверь хлопнула прежде, чем он переварил дешевую угрозу Дианы. В душе зашевелилось беспокойство. Избалованная девушка не знала отказа и в гневе могла натворить много бед.

Марк вспомнил их последнюю ссору, которая привела к разрыву. Диана расцарапала ему шею и пыталась добраться до глаз. Кобра без клыков. Но переполненная ядом.

Лана смотрела, как лопаются пузырьки на пенке растворимого кофе. Третья кружка за утро. Единственное спасение от усталости после бессонной ночи.

Она сломала голову, пытаясь вспомнить, как печатала на машинке, но заработала мигрень. А мрачная история больной девушки Лиззи, которая когда-то жила в этом доме, не добавляла оптимизма.

– Впору фильм ужасов снимать, – пробормотала Руслана.

Хотелось позвонить Марку, чтобы он приехал, и провести в его компании весь день, развлекаясь красным вином. Ни в коем случае не отпускать домой, иначе ее вновь ждет

лунатизм. С другой стороны, чем быстрее она закончит исповедь Лиззи, тем скорее сможет пойти к графине Маврос. Руслана наконец поняла, о какой именно истории говорила женщина.

В спальне раздался звон колокольчиков. Лана вздохнула и неохотно поплелась туда. Мысленно готовилась к разговору с бабушкой. Они не общались несколько дней. Теперь Руслана узнает о себе всю правду.

– Неблагодарная эгоистка! – закричала бабушка.

Лана закатила глаза:

– Я...

– Ты забыла старушку. Не звонишь, не пишешь. Вчера уже я не выдержала и позвонила, но меня ждал холодный голос какой-то девицы. Она заявила, что ты вне зоны доступа.

– Вчера был День города, видимо, сеть перегрузили.

– Это мои нервы перегрузили, – буркнула бабушка.

По голосу стало заметно, что первая волна ярости начала затихать.

– Я тебя люблю, – подластилась Лана, и Кристина Валерьевна тихо засмеялась.

– Моя внучка, – одобрила она. – Расскажи, как твои дела? Как прошел праздник?

– Замечательно. Было очень здорово. Марк показал мне конкурс «Танцующая пара», но мы выбыли почти в самом начале. – По какой причине, Лана умолчала.

– Марк? Это тот парень, который не любит блондинок? Что, русские девушки пришились по душе? – съехидничала бабушка. – И вы танцевали? Не думала, что этот конкурс до сих пор проводят. Помню, в молодости всегда с нетерпением ждала День города именно из-за танцев. – Она блаженно вздохнула.

– Ба, а ты не помнишь, в тот год, когда исчез Глеб, ты ходила на праздник?

Руслана вспомнила призрачную пару Глеба и Лиззи и поежилась.

– Глеб? – Кристина Валерьевна тяжело задышала. – Как много ты знаешь?

– Нашла старые газеты и фотографии. Глеб – твой жених?

Бабушка заворчала:

– Свалилась журналистка на мою голову. Не дает спокойно дожить последние дни. Да, мы были помолвлены. И я любила Глеба. Целый год после его исчезновения плакала без остановки. Вообще, все отношения в Велидаре заканчивались слезами. И нет, в тот год я не попала на праздник. Из пансиона непустили.

Руслана получила еще одно подтверждение видениям. В дверь яростно застучали:

– Ой, Ба, ко мне кто-то пришел. Поговорим позже. Кстати, я еще надеюсь, что ты приедешь в Велидар.

– Начинаю задумываться над этим. К тому же ты уже много знаешь. Еще чуть-чуть, и назовешь цвет тусов, которые я носила шестьдесят лет назад.

Лана захохотала:

– Заметано, – и выключила вызов.

Она подошла к двери и без раздумий открыла. Никто не мог прийти к ней, кроме Марка. Никто...

В дом вошел высокий мужчина в черном костюме, бесцеремонно толкнул Руслану на стул. Следом прошествовала ослепительная девушка, хлопнула дверью и скрестила руки на груди:

– Я весьма наблюдательна. И в тот вечер стояла на берегу до тех пор, пока не увидела, в каком доме ты живешь.

– Что? – Лана попыталась встать, но охранник надавил на ее плечо, и она безвольно опустилась. – Кто вы?

Ладони вспотели. Голова разболелась с новой силой. Настроение, которое подарила ей бабушка, растворилось в дымке страха.

Девушка сняла очки, встряхнула головой:

– Узнала? Я – Диана. Девушка Марка.

Она прошла вдоль стола и села на край.

– Девушка? Марк говорил, что вы расстались. – Лана облизала пересохшие губы.

Необъяснимо, но слова Дианы задели сильнее, чем она думала.

– Расстались? – Диана фыркнула. – Слегка поругались. Но не более. А ты поверила, наивная дурочка? – Она захохотала.

Спрыгнула на пол и подошла к Руслане, нависнув над ней, как грозовое облако. Лана смело смотрела ей в глаза. Но шея вновь загорелась огнем. Она поморщилась и размяла рукой, однако боль не уходила. Перед глазами поплыло. Руслана часто заморгала.

– Можешь не сдерживать слезы. Марк развлекался с тобой. – Диана наклонилась ниже и схватила ее тонкими пальцами за горло.

Она не понимала, что выглядит нелепо. Руслана бы просветила девушку на этот счет, но ей становилось хуже и хуже. А Диана принимала это за испуг.

– Марк сказал, что ты – собственница. Больная на голову. Он устал от твоих капризов и бросил тебя, – выдавила Лана.

Сердце стремилось выпрыгнуть из груди, пульс зашкаливал. Она отчаянно цеплялась руками за стул, тяжесть наполнила каждую клеточку тела. Но Руслана нашла силы поставить Диану на место.

Девушка отшатнулась:

– Я тебе не верю.

– А придется. Ты вбила себе в голову, что Марк любит тебя. Но правда в том, что ты ему не нужна. Иначе бы здесь не стояла.

Лана широко раскрыла рот, вдыхая горячий воздух. Слова Дианы уже не долетали до нее. Она видела неясную тень, которая затмила собой свет. Страх скрутил Руслану по рукам и ногам. Ни закричать, ни зашептать. Боль обожгла правую щеку. Тень рванула ее за волосы, а обидные слова посыпались на Руслану, как искры пламени:

– Шлюха! Раздвинула ноги и думаешь, теперь можешь меня шантажировать? Я тебя вижу насквозь!

Лана упала на пол и закашлялась. Дрожь пронзила тело и превратилась в жгучий озноб. По щекам катились крупные слезы.

– Психованная! – взвизгнула Диана. – Я даже пальцем тебя не тронула. – Она опасливо отошла в сторону. – Марк не может встречаться с такой психичкой. Но, если вздумаешь снова с ним увидаться, пеняй на себя, – презрительно добавила она. – Пошли, Костя. Здесь больше нечего делать.

Сквозь гул в ушах Руслана услышала, как хлопнула дверь, и свернулась калачиком на полу. Страх не отпускал. Щека продолжала гореть. Но Лана чувствовала, что самое страшное еще впереди.

Из забытья Руслану вывел очередной звонок. Снова трезвонил мобильный. Жуткое раздражение придало ей сил, и с третьей попытки она поднялась с пола. Пошатываясь, заперла дверь и побрела в спальню. Рухнула на кровать.

– Алло...

Язык заплетался, как после ярой попойки.

– Кажется, вчера кто-то продолжил отмечать праздник без меня? – пошутил Марк.

– Нет.

Спать, спать. Руслана хотела спать.

– Тогда почему ты едва говоришь? – шутливый тон спал, уступив место беспокойству.

– Плохо себя чувствую.

Рука устала держать мобильный, и Лана навалилась на него ухом. Озноб никуда не исчез. На время притих, но с каждой минутой возвращал контроль над телом Русланы.

– Что случилось? Может, стоит вызвать врача?

– Оставь меня в покое, Марк! – в отчаянии выкрикнула Лана. – Разберись сначала со своей бывшей, прежде чем начинать новые отношения. – И она вырубил телефон.

Ей казалось, что она сходит с ума. Страшные видения вытрясли из нее всю душу. Руслана всхлипнула и, как побитый котенок, залезла под одеяло, провалившись в тяжелый, выматывающий сон.

Диана не отвечала на телефон, поэтому Марк поехал к ней домой. Девушка жила в пятикомнатной квартире на десятом этаже. В самом центре Велидара. Она любила всеобщее внимание, и жилье выбрала соответствующее. Отец баловал Диану как мог, так что считать деньги она не умела. И даже не задумывалась, почему они никогда не заканчиваются на ее счету.

Марк поднялся на лифте и забарабанил в дверь Дианы. Через пять минут рука онемела, но он знал, что девушка в квартире. Чутье не подводило. В конце концов Диана открыла и с недовольной миной посмотрела на Марка.

– Ты решил выломать дверь? Здесь есть звонок. – Она указала пальчиком на серебристую кнопку.

– Сомневаюсь, что ты отреагировала бы на него, – фыркнул Марк. – Ты ездила к Руслане?

Диана закатила глаза и привалилась плечом к стене:

– А я-то гадаю, почему ты вдруг в гости явился? Ездила, и что? Она уже нажаловалась? – Девушка хмыкнула.

– Что ты с ней сделала? Она едва говорила.

Марк смотрел на Диану, которая переоделась в легкое домашнее платье, и не верил, что дикая кошка и милая девушка – один и тот же человек.

– Марк, она припадочная. Я даже пальцем ее не тронула, хотя руки чесались. Она упала на пол, затряслась, как безумная. И что-то бормотала, что ее нельзя шантажировать и она видит меня насквозь. Я, может, и упрямая, но себя уважаю. Если тебе нравятся сумасшедшие, пожалуйста, мешать не буду. А теперь проваливай. Мне осточертел и ты, и твоя психичка. – Диана схватилась за дверь и попыталась закрыть, но Марк подставил ногу:

– Обещай, что больше не сунешься к ней.

– Как будет настроение, – прошипела девушка и ударила его дверью.

Марк глухо застонал, подпрыгнув на ноге, и просверлил закрытую дверь взглядом. Разговор вышел короткий, сумбурный и бессмысленный. Как и всегда с Дианой.

Он вызвал лифт и, пока ждал, снова услышал щелчок сзади. Дверь открылась, и девушка высунула в коридор голову:

– Забыла спросить. Она ведь не знает всей правды о тебе?

Марк окаменел. Двери лифта открылись, но он не мог отвести глаз от Дианы, на лице которой растягивалась довольная улыбка:

– Значит, у меня есть козырь, если я вдруг передумаю. – И на этот раз она закрыла дверь окончательно.

А Марк вошел в лифт, убеждая себя, что даже, если Руслана узнает, ничего страшного не произойдет. Максимум, не захочет его больше видеть.

Целый день он пытался дозвониться до Русланы, но телефон упрямо молчал. Дважды приезжал, но она не открывала. Когда он направился к ней в третий раз, уже вечерело. Солнце окрасило море теплым светом, а ветер играл с песком. Кот радостно лаял на волны и носился вдоль пляжа. А каждый шаг наполнял Марка уверенностью, что, если Руслана вновь не ответит, он выбьет окно.

Он подошел к задней двери, пробравшись сквозь густые люпины, и постучался. На удивление, Марк услышал тихий голос девушки:

– Кто там?

– Руслана, это я. Открой.

– Нет.

Короткое слово обескуражило Марка. Он устало опустил на ступеньки и схватился руками за голову:

– Я ездил к Диане и расставил точки над «i». Она больше не сунется к тебе. Теперь ты откроешь?

– Нет.

Снова три буквы. Категоричные и злые.

– Черт возьми, сколько можно обижаться?

– Я не обижаюсь, Марк, – голос Ланы смягчился.

Он представил, как она сидит по ту сторону двери с грустными глазами, и бессильно стиснул кулаки.

– Диана здесь ни при чем. Я чувствовала себя ужасно из-за очередного видения. Как тогда на танцах, – послышался всхлип.

– Лана, милая, открой. Я помогу. – Марк посмотрел в замочную скважину, но ничего не увидел. – Помнишь, как в тот вечер, когда разыгралась гроза?

– Нет, Марк, ты не понимаешь. Я вижу призраков, и они высасывают из меня силы. Но пока я не закончу историю, это не прекратится. Если я впущу тебя, то не смогу отпустить. А я должна. Должна дописать! – отчаянно воскликнула девушка.

– Ты говоришь про историю Лиззи?

– Да. Она самая. Я чувствую, что осталось чуть-чуть. Возможно, ночь или две.

– Нельзя так издеваться над собой, русалка. Я останусь сидеть здесь, пока ты меня непустишь. Слышишь меня?

Но Руслана не ответила. Он продолжал стучать, однако девушка молчала. Кот заскулил и улегся у ног Марка. Ночь опускалась на Велидар, накрывая город черным одеялом.

Марк сидел на ступеньках, как и обещал. Но в доме нигде не зажигался свет, и стояла гробовая тишина. Люпины тоскливо качались, и их густой запах наполнял легкие Марка. Иногда он порывался встать и уйти. Злость брала свое. Но Марк вспоминал, с каким отчаянием говорила Руслана, и оставался на месте. Постепенно дремота сморила его, и он неохотно приткнулся к двери, съежившись от ветра. И сквозь чуткий сон до него донесся женский крик, который прозвучал на мансарде.

Марк быстро вскочил на ноги, Кот тоже встрепенулся и залаял. Повисло напряженное молчание, и вновь раздался крик, который пронзил льдом до самой души. Кричала Руслана.

– Лана!

Марк ринулся на дверь и яростно ударил ногой. Один удар, второй. Крики затихли. Но Марк продолжал бить. С четвертого удара дверь треснула и с хрустом отворилась. В доме таилась кошмарная темнота.

Глава 20

Утес искупления

Русамия. Велидар. 1956 год

Лили покорно ждала, когда служанка уложит ее волосы и поможет надеть строгое платье с черно-белым узором. – Спасибо, – поблагодарила она и расправила пышную юбку до колен, – вы можете идти.

Молодая девушка смущенно потопталась на месте и пробормотала:

– Лилия Александровна, ваш отец велел не отходить от вас.

Лили смяла пальцами шелковую юбку. Она пыталась держать себя в руках. Утром на нее напало холодное безразличие, и ей не хотелось утратить видимый покой. Все же лучше, чем истерика.

– Даже когда закончится ваш рабочий день?

Она равнодушно рассматривала рыжие веснушки на носу у служанки, который забавно морщился.

– Мне заплатят за сверхурочные. Александр Николаевич приставил меня к вам до тех пор, пока вы не уснете. – Служанка с трудом скрывала радость от возможности подзаработать.

Лилия посмотрела в зеркало. Там расплывалось бледное отражение. Точно такие же чувства горели тихим пламенем внутри нее. Обида, приправленная ноткой апатии.

– Хорошо. – Она пожала плечами и вышла из спальни.

Спустилась в гостиную, не обращая внимания на служанку, которая старалась превратиться в ее тень.

– Мама, а где отец?

Марина Андреевна отвлеклась от вышивания. Вчера женщина хотела поговорить с Лилией, но та была столь подавлена, что никак не отреагировала на наставления. Слова матери пролетали мимо, превращались в глухой звон и разбивались о броню, которую Лили возвела вокруг разума и сердца.

– Он скоро спустится.

Женщина отложила пяльцы и сняла с пальца наперсток:

– Катерина, оставь нас, пожалуйста.

Служанка не медлила. Слово хозяина для нее – закон, но хозяйку она чтит больше. Стоило девушке уйти, как Лили почувствовала себя свободнее. Но невидимые оковы продолжали стягивать запястья.

– Милая, присядь. – Марина Андреевна похлопала по софе.

Лили послушно подошла к матери. Облако магнолии окутало ее. Она вдохнула легкий сливочный запах. Примесь лимона и ванили только насыщали духи. Вместе с ними Лилия окуналась в детство. Аромат нес умиротворение и наивную веру в лучшее.

– Ты сильно любишь этого молодого человека? – Женщина положила теплые ладони поверх рук Лили.

– Разве теперь это имеет значение? – безразлично ответила она.

Внутри что-то порвалось. Тонкая нить, на которой держалось пульсирующее сердце. И Лили впала в кому.

– А разве нет? Мне казалось, вчера ты только об этом и думала?

– Все меняется.

Слова матери постепенно находили лазейки в коконе Лилии.

– Знаешь, – Марина Андреевна откинулась на диван, – твой отец меня два года преследовал, хотя мой папа сразу сказал, что он мне не пара.

– Натан и отец – разные люди. Натан не откроет бизнес и не сколотит состояние. Он – обычный парень, который спасает глупых девушек и выращивает люпины на заднем дворе. Он работает крановщиком, а его сестра – официантка. Они живут в маленьком доме, и им не нужен особняк. Они – не мы.

Последние три слова расставили все по местам. В них крылось отчаяние и сожаление, что ничего нельзя изменить. И частицу «не» невозможно стереть.

– О, если бы я сдавалась, как ты, то никогда бы не родила тебя. – Марина Андреевна подмигнула.

Лили недоверчиво посмотрела на маму.

– А ты не знала? – Женщина засмеялась. – После Эдуарда врач запретил мне рожать еще раз. Но я до безумия хотела малышку с чудными карими глазками. – Она погладила Лили по щеке. – И даже твой отец не смог мне запретить. Так что он не столь всемогущ, как думает. В конце концов, именно ты строишь свою судьбу. А социальные различия... Середина двадцатого века. Не думаю, что для настоящей любви это имеет значение.

Лилия жадно впитывала все, что говорила мама. Запоминала каждый звук, интонацию, словно боялась упустить нечто важное. Нерешительно оглянулась на дверь. Посмотрела на Марину Андреевну:

– Мама, ты не возражаешь, если я погуляю в саду?

Сколько смысла крылось в невинном вопросе, знали лишь они вдвоем.

– Свежий воздух полезен после стресса, дорогая. Только не задерживайся допоздна. И помни, ты – настоящая леди.

Марина любовалась вышитой розой, когда в гостиную влетел Александр. От мужчины веяло жаром, и она знала, чем это грозит. На людях он верно носил маску спокойствия, зато дома часто выходил из себя.

– Екатерина сообщила, что Лили исчезла после разговора с тобой, – Александр навис над Мариной, скрестил на груди руки и нахмурил черные брови.

– Она пошла погулять в сад, а что?

Марина улыбнулась мужу. Его вечно злое, напряженное лицо неизменно находило отклик в ее сердце. Муж. Яростный, громкий, но верный и надежный.

– Ее нет в саду, – упрямо заявил Александр.

Марина вздохнула и поднялась с софы. Прижалась к мужчине и нежно поцеловала в сердитый подбородок.

– Позволь ей разобраться самой, – прошептала она. – Лилия – умная девочка. И взрослая не по годам. Она любит. Разреши им быть вместе. Разделяя их, ты только усиливаешь любовь между ними.

– Демократично, – съязвил Александр. – А потом нам в подоле принесут дитя. И больше можно не беспокоиться о нашей репутации.

– О, это будет ужасно! – Марина наигранно округлила рот. – Ты станешь мне изменять, ведь доброе имя – единственное, что сдерживало тебя.

– Тебе лишь бы шутки шутить! – Александр сердито поцеловал ее. – А я серьезно.

– Я тоже. Лили – леди. Она не перейдет черту.

– Леди. – Мужчина закатил глаза и отпустил Марину. – Ты тоже леди, но что-то я не помню, чтобы это нам помешало...

– Прекрати. – Марина прижала ладони к горящим щекам. – Хорошо, ты прав. Но сегодня отпусти ее. Один день. А потом снова можешь примерять на себя роль диктатора.

Александр негодуяюще хлопнул ладонью по столу:

– Я не диктатор!

Марина взяла его руку и поцеловала сжатые пальцы:

– Конечно, нет. Ты – мой муж. А я – твоя жена. Поэтому предлагаю устроить сегодня выходной.

Лавина спокойствия медленно сошла на Александра. Он выдохнул:

– В прошлый раз ты мне читала Диккенса.

– Значит, сегодня твоя очередь.

Лилия смотрела на ярко-синий коттедж, удивляясь, когда он успел так глубоко проникнуть в ее душу. Даже таинственное окно на мансарде, которое раскололо их отношения с Натаном, вызывало странное чувство ностальгии.

Разговор с мамой придал Лили небывалой уверенности в собственной правоте и усилил желание бороться. И всю дорогу до дома Натана она молилась, чтобы он не сдался. Вместе они справятся со всем. С проклятьем, с отцом, с обществом. Лили из последних сил убеждала себя, что их любовь выстоит перед любыми преградами.

Она осторожно подошла к дому и постучалась. Никто не отозвался, а дверь оказалась не заперта, и Лили вошла внутрь, заглушив неуверенность громким дыханием.

– Натан? Кристина?

Но дом был пуст, и возглас Лили вернулся к ней одиноким эхом. Она замерла посреди гостиной, не отводя взгляда от лестницы. Нераскрытая тайна манила Лили. Призрак, которого она вчера увидела в зеркале, звал. Тихая колыбельная зазвучала на мансарде. Лилия прикрыла глаза, невольно наслаждаясь нежным пением.

Один шаг, второй. Она схватилась рукой за перила и зачарованно посмотрела вверх. Постепенно невнятные звуки сложились в слова, и от их смысла озноб охватил тело.

– Ум, обаяние, шарм, красота...А что, если это не стоит гроша?Если полюбишь – ответа не жди,Проклятье свершится – прихоть судьбы...Одна ты навеки, в том счастье твое,От боли должна сберечь сердце свое.Любви не позволяй ты им завладеть,От горя придется похолодеть.

Загипнотизированная, Лили поднималась по лестнице, и с каждым шагом невидимый образ белокурой девушки приобретал четкие очертания. Она протягивала руки и улыбалась, продолжая напевать песню, которая напоминала колыбельную для мертвых детей. Оставалось немного. Еще пару ступенек, и Лили узнает секрет Натана. Узнает, кто эта девушка. И что она хочет ей сказать?

Сквозь туман, окруживший голову, стрелой ворвался крик Кристины:

– Лили, нет!

Призрак девушки дернулся и помутнел. Лицо исказилось. И она прошептала еще раз последние слова:

– От горя придется похолодеть.

Нога соскользнула, и на мгновение Лили ощутила свободу. Она парила в невесомости. От блаженства закрыла глаза. Далеко-далеко закричал Натан.

Лилия кубарем скатилась по ступенькам вниз. Боль пронзила плечо, ногу. Затылок как будто разрезали и вновь зашили, но забыли вытащить лезвие. И теперь оно упорно пыталось отыскать путь наружу. Лили застонала и приоткрыла глаза. Все вертелось, словно она сидела на карусели, а тело будто потеряло вес.

Натан бережно подхватил ее на руки и перенес на диван:

– Зачем, зачем, зачем? – причитал он. – Я знал, что мансарда не доведет до добра, но зачем ты пошла туда?

Кристина принесла стакан воды. Лили попыталась ободряюще улыбнуться, но получилась гримаса. И она предположила, что выглядит бледнее Кристины.

Натан осторожно ощупал пальцами голову Лили:

– Будет шишка. Но, слава богу, голову не разбила. – Он поднес стакан к дрожащим губам Лилии.

Она сделала несколько глотков и устало откинулась на подушку:

– Я хотела узнать, что там скрывается.

– Я бы сам тебе рассказал! – воскликнул Натан.

Он хмурился, и Лили ласково дотронулась пальцами до морщин на его лбу и попыталась разгладить их.

– Все хорошо, – она пошевелилась и поморщилась, – отделалась синяками.

Кристина села на диван и сцепила пальцы в замок, но Лили заметила дрожь в руках.

– Мы не думали, что ты придешь, – произнесла девушка.

– Мне удалось сбежать. Но здесь долго нельзя находиться, отец может искать меня. – Лили заставила себя сесть.

Натан обхватил ее за плечи и поцеловал в висок.

– Ты меня напугала, – признался он, но быстро вернулся к реальности: – Сможешь идти?

Лилия медленно покачала головой, проверяя, не кружится ли перед глазами.

– Кажется, да. А куда ты хочешь пойти?

– Покажу тебе одно место. Там очень красиво. Кристина, если что, ты нас не видела.

Девушка грустно улыбнулась:

– И ты еще сомневаешься? Идите. Думаю, отец Лили не станет опускаться до пыток. – Неловкая шутка сгладила тяжелую атмосферу, повисшую в воздухе.

Натан порывисто поцеловал сестру в щеку и вывел Лили через задний вход. Они прошли мимо знакомых люпинов, возле которых были брошены лейка и садовые перчатки. Спустились на пляж и направились по горячему песку вдаль.

– Ты когда-нибудь была на утесе Искупления? – Натан оглянулся на Лили.

– Нет. Только видела пару раз. И читала легенду об Элаизе.

– Тогда тебе понравится.

Натан остановился и подхватил Лили на руки.

– Так будет быстрее, – рассудил он.

Лили обняла его за шею и прижалась как можно теснее. Ей хотелось рассказать о призраке, о колыбельной, о проклятье. Но она лишь всхлипнула.

Лилия ни с кем не могла поделиться страшной сказкой о маленькой девочке. У нее умирала мама, и, отчаявшись, она отправилась к злой колдунье. В обмен на жизнь матери девочка пожертвовала свободой и обрекла себя на вечное одиночество. И эту ношу оказалось нести очень тяжело.

Натан молчал. Лили знала, он слышал ее тихий плач, но не знал, как приободрить. Как сказать, что все будет хорошо, и при этом не солгать?

Когда они подошли к утесу, Натан отпустил Лили, и они поднялись на самый верх, где с ними

стал заигрывать ветер. Парень подвел ее к камню и опустился на корточки. Коснулся двух маленьких букв «Н + Л». Одновременно кривые и трогательные. Печальная улыбка осветила лицо Натана.

Лилия присела рядом с ним, внимательно вглядываясь в инициалы. Они подходили к ним, но она знала: буква «Л» принадлежит не ей.

– Нам было по четырнадцать лет, когда Лиззи нацарапала буквы на камне. И тогда мы поклялись, что даже смерть не разлучит нас.

Натан сжался в комок, и Лили ощутила, как его тело пульсирует от боли. Он достал из-под рубашки веревку, на которой висели два маленьких ключа.

– После ее смерти я запер мансарду и ни разу туда не поднимался. Прошло пять лет, а я до сих пор чувствую себя виноватым в смерти Лиззи. Я мог все предотвратить. – Он стиснул в кулаке ключи.

Лилия положила руку на напряженное плечо Натана:

– Расскажи, что случилось.

Парень обессиленно привалился спиной к камню и запрокинул голову, вглядываясь в ясное небо. Вдалеке медленно собирались тучи и грозились когда-нибудь затмить собой прекрасный день. А от бескрайнего синего моря замирало дыхание. Но природа не улучшала настроение. Наоборот, своим контрастом она подчеркивала тьму, царящую в душе Натана.

– Мои родители, Лиззи и ее мама отправились за город к родственнице. Они часто ездили, и в поездке не было ничего необычного. Но... плохая дорога. Ливень, гроза. Отец не справился с управлением. Выжила только Лиззи. – Натан закрыл глаза.

Лили прижалась к нему, пытаясь забрать часть его тоски.

– Авария изменила ее. Лиззи мучили галлюцинации, она страдала от переменчивого настроения. То плакала, то смеялась. Я возил ее по врачам, пока она не возненавидела больницы. Это был мой крест. Я любил Лиззи и не мог бросить. Но от этой любви сам начинал сходить с ума.

Натан замолчал, и Лилия чувствовала, что он никак не может решиться рассказать всю правду.

– Как она умерла?

– Повесилась на мансарде. – Парень нервно сглотнул и вскочил на ноги.

Подошел к самому краю утеса и засунул руки в карманы брюк.

– Ты еще любишь ее? – спросила она.

Станный вопрос. Но сейчас все было таким. Даже то, что она находилась на утесе. Лилия положила руки на валун и увидела, что пальцы дрожат.

Натан не отвечал. Молчание затягивалось.

– Нет, – короткое слово рассекло воздух. – Но я чувствую вину перед ней... и не только, – тихо добавил он.

– Она сама решила умереть. Ты не виноват.

– Если бы... Я виноват больше, чем ты можешь себе представить.

Лили смотрела на его широкую спину. Сердце замедлило ритм от непонятного страха. В голове прозвучали слова из страшной колыбельной:

Если полюбишь – ответа не жди, Проклятье свершится – прихоть судьбы...

«Проклятье», – про себя повторила Лилия. Ведьма предупреждала ее. Плата в обмен на жизнь матери. Вечное одиночество.

«Тридцать лет твоя мать будет жить, и тридцать лет ты будешь одинока».

Солнце припекало, голова закружилась. Она надеялась, что все несерьезно. Прошло пять лет, она была маленькой. Разве могут детские забавы перерасти в смертельную опасность?

Странное предчувствие толкнуло Лили в спину. Она встала и неуверенно подошла к Натану. Почему-то хотелось схватить его и не отпускать. Защитить от всех бед, невзгод и потерь.

Все произошло за считанные мгновения. Земля осыпалась под ногами Натана. Он беспомощно взмахнул руками. Лилия только успела схватить его за рубашку и потянуть на себя. Раздался треск ткани. Лили закричала, и они упали на утес.

– Черт!

Натан схватил Лили в охапку и откатился от края. Навис над ней, тяжелое сбивчивое дыхание ударило в лицо.

– Ты спасла мне жизнь, – ошарашенно произнес он.

– А ты чуть не погиб! – воскликнула она.

Внутри все смешалось. Испуг, шок и бесконечная нежность.

– Господи, – Лилия перевела дыхание и прижала к себе Натана, – ты мог упасть. Стоял на самом краю...

Она зажмурилась, и страшное зрелище рисовалось перед глазами. Как парень срывается в пропасть.

– Ты – мой ангел-хранитель. – Натан улыбнулся и погладил ее по голове. – Как ты думаешь, зачем Бог познакомил нас?

– Чтобы заставить страдать?

Парень засмеялся, но в хриплом голосе ощущалась горечь.

– Значит, будь у тебя выбор, ты бы предпочла не знать меня?

– Нет. Я бы снова пошла той же дорогой, чтобы влюбиться в тебя с первого взгляда. Я бы снова мучилась, потому что ты холоден со мной. И пыталась быть гордой, когда отчаянно хотелось тебя поцеловать.

Натан замер. Он внимательно смотрел на Лили, и она не могла разгадать, о чем он думает. Знала лишь, что разговор не закончен. Натан не открыл самое важное. Что-то, что он предпочел скрыть. Нечто значительное. И ужасное.

– Упрямая глупышка, – прошептал он.

– Я надеялась обыграть судьбу, – горько усмехнулась Лили, – но потерпела поражение.

– Нет, мы выиграли намного больше, чем ожидали. И это еще не конец. – Натан наклонился ниже, теперь их лица разделяли тонкие миллиметры. – Хотя твой отец против наших отношений и у меня нет такого состояния, как он хочет, я знаю одно: я люблю тебя. И наша любовь украдкой дороже всех богатств мира.

Лили зажмурилась, но слезы пробились сквозь ресницы.

– Не плачь, Тигровая Лилия. Ты слишком красива для слез, – ласково прошептал Натан и поцеловал ее в губы.

– Люблю, люблю, люблю, – повторяла она, задыхаясь от неопытной страсти и грусти.

– Мы что-нибудь обязательно придумаем, – с отчаянием сказал Натан.

Но Лили не верила. Так они и лежали, спрятавшись от всего мира, в объятиях друг друга. Она не плакала, потому что знала – это бесполезно. Он молчал, не в силах найти выход. И каждый из них продолжал упрямо хранить секреты.

А Лилия с горечью признавала, что против колдовства нет лекарства. Она не должна была любить. Но она нарушила закон, и теперь ее ждет расплата.

Лили обязана все исправить. Если еще не поздно.

Глава 21

Любовь Лиззи

Русамия. Велидар. 2016 год

– Как вы себя чувствуете ночью? Вас не мучают галлюцинации?

Доктор оттянул мне нижнее веко и посветил в глаз маленьким фонариком. Острый свет ударил в зрачок, я поморщилась. Говорила Натану, что врач не поможет, но не сумела пересилить его упрямство. После бессонной ночи, когда я металась в бреду, мучимая угрызениями совести, Натан с утра поволок меня в больницу.

– Сегодня она с ума сходила. Кричала, плакала, смеялась. Хотя обычно спит спокойно. Еще у нее поднялась температура, – ответил за меня Натан. Он сидел в углу кабинета, как нахохлившийся воробей. – Скажите, это может быть связано со спиртным?

Доктор глянул на Натана, вокруг его глаз собрались сердитые морщинки:

– Она пила? С такими лекарствами, которые принимает Елизавета, спиртное противопоказано. Если, конечно, вы не хотите раньше времени отправить ее на тот свет!

Натан побледнел, а я опустила голову, и на лицо упали волосы, скрыв улыбку. Маленькая компенсация за мои мучения. – Я... не знал...

Натан закрыл лицо ладонями, и злорадство сменилось жалостью. Я должна упасть перед ним на колени и молить о прощении. Мало измены, теперь он страдает из-за моего эгоизма.

Напротив висело зеркало, но я не выдержала и минуту, взглядываясь в бледное дрожащее отражение. Иначе завопила бы на всю больницу от ненависти к себе.

– Я пришел с работы утром. Она вся горела. Я пытался сбить жар холодным полотенцем и нашел пустую бутылку коньяка, – бормотал Натан скорее сам себе, чем врачу.

Темные круги под глазами кричали о том, как сильно он устал. Взъерошенные волосы – о полной растерянности.

Я отвернулась и крепко зажмурилась. Такая грешница не имеет права плакать.

Доктор вздохнул и выписал рецепт:

– Успокоительное для вас двоих. Постарайтесь не мучить друг друга лишний раз, молодые люди. А вам, Елизавета, еще раз настоятельно рекомендую лечь в нашу клинику. Нервное потрясение, которые вы пережили после аварии, наложило свой отпечаток...

– Я вас поняла, доктор, – перебила мужчину и прыгнула с койки, – спасибо за помощь и до свидания.

Ответ уже не слышала. Вылетела из кабинета, подальше от старческих нравоучений. Я – взрослая, совершеннолетняя девушка. И я здорова. Мне не нужно лечение.

Минут десять ждала Натана возле машины, пиная колеса. За это время сумела убедить себя, что Глеб прав. Произошла ошибка, и о ней лучше не вспоминать. Мы с Натаном распишемся, и постепенно совесть перестанет жалить сердце ядовитым жалом.

– Он снова спрашивал, когда мы поженимся. – Натан упал на водительское место и устало закрыл глаза. – Ему не нравится, что незамужняя девушка живет у холостого мужчины.

– Так в чем проблема?

Я намотала на палец локон и с силой потянула. Боль вытеснила мутные воспоминания о вчерашнем вечере.

– У меня нет денег на шикарную свадьбу, которую ты хочешь, – холодно отрезал Натан. – Поехали домой, мне сегодня опять в ночь вместо Егора.

Я промолчала. Натан и так был взвинчен до предела. Даже поцелуй его не смягчат. Наоборот, разозлят еще сильнее.

Дома он заперся в спальне Кристины, которая сейчас пустовала. А я села на пол возле двери, мысленно переворачивая страницы никчемной жизни. До и после аварии.

Вспомнила, как мечтала о скромном венчании в местной церкви. И как резко все изменилось, когда судьба подарила мне второй шанс. Не каждому выпадает такой случай, и я поняла, что от жизни следует брать все. Только теперь мои желания не совпадали с возможностями. И я запуталась, чего хочу сильнее: без разбору «пожирать» эмоции и чувства, не оставляя ни крошки? Или же быть счастливой?

Я выпила таблетки, поднялась наверх и зарылась под одеяло. Пустая мансарда давила на меня одиночеством. Я привыкла слушать дыхание Натана, любила смотреть, как он спит. Рука потянулась за второй дозой таблеток, чтобы скорее уснуть, но вовремя остановилась. Нет. Нельзя поддаваться мимолетным желаниям. Одну ошибку с Глебом я уже допустила.

Постепенно сон окутал густым туманом, и на этот раз я с радостью шагнула в его объятия.

Тихий скрип половиц прорвался в беспокойное сознание. С тревогой открыла глаза. Натан сидел на краю кровати, его пальцы гладили мое плечо. Печальная улыбка кривила губы, а в глазах – пугающее смирение.

– Прости, – сглотнула непрошеные слезы. Не хотела испортить редкий момент, когда я осознавала масштаб разрушения, который приносила. – Меня следует запереть в клетке. Подальше от людей.

Натан покачал головой и поцеловал мою ладонь, там, где белел шрам:

– Почему?

– Потому что я – монстр.

– Тогда ты самый чудесный монстр, – он вздохнул. – Но прошу, больше не пей. Спиртное губит тебя.

– Сейчас я готова пообещать что угодно, лишь бы снова стать той девушкой, которую ты полюбил. Но я знаю, пройдет время и... – тихий стон договорил за меня.

– Мы справимся, Лиззи. Если бы ты согласилась лечь в больницу...

– Натан! Я полгода отлежала в больнице после аварии, и что? Стало только хуже.

– Но саморазрушение – тоже не выход. Нельзя бездействовать, пока...

– Пока что? – переспросила я, когда Натан неожиданно замолчал. – Пока я окончательно не свихнулась?

– Нет. – Он отвел взгляд в сторону.

– Называй вещи своими именами. – Я обхватила ладонями его лицо и повернула к себе. – Я схожу с ума, и ничто мне не поможет. Ничто. В больнице меня превратят в овощ.

Лучше смерть, чем такая жизнь.

Чувствовала, что в Натане клокочут невысказанные слова, но он молчал, судорожно сжимая и разжимая пальцы.

В конце концов он подарил легкий поцелуй в щеку и ушел. Ему тяжело. Мне тоже. Но мы ничего не могли изменить.

Я прикрыла глаза, ощущая, как на меня накатывает отвращение к себе и истерический смех. А затем желание танцевать.

Я сумасшедшая. Я схожу с ума. С ума...

Остервенело выкапывала люпины и ненавидела каждый лепесток, аромат, цвет. Мне

казалось, что если избавлюсь от них, то навсегда сотру из памяти прикосновения Глеба, его поцелуи. Все было неправильно, отвратительно и неизбежно. Слезы вышли из-под контроля, и я зарыдала, жалея себя, Натана, Кристину и даже Глеба. Так больно и одиноко мне еще никогда не было.

– Занимаешься самобичеванием?

Глеб оперся о край дома. Понуро ссутулился. Глаза ввалились, как у покойника, и от этого сравнения мерзлые мурашки окатили шею.

Я отвернулась и продолжила копать землю, хотя в темноте уже ничего не видела.

– А ты нет? – с ненавистью спросила его.

– Смысл? Этим ничего не исправишь, только испортишь. Я говорил тебе, лучше забудь, но ты же упрямая.

Я швырнула лопату и побежала в дом. Глеб побрел следом, хотя до жути хотелось избавиться от него. Он воплощал в себе наш проступок.

– Мы не должны были этого делать! Это моя вина, – металась по кухне в поисках выхода, но ситуация убивала неразрешимостью.

Голые факты кричали в лицо. Я изменила Натану. Человеку, который жил только для меня, дышал ради меня. И я изменила ему.

– Ты никому не расскажешь, поняла? Чертова ошибка. Просто забудь!

Оглянулась на Глеба и наконец увидела его бледное лицо, дрожащие губы, лихорадочный блеск в глазах. Он говорил одно, но чувствовал и думал совершенно другое.

– Я не могу, я так виновата перед ним.

Подумала, что, если я смогу убедить Глеба признаться во всем, Натан поймет. Ведь я больна. Я не понимала, что делаю.

Но Глеб был непоколебим:

– Лиза, ты слышишь меня? Не смей никому говорить, иначе...

– Иначе что? Убьешь меня, а тело зароешь под люпинами! – гневно выкрикнула я и засмеялась. – А ты не подумал, что я могу выставить все в ином свете? Как будто ты меня изнасиловал!

Лицо Глеба менялось на глазах. Вытянулось и словно покрылось трещинами, как будто вместо кожи серая маска. Сердце замерло от страха. Что будет, если она лопнет и слетит с него окончательно?

– Шлюха! – Глеб рванул ко мне и схватил за горло.

Я захрипела. Он приподнял меня над полом, я чудом умудрялась стоять на носочках.

– Раздвинула ноги, и думаешь, теперь можно меня шантажировать? Я вижу тебя насквозь!

– Ты недостойн Кристины, – лишь прохрипела я, за что получила оглушительную пощечину.

Полетела на пол и ударилась спиной о кухонные ящики. Боль прочертила огненную линию вдоль позвоночника.

– А ты думаешь, что достойна Натана? – взревел Глеб. – Сумасшедшая истеричка с ангельским личиком. Да он мечтает от тебя избавиться!

Глеб намотал на кулак мои волосы и рванул вверх. Я заверещала, замотала ногами в попытках его ударить. Но каждый раз промахивалась.

– Отпусти, – голос напоминал визг собаки, – отпусти!

Глеб прижал меня к стене, пальцы безжалостно стискивали шею. Перед глазами полетели круги, давление разрывало голову, кислород превратился в запретный наркотик. А слова продирались ко мне сквозь тягучий туман.

– Решила перевернуть все с ног на голову. Напоила, соблазнила, а теперь угрожаешь, тварь! – шипел Глеб.

Он швырнул меня. Я отлетела к дивану. Кашель сковал легкие, раздирал горло ржавыми гвоздями. Отчаянно поползла к выходу, цепляясь за пол, ломая ногти.

– Что ты хочешь? Чтобы я покаялся перед Натаном, что изнасиловал тебя? Сплясал под твою дудку?

Ярость, исходившая от Глеба, опаляла кожу. Сама того не осознавая, я разбудила вулкан и теперь тонула в шипящей лаве. Не одну меня загрызала совесть. Я нажала нужную кнопку, и Глеб выплеснул внутреннюю боль.

Во мне скрутились сгустки страха и расширились, заполняя легкие ядовитым дымом. Видимо, Бог сжалился над моей истерзанной душой, и входная дверь распахнулась. На пороге стоял Натан. Мой Натан. Любимый, нежный, единственный. Он переводил отрешенный взгляд с Глеба на меня и обратно.

– Я нашел замену на работе, – прошептал он, словно оправдывался за то, что вмешивается в наши разборки.

Я всхлипнула и протянула трясущиеся руки к нему:

– Любимый, – горло свело судорогой.

В глазах Натана сверкнул пугающий блеск. Он перешагнул через меня, как будто не замечал. Внимание устремил на Глеба. Мышцы парня вздулись под рубашкой от напряжения.

– Что ты с ней сделал?

Я не узнала его голос. Холодный, металлический, не терпящий возражений.

– Ты не так понял. – Глеб отшатнулся. Выставил вперед ладони. – Я не хотел причинить ей боль. Потерял контроль. Она довела меня! Ты же знаешь, Натан, какой она бывает. – Он пытался надавить на дружеские чувства.

– Ты изнасиловал ее, – фраза прозвучала утвердительно.

– Нет! Это спиртное. Затуманило голову...

Жесткий удар свалил Глеба на пол.

– Она больна, и ты воспользовался ее беззащитностью! – рычал Натан.

– Ты глуп, если считаешь ее беззащитной, – усмехнулся Глеб и вытер окровавленный рот. Но только размазал по лицу.

Я забилась в угол, прижимая к себе колени. Старалась слиться со стеной. А передо мной развивалась битва. Нет. Убийство. Тихое и беспощадное. Натан зарычал и повалился на Глеба. Стулья разлетелись по гостиной, ковер окрасился кровью. Воздух наполнился бешенством.

– Сначала Кристи, теперь Лиззи. Мразь, я не позволю разрушить мою семью!

– Семья? Из вас всех только Кристина – нормальный человек. Твоя Лиззи – сумасшедшая, а ты – ее раб!

Воображаемые крики разрывали мои ушные перепонки. На самом деле они боролись молча. Никто не узнает, что здесь творится. Потому что никто не услышит.

Кровь залила лицо Глеба. Костяшки на кулаках Натана сбиты. Глеб не мог противостоять его силе. Если бы я окликнула Натана, попыталась оттащить, возможно, все сложилось бы иначе. Но я безропотно наблюдала, как он душит Глеба, поглощенный безумной яростью. Он сдавливал его горло, и только умоляющие хрипы булькали внутри парня.

Вскоре тот затих. На этот раз навсегда. Но Натан не сразу отпустил его.

Когда же он все-таки разжал пальцы, то долго молчал, словно до него не доходило, что произошло.

Затем он согнулся и зажал ладонью рот. Судороги прокатились по телу.

– Боже, боже, – шептал Натан.

Надо было подойти, обнять, утешить его. Сказать банальные слова, что он не виноват. Но меня парализовало.

– Мы скажем Кристине, что он сбежал из-за карточных долгов, – сбиваясь, предложила я.

Мои слова отрезвили Натана. Он присел рядом с телом, пощупал пульс. И обреченно оперся о стену.

– Она не поверит. Лучше ничего не говорить. Мы не знаем, что с ним.

Натан протер испарину на лбу, с трудом встал. Пошатнулся. Его злость испарилась вместе с жизнью Глеба. Но нельзя щелкнуть пальцами и обернуть время вспять. Я уже пыталась миллионы раз. И каждый раз напрасно.

Я всхлипнула:

– Что теперь будет, Натан?

– Ничего. Потом поговорим, – глухо ответил он.

Схватил Глеба за ноги и поволок через заднюю дверь на улицу. Он действовал механически, словно каждый день прятал трупы и это для него вполне привычно и обыденно. Я подползла к окну и с ужасом увидела, как Натан разрывает землю позади люпинов. Готовит могилу. Для Глеба.

Меня вывернуло на пол, словно душа пыталась покинуть отвратительное тело. Слезы смывали кровь с лица, а голова кружилась, будто кто-то раскручивал ее на шее.

Глеб мертв. Натан – убийца. Кристина будет страдать. И во всем виновата я. Никогда раньше я ненавидела себя так, как сейчас. И до безумия хотелось поменяться местами с Глебом.

Руслана едва заставила себя дочитать страшную сцену из прошлого. Подбирала разбросанные листы и подносила их к единственной свече, чей одинокий фитилек освещал кривые строчки, набитые на древней машинке.

Ее, как и Лизу, тошнило, когда она читала, как Натан душил Глеба. Но в отличие от нее Лана кричала, мысленно пыталась разнять мужчин, но не смогла.

Внутри Русланы переворачивалось сердце, словно она была там. Удары, которые Глеб наносил Лиззи, обжигали и Лану. Она так же беспомощно пыталась спастись.

Она задохнулась и отшвырнула от себя кровавые листы. Свеча погасла, и Руслана погрузилась в темноту, оставшись наедине с серебристым ликом луны. Как оглушенная, Лана смотрела в окно и видела неясный силуэт мужчины. Он медленно приобретал черты Глеба. Она видела его раньше. В грозу. Возле люпинов, где он похоронен.

Призрак шагнул к Лане, его губы беззвучно шевелились, руки тянулись к ней. И она не выдержала. Крик заполнил мансарду, проник в самые укромные уголки дома. И призрак растаял, словно страшное воспоминание. Но Руслана не могла остановиться. Ее колотило, трясло, а легкие разрывались от боли. Шею жгло, словно на ней затянули невидимую веревку. А слезы напоминали по вкусу кровь.

Лана не поняла, как Марк оказался рядом. Он спрятал ее в объятиях и нервно укачивал. Шептал ласковые слова, гладил по голове, и вскоре крик стих. Уступил место глубоким рыданиям. Но Лана еще долго не могла прийти в себя, вновь и вновь воскрешая в сознании образ Глеба.

Глава 22

Последняя встреча

Русамия. Велидар. 1956 год

Эдуард около часа сидел в машине и наблюдал сквозь окно за Кристиной, которая ловко сновала между столиками с подносом. Яркая улыбка не сходила с ее лица, но он чувствовал, что это лишь маска вежливости.

Эд не подготовил заранее речь, не купил цветы, даже приблизительно не представлял, что скажет девушке. Как безвольная кукла, он смотрел и безрезультатно искал ответ на измучивший вопрос: простит ли его Кристина?

Вчера она заявила, что между ними все кончено. Хотя это «все» даже не началось. И Эдуард знал, Кристина достаточно горда и не откажется от своих слов. Ему нечего предложить ей, как и Веронике. Статус любовницы – единственное, чем он мог распоряжаться. Сам предостерегал Лили от необдуманных поступков, а в итоге наступил на грабли второй раз. Только этот удар сильнее, чем прошлый.

Эд стукнулся затылком о сиденье и глухо зарычал. Безвольный, бесхребетный. Почему он не может противостоять отцу? Почему всегда сдается?

Но сразу ответил на вопросы.

Потому что в ярости Тигров-старший способен лишить сына наследства. А существовать без денег Эд не умел. И не хотел.

Он заметил, как Кристина подбежала к барной стойке, что-то шепнула подруге, сунув ей поднос, и решительно направилась к выходу. Эдуард не сразу сообразил, что девушка направляется к нему. Только когда она приблизилась к «Кадиллаку» и ударила ладонью по крыше, он очнулся.

– Не могу работать и находиться словно на сцене! – выпалила Кристина.

Эд выбрался из машины и не без удовольствия оглядел ее сердитое лицо.

– Не знал, как к тебе подойти. Боялся, что ты огреешь меня подносом.

– Это весьма заманчиво, но я – цивилизованный человек.

– И умная женщина. Гораздо умнее меня, – тихо выдавил Эдуард.

– Оставь лесть при себе. Я на нее больше не ведусь, – отрезала Кристина. – И вообще тебе повезло, что я сегодня работаю. Я брала отгул, но напарница заболела, и мне пришлось выйти, – с прискорбием объяснила она, словно обвиняла начальника в неудачной встрече с Эдуардом.

Светлые брови сошлись на переносице, напоминая Эду двух змеек, которые превращали ее глаза в ядовитые клыки.

– Что ты хочешь? Если ищешь сестру, то я без понятия, где она.

– Лили пропала? – удивился Эд.

Кристина стукнула себя по макушке.

– Язык мой – враг мой, – пробормотала она. – Я думала, тебя подослал твой отец.

– Я не видел его со вчерашнего дня. – Эд скрестил руки на груди, пытаясь защититься от обвинения девушки. Но оно прочно приклеилось к нему. – Если думаешь, что я получил удовольствие от вчерашней сцены, то ошибаешься. Но я уже один раз был на месте Лилии...

– И поэтому пришел сюда? – перебила его Кристина.

Ее вопрос сбил Эдуарда с толку. Он молча смотрел на нее, но не находил слов. Они цеплялись за зубы, как будто знали, что он может сказать лишнее. И непоправимое.

– Нет. Я пришел из-за тебя. Из-за нас. И Лили с Натаном здесь ни при чем.

– Нас? Нас никогда не было, – уверенно заявила девушка, но порывистый вздох выдал истинные чувства.

– Кристи, – Эд приблизился к ней вплотную, нежно взял за руку, – ты мне нужна. Очень. Возможно, сейчас я не смогу обещать тебе что-то большее, чем мимолетные встречи, но в будущем, когда я встану на ноги и не буду зависеть от отца, наши отношения перейдут на новый этап, – неловко закончил он страстную тираду, в которую сам не верил.

Кристина не сводила с него пронзительного взгляда.

В глубине глаз плескались обида и недоверие. Ее молчание становилось невыносимым, и он не выдержал барьера, который сам возвел между ними. Их поцелуй вовсе не напоминал робкое касание влюбленных. Скорее был похож на прощание друзей, пропитанное неуверенностью и испугом. Они так и не успели осознать, что дружбы больше нет.

Девушка положила ладонь на грудь Эдуарда и медленно отстранила его:

– Мимолетные встречи? Новый этап? Ты хоть слышишь себя? – Она зажмурилась и отвернулась. – Я не готова быть твоей игрушкой, пока ты лелеешь надежду повзрослеть. И избавиться от покровительства отца. Я сама заблуждалась, когда верила, что у Натана и Лили есть шанс, и это заблуждение дорого мне обошлось. Поэтому не надо заводить наши отношения дальше черты. Если мы переступим ее, то будет слишком больно, и я не могу с полной уверенностью сказать, что выдержу это. Пять лет назад я уже прошла через подобное и чуть не уехала из Русамии. Меня сдержал только Натан. И до сих пор держит.

Легкий, словно порхание крыльев бабочки, поцелуй коснулся щеки Эдуарда, и девушка убежала в кафе, натягивая на лицо бледное подобие улыбки. Но печальные глаза, дрожащие губы договорили за нее. И Эдуард отвернулся, презирая себя.

Он залез в «Кадиллак» и захлопнул дверь, не зная, куда выплеснуть гнев, сводящий сердце судорогой.

Повзрослеть! Покровительство!

Эти слова заставляли его нажимать на газ сильнее. Через скорость он избавлялся от желания кричать.

В последний момент перед поворотом на Элитную улицу Эдуард резко крутанул руль в другую сторону. И помчался прочь вдоль маленьких домов. Он не понимал, зачем едет туда, пока не затормозил перед старым, но уютным коттеджем Вероники.

Эд смотрел на него, тяжело дышал и не понимал, что он скажет, как объяснит свое присутствие. Но он нуждался в ком-то, кто не прогонит, кто поймет и простит его грешную душу. И Эдуард вылез из машины, на ходу расстегивая воротник рубашки.

Три нажатия на дверной звонок. Суматошные шаги в доме, и вскоре он увидел ошеломленное лицо девушки.

– Эд?

Он заглянул внутрь и порывисто спросил:

– Ты одна?

Когда Вероника медленно кивнула, Эдуарду сорвало голову, и он впился в ее губы. Ника с той же жадностью ответила на поцелуй. В нем крылся бунт, который давно назревал и наконец взорвался. От жарких прикосновений плавилась кожа. Запрещенные чувства распалили страсть. На кончике языка плясало отчаяние.

Дверь за ними захлопнулась. И Эдуард отказался от прошлого.

Кристина расставляла по местам посуду и пыталась выбросить из головы прощальный разговор с Эдуардом. Возможно, она поспешила с ответом? Может быть, стоило согласиться на предложение парня, ведь жизнь так коротка и непостоянна? Но роль любовницы, а она была уверена, Эд предлагал именно это, ей не подходила.

Рука дрогнула, и стакан упал на плитку, разбившись на крупные куски. Кристина зачарованно

смотрела на осколки. Прижала ладонь к груди. Сердце продолжало биться. Но ей казалось, что оно и разбитый стакан – это то же самое. Одно начало, один конец.

Холодная слеза сбежала по щеке. Кристи всхлипнула. Стало жаль себя и брата. Чертово социальное различие! Чертовы границы дозволенного!

На пол полетел еще один стакан, следом другой. На шум бьющейся посуды прибежала перепуганная подруга и в последний момент перехватила ее руку, прежде чем в воздух полетел четвертый стакан.

– Господи, Кристи, что случилось? Директор убьет, если узнает!

Но она не слышала. Кристина затихла в объятиях девушки, сотрясаясь от беззвучных рыданий. И слезы забирали непоколебимую решимость хранить чувства подальше от любви. Внутри разгорался мятеж.

– Ты уверена, что тебя не надо провожать?

Натан не отпускал Лилию. Сжимал ее плечи, подобно стальным тискам, и буравил взглядом.

Они так ничего и не решили. Но Лили еще помнила, как Натан чуть не сорвался с утеса, а в ушах звенела потусторонняя колыбельная Лиззи.

– Я дойду сама. – Она приподнялась на носочки и поцеловала Натана в губы. Но не позволила затянуть поцелуй, иначе рисковала не уйти.

– Уже скучаю, – выдохнул он.

Лилия улыбнулась, тщетно пыталась скрыть страх, но он сквозил в каждом движении.

– Завтра, в семь вечера, подъеду к тебе и снова попытаюсь поговорить с твоим отцом. Может быть, он изменит решение. А если нет... – Натан провел ладонью по волосам. Растерянность уже сроднилась с ним, – мы сбежим, – договорил он.

Лили ободряюще кивнула и сжала его руку:

– Конечно, любимый, конечно.

Она отвернулась и побежала в сторону дома, потому что знала – Натан следит за ней и надеется, что она обернется. Но Лили не оправдала его надежды. Слезы, которые струились по щекам, мешали.

Когда дом Натана затерялся далеко позади, Лили остановилась и вытерла глаза. Ей предстояло сделать важное дело, и она не могла ошибиться. Потому что от этого зависела жизнь Натана. А возможно, и ее.

Лили зажмурилась и отправила сознание в свободный полет. Из далеких закоулков памяти всплыла дорога, которую столько лет пыталась забыть. Серые, безжизненные дома, дождь, покосившаяся дверь... И завывающий ветер.

Она распахнула глаза и взглядела в темнеющее небо. Время еще есть. В любом случае непогода не сумеет помешать.

Лили быстро направилась в старую часть города, в самую глубь, мимо площади, где еще вчера дрожала перед выступлением. От прошедшего праздника остался лишь мусор, который лениво подметали дворники.

Лили не ощущала усталости и вновь превратилась в маленькую девочку. Она бежала и бежала, думая лишь о матери. Сейчас ничего не изменилось. Только спасти она хотела уже другого человека.

Вскоре она замерла перед знакомым подъездом. Ветер снова обезумел, разметал листья. Глухой гром обуял небо. Но никакие предостережения не могли остановить Лилию. Она сделала это в первый раз. Сделает и во второй.

Вошла в подъезд, легкие заполнил запах сырости. Поднялась на первый этаж. Застыла перед квартирой, где когда-то жила ведьма.

Пять лет назад незнакомая старушка написала на клочке бумаги адрес. Там жил человек,

способный помочь горю Лили. Ее желание исполнилось, и вот она снова здесь. Как и предрекала ведьма.

Знакомый смех раздался в глубине квартиры, и Лилия толкнула дверь. Девичий страх снова дал о себе знать, но она не позволила ему победить. Гордо вскинула подбородок. А предатели-колени дрожали под платьем.

– Маленький цветок вырос и превратился в прекрасную лилию.

Время было не властно над этим местом. Оно застыло, и стрелки на часах покрылись пылью. Все тот же стол со змеиной свечой. И та же женщина с острыми скулами, острым взглядом и острыми ногтями. Она плавно перебирала пальцами, лаская черного кота, и даже он выглядел зловеще.

– Садись, цветок, садись.

Но Лили осталась стоять. Она боялась попасть под влияние ведьмы.

– Как хочешь. – Женщина оскалилась.

Не добрая, не злая улыбка исказила ее лицо. Нечто среднее, но от этого стало лишь страшнее.

– Я ждала тебя, юный цветок. Какой вопрос тебя терзает?

Ведьма и без того знала ответ. Но ей нравилось играть в человека.

– Что будет, если я нарушу условия сделки? – дыхание обрывалось.

– Наивный вопрос от наивного дитя, – ведьма наслаждалась разговором. – Ответ очевиден. Смерть, – последнее слово прозвучало как приговор.

– Чья?

Лилия не выдержала и вцепилась в стул.

– Смерть сама подскажет. Никто не знает, на кого падет ее выбор. Она может забрать твоего возлюбленного, мать или брата. Но это будет близкий тебе человек. Сначала будет знак. Ты ведь их хорошо умеешь читать? – риторический вопрос остался без ответа. – Ты ведь их не пропустишь? Смерть не любит повторять. Она намекает лишь раз. И во второй – забирает навеки.

Ледяные мурашки разбежались по телу Лилии и собрались воедино там, где билось сердце.

– Как... как избежать этого? – В горле пересохло. Голова кружилась.

– Восстановить баланс. Думаю, ты понимаешь, о чем я говорю. – Кот заурчал, а Лили послышалось, что он рычит. – Или... – Ведьма поджала губы, свеча загорелась ярче.

– Или? – как одурманенная, повторила она.

– Избавиться от сделки. – И мрачная усмешка осветила лицо женщины.

– Как? – Ноги подкосились, и Лилия рухнула на стул.

Невыносимое облегчение окутало ее. Бледнеющая надежда вновь загорелась.

– Сама наивность, – засмеялась ведьма. – Отдай Смерти то, что отняла у нее. – Она наклонилась и стукнула ладонью по столу. Кот зашипел и спрыгнул на пол. – Открой тайну матери ипусти ее душу к Богу!

– Нет! – Лилия замотала головой. – Нет. Я не пойду на это. Никогда!

Женщина прищурилась и щелкнула пальцами. Огонь свечи увеличился, приобретая очертания младенца.

– Есть еще один способ. Принеси в жертву первенца, и тогда навсегда освободишься от сделки. Но запомни, твое сердце должно быть ледяным и равнодушным к избраннику. Иначе ты погубишь не только ребенка, но и его отца.

Слова ведьмы облили душу Лилии грязью. Омерзение застыло на губах.

– Господи, нет! – в ужасе вскрикнула она и бросилась к двери, но лишь безуспешно дернула за ручку.

Ведьма захохотала:

– Каждый раз пытаешься сбежать, юный цветок. Но от проблем не убежишь, однако я могу помочь. Еще одна сделка, и ты перестанешь бояться за любимого.

Лили обернулась, но руку от двери не отняла. Она была готова выломать ее, потому что разговор все больше отнимал душевных сил.

– Интересно? Я слышу, как бьется твое сердце, цветок. Оно трепещет от страха и любопытства. – Женщина наклонилась вперед, и черные локоны упали на грудь, скрывая торчащие ключицы.

Лилия старалась размеренно дышать. Она молчала.

– Твой дар. Совсем скоро он раскроется в полную силу и загорится ярким огнем. Подари его мне. – Ведьма взмахнула рукой, и на столе возник старинный пергамент. – Одна подпись, и я освобожу тебя от сделки со Смертью. Заплачу за тебя кровавую плату, и ты больше никогда не будешь одинока, а твоя мать проживет счастливую и долгую жизнь.

Слова женщины напоминали прохладный бальзам. Он залечивал израненную душу Лили, и она, затаив дыхание, смотрела на договор, сияющий теплым светом.

– В обмен на мой дар?

– Да. – Лицо ведьмы расплывалось в тумане.

– А что станет со мной?

Тревожный молоточек бил по вискам, и барабанная дробь внушала ужас. Однажды она уже заключила договор. И вряд ли в этот раз что-то изменится. На свете не бывает бескорыстных чудес. За все приходится платить.

– Станешь обычной девушкой. Разве не об этом ты мечтала долгие годы, цветок? Избавиться от страшных предзнаменований, перестать бояться собственной тени!

Речи ведьмы звучали заманчиво и обещали обычное человеческое счастье. Перед глазами Лили промелькнуло воображаемое будущее. Тихая жизнь с Натаном на берегу моря, дети, играющие среди люпинов. Никаких обязательств и условностей.

Лили подошла к столу и взяла золотое перо. Так легко. Пару взмахов – и нестираемая подпись навеки закрепит договор с ведьмой.

– Вместо чернил – кровь, – услужливо подсказала женщина и пододвинула к Лилии кинжал.

Как замороженная, она села и прикоснулась к лезвию. Оно обожгло холодом. Но упрямый молоточек продолжал звенеть в голове, и Лилия впервые задумалась. Кем она станет, если потеряет дар? Что-то было не так, что-то не складывалось в общую картину.

– Давай же! Не тяни! – не выдержала ведьма томящего молчания. – Подписывай.

Лили внимательно на нее посмотрела и отбросила перо:

– Нет! Это очередной обман, и, подписав договор, я лишусь не только дара, но и души. – Она прозрела. – Вы – та старуха, которая дала мне ваш адрес. И с самого начала знали, что плата за жизнь матери будет невыносимой. Все было подстроено заранее. Но вы не учли одного. Я уже давно смирилась, хоть не понимала этого. И я готова нести свой крест положенный срок, но больше никогда в жизни не заключу ни одну сделку с вами!

Ведьма глухо зарычала и скрючила руки в неистовой злобе:

– Думаешь, со мной можно торговаться, глупая девчонка? Если пришла сюда, просто так не уйдешь. Подписывай! Если хочешь жить. – Она метнулась к Лили. Костлявые пальцы ухватились за запястье и вложили перо. – Подписывай, – прошипела она.

Лили снова ощутила себя девочкой, безрассудной и смелой, доведенной до отчаяния.

– Вы ничего мне не сделаете, – она вырвала руку, – потому что я сильнее вас, иначе бы вы не

стремились заполучить мой дар.

Лилия подошла к двери и спокойно нажала на ручку. На этот раз та безропотно покорилась. Больше ее ничего не держало. Она сделала выбор.

Лили не обернулась, даже когда услышала бешеный рев, и равнодушно прошла по длинному коридору, со стен которого до сих пор свисали клочья обоев. Она шла, уверенная, что приняла правильное решение. Жить можно и без любви. Но без души – невозможно.

Лили выбралась на улицу. Ее встретил проливной дождь. Ледяные капли остужали кожу, смывали прикосновения ведьмы. И очищали сердце от слез. Она старалась не думать, к чему приведет ее поступок. Разрыв с Натаном неизбежен, иначе проклятье завершит бег. А Лилия не сможет жить, зная, что на ее руках кровь любимого человека.

Она шла домой, сгибаясь под ударами ливня. В непроглядных тучах пробивался крохотный луч света. Лили проиграла битву с магией, но победила саму себя. Неистовое желание любить. И познала смирение, с которым ей предстояло прожить следующие двадцать пять лет.

Глава 23

Безымянная могила

Русамия. Велидар. 2016 год

Лана лениво следила за солнечным зайчиком, который прыгал по стенам спальни. Он отражался от часов Марка. Парень спал рядом, а его рука приятной тяжестью придавила Руслану к кровати. С пола доносился храп Кота. Изредка собака чихала, а за окном, где разливалось слепящее солнце, пели соловьи. Лана наслаждалась живыми звуками, но мысли упорно возвращались к истории Лиззи.

Еще не конец. Далеко не конец. Даже когда в очередном приступе лунатизма она поднимется в мансарду и напечатает последнее слово высохшей краской, Лиззи продолжит жить внутри ее. И никогда Руслана не забудет историю безумной девушки.

Она устала. Лана морально устала, но не могла бросить расследование в самом конце. Кто бы подумал, что путешествие на родину Кристины Валерьевны обернется для нее сложным испытанием. Наверное, именно это и имела в виду бабушка, когда говорила, что прошлое лучше не ворошить, чтобы не обижать призраков.

Руслана посмотрела на неряшливую стопку листов. Они захламили тумбочку и погребли под собой шкатулку с фотографиями, письмо Натана и газеты. Если бы не Марк, сегодня ночью она бы свихнулась. Воображение Ланы бурно реагировало на каждое написанное слово, словно это не Лиззи, а она – участница тех страшных событий. Образ Глеба был очень реальным. От одного воспоминания у Русланы мерзли руки и ноги, а в груди болезненно покалывало. Она тяжело вздохнула и тихо засмеялась. Проклятое любопытство точно доведет ее до нервного истощения.

– Я рад, что у тебя хорошее настроение, – хриплый сонный голос Марка прозвучал прямо в ухо.

– У безумцев всегда все хорошо, а улыбка, как у Джокера из Бэтмена. – Руслана повернулась к парню и зарылась в его объятия.

– Люблю твою улыбку. И твой цвет волос, – после некоторых раздумий добавил он.

Лана хихикнула:

– Ты неизлечим.

– А разве от тебя можно вылечиться?

– Не знаю. У бывших хорошо получалось, – ответила Руслана.

С удивлением она поняла, что воспоминания об Эдуарде превратились в пыль на сердце, которую осталось смахнуть мокрой тряпкой.

– Они – дураки, но я рад. Благодаря им ты приехала в Велидар.

Марк приподнялся на локте и осыпал ее лицо невесомыми поцелуями. Руслана со смехом ущипнула его за нос, но саднящая боль в пальцах вернула в ночные кошмары.

– Почему ты не ушел?

– Потому что не мог. У тебя был такой голос, будто ты собралась застрелиться. А когда я услышал твои крики, то совсем обезумел. Хотел забрать тебя к себе домой, но ты заупрямилась. Поэтому я кое-как забаррикадировал заднюю дверь, увы, она пострадала от моего некорректного обращения, и улегся с тобой в спальне. Кот был на страже. – Марк глянул на «охранника», но тот даже не повел ухом при звуках своего имени.

– Заупрямилась? Не помню. – Руслана нахмурилась.

– Ну, после того, как ты успокоилась, то начала бормотать что-то насчет Глеба. Мол, он ждет среди люпинов, и ты боишься его. Я так понимаю, Глеб – это тот парень, которого убил твой двоюродный дедушка. Я взял на себя смелость прочитать новые главы страшной сказки. – Марк поежился.

– Да. – Лана задумчиво посмотрела в окно, за которым пестрело яркое поле люпинов. – Это

действительно страшная сказка, и еще страшнее становится от того, что все произошло здесь.

– Ты веришь, что это правда?

Их взгляды встретились.

– Можно проверить. – Руслана закашлялась. Голос сел от волнения.

– Предложение, конечно, заманчивое. Но завтрак меня интересует сильнее. Верно, Кот?

Пес наконец вострепнулся. Видимо, понял, что речь идет о еде. Он положил огромные лапы на кровать и завилял хвостом.

Лана почесала Кота за ухом.

– Как насчет ленивых вареников? – предложила она.

Марк соорудил рожицу:

– Если «ленивые» означает, что готовить их буду не я, то согласен.

Руслана засмеялась, но неуловимое чувство, что душа неуспокоенного следит за ними, никуда не исчезло. Однако она не позволила страхам испортить прекрасное утро. Нет, не сейчас. Потом, когда они спустятся во двор, Руслана подумает об этом. Но эти часы принадлежат только им двоим. И никакие призраки не посягнут на них.

Лана никогда не думала, что провести завтрак в компании мужчины и добродушного пса окажется столь занимательно. Ее накопившаяся нежность из-за неудачных отношений вылилась на Марка безудержным потоком. Руслана лепила вареники, одновременно жарила пару размороженных стейков для Кота и успела заварить ароматный кофе. А Марк облизывался и настаивал, что пес и хозяин должны поменяться блюдами.

Мука, витающая в воздухе, забавные новости по радио, удивительные рассказы Марка о работе. Лане не верилось, что это происходит с ней. Завтракать рядом с парнем за одним столом, по-домашнему подшучивать. Руслане не хватало лишь одного. Топота детских ножек.

– Ты смотришь на меня так, словно готовишься съесть.

Лана засмеялась и подложила Марку добавки. Сердце колотилось как у ненормальной.

– Глупости, – прошептала она, – только слегка покусую.

Марк схватил ее за руку и усадил к себе на колени:

– Ты что, плачешь? – Он растерялся.

Руслана засмеялась, вытирая робкие слезы:

– Прости. Я подумала, что все так идеально. И в это с трудом верится, потому что в каждой бочке меда должна быть ложка дегтя. – Она сбивалась. Неистовые слезы вперемешку со смехом продолжали рваться из груди.

– Не понимаю я ваши русские поговорки. Если под ложкой дегтя ты подразумеваешь Диану, то успокойся. Я окончательно оставил ее в прошлом. Даже нелепую дружбу.

– Нет, – Лана отчаянно замотала головой, – за нее я не переживаю. Она – пустышка. Но у меня всегда так. Начинается красиво, а потом кто-то щелкает пальцами, и я остаюсь у разбитого корыта. Видимо, я начинаю страдать паранойей. – Она выдавила смущенную улыбку.

– Понимаю. – Марк ласково завел ее локон за ухо. – Но клянусь, мое отношение к тебе самое серьезное. Если бы мне нужна была девушка на ночь, я бы позвонил Диане. Однако ночевал под твоей дверью. И, между прочим, никогда раньше я не завтракал с девушкой. А у нас, кстати, даже секса не было, – резонно заметил он. – И это веский довод, потому что я уже давно не прыщавый юнец. Так что доедай и пойдем копать в грядках. И чтобы больше ни слезинки. – Парень захватил губы Русланы, втянул в себя, а затем бесцеремонно скинул с колен и шлепнул по ягодцам.

Но Лана лучилась от счастья. Слова Марка не просто подарили ей надежду. У нее

распрямились сломанные крылья, и даже призраки больше не казались ей столь пугающими, как раньше. Она раз и навсегда решила никогда не сомневаться в нем.

При виде заросшего двора Марк присвистнул:

– Вчера это не особо бросалось в глаза.

– Я хотела скосить лишнее, но руки не дошли, – Руслана толкнула сломанную дверь. Она висела на нижней петле.

– Я почию. – На лице парня нарисовалась жалостливая улыбка. – У тебя есть газонокосилка?

– Триммер, в гараже. Ключи на тумбочке возле входа.

Пока Марк бежал за косилкой, Лана спустилась во двор и пробралась к тому месту, где раньше была клумба. Странно, Натан столько сил тратил на уход за цветами, но почему-то в последние годы запустил их. Видимо, здоровье не позволяло.

Руслана смотрела на безымянную могилу и переполнялась скорбью. Одна роковая ошибка повлекла за собой трагедию. И смерть Лизы наверняка была связана с участием Глеба. Интересно, знала ли об этом бабушка? Но Руслана подавила желание позвонить ей и рассказать. Если она не знала, то это может стать для нее сильным ударом.

– Нашел!

Марк притащил во двор триммер и со второго раза завел.

– Даже бензин есть, – похвастался он. – Где косить?

Руслана равнодушно оглядела участок. Удушающая красота больше не трогала сердце.

– Везде. Хочу избавиться от скорбного прошлого. Здесь будут красиво смотреться розы. – И она уселась на крыльцо в обнимку с Котом.

Марк принялся за работу, и чем больше проходило времени, тем больше ослабевал его энтузиазм. Стройные люпины беспомощно падали под натиском лезвий, и их беззвучные крики забирались под кожу Руслане. Она не выдержала и сходила за граблями, чтобы сгрести цветы в кучу и заставить их замолчать.

– Немного жаль, – признался Марк, когда последний люпин пал жертвой триммера.

Они устало обнялись возле огромной кучи цветов. Без красок двор осиротел. Лана пожала плечами:

– Они отравлены трупным ядом. После того что я узнала, я бы уже никогда не смогла смотреть на них без содрогания.

– А если мы не найдем тело? – Марк хмыкнул.

Его забавляла сложившаяся ситуация. Видимо, он не верил, что во дворе есть могила.

– До сих пор история Лиззи находила подтверждения. Инициалы на утесе, фотография, статья в газете.

– Да, но, возможно, Натан позже перезахоронил Глеба. Жить постоянно рядом с могилой... Жуть какая. – Марк взялся за лопату.

– Не думаю. В любом случае мы сейчас это узнаем, – Руслана указала на предполагаемое место. – Мне кажется, здесь.

Марк без вопросов вонзил лопату в твердую землю. Лана смотрела, как он копает, и ей казалось, что с каждым движением он оголяет ее собственную душу. Будто секреты Русланы были погребены под люпинами шестьдесят лет, и сейчас она совершает страшную ошибку. Марк в очередной раз вонзил лопату в землю, и раздался знакомый звон металла о металл. Он нагнулся и поднял маленький серебряный ключик. Отряхнул его и протянул Лане.

– Наверное, он от шкатулки, которую я вскрыла. Никак не могла найти ключ, а он все время лежал здесь. И бесстрашно хранил старые тайны.

Руслана пошатнулась. Перед глазами поплыло. Она стиснула ключик, и он впился в ладонь, как будто стремился оставить свой отпечаток. Марк не заметил ее состояния и продолжил копать. Время бежало, и надежда постепенно таяла. Но вдруг парень замер с занесенной в воздухе лопатой:

– Кажется, ты права.

Он шептал, словно боялся, что желтая кость, появившаяся на свет, вдруг оживет. Руслана осторожно шагнула вперед и потеряла равновесие. Оперлась на плечо Марка, но не могла оторвать взгляд от скелета. Она видела тонкие пальцы, некогда принадлежавшие живому человеку, и представляла, как они шевелятся. Органы словно покрылись тонким слоем льда, и даже сердце замедлило ритм.

– Тебе не следует смотреть на это, – очнулся Марк. – Кот, фу! – прикрикнул он на пса, который любопытно понюхал кости.

– Это Глеб, – лишь прохрипела Лана.

– Возможно. Это останки человека, и следует организовать перезахоронение. Надо вызвать полицию, но, скорее всего, за давностью лет дело не заведут. Не волнуйся, я займусь этим.

Но Руслана словно окоченела, и Марку пришлось чуть ли не силой отвести ее в спальню. Она потерялась во времени. События 1951 года развивались перед ее глазами в разных ракурсах, в интерпретации разных лиц. Но все заканчивалось одним. Натан душил Глеба.

Когда она пришла в себя, на заднем дворе уже сустились мужчины. Среди них было несколько полицейских. Видимо, перезахоронение требовало особой процедуры.

Лана разжала пальцы и поморщилась. Ключик и правда почти сросся с ней и намертво отпечатался на ладони. Она положила его на край тумбочки и уставилась на телефон. Если бабушка не знает, то имеет полное право узнать. Кристина Валерьевна – сильная женщина. Она выдержит. Но для этого она должна приехать в Велидар.

Руслана набрала ее номер и с замиранием сердца прислушалась к гудкам.

– Алло.

– Бабушка, привет! – чересчур жизнерадостно поздоровалась Лана.

– Здравствуй, детка. Как я рада слышать тебя. Но больше всего меня радует, что ты позвонила сама. – Старушка довольно закричала.

У Русланы перехватило горло. Она не хотела портить бабушке настроение.

– Как у тебя дела, милая?

– Хорошо, Ба, – она вздохнула. – Хотя не совсем.

– Что случилось?

– С одной стороны – ничего, с другой... тебе лучше приехать, – уклончиво ответила Руслана.

– Ты решила обманом заманить меня в Русамию? – заворчала Кристина Валерьевна.

– Нет. Не обманом. Ба, я нашла во дворе зарытый скелет. Среди люпинов. И у меня есть основание полагать, что это Глеб, – выпалила она.

В динамике повисла такая тишина, что Руслана даже проверила, не пропала ли связь. Но нет. Это молчала бабушка.

– Мне много надо тебе рассказать и показать, Ба, поэтому прошу, прилетай в Велидар. Я... уже запуталась, не знаю, что со мной происходит. Меня мучают галлюцинации и неизвестность. Я хожу во сне. Видимо, ты была права, и призраки обиделись на меня, но я не могла иначе. Понимаешь, эта история, история Лиззи, так тесно связана со мной, словно я – это она, а она – это я. И без твоей помощи я не справлюсь. Поэтому умоляю, приезжай, Ба.

Во время этой тирады старушка напряженно молчала, и после того, как Руслана закончила, не сразу ответила:

– Как много ты знаешь?

«Знаю, что Натан убил Глеба».

Хотелось крикнуть, но она сдержанно ответила:

– Достаточно.

Долгий вздох женщины ответил за нее:

– Хорошо. Я прилечу ближайшим рейсом.

– Тебе помочь купить билет?

Кристина Валерьевна засмеялась:

– Я старая, но не глупая. Не волнуйся, деточка, не впервые придется лететь на самолете. Позвоню, когда узнаю, во сколько прилетаю. До встречи, милая. И не переживай лишний раз. Надеюсь, тот парень, Марк, тебя не бросил?

– Нет, Ба, – с улыбкой ответила Руслана и посмотрела в окно, где Марк вместе с мужчинами выкапывал тело, – он очень мне помог.

– Замечательно. Приеду, оценю твоего красавчика, – подзадорила старушка. – До встречи.

– Пока, Ба.

Теперь, когда бабушка приедет, больше не останется скелетов ни в шкафу, ни под люпинами. Руслана откопала под листьями шкатулку и вставила ключик в замок. Он идеально подошел.

Легкая грусть охватила душу Ланы, ведь давным-давно Натан спрятал в шкатулке фотографии, бережущие раны, и зарыл ключи, чтобы не возникло желания вспомнить старое. Руслана заглянула внутрь и вытащила письмо. Маленький клочок бумаги открепился от конверта и беззаботно опустился на колени Ланы.

При виде витиеватого почерка сердце встревоженно заметалось. Руслана развернула записку, смятую и перечитанную невозможное количество раз. Стертые буквы еще можно было разобрать, хотя в некоторых местах очертания расплылись.

Руслана не заметила записку раньше, видимо, от старости бумага прочно срослась с конвертом. Она вчиталась в затертые слова и сама не поняла, как слезы заволокли глаза и повисли на ресницах, из последних сил стараясь не сорваться.

«Мой любимый, милый Натан. Если ты когда-нибудь сможешь, то прости. Но у меня не осталось сил бороться. Я больше не хочу причинять тебе боль. Не хочу, чтобы ты и Кристина страдали по моей глупости. Болезнь съедает меня с безумной скоростью, и боюсь, скоро я не смогу сохранять разум даже на короткие мгновения. Поэтому мне лучше уйти. Уйти туда, где никто больше не умрет из-за меня. Но запомни, любимый. Я буду любить тебя и после смерти. Прощай. Твоя навеки. Лиззи».

Глава 24

Неприкаянные сердца

Русамия. Велидар. 1956 год

Эдуард пробежал пальцами по обнаженному бедру Вероники, мысленно смакуя каждую деталь: движение, вздох, стон, прикрытые глаза и распухшие губы. Напряжение, которое звенело в нем последние дни, отпустило, но чувство неудовлетворенности осталось. Он раздраженно шлепнул девушку по ягодице, и та довольно взвизгнула. Она лежала к нему спиной, белокурые волосы окутывали прелестное юное тело, но он хотел другого.

Эдуард заложил руки за голову и оглядел крохотную комнатку. Чистые, белые занавески, резной шкаф – напоминание о былом богатстве, и круглое зеркало на стене, в котором отражался его хмурый лоб и взъерошенные волосы.

– Обычно после занятий любовью человек расслабляется. – Вероника перевернулась на живот и искоса глянула на Эда.

– Меня озадачило, что ты так быстро сдалась, – солгал он. – Судя по нашим последним встречам, ты меня ненавидела.

Он уставился на небольшие, округлые груди. Но ничего не ощутил. Ему хотелось, чтобы Ника отвернулась. Тогда он мог представить другое лицо. Лицо, которое путало мысли, меняло местами рай и ад, «хорошо» и «плохо», долг и желание.

– Так и есть. – Девушка осторожно придвинулась к нему, словно боялась спугнуть. – Но представь, что есть нечто, чего ты отчаянно жаждешь и никак не можешь получить. Убеждаешь себя, что не нуждаешься в этом, всеми силами сопротивляешься соблазну, и неожиданно оно само падает в твои руки. От счастья сносит голову.

Ника приткнулась к его плечу и вздохнула. В ее дыхании прозвучала тоска, обрамленная мимолетным блаженством.

Эдуарду не надо было представлять. Он хорошо понимал Веронику, поэтому и пришел к ней. Чтобы получить хоть что-нибудь.

– У нас еще есть пара часов, – прошептала девушка ему на ухо. – Мама у подруги, придет не раньше восьми. А отец на работе. Он тоже всегда задерживается. Не спешит домой.

Ника укусила Эдуарда за мочку уха и улыбнулась, вложив в улыбку всю чувственность свою и очарование. Но он никак не отреагировал на робкое соблазнение.

– Думаю, мне лучше уйти, – заявил он и приподнялся на локтях, но девушка навалилась на него сверху:

– Уйти?

В голубых глазах разверзлась пропасть.

– Разве ты так не считаешь?

– Я? – переспросила Вероника и спряталась у него на груди. – Нет. Я хочу, чтобы ты остался.

– Ника. – Эд с трудом оторвал девушку от себя и увидел слезы. Они капали на его живот и, будто вулканическая лава, шипели и прожигали кожу. – Ника, не плачь. Не порть чудесный вечер.

Смесь раздражения и вины закружилась вокруг Эдуарда.

– Ты хочешь уйти. Опять! Уйти! – закричала Вероника.

Она хотела прикоснуться к его лицу, но он увернулся:

– Прекрати. Ты же знаешь, не люблю нежности.

– Не любишь нежности? – неожиданно разъярилась Ника и вскочила с кровати.

Отыскала помятое платье, неуклюже втиснулась в него, но так и оставила растегнутыми

пуговицы на спине, словно приберегла для Эда очередную возможность снять его. И извиниться.

– Какого черта ты снова влез в мою жизнь? Ты и так немало крови мне испортил, но тебе недостаточно, жалкий вампир!

– А ты не сильно сопротивлялась. – Он поднял штаны и снял со стула рубашку.

Одеваться под яростным взглядом девушки ему нравилось больше, чем в полной тишине.

– Как тебе можно сопротивляться? Ты прекрасно знаешь, что ты неотразим. А ваше проклятое обаяние Тигровых сводит с ума!

– И поэтому ты с готовностью раздвинула ноги? – усмехнулся Эдуард, распаляя Веронику еще сильнее.

– Я не шлюха! – Она бросилась на него, растопырив пальцы, словно тигрица – когти.

Эд перехватил ее руки и повалил на кровать. Она брыкалась, пищала и пыталась дотянуться ногтями до его лица. Но вскоре Ника выдохлась и обессиленно замерла. Эдуард ласково убрал волосы с покрасневшегося лица девушки и встретился с ее свирепым взглядом.

– Я не шлюха, – упрямо повторила она.

– Знаю.

– Тогда зачем ты так со мной поступаешь?

Он положил голову на ее грудь. В ухо ударил отчаянный стук сердца. Вероника обвила его руками и ногами, стараясь намертво привязать к себе.

– Столько лет прошло, а ты не изменился, – с грустью заметила девушка. – Избалованный эгоистичный ребенок. Я всегда это знала, но продолжала любить.

– Я могу обидеться, – беззлобно пробурчал он.

– Нет. Ты прекрасно знаешь, что я права. На правду не обижаются.

Ника сильнее стиснула Эдуарда.

– После того как мы расстались, ты долго страдала? – неуверенно спросил он.

– Ответ «до сих пор» принимается?

Эдуард встрепенулся, но она не позволила посмотреть на нее. Девушка отчаянно прижимала его к себе. Но оба знали: когда-нибудь ей придется разжать объятия.

– Я научилась жить без тебя, но разлюбить не смогла. Не посмела. Ведь это единственная святая вещь, которая была в наших отношениях. – Ника поцеловала его в лоб, и на этот раз он не воспротивился подобной ласке.

После каждого слова в груди Эда рвались тонкие струны невидимой сетки, которой он опутал сердце.

– Знаешь, Лили была в шоке, когда узнала о нашем с тобой прошлом.

Эдуард почувствовал, что Ника улыбается, и вскинул голову:

– Она все знает?

Девушка пожала плечами:

– Лили поделилась своими секретами, и я ответила взаимностью.

– Зачем?

Эдуард расцепил ее руки и выпутался из объятий.

Лили знает. Знает о его грехах.

– Она твоя сестра. Имеет право знать. Кстати, про твоего отца я тоже рассказала, так что на

его фоне ты – ангел.

– Спасибо. Опорочила меня с отцом в глазах Лилии. – Он застегнул брюки и резко сунул руку в рукав. Ткань треснула.

Вероника засмеялась и стащила с него рубашку:

– Ты такой забавный, когда злишься. Я зашью.

Эд молча наблюдал, как она ловко орудует иголкой. Если бы он мог так же легко зашить раны на ее сердце.

– А ты бы согласилась на роль любовницы? – вопрос вырвался прежде, чем Эд осознал его.

Сегодня он уже спрашивал и получил отказ. Но Вероника – не Кристина. Хотя внешне девушки похожи, они – абсолютно разные. Кристина могла наступить на горло желаниям, а Вероника была готова на все, чтобы позволить им жить.

Ее лицо никак не изменилось. Лишь пальцы замедлились, но пока она не дошила, не произнесла ни звука.

– Любовницы? – Она отрешенно посмотрела на Эдуарда: – Какой смысл ты вкладываешь в это слово?

– Ты знаешь, что я не могу на тебе жениться, но я не такой, как отец, который кичится своей репутацией. Многие мужчины имеют официальных любовниц. Ты не будешь ни в чем нуждаться. Я куплю тебе дом, оформлю на тебя. Любые наряды, украшения, – беззаботно перечислял Эдуард.

– А взамен я отдаю тело и душу тебе? – горько уточнила Ника. – И буду вынуждена делить тебя с твоей женой? А если ты полюбишь? Ведь я не могу рассчитывать, что когда-нибудь ты снова воспылаешь ко мне той страстью, как раньше? А наши дети? Рано или поздно я захочу, чтобы хоть кто-нибудь меня любил.

Эдуард прищурился и принял от девушки рубашку. Столько вопросов, а он не знал, как ответить хотя бы на один.

– Ты ведь уже любишь? – продолжила допытываться Вероника. – Именно поэтому пришел ко мне, чтобы залечить разбитое сердце. – Девушка отвернулась, но голос предал ее. – Кто она?

– Прекрати! – рявкнул Эдуард.

Слова Вероники жалили, как ядовитые осы. Руки и ноги ломило, словно их выкручивали из суставов.

– Ну, почему же. Я должна знать. Пора привыкать к тому, что я никогда не буду первой. Почетное «второе» место. Зато никаких иллюзий.

Она говорила спокойно, но от ее желчи Эдуард наяву ощущал горечь во рту.

– Ее зовут Кристина! – не выдержал он. – Довольна? Если интересно, то она работает официанткой в кафе на Песочной.

Он промазал и криво застегнул пуговицы, но нервы сдавали. Допрос Ники сводил с ума.

Ее глаза удивленно расширились. И она захохотала как безумная:

– Официантка! Теперь понятно. Ты умеешь выбирать девушек, Эд. Одна краше другой. Но как я понимаю, твоя Кристина гордо отказалась от столь заманчивого предложения стать твоей любовницей? Господи, даже эта честь и то достается мне второй.

– Пошла ты к черту, Ника! – взревел Эдуард, зацепился за порог комнаты и кувырком слетел с лестницы.

Он был не в силах выслушивать язвительные замечания девушки, потому что каждое ее слово строилось из кирпичиков правды. И от этого он сильнее ненавидел себя.

– Сам пошел! – прокричала вслед Ника и залилась диким хохотом, который потом перешел в истерический плач.

Но Эд не остановился. С него хватит. Он сыт по горло. В том числе собой!

На следующий день работа давалась тяжелее, чем обычно. Взгляд Кристины понуро скользил по посетителям, но среди них не было Эдуарда. И все, что ей оставалось, это рассеянно обкусывать ногти и мечтать о возможности перемотать время назад. Если бы поменять местами вчера и сегодня.

Кристина натянуто улыбнулась загорелому мужчине в кепке и поставила перед ним кофе.

К сожалению, управлять временем она еще не научилась.

Кристи сама не понимала своих чувств. Спросить совета не у кого. У Натана те же проблемы, к тому же его вызвали на работу, поэтому бессонную ночь она провела в одиночестве, прислушиваясь к звукам в мансарде. Порой ей казалось, что она слышит чьи-то шаги, но это играл ветер, проникая сквозь щели в стенах.

Подруги твердили, что Кристина – дура. От предложения богатого мужчины не отказываются. Но проблема заключалась в том, что она не нуждалась в деньгах. Кристи хотела любить и быть любимой. А интуиция подсказывала ей, что Эдуард не сможет дать ни первого, ни второго. Так что, возможно, и хорошо, что она отказалась. Но почему ее сердце тоскует? Почему оно не замолчит и не прекратит нашептывать искушающие речи?

Кристина с грохотом поставила поднос с грязной посудой возле раковины и выпустила воздух сквозь сжатые зубы. Сомнения измучили ее. Никогда раньше принимать правильное решение не было столь трудно. Даже невозможно.

– Выпей кофе, взбодрись, иначе распугаешь гостей. – Евгения нажала на кнопку, и кофемашина протяжно загудела. Нос девушки, покрытый веснушками, забавно сморщился. – Я не скажу директору, – прошептала она и поставила перед Кристиной кружку дымящегося кофе.

– Так ужасно выгляжу? – простонала Кристи.

– Привидение и то краше, – не отрываясь от зеркала, обронила Евгения.

Она поправляла рыжие волосы, завитые в высокую прическу, в надежде встретить своего Эдуарда.

– Такое чувство, что вчера болела ты, а не я.

– Видимо, так и есть. Я не знаю, что мне делать. – Кристина выглянула за дверь, но лишь грустная мелодия разливалась по пустому залу.

– Пей кофе и слушай меня. После работы едешь к нему домой и бросаешься в ноги. Умоляешь дать еще один шанс. Потом рождаешь от него ребенка и привязываешь к себе, – Евгения закатила рукава и включила горячую воду. Посуду заволокло паром. – Не важно, женится он на тебе или нет, ежемесячный доход на ребенка гарантирован. Если, конечно, он не последний козел.

Кристина поперхнулась кофе.

– У тебя все так просто получается, – выдавила она. – Но я не готова на такое унижение.

– А ты его вообще любишь? – Посуда гремела в руках Евгении.

Вопрос подруги снова вызвал бурю эмоций в душе Кристины. Одна половина сердца кричала «да», а другая напряженно молчала.

– Похоже, ты сомневаешься во всем, – фыркнула Евгения. – Тогда забудь его и живи, как раньше. Жизнь сама укажет путь.

На философское размышление девушки Кристина покачала головой. В зале зазвенел колокольчик, и она поспешила встретить гостей.

Посетительницей оказалась молодая девушка в кокетливой шляпке и изысканном платье, о котором Кристи могла лишь мечтать. И все же она заметила, что оно давно вышло из моды, а перчатки не раз зашивались.

Красивое лицо незнакомки кого-то смутно напоминало. Наверное, она уже приходила в кафе. И Кристина вежливо подала ей меню.

– Чай, кофе?

Девушка озадаченно просмотрела список блюд и покачала головой. Она то хмурилась, то в волнении осматривалась. Наконец ее взгляд замер на бейджике Кристины. Голубые глаза сощурились, а губы исказились. Кристина занервничала.

– Воды, пожалуйста, – тихо попросила гостя.

– Что-нибудь еще? – Кристина разочарованно сложила блокнот.

– Нет. Только воды. – И девушка отвернулась к окну.

– Что заказала? – поинтересовалась Евгения, когда Кристина вернулась в официантскую.

– Воды, – буркнула она. – Зачем вообще в кафе приходите?

Евгения выглянула в зал:

– Не знаю. Но скажу одно – вы похожи.

Кристи чуть не разлила воду:

– Что за ерунду ты говоришь?

– Нет, конечно, если поставить вас рядом, то разница бросается в глаза, но на первый взгляд – очень. Голубоглазые блондинки с изящными чертами лица.

– Спасибо за комплимент, – усмехнулась Кристина и направилась к госте.

– Точно не передумали? Возможно, вам понравится наш фирменный десерт – яблочный пирог с корицей, – поинтересовалась она, поставив на стол прозрачный стакан.

– Нет, – очередной отказ, – но... не могли бы вы посидеть со мной? – И девушка умоляюще на нее посмотрела.

Кристи растерянно оглянулась, но в кафе не было ни души. Директор уехал, и явной причины отказать не нашлось. К тому же ей стало любопытно, почему девушка, которая якобы на нее похожа, просит составить компанию.

– Хорошо. – Она неуверенно присела за стол.

Гостя глубоко вздохнула:

– Вас зовут Кристина?

– Да.

– А больше здесь не работают девушки с таким именем?

Вопросы незнакомки загоняли в тупик.

– Вроде бы я одна такая, – промямлила Кристина.

– Хорошо, – девушка глотнула воды. – Меня зовут Вероника.

Кристина вскинула брови. Имя ни о чем ей не говорило.

– Мы знакомы? – спросила она, чтобы заполнить повисшую паузу.

– Нет. – Вероника залпом осушила стакан и скривилась так, словно пила водку.

Ее волнение постепенно передалось и Кристи.

– Но вы могли видеть меня на Дне города. Я танцевала балет.

– Точно! – назойливое воспоминание обрело плоть. – Вы танцевали в дуэте с Лилией Тигровой, верно?

Ника отрывисто кивнула.

Неожиданная связь с Эдуардом взволновала. Шестое чувство затрепетало.

– Вы подруги? – продолжала допытываться Кристина, и в ответ получила односложное «да».

От очередной паузы, которая давила на уши, Кристина недовольно забарабанила пальцами по столу. Вероника буравила ее взглядом, словно тщательно изучала. Сравнивала. Отмечала плюсы и минусы. И похоже, не могла определиться, чего больше.

– Извините, мне надо работать.

Кристина устала от томительного ожидания, но даже не успела привстать. Вероника крепко схватила ее за руку.

– Я – любовница Эдуарда! – выпалила она.

Кристи недоуменно хлопнула глазами:

– Что?

Розыгрыш, шутка? Она надеялась, что сейчас из-за угла выскочит Эд с букетом роз и обручальным кольцом. Но Вероника нетерпеливо повторила:

– Я – любовница Эдуарда Тигрова.

Она зачем-то добавила его фамилию, чтобы Кристина окончательно убедилась в жестокой реальности.

Они молчали. Кристи не знала, как ответить на подобное заявление. Кровь ударила в голову, щеки загорелись. Она не ожидала, что будет так больно. Почти так же, как после исчезновения Глеба. Почти.

– Он ведь ухаживал за вами? – Вероника стискивала ее запястье, но она не чувствовала боли. – Ответьте!

Кристина уставилась в окно. На то место, где еще вчера целовалась с Эдуардом. Сейчас его пожирал густой туман. Отчего-то ей стало жаль Веронику. Боль, которая лилась из ее слов, отчаяние в глазах, дрожащие ресницы, сбивчивое дыхание. Она – не охотник. Она – жертва. Как и Кристина.

– И как долго вы... его... – Она не договорила. Отвратительное слово прилипло к губам.

– Если считать в общем, то несколько лет, – горько усмехнулась Ника. – Скажите, у вас с ним отношения?

Кристи не могла произнести ни слова. Почему она такая глупая? Почему поддалась на его флирт?

– Пожалуйста, скажите, – прошептала девушка. – Вы даже не представляете, как сильно я его люблю. Я пыталась жить без Эдуарда, но это невыносимо. Он нужен мне.

То, что происходило, не вписывалось ни в какие рамки. Кристину буквально умоляли отдать парня, словно он – вещь. На самом деле вещью была она.

– У нас нет никаких отношений. – Кристи вырвала онемевшую руку и встала. – И не могло быть. Он ваш, Вероника. Делайте с ним что хотите, – безразлично бросила она.

На лице Ники проступило облегчение. Стало тошно.

– До свидания, – процедила Кристина. – Надеюсь, мы с вами больше не встретимся.

Она дошла на негнущихся ногах до официантской и буквально завалилась внутрь. Бледная Евгения жалостливо смотрела на нее.

– Ты права. Жизнь сама указала путь. – Кристина глотнула недопитый кофе и поморщилась. Горький, холодный. Так же омерзительно было на душе.

В зале снова прозвенел колокольчик. Вероника ушла победительницей.

– Этот козел не заслуживает тебя, – прошипела Евгения.

Кристи усмехнулась. В глазах резало от сухости. Но слезы не стремились на волю.

– Как думаешь, директор заметит пропажу маленькой бутылки коньяка?

– Свалим на буйных клиентов, – решительно заявила Евгения и открыла буфет.

За окном сгустился молочный туман. Можно было дотронуться до него рукой и ощутить, какой он мягкий. Лилии хотелось затеряться в нем, лишь бы не видеть угрюмого отца.

Она уткнулась взглядом в тарелку. Надломленный тост с маслом, клубничный джем, кофе со сливками. Еда потеряла вкус. Так происходит, когда болеешь. Нужно лишь вылечиться. Но на этот раз малиновый чай не поможет.

Стул Эдуарда пустовал. Брат не спустился к завтраку. Лилия слышала, как хлопнула дверь его комнаты в третьем часу ночи. Она тоже не спала. Сначала порывисто вскочила с постели, но потом осаждала себя. Каждый из них боролся с горем как мог. Лилия не знала причин, по которым Эдуард блуждал по ночному Великому. Но подозревала, что они связаны с Кристиной. А возможно, и с Вероникой. Или с ними обеими.

– И все-таки я хочу получить объяснения! – Александр Николаевич со звоном поставил чашку на блюдце.

Лили переглянулась с мамой. Женщина тоже замерла. Видимо, она ожидала подобной реакции.

– Где ты вчера была, молодая леди? Пришла поздно вечером, продрогшая от дождя, и заперлась в спальне, – продолжил мужчина.

Лилия раздумывала, как ответить, но она устала изворачиваться. Отец не страшнее ведьмы. Он кричал, размахивал руками, но никогда и пальцем не тронул ее. А она не сделала ничего, чтобы заслужить его гнев. Наоборот... он будет счастлив, когда узнает о ее решении.

Лили кинула кусочек хлеба в рот, стараясь заесть горечь. Как жаль, что она не могла раствориться в тумане.

– Я ходила к Натану.

Голос не дрожал. И сердце не колотилось. Вчера она узнала о себе нечто новое. Она может быть сильнее. Лилия – личность, и у нее есть право быть свободной.

– Несмотря на мой запрет? – Отец стиснул вилку, будто приготовился метнуть ее в Лили.

– И несмотря на служанку, которую вы приставили ко мне как надсмотрщика.

Ее ответ еще сильнее раззадорил Александра Николаевича. Он побагровел и оттянул ворот рубашки. Лили покачала головой и скрыла улыбку. Она испытывала двоякое чувство: хотелось хохотать и одновременно рыдать. А вместо этого она сидела с каменным лицом. Но ловить баланс между двумя разными желаниями тяжело.

– Вот видишь, к чему привело твое: «Дай девочке свободу», «Пусть сама разберется во всем»! – вскричал мужчина и махнул рукой в сторону Марины Андреевны.

– Ты принимаешь все близко к сердцу, – мягко заметила она, но ее никто не услышал.

– Я не хочу, чтобы наша дочь общалась с нищим оборванцем. Ему нужны ее деньги, и только. А я ведь предупреждал его в самом начале. Специально нашел, где он работает и...

– Не суди всех людей по себе, – оборвала его Лили.

Она нервно сжимала пальцы и жалела, что не может вести себя как мужчина. Пресловутые правила настоящей леди. Держать себя в руках. Быть вежливой. Они намертво въелись под кожу.

Намертво и навсегда.

– Натану не нужны твои деньги. Ему ничего не надо. И если бы не моя настойчивость, вполне

возможно, никаких отношений бы не было. К сожалению, я поняла это слишком поздно. Но думаю, тебя обрадует, что моя вчерашняя прогулка принесла плоды. – Лилия впиалась пальцами в юбку. Осталось сказать несколько слов. До сих пор она старалась не думать об этом напрямую, но больше нельзя было изворачиваться. Пора посмотреть правде в глаза. – Я расстанусь с Натаном вечером.

Она больше не увидит его. Сегодня последнее свидание. У Лилии перехватило дыхание от столь ярких мыслей. Но ведь он принадлежит ей! Как можно отказаться от него?

Смерть не любит повторять. Она намекает лишь раз. И во второй – забирает навеки.

Слова ведьмы прозвучали в голове так четко, будто принадлежали Лили. Выбора нет. Даже если они не расстанутся, им не быть вместе.

– Милая...

Лили посмотрела на маму и отвернулась. Невыносимо видеть, с какой печалью женщина смотрела на нее. Только не жалость. Только не сейчас, когда она и так держится из последних сил.

– Уф! – отец изумленно выдохнул. – Ну, я рад, что ты образумилась...

– Я расстанусь с ним не по твоему желанию, – отрезала Лилия. – У меня есть другие причины.

Александр Николаевич округлил глаза. Он терялся. Не знал, то ли ему злиться, то ли удивляться.

– И позволь узнать, какие?

– Не позволю, – Лилия встала из-за стола и пошатнулась. Она даже не подозревала, насколько сильно напряжена.

– Ты забываешься! – возмутился мужчина и тоже поднялся. – Ты – моя дочь! И я имею право знать!

Они смотрели друг на друга, словно противники на поле боя. И каждый ждал, когда враг ошибется.

– Вот именно. Я – твоя дочь, а не рабыня. И да, у меня есть личная жизнь, секреты и собственное мнение. Лучше тебе привыкнуть к этому сейчас, чтобы в следующий раз не нервничать. – Лили перевела дух. – Думаю, разговор можно закончить, ведь мы пришли к обоюдному согласию. Я буду у себя. Ночью плохо спала, – вяло добавила она.

Ее никто не остановил. Отец молчал, мать тоже. Оба переваривали полученную информацию, и, кажется, оба были не готовы к ней. В особенности Александр Николаевич. Но Лилии было все равно. Она безумно устала от жизни.

Вместо спальни она свернула ко входу и вышла на улицу. Густой туман обволок ее тело. Прохлада остудила горячее лицо. Лили запрокинула голову, широко распахнула глаза и раскинула руки. Внутри ее пульсировала сила, струилась по венам, раскрывая потаенные чувства. Но что с ней делать, Лили не знала. Она была всего лишь девятнадцатилетней девушкой, которая наивно верила, что любовь победит зло. Но вера ломается, как старая игрушка. На ее место приходит знание. И смирение.

Двадцать шагов в длину, десять – в ширину. Десять шагов в ширину, двадцать – в длину. Как бы Лили ни ходила, эти числа не менялись, как и сама гостиная.

– ...восемнадцать, девятнадцать, двадцать. – Она уперлась в стену и развернулась.

Главное, не останавливаться. Если постоянно считать, мысли не атакуют мозг. Если не думать о предстоящей встрече с Натаном, возможно, она не состоится. Если... Лилия замерла посреди комнаты и испуганно посмотрела на часы. Короткая стрелка неотвратимо двигалась к цифре шесть. А длинная застряла на десяти. Но когда-нибудь они встанут ровно друг против друга. Лили опустила голову.

– Одиннадцать, двенадцать... – Она продолжила считать.

– Милая, – в гостиную вошла Марина Андреевна.

– ...тринадцать, четырнадцать...

– Лили, можно с тобой поговорить?

– ...пятнадцать, шестнадцать. – Она остановилась.

Но нужно досчитать. Обязательно нужно досчитать. Ведь если она этого не сделает... Лилия разочарованно всхлипнула. Ничего не случится. Ничего не изменится. Ни-че-го.

– О, девочка моя! – Марина Андреевна подошла к ней и заключила в объятия.

Тепло, уютно. Лили вдыхала родной запах магнолии, запах детства. Разве можно отказаться от этого? Лишиться матери в угоду, возможно, мимолетной любви?

Ее затрясло, и она крепче прижалась к маме.

– Спасибо, – прошептала Лили и подняла голову.

Марина Андреевна растерянно посмотрела на нее:

– Но я даже ничего не успела сделать.

– На самом деле ты сделала даже больше, чем нужно. – Лилия печально улыбнулась и направилась к дверям, ведущим во двор.

– Лили, мне ты тоже не хочешь рассказать правду? – нерешительно окликнула ее мама.

Лилия задержалась перед входом. Ответить и солгать? Сказать правду и убить?

– Помнишь, ты рассказала мне сказку о сильной и уверенной девочке, которая решала проблемы сама и никогда не просила о помощи?

– Да.

Лилия посмотрела на маму, разглядывая ее лицо, чтобы развеять последние сомнения.

– Так вот. Девочка будет нести ношу до конца. И она не сломается. Она выдержит, – тихо ответила она и выбежала на улицу.

Все хорошо. Так надо. Так будет лучше всем.

Лили стояла на тротуаре, поджидая машину Натана, и мысленно репетировала фразы, которые должна сказать. Она вогнала себя в некое подобие транса и боялась, что останется в нем навсегда, лишь бы не чувствовать боль.

Вскоре появилась знакомая серая машина. Натан припарковался напротив Лили и поспешно вылез наружу. Напряженно огляделся. А Лилия впитывала его облик, стараясь насытиться им на долгие годы вперед. Они знакомы так недолго, но это «недолго» оказалось терять тяжелее всего.

– Привет.

Он посмотрел на нее, но не решался подойти, словно чувствовал накалившуюся атмосферу. Вдруг усмехнулся и засунул руки в карманы брюк:

– Я так понимаю, мне нет смысла еще раз разговаривать с твоим отцом?

Лилия прикусила нижнюю губу. Прясть волос упала Натану на лоб. Она порывисто шагнула вперед и занесла руку, но остановилась. Она не имеет права. Больше нет.

– Они убедили тебя, что наша любовь ничего не стоит? – Он старался говорить небрежно, но глаза выдавали парня. Ему было больно, и от этого усиливалась боль Лилии.

Заготовленные фразы куда-то испарились. На языке вертелся сплошной крик.

– Они здесь ни при чем, я сама приняла решение, – выдавила она. – Но если тебе будет легче, вини отца. По крайней мере, эта причина понятна.

Натан покачал головой:

– Вот так легко? Зачем вообще это надо было? Зачем?

– Я ошиблась, – тихо, но четко ответила Лилия.

Леди должна уметь признавать ошибки. А ведь она леди?

– Влюбилась, не думая о последствиях, а они не заставили себя долго ждать. Я бы все отдала, только бы забрать себе твои страдания.

– Не надо, не строй из себя великомученицу, – вырвалось у Натана, но он тут же добавил: – Прости.

– Нет, ты верно сказал.

– Но я старше, а значит, несу ответственность.

Лили не выдержала и бросилась к Натану. Слезы, поцелуи, объятия смешались в расплывчатый ком. Запомнить, насладиться, раствориться в чувствах. Но трепещущий разум еще не окончательно погас и напоминал о себе тревожным гудением.

– Я не могу сбежать, не могу бросить семью, – шептала она. – У мамы слабое здоровье, отец не перенесет позора.

– Я понимаю, понимаю...

И снова поцелуи. Жгучие, нетерпимые, жестокие. Губы болели, но Лили хотелось еще и еще. Она отчаянно стискивала рубашку с плеч Натана и целовала до бесконечности долго. Пальцы онемели. Воздуха не хватало. Было мало всего. Самой жизни, что таилась в их поцелуях.

Последний рывок, и Лили отшатнулась от Натана, прикрывая распухший рот ладонью. Она плакала и не стыдилась слез. Лишь это право до сих пор принадлежало только ей.

– Прости, Натан. Но больше мы не можем встречаться.

Ну вот. Наконец отрепетированная и заученная наизусть фраза слетела с ее уст. Целый день она не давала ей покоя, и теперь, когда Лили произнесла ее, долгожданное облегчение не пришло. Все осталось как прежде. И зияющая пустота в груди тоже.

Натан жадно смотрел на нее, словно тоже напоминал, чтобы воскрешать в памяти одинокими вечерами.

– Я люблю тебя, – произнес он. – И никогда больше не смогу полюбить никого так, как тебя.

– Не говори так! Ты еще будешь счастлив, главное, верить. – Даже самой себе слова прозвучали детским лепетом.

Натан покачал головой. Грустно улыбнулся:

– Нет. Я знаю, что говорю. Я уже исчерпал лимит любви. Бог подарил мне два шанса. И оба я упустил. Мое наказание за совершенный грех. И если это поможет искупить вину перед той, кто дороже мне всего на свете, я готов.

Лили догадалась, что он говорит о Кристине, но не рискнула задать решающий вопрос. Их секреты так и останутся не разгаданными друг для друга.

– Прощай, – прошептала она.

– Прощай, Тигровая Лилия.

Натан сел в машину и уехал, не взглянув на нее в последний раз. Лили повернулась и медленно побрела прочь. Ноги налились тяжестью. Это был груз выбора, с которым ей предстояло жить.

Она шла домой, и каждый шаг стирал из ее сердца воспоминания.

Шаг – и больше нет их знакомства. Второй – исчез ужин. Третий – прогулка на море – лишь пыль. Четвертый – первый поцелуй растворился в прошлом. Пятый...

Лилия перестала считать и сосредоточилась на остатках сил, чтобы дойти до комнаты и закрыть дверь. Слезы высохли на лице, глаза болели так, словно их вырвали из глазниц. Она пошатнулась и рухнула на пол посреди комнаты. Предметы расплывались, но Лили заметила сквозь туман тонкую фигуру девушки, которая сидела на ее кровати в белом, как у невесты, платье. Бледное лицо улыбалось. Кудрявые волосы обрамляли голову наподобие нимба. Они уже встречались раньше.

– Лиззи?

Лили не боялась ее. Теперь нет. Она знала, что та не причинит ей вреда.

Девушка кивнула и радостно улыбнулась:

– Ты открыла третий глаз. Наконец-то!

Лилия не понимала. Она продолжала сидеть на полу и боялась, что ноги не поднимут ее больше.

– Ну же! – нетерпеливо воскликнула Лиззи. – Как ты не понимаешь? Третий глаз! Всевидящее око. Раньше оно открывалось лишь изредка, но теперь ты прозрела. Поэтому ты меня видишь.

Лиззи как будто читала мысли Лилии.

– Дар, который хотела заполучить ведьма, – прошептала она.

– Верно. – Девушка болтала ногами, как маленький ребенок.

– Зачем ты пришла? Убить?

Лили было все равно. Если она и умрет, то не напрасно. Она спасла две жизни, пусть даже ценой собственного счастья.

Лиззи закатила глаза и звонко рассмеялась. Призрачный смех эхом прокатился по стенам спальни.

– Ты отказалась от Натана, и твое проклятье больше не давит на меня. Я не хотела причинять вред ни ему, ни тебе. Но сделка с ведьмой сильнее желания обычного призрака.

– Понятно, – на самом деле Лилия с трудом понимала. Наверное, она сходит с ума.

– Я хотела поблагодарить тебя. Теперь Натан сможет отпустить меня, хотя сам еще не понимает. И снимет тяжкий груз, который угнетал его долгие пять лет, – Лиззи нахмурилась. – Все произошло по моей вине.

– Что? – Лилия окончательно запуталась.

Но призрак ушла глубоко в себя, ее взгляд одеревенел:

– Еще не время. Когда-нибудь ты узнаешь. Я вернусь к тебе в другой жизни. И, возможно, мы даже подружимся. – Легкая улыбка украсила губы Лиззи и тут же сменилась гримасой боли. – Кристина уедет из Велидара. Но не навсегда. Придет время, и она вернется. Но судьба – злая вещь. Она разведет их с братом опять, и больше они не свидятся...

Слова Лиззи превратились в шипящий гул. Сама девушка медленно растворялась, словно кто-то стирал ее неровными мазками. У Лили закружилась голова, сердце как будто замерло. Ей хотелось столько всего спросить, но язык не подчинялся. Она утратила контроль над телом...

Лили глубоко вздохнула и села на кровати. Она уснула на полу, но кто-то бережно перенес ее на кровать, укрыл одеялом и, видимо, долго сидел рядом, потому что в воздухе еще витал знакомый парфюм. Папа. Лилия упала на подушки и устало прикрыла глаза. Он столько совершил ошибок и вовсе не был идеальным отцом, каким она его представляла. Но он любил ее. А она любила его.

В голове постепенно восстанавливались произошедшие события. Лилия вспомнила образ кудрявой девушки. Лиззи. Она приходила к ней во сне? То, что это был сон, Лили не сомневалась, но столь реальный и яркий, что пробирали мурашки. Нет, сейчас она не в состоянии понять, что Лиззи хотела сказать.

Сердце щемило от тоски по Натану. Организм жаждал сна. Ей предстоит научиться жить

заново. Так, словно не было двух недель, которые как будто растянулись на года. Она ведь сильная. Все будет хорошо. Жизнь черно-белая, и когда-нибудь черный цвет закончится.

Необычайно туманный день. Весь Велидар погряз в серой дымке. Накрылся пуховым одеялом и впал в спячку, предоставляя жителям самим разбираться со своими проблемами. И Натан возглавлял список тех, кто был предоставлен сам себе.

Он сидел на качелях напротив клумбы люпинов. Початая бутылка коньяка приятно тяжелела в руке. Но он сделал всего два глотка, потому что знал: после третьего уже не остановится, пока не осушит медную жидкость до дна. Поднес коньяк к носу и вдохнул терпкий запах. Натан ненавидел это спиртное. Только потому, что его обожала Лиззи.

Усилился ветер, и люпины, тонущие в тумане, насмешливо закачались.

Натан хмыкнул:

– Даже с того света ты издеваешься надо мной.

В ответ цветы кивнули бутонами.

– Благодарение Богу, Кристина не любит люпины. Потому что если бы она знала, что под ними скрывается...

Натан вздрогнул и не выдержал. Жадно припал к горлышку. Третий глоток, четвертый, пятый. Он с трудом оторвался от бутылки. Горячая жидкость прокатилась огненным шаром по горлу и ударила в голову. Сколько раз он порывался перезахоронить тело, и каждый раз страх, что Кристи узнает, увидит, останавливал его.

Натан не вынесет, если потеряет ее, но он понимал: так продолжаться не может. Смерть Глеба невидимой стеной разделяла их с сестрой. И чем больше проходило времени, тем прочнее становилась преграда.

– Господи, как я тебя ненавижу! – выплюнул Натан. – Ты появился в моей жизни, как муха на лобовом стекле. Назойливо мешал, но избавиться от тебя я не мог. Пока ты не превратился в ядовитого скорпиона. И у меня не осталось выбора. Хотя нет, он был, но парадокс в том, что, если повернуть время вспять, я поступлю так же. Я вновь убью тебя, Глеб. С огромным удовольствием!

Натан горько засмеялся. Он помнил ту ночь в мельчайших подробностях. Помнил, как его руки сжимали шею Глеба. Помнил запах страха. Помнил запуганный взгляд Лиззи.

– Ты изнасиловал Лиззи. Избил ее, хотя знал, что она больна. Твою мать, ты убил ее! И хотел жениться на Кристи. – Натан закрыл лицо руками, опершись лбом о бутылку. – Я не мог этого допустить. Я стал убийцей из-за тебя. Поэтому хорошо, что наши пути с Лили разошлись. Ее отец прав: она достойна лучшего мужа, чем я.

При упоминании о Лилии сердце отозвалось ноющей болью. Он старался не думать о ней, потому что каждая мысль жгла душу, как удар плетью.

– Я больше не стану скрывать, – процедил Натан, переключаясь на Глеба. – Иначе совесть доконает меня. Будь что будет. Я объясню ей, она поймет, – твердил он. – Кристина – умница. Я знаю, она поймет.

Натан повторял и повторял как заклинание, пока не уверился в своей правоте. А спиртное закрепило веру.

– Братец! – внутри дома раздался голос Кристины. – Ты где?

Натан вздрогнул и поспешно встал, словно его застукали за чем-то неприличным.

– Ты сегодня поздно. – Он зашел в дом и взглянул на часы с кукушкой. Они показывали седьмой час.

Кристина скинула туфли и оперлась о стену, чтобы удержать равновесие. На лице блуждала глупая улыбка.

– Немножко выпила после работы.

– Да ты и правда пьяна!

Девушка прищурилась и пальцами показала маленькое расстояние:

– Капельку. Кстати, – она победно вскинула руку вверх, – ты тоже не трезвенник.

Натан вспомнил про коньяк и смущенно поставил бутылку на стол.

– Не волнуйся, братец, я никому не скажу. – Кристина бросилась к нему на шею и засмеялась: – Ты самый хороший!

Натан почувствовал слабый запах алкоголя, а от ее слов чуть не остановилось сердце.

– Знаешь, я сегодня поняла, что не разбираюсь в мужчинах. Точнее, нет. Я разбираюсь, но успешно занимаюсь самообманом. – Кристи оторвалась от Натана и обреченно прислонилась к двери спальни. – Я такая глупая, – вздохнула она.

Натан смотрел на сестру, но она расплывалась перед глазами. Он дрожал от страха, а слова «Ты такой хороший» выкручивали душу, как белье после стирки. Раньше ему не было так страшно. Если он не признается сейчас, то уже больше не решится. Возможно, сейчас неподходящий момент. Возможно, стоит подождать. Но это лишь отговорки. Потому что подходящий момент никогда не настанет.

– Кристина, я убил Глеба.

Вот и все. Несколько звуков отделяло Натана от правды. Три слова мучили его пять лет. День в день.

Слишком долгий срок для растерзанного совестью. Но вместо долгожданного облегчения пришел ужас. А что, если он так и не заслужит ее прощение?

Девушка пошатнулась.

И чихнула.

– Натан, мне сейчас не до твоих глупых шуток. Вы, мальчишки, такие проказники. – Кристина подошла ближе и ущипнула его за нос. – А, забыла сказать! Меня уволили, – радостно сообщила она и залилась пьяным смехом.

Натан остался неслышанным. Он стоял оглушенный, парализованный и ждал кары Божьей. А его даже не восприняли всерьез.

– За что? – язык еле ворочался.

Ему плевать, что ее уволили. И ей, видимо, тоже.

– За распитие спиртных напитков в рабочее время!

– Ты же сказала, что пила после?

Так странно продолжать разговаривать, словно и не было признания. Может быть, Кристина давно знала о грехе Натана и уже простила его? Как сладко в это верить.

– Ой, плюс минус десять минут. Это мелочи жизни, – отмахнулась девушка. – В общем, я иду в душ и спать. А завтра меня ждет великое похмелье. – И дверь захлопнулась.

Благодатная тишина разлилась по дому. Часы лениво отсчитывали секунды.

Неужели Натану померещилось, что он признался, а на самом деле это были лишь его мысли? Он растерянно провел ладонью по голове. Столько сил потратить ради того, чтобы она не поверила?

Тихий скрип разрушил иллюзию умиротворения.

Кристина открыла дверь. В серьезном взгляде не осталось ни грамма спиртного. Наигранное опьянение улетучилось.

– Что ты сказал?

Натан сразу понял, о чем она спрашивает, но не думал, что повторить так сложно.

– Я убил Глеба. В ночь исчезновения он был у нас.

Кристина моргнула, прогоняя слезы:

– За что? – голос охрип от волнения.

– Он избил Лиззи, потому что боялся, что она расскажет тебе об изнасиловании. Накануне он надругался над ней. Я нашел замену на работе и пришел раньше, – поспешно бормотал Натан. – Когда увидел окровавленную избитую Лиззи... – его передернуло от отвращения, – у меня в голове перемкнуло. Никогда раньше не испытывал подобной ярости. Это оказалось выше моих сил. Прости меня, Кристи, я не хотел причинить тебе боль, но...

– Причинил, – злобно договорила она.

Слезы уже не слушались ее и безвольно текли по лицу. Она схватилась за голову, села на корточки. Потом вскочила и заметалась по гостиной.

– Неужели можно быть таким наивным? – шипела Кристина. – Глеб изнасиловал Лиззи? Ни за что не поверю. Скорее это она изнасиловала его! А избиение. – Она захохотала, словно безумная. – Лиззи кого угодно могла довести до белого каления. Кого угодно, но не тебя. Даже у меня порой чесались руки, но ты, Натан, – девушка ткнула в него пальцем, – превзошел всех со своим ангельским терпением. Потакал любым прихотям, и твоя слепая любовь убила ее!

Натан порывисто открыл рот, но сестра не дала ему сказать ни слова.

– Нет, послушай меня! – кричала она. – Лиззи должна была погибнуть в той аварии, но, видимо, в природу закралась ошибка, и она выжила. Однако вместо того, чтобы помочь ей, ты только добил ее. Надо было скрутить Лиззи по рукам и ногам и отвезти в больницу. Сделать хоть что-то. А не молча наблюдать за ее саморазрушением.

– Кристи, – простонал Натан и протянул к ней руку, но она отшатнулась, – прости, прости, прости, – он упал на колени.

Столько ненависти плескалось в глазах девушки. Гнев искажал прекрасное лицо.

– Нет, – процедила она. – Я любила Глеба и целый год оплакивала его. Думала, он предал меня, а на самом деле меня предал ты! Родной брат убил моего жениха ради шизофренички! Наверное, в Лиззи проснулась совесть, и поэтому она повесилась. Признаюсь, я испытала облегчение после ее смерти, хотя и чувствовала себя виноватой. О, если бы я знала, какую цену мне пришлось заплатить за освобождение!

Кристина зажала рот ладонями, и рыдание, похожее на рев животного, вырвалось из груди. Она размазала по щекам слезы и попятилась в спальню.

– Я уезжаю и больше не вернусь. Не важно, куда, лишь бы подальше от этого поганого дома, пропитанного ложью и смертью.

Девушка достала из-под кровати старый чемодан и кидала в него самое необходимое. Документы, одежду, деньги. И ни одной вещи на память.

– Кристи, я так хочу искупить вину. Пожалуйста, дай мне шанс, – стонал Натан.

Он продолжал стоять на коленях, словно прирос к полу.

Сестра уезжает? Нет, это невозможно.

– Ты упустил его пять лет назад, когда солгал мне. Когда убил Глеба, – задыхалась Кристина. – Когда сделал выбор между мной и Лизой. Лиззи, – передразнила она сладкий голос Натана. – Дурацкое имя! Как я его ненавижу. И тебя тоже. Ненавижу! Ты мне не брат.

Кристина обогнула Натана и вылетела из дома, спотыкаясь и дрожа от ярости и холода. Он только услышал, как гроыхнула дверь. И в безумии ударил кулаками по полу. Отчаянный крик разрывал легкие, но Натан молчал, стиснув зубы. Он сделал то, что должен был, и понес заслуженную кару.

Сестра растворилась в тумане.

Натан потерял всех. Лиззи, Лили и Кристину. Любовь отворачивалась от него по очереди, лишая смысла жизни. Все, что у него осталось, это старый дом, разноцветные люпины и

могила. Ужасное наследство.

Завтра наступит двадцать первое июня. И Натану исполнится двадцать пять лет. Завтра он впервые не пойдет на кладбище в день смерти Лиззи. Завтра он простится с прошлым, потому что больше не за что цепляться. Лили не принадлежит ему, Кристина ушла. Он совершенно один.

Навсегда.

Глава 25

Исповедь Лиззи

Русамия. Велидар. 2016 год

Кошмары стали моим наказанием. Я просыпалась в холодном поту посреди ночи. Одна. Пустая постель словно насмехалась надо мной. Кричала: он не вернется.

Да, я спала одна, потому что Натан пил. И я не знала, где он. Наутро он ушел из дома уже пьяный.

Мне пришлось самой отвечать на вопросы полиции, которой было плевать на исчезновение Глеба. Они убеждали меня, что парень всего лишь загулял, и спросили, где учиться Кристина. Хотели поговорить с его невестой. Я мысленно хохотала, но отвечала вежливо и без истерик. Не могла допустить, чтобы они узнали секрет люпинов. Только я и Натан. Это наша тайна. А где-то в подсознании мне было жаль Кристину. Она узнает об исчезновении Глеба от чужих людей.

Когда полицейские ушли, я вновь осталась одна. Наедине со своим безумием. Отчаянно надеялась, что лекарства помогут. Защитят от кровавых теней, что прятались по углам мансарды. Но становилось лишь хуже.

Кристину отпустили из пансиона на день. Она выглядела ужасно. Зареванное лицо, страдающий взгляд. Ее вид будил во мне презрение.

Кристина кричала, допытывалась, знаю ли я что-нибудь. А я ничего не могла ответить.

Вопросы били меня, будто я боксерская груша.

«Где Натан?», «Куда пропал Глеб?», «Что произошло на День города?».

Я только слушала и безразлично смотрела на ее покрасневшее лицо. Вскоре она ушла. И наступила ночь.

Я лежала в постели и широко раскрытыми глазами смотрела на потолок. Он шевелился, словно Черное море. Тонны мертвых людей протягивали ко мне руки. Это был ад, который утаскивал меня. Мне исполнилось двадцать лет. Красивый возраст, чтобы умереть.

Солнце расцветало за окном, прогоняя сумерки и галлюцинации. Но они прочно поселились в душе. В сердце. В разуме.

Вместе с рассветом пришел шелестящий дождь. Он старался успокоить меня, но слезы леденили кожу на лице. Вдруг я поняла, в какое чудовище превратилась. Я погубила Глеба. Превратила Натана в убийцу. Причинила боль Кристине. Ужасное творение Дьявола – вот кто я. И это творение не остановится, пока все вокруг не умрут.

Я разорвала ночную рубашку и закричала, срывая голос. Царапала ногтями грудь, пыталась вытащить бесов, пожирающих мое сознание. Но только один выход виделся мне. Где-то в доме лежала старая, крепкая веревка.

Если бы Натан был рядом, он бы спас меня. И погубил себя. Но он пытался затопить чувство вины спиртным. А кошмары больше не подчинялись мне.

Рука дрожала, когда я писала предсмертную записку. Я даже не понимала, что делаю. Словно впала в транс, и каждое движение уже принадлежало чужому человеку. Так больно и одиноко. Хотелось в последний раз увидеть лицо Натана. Мальчика, которого я когда-то полюбила.

Я встала на высокий стул. Мне вновь четырнадцать лет, и я нетерпеливо жду, когда Натан подойдет к дому.

Грубая веревка легла на шею. А я вижу его. Высокий, долговязый. С копной черных волос.

Стул пошатнулся. Не важно, какой Натан. Смешной, растрепанный или неловкий. Он – родной. А остальное не имело значения.

Полет вниз. И его глаза. В них столько жизни.

Я люблю тебя, Натан.

А за окном бесконечный дождь.

Как холодно... Не стоило умирать в такую погоду, теперь все время холодно...

Вздых отозвался резкой болью в сердце, и Руслана сжалась в комок. Смятые листы дрожали в измученных пальцах, следы крови отпечатались на бумаге. Шею жгло раскаленным железом, воздух наполнился запахом азота, как после дождя. По крыше назойливо стучал ливень и барабанной дробью отзывался в легких. Но за окном сверкало солнце. А она все равно слышала гулкий стук, который нарастал и нарастал. Сводил с ума. Терзал душу.

Затравленный крик вырвался из горла, и все стихло. Блаженная тишина лишила Лану последних сил. Она лежала на полу, постепенно восстанавливая события вчерашнего дня.

Марк занялся перезахоронением Глеба. Бумажная волокита, полиция, попытки найти родственников. Дела съели его день. Он обещал вернуться к вечеру, но Руслана уговорила не приходить. Она должна была встретиться с Лиззи в последний раз, чтобы выяснить все до конца. Но не подозревала, что встреча окажется столь болезненной.

Лана со стоном поднялась и потянулась. С ненавистью оглядела мансарду. Остановила взгляд на печатной машинке. Та выглядела так, будто к ней не притрагивались. И вовсе не пальцы Русланы сбиты в кровь.

Она посмотрела на руки и языком коснулась подушечек. История Лиззи пахла соленым металлом.

Руслана сгребла в охапку листы и с трудом спустилась вниз. Ноги норовили подкоситься, но небывалая легкость вела ее. Она закончила. Чувствовала сердцем. И теперь имела полное право явиться к графине за ответами.

– Алло, Алексей! – радостно воскликнула она, когда услышала знакомый голос таксиста. – У меня намечается очередная поездка к мадам Тигровой, не хочешь составить компанию? – Она залилась смехом, слушая восторженные выкрики мужчины. – Едем прямо сейчас. Жду.

Бабушка должна прилететь через пару часов. Руслана успеет вернуться.

Она поспешно натянула сарафан и почистила зубы. Волосы забрала в конский хвост, попыталась накраситься, но руки дрожали, и тушь норовила попасть в глаз. Она фыркнула и бросила косметику. Почти отвернулась от зеркала, как вдруг электрический ток прошиб позвоночник. Тонкая полоска синела на шее, и кожа казалась молочно-белой, обескровленной. Это на ней была затянута веревка. Это она вешалась, а не Лиззи.

Лана отшатнулась и нервно сглотнула. Слова, слова... Про холод, про смерть... Не стоило умирать... Она уже слышала их. Там, на кладбище. Они принадлежали Лиззи! Или?

Руслана замотала головой, прогоняя невозможные мысли, и откопала в чемодане шелковый шарф. Красное на фоне черного платья, а солнцезащитные очки закрыли глаза. Лана боялась, что в них много страха.

Зазвонил мобильный, но она не ответила. Казалось, что полоса на шее сковывает горло, мешает говорить. Телефон несколько раз мяукнул и обиженно замолчал. Руслана засунула в сумку смятые листы, шкатулку, письма. Все, что нашла и что относилось к графине. И только потом неуверенно взяла мобильный. Пропущенный звонок от Марка и сообщение. В редакции случился аврал, он освободится позже. Целует.

Она истерически хихикнула. Оказывается, вокруг нее еще крутилась реальная жизнь, где никто не сходил с ума от галлюцинаций и не вешался. Где люди любили и радовались мелочам. И не страдали от лунатизма.

На улице уже сигналила машина. Руслана вздрогнула. Возвращаться в реальность не так легко, как хочется.

– Вы думаете, на этот раз графиня вас примет?

Восторженный таксист лихо рулил по извилистой дороге.

Справа летело беспокойное море. Солнце лениво пряталось за тучами. По прогнозу вечером обещали дождь, и Лана надеялась, что успеет вернуться домой. Вскоре они промчались мимо утеса Искупления, но знакомое жжение не вернулось. Руслана встревоженно поправила шарфик. Прижала к груди сумку и словно ощутила сердцебиение Лиззи. А ведь неделю назад она и знать не знала о ее существовании.

– Должна. Если нет, придется идти на крайние меры.

– Какие? – любопытствовал Алексей.

– Брать особняк штурмом.

Но на серьезный ответ Русланы мужчина громко захохотал. Хоть кому-то сейчас весело.

Через двадцать минут они въехали во двор особняка графини, проехали вдоль водоема с белыми кувшинками.

– Я буду вас ждать. Вы ведь расскажете мне потом? – Алексей с надеждой обернулся к Руслане.

Она улыбнулась:

– Я сделаю лучше. Дам вам почитать первую рукопись книги.

Глаза мужчины заблестели.

– Договорились.

Руслана подхватила сумку и вылезла из машины. Глубокий вдох. Все будет хорошо. Графиня ведь сказала, что будет ждать ее после того, как она допишет историю. Она дописала.

Лана поднялась по старым потертым ступенькам и нажала на звонок. Дежавю навалилось на нее, и от неожиданности она пошатнулась. Дверь открылась, знакомая служанка размером с гору заполнила проем.

– Здравствуйте. Могу я встретиться с графиней?

Руслана прогнала неуверенность. На этот раз мадам Тигрова не спрячется от нее.

– Здравствуйте. Графиня Маврос сегодня не принимает.

– Скажите ей, что меня зовут Руслана Жигарева и я дописала историю, которую она хотела почитать.

– Приходите завтра, сегодня она не принимает, – отрезала служанка.

– Я не могу ждать до завтра! – взвилась Лана и проскользнула у женщины под рукой.

От подобной наглости та опешила и не успела перехватить Руслану.

– Девушка, я вызову полицию! – загрохотала она.

– Простите, – лишь крикнула Лана и побежала по длинному коридору.

Сердце скакало, позади раздавался топот служанки, но память не подвела, и скоро Руслана наткнулась на гостиную, где познакомилась с графиней. Дверь была слегка приоткрыта. Внутри слышался смех. Знакомый смех.

Лана замерла, наклонила голову и с тревогой прислушалась.

– Мне кто-нибудь откроет тайну, зачем мы тут собрались? У меня были другие планы.

Сердце замерло.

– Марк, не капризничай, – и этот голос Лана тоже слышала. – Ай, не щипайся!

Лана заморгала и перевела дыхание. Возможно, воображение разыгралось. Она ошиблась. Ей послышалось. Что угодно, только не правда.

Руслана толкнула дверь и отшатнулась. Она увидела Марка. Ее Марка. Он притянул к себе

Юлиану и нежно поцеловал в макушку. Стройная, как статуэтка, девушка засмеялась. Графиня сидела напротив них в кресле, чинно сложив руки на коленях.

Картинка расплылась перед глазами. Руслана зажала ладонью рот и встретила взглядом с Марком. Его глаза испуганно расширились.

– Лана! – закричал он.

Но она не слышала. Руслана промчалась мимо ошеломленной служанки, вылетела в прихожую и споткнулась о ковер. При падении ушибла колено, невыносимые слезы брызнули на лицо. Она до сих пор видела, как Марк обнимал и целовал Юлиану.

Девушка с половиной души. И пока будет так, ты будешь несчастна.

Цыганка из Индии вновь ворвалась в сознание Русланы, хотя она уже давно забыла про тот случай. Пряный запах, черные глаза и слова, значение которых она никак не могла разгадать. «Половина души», что, черт возьми, это значит?

Задышавшись, Лана встала и вырвалась на улицу.

– Езжай! – закричала она Алексею, как только упала на заднее сиденье.

Таксист испуганно посмотрел в зеркало заднего вида:

– Но...

Алексей не успел договорить. Сильная рука Марка чуть не оторвала дверь. Он вытащил упирающуюся Руслану наружу и зажал в тисках.

– Отпусти! – закричала она.

Чувства смешались. Лана не понимала, это боль Лиззи кричит в ней или же ее собственная? Но ей хотелось расцарапать красивое лицо парня. Особенно глаза. Словно они насмехались над ней даже сейчас, несмотря на печальный блеск.

– Руслана, пожалуйста, выслушай, – умолял Марк.

Она извивалась в его объятиях и мотала головой, запрещая себе слушать.

– Ненавижу тебя, – прорыдала Лана. – Каждый хочет разбить мое сердце, но ты преуспел в этом лучше всех.

Блестяще! Десять баллов! – выплюнула она.

– Юлиана – моя сестра! – в отчаянии выкрикнул Марк.

Чудом его слова долетели до Русланы, и она затихла. Смотрела на него и всхлипывала. Пыталась переварить информацию, но тщетно.

– Это правда, Руслана, – на крыльце стояла Юлиана.

Лана переводила взгляд с нее на Марка и обратно. Постепенно кусочки пазла складывались в единое целое. Она вспомнила необычное знакомство с Юлианой. Из всех посетителей музея она выбрала именно ее, а потом солгала, что в редакции Марка требуются журналисты. А Марк изумительно разыгрывал перед Русланой, что не знает Юлиану, и через друга узнавал ее номер телефона.

Она остыла. И температура опустилась чересчур низко.

– Отпусти меня, – холодно попросила Лана, и Марк не осмелился противостоять.

Она отступила от него на шаг и смерила взглядом:

– Ты лгал мне, а я, как дурочка, делилась с тобой всем, что знала. Вы развели меня с Юлианой, чтобы я пришла к тебе в редакцию, а потом уже ты взял на себя роль и весьма убедительно сыграл ее. – Она вытерла мокрое от слез лицо.

– Что? – Марк прищурился и сердито глянул на сестру.

– Руслана, это моя вина. В тот день, когда ты пришла в музей, Марк был у меня и увидел тебя

на мониторе камеры наблюдения. Мне стало любопытно, чем ты его заинтересовала, а пообщавшись с тобой, я решила продолжить ваше знакомство. Марк здесь абсолютно ни при чем. – Юлиана спустилась вниз.

– Господи, – Лана схватилась за голову, – я вам не пешка, которую можно передвигать по шахматной доске и наслаждаться игрой. Я – человек! И меня достала вся эта ложь. Я думала, что могу доверять тебе, а теперь выясняется, что твоя сестра – внучка графини Маврос, а ты, – Руслана задохнулась, – а ты ее внук!

Злость достигла апогея, и она со всей дури ударила Марка сумкой, позабыв, что там шкатулка. Парень скрючился и вырвал ее у Ланы из рук.

– Черт, что ты туда напихала?

Но она не слышала его. Бросилась на него с кулаками.

– Ненавижу. Ты водил меня за нос, хотя знал намного больше, чем говорил. А я ведь верила тебе, верила! А фамилия? Насчет имени ты тоже солгал?

– Ой, нет. Я и правда Колесникова, – засмеялась Юлиана. – Бурная молодость. Успела в двадцать лет выскочить замуж и развестись через месяц. – Она протянула шарф. – Это, кажется, твое?

Руслана прикоснулась к голой шее, вспоминая, когда успела потерять его. Марк нахмурился и отвел ее руку:

– Откуда синяки?

Лана вздрогнула от его горячего прикосновения. Схватила шарф и поспешно повязала на шею.

– Русалка, откуда это? Похоже на след от веревки. – Он взял ее лицо в ладони и заглянул в глубь глаз. – Я вижу, у тебя тоже тайны.

– Нет, они – не мои. Но я хочу узнать правду. Поэтому и пришла. А ты... И Юлиана... Вы... – Язык запинался. – Не тебе судить! – выкрикнула она и села в машину, но Марк не позволил закрыть дверь.

– Я хотел, чтобы ты видела меня, а не средство, с помощью которого можно добраться до бабушки. И я ничего не знал ни о Лиззи, ни о Натане. Эти секреты известны лишь графине, – парень с мольбой посмотрел на нее, – и я люблю тебя, – прошептал он. – Я бы рассказал тебе, но все получилось так глупо.

Руслана замерла. Признание Марка звенело в ушах. Оно казалось нелепым и прозвучало так не вовремя.

– Значит, ты плохо меня знаешь, – процедила она, – если думал, что я смогла бы тебя использовать.

Марк застонал:

– Почему ты все переворачиваешь с ног на голову?

– Не я первая начала. Мне надо встретить бабушку, – солгала она и отвела взгляд.

Парень засуетился:

– Я могу подвезти. Моя машина в гараже.

– Нет...

– Лана, дай мне шанс.

– Отпусти! – закричала Руслана и рванула на себя дверь. – Меня столько раз обманывали, и всегда маленькая ложь тащила за собой огромную. Я устала! Устала, понимаешь? Я была открыта перед тобой, а ты... – Она отвернулась, не в силах смотреть на Марка. – Поехали, Алексей.

Таксист без промедлений завел машину и нажал на газ. Отдаляясь от особняка графини Маврос, сердце болело все сильнее.

Подумать только, он из Тигровых. Давным-давно их семьи уже были связаны, и спустя шестьдесят лет они вновь пересеклись. Словно судьба издевалась над ними и постоянно сталкивала лбами. Невыносимо.

– Едем в аэропорт? – нарушил тишину Алексей.

– А? Нет, отвезите меня домой. Бабушка приедет только через пару часов, – ответила она. – Простите, что мотаю вас туда-сюда. Я заплачу.

– Ерунда, – отмахнулся мужчина. – У меня все равно отпуск начался.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Руслана и уставилась в окно.

А в голове продолжали крутиться изворотливые мысли. Марк и Юлиана – брат и сестра. Графиня Тигрова – их бабушка. И скорее всего это не все, что ей еще предстоит узнать. Она положила ладонь на сумку, прикрыла глаза. И ей снова показалось, что она чувствует сердцебиение.

– Если что, звоните, – сказал Алексей, когда подъехал к дому Натана.

– Хорошо, – пробормотала Лана. – До встречи.

Она побрела к двери, устало завалилась внутрь. Еле добралась до дивана. В душе клокотала обида. Боже, она выглядела смешной, когда рассказывала о своих догадках, высказывала предположения насчет графини. А ведь он был так убедителен!

Зазвонил телефон, но Руслана даже не притронулась к нему. Она не собиралась разговаривать с Марком. Все равно они еще увидятся, потому что Лана должна встретиться с графиней. Вот тогда и поговорит. А сейчас ему не мешает помучиться.

Она перевернулась на бок и уткнулась носом в подушку. Голова кружилась и приятно тяжелела. Хотелось уплыть от проблем, лживых мужчин, старых тайн и любовных драм. И никогда не возвращаться.

Сон накрыл Руслану сладкой пеленой, дыхание выровнялось. В висках стучал барабан, который монотонно отбивал ритм: все мужчины лгут. Все. Мужчины. Лгут...

– Итак, я, конечно, предполагала, что ты совсем раскисла, но не думала, что все печально до такой степени. Ты даже дверь не закрываешь. И не слышишь телефонные звонки.

– Ба!

Лана вскочила, протерла заспанные глаза. И уставилась на Кристину Валерьевну, словно забыла, как она выглядит. Бабушка села на стул и поставила на пол небольшую дорожную сумку.

– Не люблю летать на самолетах, – пробурчала она.

– Ты же должна была прилететь вечером?

– Деточка, ты точно умеешь читать? Мой самолет прилетел в два часа. Я не дождалась тебя и приехала сама. Благо память еще не окончательно потеряла.

Руслана пересмотрела СМС-сообщения:

– Мой разум перестал со мной сотрудничать, – пробормотала она.

– Тебе еще рано, кузнечик.

Бабушка сняла шляпку и протерла взмокший лоб. Седые волосы слегка растрепались, но французский пучок еще держался. Женщина обвела взглядом дом, подошла к камину. Пальцами пробежалась по полке. Заглянула в спальню. Каждый шаг она совершала спокойно и с достоинством, но даже Руслана чувствовала, какие невероятные усилия бабушка к этому прилагала.

– Так необычно и странно, что я вновь здесь. Шестьдесят лет прошло, а мне кажется, что я все та же молодая девчонка. Глупая и безрассудная, – прошептала она.

– Ты вовсе не была такой, – возразила Руслана.

Кристина Валерьевна остановилась напротив окна и посмотрела на перекопанный двор и срезанные люпины.

– Мы все такие. Даже в старости. – Она отвернулась. – Ты расскажешь мне, что у тебя произошло?

Руслана порывисто кивнула и замерла.

– Ты не хочешь отдохнуть? – неуверенно предложила она.

– Я не устала.

– Тогда перекусить?

– Не голодна, – отрезала бабушка. – Лана, не тяни резину.

Руслана нахмурилась. В голову закралась назойливая идея.

– Я расскажу, но позже. Сейчас мы кое-куда съездим, – она набрала номер Алексея.

– Детка, только давай без сюрпризов.

– Никаких сюрпризов, Ба. Думаю, ты уже сама догадалась, куда мы поедем, – ответила Руслана.

Она не могла рассказать обо всем, пока не отвезет бабушку на могилу Натана. Эту запоздалую встречу он заслужил.

– Не люблю кладбища, – возмущалась женщина.

Они шли по широкой дороге, засыпанной гравием. Кристина Валерьевна уверенно опиралась на трость и с блаженством подставляла лицо ласкающему солнцу, несмотря на ворчание.

– Вы должны встретиться, хотя бы после смерти. Он всю жизнь хранил твою фотографию. Она стояла на тумбочке возле кровати. Ты на ней такая молодая. Сидишь на заборе, а рядом стоит графиня Маврос.

– Лили? – Женщина моргнула. – Боже, словно вчера было. И вот я уже старая рухлядь.

Руслана засмеялась:

– Ты – чудесная рухлядь.

Рядом с бабушкой проблемы становились мизерными и бессмысленными. И она обрадовалась, что еще не успела встретиться с мадам Тигровой. Возможно, давняя знакомая сумеет задобрить бабушку, и она откроет всю правду.

– Ненавижу люпины, – пробормотала Кристина Валерьевна, когда они подошли к могилам Натана и Лиззи.

Цветы, которые Руслана принесла неделю назад, завяли, и она выбросила их в урну.

– Надо было купить свежие. – Она нахмурилась, вспомнив, что срезала люпины.

– Не надо.

– Ба, прошло шестьдесят лет, – Лана вздохнула, – неужели ты до сих пор не простила его? Я знаю, что случилось. Он убил твоего жениха. Это ужасно, и этому нет оправдания. Но... Натан – твой брат. И он любил тебя всю жизнь. Нотариус сказал, что Натан был осведомлен о моей жизни так, словно вырастил меня. Значит, он следил за нами долгие годы.

– Но не приехал! – вырвалось у женщины.

Руслана посмотрела на бабушку и увидела, как слезы обиды катятся по морщинам, а старые пальцы безжалостно стискивают трость.

– Ба...

– Я всю жизнь его ждала. Ждала, что откроется дверь, а за ней – Натан. Я тосковала и ненавидела. Но он не явился. А ведь я приезжала спустя десять лет после нашего расставания. Не знаю зачем... Натан был в отъезде. Соседи сказали, что он женился и на время уехал. Я оставила в почтовом ящике письмо, но так и не получила ответа. После этого надежда покинула меня.

Руслана молча обняла бабушку, перенимая на себя каждый горестный всхлип. Она не знала, что сказать. Женщина всегда скрывала эмоции. Но, видимо, Велидар давил на слабые места, а фотография Натана на сером памятнике поставила решающую точку.

– Наверное, мне не стоило приводить тебя сюда, – прошептала Лана.

Кристина Валерьевна покачала головой и отодвинулась:

– Нет, кузничик, ты правильно поступила. Иногда боль неизбежна, как бы долго ты от нее ни убегала.

Руслана задумчиво посмотрела на могилы Лиззи и Натана. Они оба пытались убежать от боли.

– Я разбила часы Эдуарда. Они валяются где-то в доме. Надо найти их и выбросить, – заявила она.

– Я давно говорила, что часы к расставанию.

– Надеюсь, Марк мне их не подарит, – сухо засмеялась Руслана.

Бабушка с интересом глянула на нее:

– Хочу наконец увидеть твоего Марка.

– Увидишь. К тому же я сегодня узнала, что он – внук графини.

Кристина Валерьевна в немом изумлении уставилась на Руслану. Она смущенно улыбнулась.

– Судьба и правда удивительна. Она не позволила Лили и Натану быть вместе, но свела их потомков. Надеюсь, детка, на этот раз тебе повезло.

Руслана поморщилась.

Они умолкли, подарив минуту молчания покойным. Бабушка переводила взгляд с памятника брата на Лиззи и обратно. На лице застыла безмятежная маска, и Руслане очень хотелось узнать, о чем она думает. Что чувствует?

– Значит, он похоронил Глеба под люпинами, – тихо произнесла женщина.

– Да.

– Лиза обожала люпины. Волчьи цветы. После ее смерти Натан стал сам ухаживать за ними. Я думала, он пытается заглушить боль. А на самом деле он боялся, что я найду тело.

– К сожалению, некоторые ошибки, которые совершают люди, непоправимы. – Лана вздохнула.

Кристина Валерьевна провела пальцами по холодному памятнику. Они дрожали и казались хрупкими и тонкими. словно десятки лет стерлись, и перед Русланой стояла юная девушка с фотографии. Узкие губы плотно сжаты. Глаза полны горечи и сожаления.

– Перед уходом я крикнула, что он больше мне не брат. Я хотела причинить ему такую же боль. Но лишь усугубила свою. – Женщина отвернулась от могилы. – Пойдем. – Она вышла на дорогу.

Лана заморгала, прогоняя непрошеное видение, и поспешила за бабушкой.

– Я так понимаю, сейчас мы едем к Лили?

Руслана несколько секунд соображала, кого имеет в виду Кристина Валерьевна. У нее никак не получалось связать образ почтенной леди с ясным и мягким именем «Лили».

– Да. По дороге я расскажу тебе все, что знаю.

Женщина кивнула:

– Хорошо. Тогда завтра закажем надпись на памятник Натана. Негоже, что у него пусто. Даже у *нее* есть. – Она скривилась.

Руслана задумалась:

– И что ты хочешь написать?

Бабушка молчала и продолжала идти вперед. А потом неожиданно замерла и устремила влажный взгляд на небо:

– Моему единственному брату...

И пошла дальше, словно ничего не сказала.

Руслана вытерла шарфом слезы. Слова бабушки означали одно. Она простила Натана.

Кристина Валерьевна смотрела на пробегающие за окном такси пейзажи и прижимала к груди потрепанные листы. Руслана собрала фотографии, сложила в шкатулку. Пришлось рассказать бабушке все, невзирая на присутствие Алексея. Мужчина слушал, затаив дыхание, даже сбросил скорость. Он не вступал в разговор, но периодически охал и качал головой, словно сам страдал от лунатизма.

– Я догадывалась, что в этом доме творится чертовщина. Еще до той фотографии. – Бабушка достала из шкатулки снимок Натана и Лили и постучала ногтем по зачеркнутой мансарде. – Здесь была *она*. Лиззи. Хотя к тому времени она уже пять лет покоилась в могиле. Из-за этого не было желания возвращаться домой, несмотря на то что я там родилась и выросла.

Завороженная Руслана вздрогнула. Холодные мурашки пробежали по костям.

– Натан обнаружил Лизу к вечеру. Она успела остыть. Повесилась в мансарде. Такая тоненькая, хрупкая, словно девочка. Даже после смерти я ее ненавидела. А когда Натан признался в убийстве Глеба, ненависть разгорелась еще ярче. Я не могла оставаться в Велидаре. Это было выше моих сил. Даже в провинции прошлое не отпустило бы меня. Так что я сделала загранпаспорт и улетела в Россию. Точнее, в СССР. В те времена это была единственная страна, где русам давали льготы на проживание. К тому же отсутствовал языковой барьер. Вечные мысли о том, где жить и что есть, вытравив из головы воспоминания о брате. На время. Потом я встретила твоего дедушку, и когда жизнь наладилась, поняла, что уже не так больно. Не так, но... шрамы никуда не делись.

Лана слушала исповедь бабушки и мысленно восхищалась ее силой духа.

– Теперь я понимаю, что Лиззи не виновата. Она была замечательным человеком до аварии. Но после трагедии ее рассудок помутился. Врачи оказались бессильны. И Натан тоже. Тогда я отказывалась это понимать. Будь я мудрее, то ни за что не бросила бы брата. – Голос женщины сорвался, и она отвернулась к окну. Дрожащая ладонь накрыла изображение Натана на фотографии.

– Ты не виновата, Ба. Любой бы на твоём месте поступил так же. Убийство невозможно простить.

– Да, детка, невозможно, – тихо повторила бабушка.

Они снова въехали во двор особняка графини. Прошло около трех часов, как Лана сбежала, но она надеялась, что Марк не уехал. Они не договорили, и им еще много придется рассказать друг другу.

– Когда начинаешь путешествие в прошлое, трудно остановиться, – засмеялась Кристина Валерьевна.

– Прости, надо было дать тебе отдохнуть, но я не могу больше ждать.

– Какой отдых? О чем ты? После твоего рассказа я еще долго не приду в себя!

Они выбрались из машины, и женщина с восхищением оглядела особняк. А затем помахала в воздухе тростью:

– Эта птичка летала слишком высоко для Натана. Они оба знали это и все равно обожглись.

Впрочем, как и я.

– Ты?

Руслана поняла, что еще осталось много подводных камней.

– Я ведь говорила, что в моей жизни тоже был Эдуард. Это брат Лили. Но наша история заслуживает отдельного внимания. К тому же, судя по твоим глазам, ты уже мысленно пишешь книгу. – Кристина Валерьевна улыбнулась.

Лана перекинула сумку через плечо и оглянулась на темнеющее небо. Прогноз не соврал насчет дождя. Он ее преследовал, ведь если чего-то боишься, это обязательно произойдет.

– Я не могу иначе, – запоздало ответила она и нажала на звонок.

Когда дверь открылась, Руслана невольно шагнула назад. Заметив ее движение, Марк протянул руку, и она робко вложила в нее свою ладонь.

– Я уже боялся, что ты больше не приедешь, – он затащил Лану внутрь и посмотрел на Кристину Валерьевну, – вы – бабушка Русланы? Рад познакомиться.

Женщина вошла в особняк и изучающе оглядела Марка:

– А вы – Марк? Хулиган и обманщик? – Она оперлась о трость.

Парень покраснел и скосил глаза на Лану.

– Не знаю, что вам рассказала Русалка, но я – хороший мальчик, – отшутился он.

– Русалка?

Бабушка вскинула седые брови.

Руслана отмахнулась:

– Это долгая история, Ба.

– Мы найдем для нее время, – пообещала женщина.

Марк подхватил Руслану под руку и повел по коридору. Изредка поглядывал на нее, наверное, пытаясь разгадать мысли, а потом нагнулся и горячо зашептал на ухо. Бабушка, шедшая позади них, фыркнула.

– Помнишь, я говорил, что в моей жизни было много мистики?

Лана кивнула.

– Боюсь, ты меня засмеешь, но моя бабушка – сильный медиум. Поэтому я с детства наслушался рассказов о духах. И по этой же причине не сомневался, что ты говоришь правду насчет видений. – Он заботливо прикоснулся к ее шее, скрытой шарфом. – Надеюсь, теперь это закончится.

– А вместе с этим и ложь, – прошептала Руслана.

Марк выпрямился и устоял вперед, а она пожалела о своих словах. Его маленький обман не стоил такой обиды. Лана понимала, но ничего не могла с собой поделать. В глубине сердца жил страх, что это не единственный секрет. Что будут еще и еще. Пока она не утонет среди них.

Графиня Маврос пила чай и тихо беседовала с Юлианой, когда они вошли в гостиную.

Женщина посмотрела на Лану, затем на Кристину Валерьевну, и ее лицо озарилось теплой улыбкой. Она встала и осторожно подошла к старой знакомой.

– Глядя на тебя, я понимаю, что и сама постарела, Кристи.

– Вот поэтому я лишний раз не подхожу к зеркалу, Лили, – проворчала та.

Женщины засмеялись и крепко обнялись. Долгие годы разлуки бесследно растаяли. Руслана смущенно потупила взгляд.

Было не по себе, что Кристина Валерьевна фамильярничаёт с мадам Тигровой. Но это для Ланы она была графиней, а для бабушки – далеким воспоминанием юности.

– Я уже думала, что не доживу до нашей встречи.

Они устроились на диване, не расцепляя рук, как маленькие девочки. Служанка принесла дополнительные приборы и свежий чай. Руслана села в кресло рядом с Юлианой, а Марк – на подлокотник. Его пальцы коснулись спины Ланы, хотя он старательно делал вид, что не замечает ее. Сладкое тепло разлилось у нее по телу.

– До вчерашнего дня я была уверена, что никогда не вернусь в Велидар, – бабушка положила трость рядом, – а ты говоришь так, словно всегда знала, что мы еще увидимся.

Глаза графини потемнели:

– Знала. Не всегда, но последние дни только об этом и думала.

– Приятно слышать, что я – причина твоей бессонницы. – Кристина Валерьевна прищурилась от удовольствия. – Познакомься. Моя внучка – Руслана. Именно она виновата в моем возвращении.

– Здравствуйте. – Лана охрипла. Она не понимала, почему волнуется. Но стоило посмотреть на графиню, как Руслане начинало казаться, что она – не пара Марку.

Мадам Тигрова кивнула:

– Мы уже знакомы. Она похожа на тебя, Кристина. Настырная и упрямая. Но добрая сердцем. Марк сумел разглядеть ее, – довольно заметила женщина. – Юлиана и Марк – не все мои внуки. У меня еще есть внук от старшего сына, и уже двое правнуков! – похвасталась она.

– Ты перещеголяла меня, – буркнула Кристина Валерьевна.

– Мы рады наконец познакомиться с вами. Бабушка рассказала нам о вас и дедушке Эдуарде. А также про Натана. – Юлиана переглянулась с братом.

Руслана чувствовала себя как в вакууме. Она одна лишь догадывалась о произошедшем.

– Рассказывать-то и нечего. Молодость прошла, а с ней и старые обиды. Как поживает Эдуард?

Вместо ответа графиня отпила чай:

– Он умер четырнадцать лет назад, Кристи. Слишком рано для здорового мужчины, но, видимо, Бог отмерил ему положенное время. Не скажу, что брат прожил несчастливую жизнь, но, наверное, с тобой ему было бы лучше.

Руслана заметила, что бабушка на мгновение задержала дыхание.

– Сомневаюсь. Он так и прожил с Вероникой?

– Да. Они долго были любовниками, но даже после смерти отца Эдуард не женился на ней. А ведь она любила его безумно. И была готова на все, но увя. Вероника пережила Эда на год. Хотя к тому времени они уже давно расстались, и она даже вышла замуж. Их дочь не общалась с Эдуардом, не смогла простить, что он не женился на матери. И запрещала ему видеться с внуком.

– С внуком? – Марк напрягся.

Руслана обернулась на него и увидела неподдельное удивление в его глазах. Юлиана поперхнулась кофе:

– У нас есть еще родственники?

– Я не могла рассказать вам, но тайком следила за ним. Он – славный парень. Совсем не похож на свою мать.

В голове Ланы завертелись случайные воспоминания. Она уставилась на чашку, к которой так и не притронулась, и вдруг воскликнула:

– О боже! Вероника училась с вами в школе балета?

– Верно. – Графиня тихо засмеялась.

– Так, значит?..

Лана оглянулась на окно. Напротив, во дворе, стояло такси Алексея. Мелкий дождь уже барабанил по крыше автомобиля, а сам мужчина дремал в салоне.

– Алексей – ваш внучатый племянник? – Она откинулась на кресло, пытаясь переварить новость.

– Алексей? Какой Алексей? – Юлиана заерзала в кресле.

– Таксист, который привез нас сюда, – ответила Лана.

Девушка не выдержала и подбежала к окну.

Марк закатил глаза:

– Моя семейка – чокнутая. Только ты, бабуль, можешь скрывать родственников друг от друга.

– Я не виновата, что племянница не хочет со мной знаться. Поэтому тайком помогала Алексею, как это делал Эдуард. Юлиана, сядь. Еще успеешь с ним познакомиться.

Руслана боялась, что голова взорвется:

– Но как? Почему именно он подвез меня из аэропорта?

Лилия пожала плечами:

– Боюсь, это известно лишь Натану. Призраки любят такие шутки.

Кристина Валерьевна внимательно посмотрела на давнюю подругу:

– Ты и правда медиум?

Мадам Тигрова развела руками, словно раскаивалась:

– Я не сразу осознала свой дар. Но в тот день, когда рассталась с Натаном, я встретила первого призрака. Им была Лиззи.

Руслана вспомнила, зачем пришла сюда, и поспешно достала рукопись и шкатулку. А также письмо Натана.

– Это адресовано вам, – прошептала она.

Она вложила маленький шар боли, заключенный в письме, в руки графини, словно передала ей сердце Натана.

Марк ободряюще сжал плечо Ланы. Да, она правильно поступила, только вот нужны ли пожилой женщине такие потрясения на старости лет?

На удивление, Лилия отреагировала спокойно. Она просмотрела фотографии, едва касаясь, словно боялась, что они превратятся в пыль. Прочитала письмо и историю Лиззи с грустной улыбкой.

– Мне очень жаль, Кристи, – прошептала она, когда перевернула последнюю страницу.

Та отмахнулась:

– Столько воды утекло. Бесконечные ошибки, совершенные по глупости и молодости. Поздно раскаиваться.

– Натан не заслужил этой доли. И Лиззи, и Глеб. Эта трагедия разрушила так много судеб. – Лили взяла Кристину за руки. – Ты должна знать, дорогая. Натан не получил твое письмо. Его жена испугалась, что оно разрушит их и без того шаткий брак, и спрятала. Только перед смертью она решилась отдать его Натану. Так он и нашел вас с Русланой.

Руслана стиснула колено Марка. Ей хотелось взять на себя страдание бабушки, но она лишь бессильно наблюдала.

– Господи, почему ты столь жесток? – выкрикнула женщина и закрыла лицо ладонями.

Все замолчали. Что сказать, как утешить, чем помочь? Немые вопросы витали в воздухе, и никто не знал ответа.

– Это было его наказанием, Кристи. Не кори себя, что ты не попыталась приехать еще раз. Судьбу не обманешь. Значит, так было лучше для вас двоих. – Графиня погладила ее по спине.

– Ты и правда с ним говорила? – вдруг вскинулась Кристина Валерьевна. – А я... я смогу? – с замиранием спросила она.

– Конечно. Я помогу тебе. Но не сейчас. Позже, когда ты отдохнешь.

Но по глазам бабушки Лана видела, что той не терпелось начать прямо сейчас. Графиня повернулась к ней.

– А теперь задавай вопрос, если еще не поняла ответ, девочка, – загадочно произнесла она.

Руслана растерялась, беспомощно посмотрела на Марка.

– Я не знаю, что спросить.

– Знаешь, только боишься.

Лана опустила взгляд на стиснутые в кулаки пальцы. Они побелели от напряжения. Перед глазами пронеслись последние дни. Лунатизм, видения, Глеб, Лиззи. Снова вспомнилась цыганка. Половина души? Кажется, она начинала догадываться. След на шее от веревки. Дождь.

Она посмотрела на графиню:

– Лиззи – это я?

Три слова решили за нее. Но мадам Тигрова покачала головой.

– Неверно, моя дорогая. Ты – это Лиззи. Твоя жизнь. Душа. Мысли. Это ты. Твои страхи родом из прошлого. Неудачи в любви – потому что ты по привычке искала Натана и не находила. Ты должна принять себя, чтобы отпустить. И взять жизнь в свои руки.

Руслана жадно слушала графиню. Кровь пульсировала в висках. Стало невыносимо душно.

– Кажется, мне следует выпить валерьянки, – пробормотала Кристина Валерьевна. – Это издевательство? Девушка, которая разрушила жизнь брата, переродилась в моей внучке? – Она замахала руками, пытаясь остудить лицо.

– Успокойся, Кристи. Не принимай близко к сердцу.

– Я спокойна! Потому что это чушь, – чуть ли не кричала женщина.

А Руслана была не в силах успокоить бабушку. Она медленно встала и вышла в коридор, подальше от криков. Стащила с шеи шарф, он плавно опустился на пол. Лана шаталась, но продолжала идти, а ее прошлая жизнь теперь раскрылась перед ней как на ладони. Больше не будет тайн. Не будет страхов.

– Лана!

Она оглянулась на Марка. Он стоял в дверях и изумленно смотрел на нее:

– Ты стоишь под дождем?

Руслана вздрогнула. Запрокинула голову и подставила лицо ласковым каплям, которые бережно остужали. Она не боялась. Больше нет. Дождь – не враг. Он – друг.

Марк выбежал к ней и крепко прижал к себе. Волосы прилипли к ее лицу.

– Твоя бабушка сломала мне мозг, – усмехнулась Лана.

– Она такая. Поэтому я оттягивал ваше знакомство. Хотел насладиться тобой, пока ты не потеряла рассудок.

Руслана посмотрела ему в глаза:

– Какой ты – настоящий?

– Я каким был, таким и остался, Русалка, – прошептал Марк. – Да, я солгал насчет бабушки. Точнее, не сказал правды. Но я никому не распространяюсь о богатых родственниках. Особенно девушке, которая мне нравится, – ласково добавил он. – А когда начались твои приступы и ты рассказала про юную Лилию и Натана, я не знал, как признаться.

Холодные капли пробирали до мурашек.

– Если хочешь, я отвечу на все, что тебя интересует. Вплоть до цвета колготок, которые я носил в три года. – Парень скорчил рожицу.

Лана засмеялась и прижалась к нему.

– Хочу, но позже. А сейчас, – она понизила голос, – давай послушаем дождь.

Они умолкли, наслаждаясь тихим шумом прозрачных капель. Руслана облизала мокрые губы, встряхнула головой:

– Ты не боишься, что в прошлой жизни я была психопаткой, из-за которой погиб человек и разрушилась семья?

– Наоборот, это придает некую пикантность нашим отношениям, – пошутил Марк.

Лана захохотала.

– Я впервые стою под дождем. Незабываемо, – призналась она.

– Это ты – забываема.

Руслана улыбнулась, приподнялась на носочки и поцеловала Марка.

– Что ты там говорил про люблю, жить не могу?

Парень хмыкнул:

– Это случилось под воздействием страха больше тебя не увидеть. Пришлось признаться раньше.

– Скажи еще раз, – попросила она.

Марк сбросил шутливую маску и серьезно посмотрел ей в глаза:

– Я люблю тебя. Хотя знаком с тобой всего неделю.

Руслана затаила дыхание.

– И у нас будут домашние завтраки, дети и ужины при свечах? – как ребенок, загадала она.

Марк захохотал и жарко поцеловал ее:

– Только если мои чувства взаимны.

Руслана ущипнула его за нос:

– Взаимны. Потому что я больше не боюсь. Люблю тебя...

Парень притих и сжал ее в объятиях. Они не спешили уходить. Дождь смывал крошки тайн, которые осели на их душах. И открывал дверь в новый мир.

Прошлая жизнь Русланы оборвалась, так и не успев начаться. Но в нынешней она не повторит предыдущих ошибок. Она нашла убежище. Свою половину. И никакие цыганки и призраки не помешают ей быть счастливой.

Глава 26

Безропотное смирение

Русамия. Велидар. 1956 год

Сложно дописать письмо, попрощаться с надеждой на счастье. Но надо. Натан понимал это ясно, как никогда раньше. Лилия не получит его послание. Он писал для себя. Не лгал, не лицемерил. Выворачивал душу наизнанку ради тщетной попытки получить искупление. А звенящая пустота ширилась и заполняла сердце.

Натан запечатал конверт, но руки дрожали, как у отъявленного алкоголика. Мансарда всегда действовала на него словно наркотик. Начиналась ломка. Выкручивало кости. И Натан снова чувствовал, как обнимает холодное, мягкое тело Лиззи.

Он тяжело вздохнул. Больше он сюда не поднимется. Закроет прошлое навсегда, начнет новую жизнь. И в этой жизни не будет места чувствам. Натан собрал в стопку фотографии и попытался засунуть в шкатулку Лизы, но один снимок выпал. Он осторожно поднял его и взгляделся в улыбочивые лица Кристины и Лилии. Нет. Он не сможет распрощаться с ними. Хотя бы маленькая память, но она будет принадлежать ему, и только ему.

Натан сложил фотографию и засунул в нагрудный карман. Повернул ключ, замок шкатулки доверительно щелкнул.

– Спи спокойно, Лиззи, – прошептал он. – Я освобождаю тебя от детской клятвы. Ты свободна. Иди в новую жизнь, а я продолжу свою.

Легкий ветерок овеял лицо Натана. Призрачный поцелуй коснулся губ. Лиза прощалась с ним.

Натан вышел на лестницу, снял с шеи ключи и закрыл мансарду. Неспешно спустился во двор и подошел к люпинам:

– А ты останешься со мной, Глеб. Чтобы я не забывал, до чего могут довести чувства.

Он опустился на корточки и разрыл землю. Положил в ямку ключ от шкатулки и засыпал землей. Натан выпрямился, сошел по склону к беспокойному морю. Яркий оранжевый закат окрасил волны, солнечные лучи в последний раз на сегодня устремлялись вверх. Белоснежный песок хрустел под ногами.

– Как красиво.

На Натана снизошло умиротворение. Он распрямил плечи и засунул руки в карманы. На груди блестел ключ от мансарды, потерявший значимость. А Натан видел Лили. Девушка стояла на берегу, и море ласкало ее обнаженные щиколотки. Белое платье развевалось на ветру. Она отбросила черные локоны назад и оголила тонкую шею. Рядом с ней стояла Кристина. Сестра махала Натану, зазывая к ним. И они смеялись, потому что были счастливы. Лилия оглянулась на Натана, улыбнулась, и девушки растворились в закате.

Щемящая тоска охватила его сердце. Он окончательно простился с прошлым.

Лилия устремила взгляд на двойную радугу, которая разукрасила небо после дождя. Но видела лишь Натана. Он пришел сегодня днем и долго стоял под деревом. Они смотрели друг на друга и знали – это их последняя встреча. Она напоминала его бледное лицо, мокрые волосы, темные глаза. А он дрожал и не уходил. Ливень ударил сильнее, но не смог скрыть Натана от Лили.

Она прижалась к стеклу, словно пыталась просочиться сквозь него. Душа рвалась к любимому, но разум заставлял оставаться на месте. Лилия всхлипнула, невольные слезы покатались по щекам. Насмотреться, надышаться на целую жизнь вперед. Со временем боль утихнет, но не сейчас. Сейчас было больно. Очень.

– Лили, как ты себя чувствуешь?

На балкон вышла мама, и Лилия через силу вырвалась из трясины воспоминаний. Марина Андреевна посмотрела на нее и покачала головой.

– Ты моя девочка, – ласково прошептала она и раскрыла руки.

Лили кинулась к матери и замерла, прислушиваясь к ее сердцебиению.

Все. Будет. Хорошо. Твердило оно.

– Если хочешь, мы устроим сегодня девичник. Будем смотреть телевизор и есть попкорн с мороженым. Только ты и я. И никто не узнает, что мы вели себя не как леди.

Лилия улыбнулась и вытерла навернувшиеся слезы:

– Хочу.

– Тогда переодевайся в пижаму, а я пошла за сладким. – Марина Андреевна поцеловала ее в лоб и ушла с балкона.

На душе стало легче. Лилия любовалась необычайно красивым закатом и надеялась, что Натан тоже его видит. На перила балкона села белая птичка. Крохотный, нахохлившийся воробушек. Лили наклонилась к нему и с облегчением вздохнула.

Впервые за долгое время природа послала ей хороший знак. А значит, она не ошиблась.

Примечания

1

Нью-Лук – знаменитая коллекция Кристиана Диора, созданная в 1947 году. Она подчеркивает хрупкость и женственность в противовес женщинам-работягам. Платья Нью-Лук – это тонкая талия, узкий лиф, расклешенная юбка, слегка открывающая красивые ноги.

Группа «Soul Stirrers» – американская вокальная группа, поющая в стиле госпел (жанр духовной христианской музыки) с 1926 года.

Сэм Кук – вокалист «Soul Stirrers». Начал свою музыкальную карьеру в группе еще подростком в 1950 году и прославился.

Blue Suede Shoes (*с англ.* – «Синие замшевые туфли») – известная песня, соответствующая музыкальным стандартам жанра рок-н-ролл, написанная и впервые исполненная американским певцом Карлом Перкинсом в 1955 году.

Снежный дедушка – название Деда Мороза в Русамии.

Шопенка – вид балетной пачки.